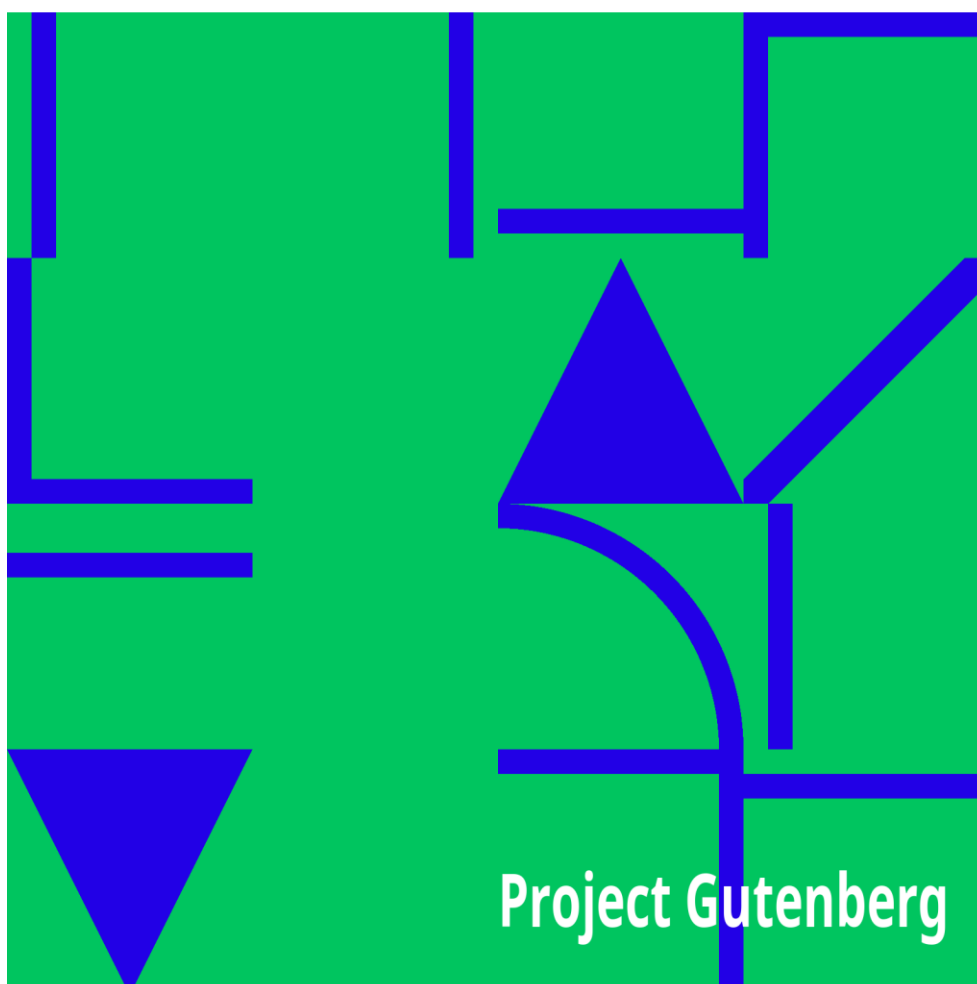

Тироль и его жители

Клайв Холланд

Tyrol and Its People

Clive Holland

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга о Тироле и его жителях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Тироль и его жители

Автор: Клайв Холланд

Иллюстратор: Эдриан Скотт Стоукс

Дата выхода: 28 сентября 2012 г. [Электронная книга № 40889]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мелиссой Макдэниел и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТИРОЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛИ" ***

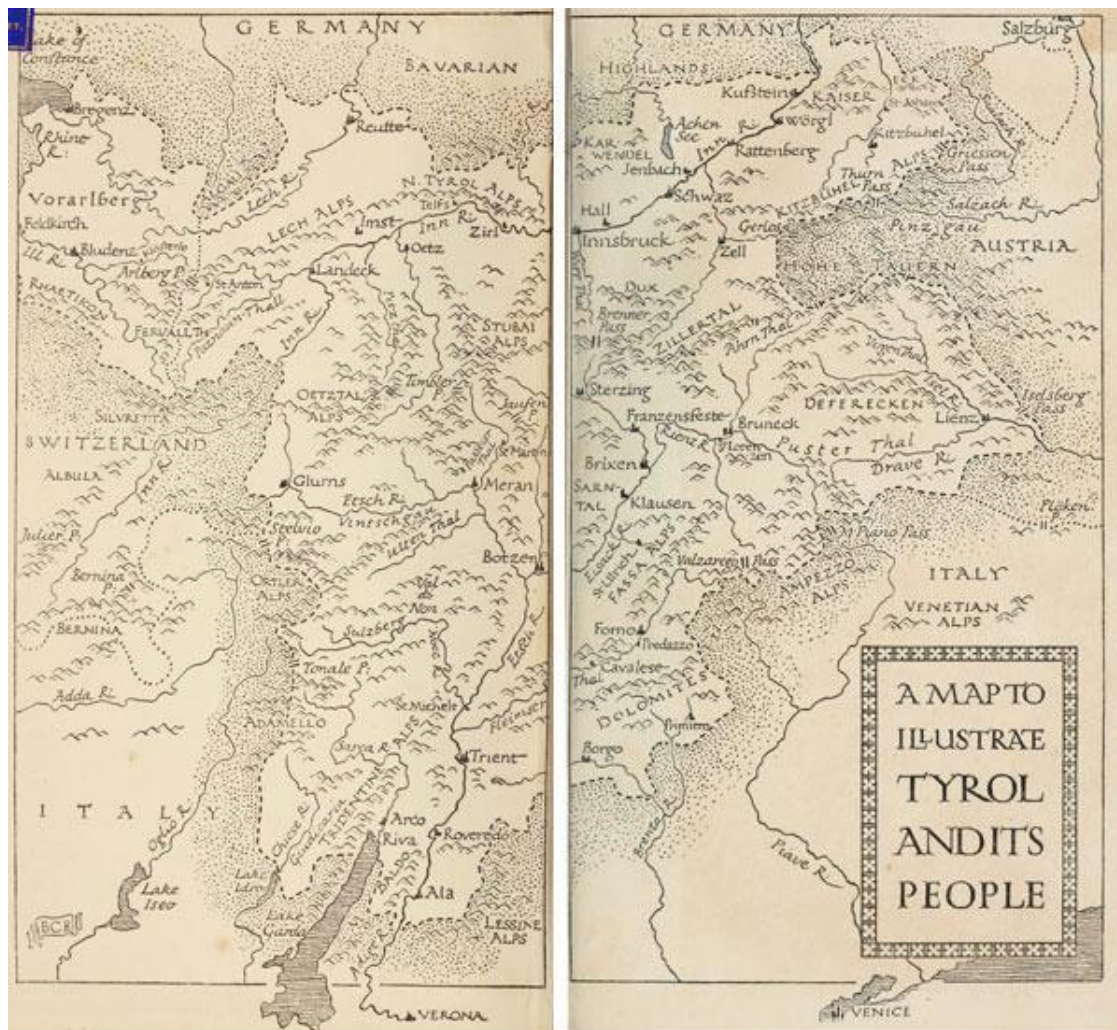
Примечание переписчика:

Непоследовательная расстановка переносов и орфография в оригинальном документе сохранены. Англизированное, архаичное или иное необычное написание имен собственных сохранено в печатном виде. Примеры включают "Botzen", "Kapuzingerberg", "Schonberg" и "Wencelaus". Непоследовательное использование диакритических знаков также было сохранено в печатном виде. Были исправлены очевидные опечатки.

TYROL
AND ITS
PEOPLE

JOSEF HOLLAND

METZGER

КАРТА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ ТИРОЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ
ТИРОЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛИ

КОЗЬЕ СТАДО, КАСТЕЛЬРУТ, НЕДАЛЕКО ОТ БОЗЕНА

ТИРОЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛИ

КЛАЙВ ХОЛЛАНД

С ШЕСТНАДЦАТЬЮ ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ АДРИАНА СТОКСА, ТРИДЦАТЬЮ ОДНОЙ ДРУГОЙ ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ И КАРТОЙ

МЕТУЭН И КО.

ЭССЕКС-СТРИТ, 36, WC

ЛОНДОН

Впервые опубликовано в 1909 году

ПРЕДИСЛОВИЕ

На следующих страницах, которые помимо того, что являются отчетом о путешествии по восхитительной и слишком малоизвестной части великой Австро-Венгерской империи, также являются попыткой в разумных пределах изложить национальную историю исключительно интересного народа, автор попытался более полно, чем это обычно бывает в книгах подобного рода, рассказать о романтике и легендах, которые тесно переплетены с прошлым "страны в горах", как удачно был описан Тироль.

Это действительно страна гор, долин, озер и стремительных потоков, которые, вполне возможно, породили расу романтических, поэтичных и выносливых людей, живущих в ней. В умах тех, кто ее знает, почти неизбежно возникает сравнение с перенаселенной и чрезмерно эксплуатируемой Швейцарией в наши дни — и это сравнение, как с точки зрения пейзажа, так и общего интереса, в значительной степени в пользу Тироля. Туристы и отдыхающие,

которые часто посещают Понтрезину или Санкт-Мориц, найдут в этой сравнительно новой "игровой площадке для Европы" прекрасные аналоги этих мест в Инсбруке, Меране, Ботцене, Китцбюэле и других восхитительных городах; в то время как более энергичные любители горных восхождений найдут регион Доломитовых Альп особенно привлекательным, а во многих других районах также интересные восхождения. На берегах спокойных, прозрачных озер и во многих счастливых, уединенных долинах те, кто ищет отдыха и тишины, найдут свое желание полностью удовлетворенным. А в таких городах старого света, как Инсбрук (с которыми связано много исторических воспоминаний), прекрасный Зальцбург, очаровательные Брегенц, Ботцен и Меран, путешественник с более художественными, литературными или антикварными вкусами будет в восторге.

Тот факт, что Тироль заслуживает лучшей известности, будут отрицать немногие, кто хоть раз попал под чары его очаровательных пейзажей, искреннего гостеприимства и дружелюбия его жителей или побывал среди его прекрасных долин и гор.

Ранняя история этой интересной страны окутана большой тайной, и точное определение места и даты многих событий сопряжено с очень большими трудностями, а в некоторых случаях практически невозможно, из-за фрагментарного характера многих существующих записей и противоречивого характера отчетов и свидетельств, предоставляемых ими. Однако были предприняты самые тщательные меры для того, чтобы приведенные даты были как можно более точными, и были проведены консультации с лучшими авторитетными источниками и описаниями событий. Среди прочего, работы доктора Франца Визера, Ганса Земпера, фон Альпенбурга ("Мифы и сказки Тироля"), Перини ("Замки Тироля"), Вебера ("Земля Тироль"), отличный и интересный анонимный путеводитель по Зальцбургу, Шерера, Альберта Вольфа, В. Зингерле, Штуба ("Верфассунг Тироль"), Миллера, а также отличные публикации Тирольского и зальцбургского Landesverbaende für Fremdenverkehr и других организаций.

Написание имен представляет почти такую же трудность, как и правильная датировка событий. Существует несколько, а в некоторых случаях и множество способов написания большого их количества. Там, где это имело место и существовали сомнения, была принята версия последнего издания Бедекера.

Особую благодарность автор выражает герру Л. Зигмунду, секретарю Австрийского бюро путешествий и информации, не только за ценную информацию, но и за практическую помощь во время путешествия по Тиролю, предоставленные условия для исследований и использование нескольких превосходных фотографий.

У. Бейли Громану, эсквайру, из замка Матцен, Брикслегг, известному авторитету в Тироле, за урегулирование нескольких спорных дат и описаний исторических событий. Также за разрешение использовать информацию (которую нелегко получить иным способом), содержащуюся в его исчерпывающем труде "Тироль, страна в горах", и за прекрасную фотографию Замка Матцен, воспроизведенную в качестве одной из иллюстраций в настоящем томе.

Доктору Ричарду Мюндлю, Имперскому советнику, главному инспектору Имперской Южной железной дороги и члену Германского и Австрийского альпийского общества, за множество ценных заметок о Доломитовом регионе, включенных в главу X.

Доктору Отто Розенхайму выражается благодарность автора за разрешение воспроизвести несколько прекрасных фотографий пейзажей Тироля и тирольских сюжетов вместо менее живописных работ самого автора.

Здесь также выражается признательность многим другим лицам, которые предоставили автору информацию во время его путешествий по Тиролю, касающуюся многих интересных вопросов.

Г. Х.

Июнь 1909 г.

Содержание

ГЛАВА I	СТРАНИЦА
РОМАНТИКА И ИСТОРИЯ ТИРОЛЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА	1
ГЛАВА II	
ТИРОЛЬ С МОМЕНТА ЕГО ВКЛЮЧЕНИЯ АВСТРИЕЙ В СОСТАВ ИМПЕРИИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ	33
ГЛАВА III	
НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ, ОБЫЧАИ И ВИДЫ СПОРТА	52
ГЛАВА IV	
ИНСБРУК, ЕГО ИСТОРИЯ, ЛЮДИ И СОКРОВИЩА	71
ГЛАВА V	
ОКРЕСТНОСТИ ИНСБРУКА—ЗАМОК АМБРАС И ЕГО СОКРОВИЩА—ИГЛЗ: ПРИЧУДЛИВАЯ ЛЕГЕНДА О ЕГО ЦЕРКВИ—ДОЛИНА ШТУБАЙ И НЕКОТОРЫЕ ДЕРЕВНИ—ХОЛЛ И ЕГО СОЛЯНАЯ ШАХТЫ—СТАРЫЙ ДОМ СПЕКБАХЕРА—ул. МИХАЭЛЬ	113
ГЛАВА VI	
ЗАЛЬЦБУРГ, ЕГО ИСТОРИЯ И РОМАНТИКА	147
ГЛАВА VII	
ОКРЕСТНОСТИ ЗАЛЬЦБУРГА—ХЕЛЛЬБРУНН, ЕГО УНИКАЛЬНЫЕ ФОНТАНЫ И САДЫ—ЗАМОК АНИФ—ГАЙСБЕРГ—КАПУЦИНГЕРБЕРГ—ЦЕРКВИ МОЦАРТА-ХОЙШЕН—МЕНХСБЕРГ—ЗАЛЬЦБУРГ.	176
ГЛАВА VIII	
НЕКОТОРЫЕ ГОРОДА И ПОСЕЛКИ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ—МЕРАН, БОЗЕН, КЛАУЗЕН, БРИКСЕН, ШПИНГЕС, СТЕРЦИНГ, МАТРЕЙ.	192
ГЛАВА IX	
НЕКОТОРЫЕ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ВАЛЬШ-ТИРОЛЯ: ТРЕНТ, ЕГО ИСТОРИЯ,	233

МУНИЦИПАЛИТЕТ И ЗДАНИЯ—РОВЕРЕДО И ДАНТЕ—АРКО—РИВА

ГЛАВА X

СРЕДИ ДОЛОМИТОВЫХ АЛЬП, С ЗАМЕТКАМИ О НЕКОТОРЫХ ТУРАХ И ВОСХОЖДЕНИЯХ

254

ГЛАВА XI

Через УНТЕР-ИННТАЛЬ: КУФШТАЙН—КУНДЛЬ—РАТТЕНБЕРГ, И ИСТОРИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА БЬЕНЕР—БРИКСЛЕГА, И ЕГО КРЕСТЬЯНСКИЕ ДРАМЫ — ЗНАМЕНИТЫЙ ЗАМОК МАТЦЕН—СЕНТ. ГЕОРГЕНБЕРГ И ЕГО ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ—ЗАМОК ТРАЦБЕРГ—ШВАЦ

281

ГЛАВА XII

ЧЕРЕЗ ОБЕР-ИННТАЛЬ: ЦИРЛ, ЕГО ЦЕРКОВЬ, ЛЕГЕНДЫ И РАСПИСНЫЕ ДОМА—МАРТИНСВАНД И МАКСИМИЛИАН—ШАРНИЦ—ЛАНДЕК—БЛУДЕНЦ—БРЕГЕНЦ И ЕГО ЛЕГЕНДА О ДЕВЕ

311

ИНДЕКС

329

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В ЦВЕТЕ

	ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА
НА КОЗЬЕ СТАДО, КАСТЕЛЬРУТ, БЛИЗ БОЗЕНА	<i>фронτισпис</i>
ВИД С РИТТЕНА На ЮГО-ЗАПАД	28
ШВАРЦХОРН, ЮЖНЫЙ ТИРОЛЬ	40
ВИД На ТИРОЛЬСКИЕ АЛЬПЫ	54
ОРТЛЕР С МАЛЬЗЕР ХАЙДЕ	68
ВОСХОД ЛУНЫ В ТИРОЛЕ	94
СОСНОВЫЙ ЛЕС НЕДАЛЕКО ОТ ИНСБРУКА	108
ГОРНЫЙ БАССЕЙН На РИТТЕНЕ	128
ТИХОЕ ПАСТБИЩЕ	166
ЗИМА НЕДАЛЕКО От МЕРАНА	192
УСАДЬБА В ЮЖНОМ ТИРОЛЕ	208
ЛЕТОМ НЕДАЛЕКО От СЕНТ-УЛЬРИХА, ГРЕДЕНЕРТАЛЬ	226
АЛЬПЕНВИЗЕ, НА ГОРЕ СЕЙЗЕР АЛЬП	256
ГОРА ЛАТЕМАР	276
ПРИДОРОЖНЫЙ ХРАМ В СОСНОВОМ ЛЕСУ	298
ОСЕНЬ В ЮЖНОМ ТИРОЛЕ	314

МОНОТОННО

	Титульный лист
одной из деревень на-Бреннере	10

<i>по фотографии д-ра Отто Розенхайм</i>	
молодых Тироля	18
<i>по фотографии д-ра Отто Розенхайм</i>	
Голгофа, Тироль	24
<i>по фотографии д-ра Отто Розенхайм</i>	
выше Арльберг тоннеля	32
закат на озере тиролицы	36
<i>с фотографии Клайв Голландии</i>	
типичный тирольский пейзаж	36
<i>на фотографии Клайва Голландии</i>	
в ТРИЗАННА виадук и замок WIESBERG	72
заглянуть в ZILLERTHAL	72
знаменитая "золотая крыша" в Инсбруке	78
типичный станции метро инсбруккер	88
виадук на Штубай железнодорожного	130
вид Гроссглокнер	130
рынка, Холл	134
коридор долина—зима	142
Моцарта дом на Макарта площади, Зальцбург	152
<i>от фотографии Клайв Голландия</i>	
одна из лучших дверей квартиры в крепости, Зальцбург	164
<i>от фотографии Клайв Голландия</i>	
горные пастбища	178
<i>по фотографии д-ра Отто Розенхайм</i>	
Хоэн-Зальцбург и куранты	182
<i>С фотографии Клайв Голландии</i>	
Зальцбург MARKETWOMEN	190
<i>С фотографии Клайв Голландии</i>	
Меран	198
Шлосс Тироль, недалеко от города Мерано	202
улиц Больцано	206
СТ. КИПР И ВЕРШИНЫ РОЗЕНГАРТЕНА	212
ОЗЕРО МИСУРИНА	262
<i>С фотографии доктора Отто Розенгейма</i>	
ДОРОГА Через ДОЛОМИТОВЫЕ АЛЬПЫ	264
ВИД На ДОЛОМИТОВЫЕ АЛЬПЫ	270
<i>С фотографии Клайва Холланда</i>	
ЛАНГКОФЕЛЬ	272
<i>С фотографии доктора Отто Розенгейма</i>	

Вид На КИТЦБЮЭЛЬ	286
ЗАМОК МАТЦЕН	294
<i>С любезного разрешения У. А. Бейли Громана, Эсквайр.</i>	
ЛАНДЕК И ЕГО ДРЕВНЯЯ КРЕПОСТЬ	320
ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ, ТИРОЛЬ	324

По фотографии Клайва Холланда

ТИРОЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛИ

ГЛАВА I

РОМАНТИКА И ИСТОРИЯ ТИРОЛЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН До СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Еще в VIII веке Тироль получил название, которое как нельзя лучше описывает его пейзажи и институты — "das Land im Gebirge", Земля в горах. Пейзажи Тироля и его история одинаково завораживают. Пересекая швейцарскую границу по маршруту Арльберг, сразу попадаешь в страну гор, рек и приятных долин. И с равной долей правды можно сказать, что когда пересекаешь границу истории Тироля, то сразу оказываешься в эпицентре волнующих, романтических и доблестных деяний, совершавшихся на протяжении веков, начиная с той далекой эпохи, когда кимбры проникли в страну, пересекли ее и вторглись в северо-восточную Италию, почти до наших дней.

То, что Тироль должен был стать полем битвы наций, во многом, конечно, связано с его географическим положением. В первые дни он образовывал "буферное государство" между Римской империей и территорией кимбров и алеманнов.

Вопрос о коренных жителях Тироля до сих пор вызывает много споров и, по-видимому, так же далек от окончательного решения, как и прежде; и это несмотря на огромный интерес, который проявляли к этому предмету ученые, археологи и студенты в течение последних двух столетий. Были ли они кимбрами, этрусками или кельтами, до сих пор остается сомнительным, хотя многие ученые авторитеты, особенно лингвисты, склоняются к мнению, что первыми жителями были в основном лигурийцы, за которыми последовали иллирийцы и этруски.

А также относительно манер, обычаев и общих характеристик этих ранних обитателей, кем бы они ни были, пока доступно очень мало убедительных свидетельств. Как греческие, так и римские авторы называли их ретианами, как и жителей Восточной Швейцарии; и сам Гораций говорит об "альпийских ретах, долгое время не имевших себе равных в битвах". Таким образом, самое древнее название, под которым известен Тироль, - Реция.

ВТОРЖЕНИЕ КИМБРОВ

Однако римлянам, какими бы всепобеждающими они ни были, было мало известно об этой стране, пока кимбры не проникли в ее горы, пересекли долины и не направились к северо-восточной границе Италии примерно в 102 году до н.э.

Вопрос о том, каким путем эти варвары пересекли Альпы, направляясь на вторжение в северо-восточную Италию, обсуждался не меньше, чем вопрос о коренных жителях Тироля. И хотя событие, о котором мы говорим, произошло едва ли за столетие до завоевания Тироля римлянами, имеется мало информации, кроме спекулятивного характера, которая могла бы

пролить свет на рассматриваемый вопрос. В течение многих лет преобладало мнение в пользу утверждения о том, что кимвры проникли в Южный Тироль и в конечном итоге достигли венецианских равнин через Решен-Шейдек и Виннгау, но более поздние исследования Моммзена придали дополнительный, если не абсолютно убедительный, вес мнению о том, что Бреннер был маршрутом, пройденным кимврами^[1] по пути на юг от своих германских твердынь, точно так же, как это, несомненно, был маршрут, но, конечно, обратный, выбранный римлянами при Друзе римлянами. который вступит в Тироль в их завоевательном походе.

Одним из доказательств, которое, по-видимому, имеет значительный вес и столь же убедительно подтверждает точку зрения Моммзена, является тот факт, что маршрут Бреннера образует не только маршрут с наименьшей высотой, но и единственный маршрут, по которому можно пересечь всю альпийскую систему и ее параллельные цепи, пройдя только по одной цепи, и ни в одном другом месте хребта две долины с обеих сторон не врезаются так глубоко в центр главной цепи Альп.

Более того, из "Мария" Плутарха можно узнать место, где римский полководец Квинт Лутаций Катулл и его легионы, которые были отправлены из охваченного паникой Рима, чтобы остановить продвижение захватчиков, впервые столкнулись с кимврами на берегах реки Адидже между Вероной и у подножия Бреннера. Столкновение закончилось триумфом войска одетых в кожу захватчиков, которые спустились по заснеженным склонам гор с натиском настолько ужасным, что даже обученные и хорошо вооруженные римские войска были вынуждены уступить им дорогу. Но могущество Рима было нелегко поколебать, и триумф кимвров был недолгим. Их походу на юг было суждено очень скоро столкнуться с таким серьезным препятствием, что дальнейшее продвижение на Рим или в сердце Италии стало невозможным. В 101 году до н.э., через год после их появления в прекрасной провинции Венеция, где они посеяли, как сообщают нам историки, ужасную панику, римское оружие одержало победу при Верчелли, когда захватчики во главе с Бойоричем потерпели сокрушительное поражение в одном из самых кровопролитных сражений, когда-либо происходивших, в котором, как говорят, было убито 320 000 человек и изгнано из Италии.

Моральный эффект этого вторжения на ретийцев, через территорию которых прошли кимвры, принес плоды несколько лет спустя, когда они применили ту же тактику, совершая частые набеги на римскую территорию. Примерно через шестьдесят лет после вторжения кимвров римский полководец Мунаций Планк разбил их и загнал обратно в свои долины и горы; а несколько лет спустя, в 36 году до н.э., не только был отбит новый набег, но и захватчики были отброшены домой, и значительная часть местности по соседству с тем, что сейчас известно как Трент, была захвачена римскими войсками.

РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ТИРОЛЯ

Ретийцы, однако, были стойким, доблестным и драчливым племенем, и их нападения на римские войска, оставленные удерживать завоеванную страну, были настолько частыми, что император Август примерно через двадцать лет после подчинения округа Трент решил в качестве меры самозащиты завоевать всю Ретию вплоть до реки Дунай.

И для этой работы он поручил двух своих пасынков, Друза и Тиберия. Историки сходятся во мнении, что кампания была спланирована с большим мастерством и, вероятно, самим императором. Римские силы были разделены: одна часть под командованием Друза вошла в Тироль с юга, имея в качестве базы Тридент (Трент); а другая, под командованием Тиберия, нанесла удар с запада через территорию нынешней Швейцарии. Тиберий выбрал этот путь

(самый прямой, хотя и трудный), потому что в то время он отсутствовал в Италии, в Галлии, в качестве губернатора. У Друзаса была более легкая задача, и он пробился вверх по широкой долине реки Адидже[2] к нынешнему месту расположения Бозена. Его целью был перевал Бреннер, который, будучи захвачен, дал бы ему возможность управлять страной. Однако его продвижение не обошлось без сопротивления, поскольку брионы и геноны, жившие в окрестностях Бреннера, атаковали римские войска, и последовала ожесточенная битва и серия стычек. Гораций в книге IV, оды 14 и 4, дает яркий, хотя, возможно, и очень красочный отчет о борьбе, которая произошла в ущелье близ Бозена. Река Икарус покраснела от крови как завоевателей, так и побежденных. И — как это было во многих последующих случаях, когда тирольцам приходилось вести боевые действия — женщины сыграли доблестную роль, даже, по словам историка Флора, бросая своих младенцев в лицо римским солдатам, когда другое оружие не срабатывало.

Кампания двух пасынков Августа привела к полному завоеванию Тироля. Победа, одержанная в узком ущелье Айсак, была увековечена в названии моста *Понс Друзи*, перекинутого через реку, на берегу которой сейчас стоит интересный средневековый город Бозен.

Какими бы успешными ни были войска Друза, тем не менее успешными были войска Тиберия. Однако записей о его сражениях меньше, и фактическая местность, на которой они велись, все еще остается предметом догадок. И столь же неопределенным является точное место, где в конечном итоге встретились два победоносных генерала. Однако несколько надежных источников полагают, что он находился где-то в долине Инн и, вероятно, недалеко от нынешнего места расположения Инсбрука. Эта точка зрения становится более вероятной из того обстоятельства, что в Вильтене (ныне пригород Инсбрука), известном тогда как Вельдидена, был основан римский пост.

Вероятно, здесь обе армии отдыхали после кампании, полной большого утомления и суровости из-за характера местности, на которой велись бои, и упорного сопротивления жителей.

Вскоре Вельдидена из места стоянки войск превратилась в город с домами значительных размеров, храмами, банями и окружающими *долины*, или земляные укрепления, построенные для защиты жителей от внезапного нападения. Хотя меры предосторожности указанного нами характера принимались везде, где размещался римский пост или станция, нет исторических данных, свидетельствующих о том, что брионы и другие соседние племена, которые таким образом оказались под властью Рима, не очень быстро приспособились к новому положению вещей и не стали хорошими и мирными гражданами Рима. Представляется вероятным, однако, что рети не приспособились к изменившимся условиям так быстро, как это сделали их северные соседи, жители Норика, у которых уже сформировались определенные римские привычки и обычаи (включая систему муниципального управления).

Из свидетельств, приведенных несколькими прилежными историками и, в частности, одним сравнительно современным автором,[3] почти наверняка, что после кровопролитной и решающей битвы на берегах Эйзака Тиберий снова повернулся лицом на запад, чтобы возобновить свое правление Галлией, оставив своего брата Друза продолжать подчинение Тироля и, в конечном счете, основать важное поселение Августа Винделикорум, ныне известное как Аугсбург. Здесь римский полководец не только разбил укрепленный лагерь, но и построил форум для поощрения торговли; и вскоре поселение стало самой важной римской станцией к северу от Центральных Альп.

Некоторые авторы, несомненно, имея в виду стойкость и храбрость местных жителей и гористый и, следовательно, легко защищаемый характер местности, по которой римским легионам приходилось пересекать и сражаться, выражали некоторое удивление сравнительной легкостью, с которой Друз и Тиберий, по-видимому, завершили завоевание страны. Однако, мы думаем, что более совершенная дисциплина и более эффективное вооружение не могут полностью объяснить это, поскольку история снова и снова доказывала, что знание местности обороняющимися и горных районов в значительной степени зависит от успешных атак со стороны захватчиков. Поэтому можно только предположить, что различные племена, составлявшие население Реции, были либо антагонистичны друг другу, либо, по крайней мере, не объединились в общем деле борьбы с вторгшимися римскими войсками, и, таким образом, страна была завоевана и удерживалась в подчинении с большей легкостью, чем это было бы в противном случае.

В результате вторжения Друза, Тиберия и римских легионов местность, тогда и в течение некоторого времени после этого известная как Реция, но ныне известная как Тироль и Форарльберг, в конечном счете была романизирована, и благодаря прокладке почтовой дороги Бреннер, которая была построена по указанию императора Августа между Вероной и Аугсбургом (Augusta Vindelicorum), было открыто сообщение между Германской империей и Италией. Таким образом, самый низкий и доступный из горных перевалов, отделявших Италию от соседних варварских областей, был пересечен одной из тех великолепных военных дорог, которые просуществовали почти две тысячи лет до наших дней.

РИМСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Римская оккупация Реции длилась пять столетий. Под властью Рима жители научились многому из тех искусств, которые оставались наследием покоренных рас еще долго после того, как господству великой Римской империи пришел конец. И следы этого правления в виде оружия, украшений, бижутерии, туалета и других реликвий время от времени обнаруживались в тех частях Тироля, которые были заселены римлянами.

Вскоре на грейт-Бреннер-Роуд, которая образовывала шоссе из Италии в северные земли за пределами Тироля, проявилась активность. Одной из самых важных первых станций на нем была Вельдидена (Вильтен), где дорога после пересечения главного горного хребта выходит из альпийского ущелья на северной стороне в широкую и приятную долину. От этой точки, недалеко от которой позже было суждено основать столицу Тироля, разветвлялась большая дорога Бреннер-Пост. Одна развилка двумя расходящимися путями вела к одной и той же цели — Аугсбургу. Другая вела в северо-западном направлении через Маскиакум (Мацен) и Альбианум (Куфштайн) к Понс-Эни, который, по всей вероятности, находится в непосредственной близости от современного места Розенхайма. Эта дорога проходила по широкой долине Инн, ныне известной как Унтер-Иннталь, чтобы отличать ее от долины Верхнего Инн, которая тянется от границы Швейцарии до Инсбрука.

Именно вдоль великой военной дороги, ведущей из Вероны в Аугсбург, были расположены главные рето-римские станции. Среди них были Тридентум (Трент), Понс Друзи (Бозен), Вильпетенум (Стерцинг), Матреюм (Матрей), Скарбио (Шарниц), Вельдидена (Вильтен).

Поначалу, несомненно, эти форпосты римской цивилизации были немногим более чем изолированными крепостями или даже, возможно, просто *слекулами* или сторожевыми башнями, и до сих пор сохранилось множество таких примеров, с которых можно было не только разведывать дорогу и подходы к ней, но также подавать сигналы как днем, так и

ночью. В первом случае с помощью дыма или семафоров, а во втором - с помощью костров, разжигаемых в креслах или на самом склоне холма.

ПЕРЕВАЛ БРЕННЕРА

Другое шоссе, ведущее в Тироль через Винчгау, стало известно как *Via Claudia Augusta*, название которого также неправильно применялось к участку Бреннер-роуд. После долгих споров мы думаем, что теперь общепризнано, что Моммзен, который исследовал и взвесил доказательства с поразительной тщательностью, прав, предполагая, что единственный участок дороги через перевал Решен-Шейдек, который следует называть *Via Claudia Augusta*, пересекает долину Винчгау. Дорога была построена не в правление Августа, который положил начало Бреннерской дороге, а при его внуке, императоре Клавдии, примерно в 46-47 годах нашей эры. Предполагалось, что он соединит реку По с рекой Дунай по маршруту Решен-Шейдек, и вдоль него в разное время, начиная с середины шестнадцатого века, были обнаружены вехи римского происхождения. Хотя из того факта, что более известные римские авторы того периода мало упоминают о ней, можно предположить, что Виа Клавдия имела совершенно второстепенное значение по сравнению с Бреннер-роуд. Но, тем не менее, представляется вероятным, что это был маршрут, используемый для перевозки припасов для римских оккупационных сил в пятом веке незадолго до эвакуации страны. Бреннер-роуд в течение значительного периода после ее строительства, по-видимому, была скорее торговым шоссе, чем военной дорогой в обычном смысле этого термина.

Основным товаром, экспортируемым из Тироля, была соль из все еще знаменитых соляных копей в Халле, недалеко от Инсбрука, на северном берегу Инн. Также на юг, в Италию, отправлялись сырые шкуры, древесина, альпийские травы, используемые для приготовления лекарств, ликеров и предметов туалета; и молочные продукты различных видов, среди которых сыр, вероятно (согласно Плинию), был одним из главных продуктов. В те далекие времена в Тироле также выращивали много превосходного вина гораздо севернее, чем в наши дни, когда виноградная лоза не культивируется, во всяком случае, для сбора винограда, севернее южного склона Бреннера.

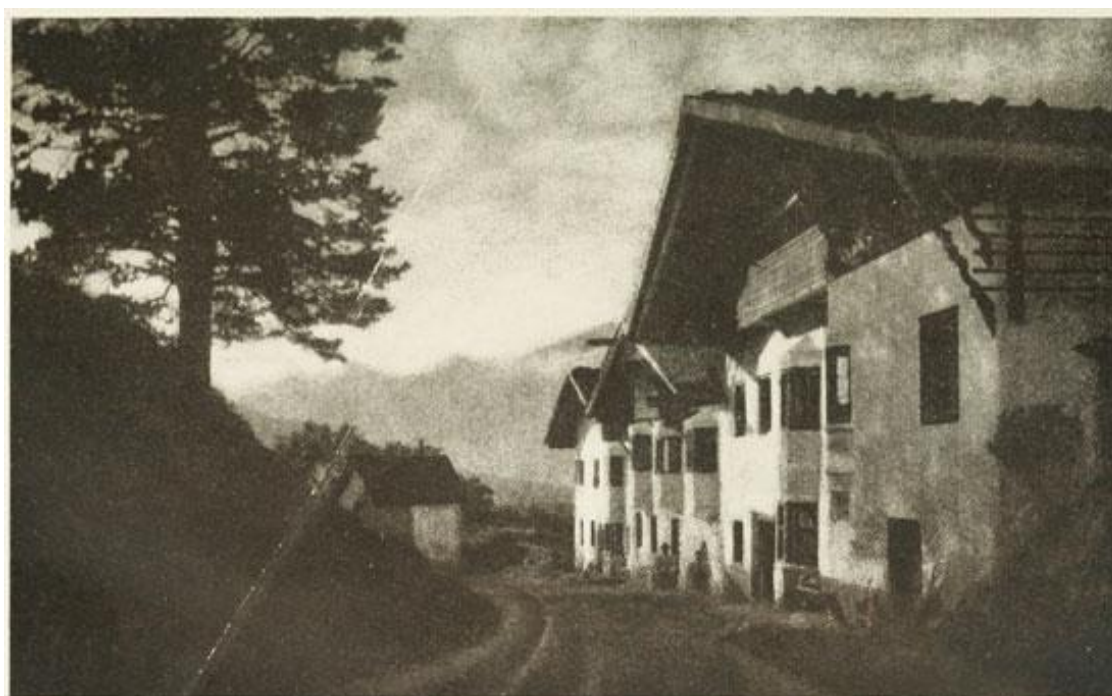
Во времена римской империи Бреннер также служил связующим звеном между Аквилеей, одним из самых процветающих и важных портовых городов на Адриатике, и Нориком. Как и другой, в то время важный, но ныне почти заброшенный маршрут - через перевал Плеккен, которым, как полагают, часто пользовался Цезарь. Вдоль этого пути было основано несколько важных станций, среди которых *Tricesimum*, *Julium Carnicum* (Цуглио), *Aguntum* (Иннихен), *Lonicum* (Лиенц) и *Sebatum* (Шабс). Однако со временем торговле было суждено переключиться с маршрута через Плеккенский перевал на маршрут через Бреннер, и значение поселений вдоль первого постепенно уменьшилось.

Как мы уже указывали ранее, перевал Бреннер первоначально не использовался в такой степени в военных целях, как это было впоследствии. И только во второй половине второго века христианской эры мы обнаруживаем, что она приобретает значение военной магистрали. Затем частые набеги различных германских племен на юг заставили римлян полностью осознать стратегическое значение северной Реции.

По меньшей мере два десятилетия ушло на реконструкцию покрытия и мостов вдоль дороги, которая была обязана своим возникновением императору Августу, и результатом стало строительство шоссе, пригодного для быстрого проезда и сосредоточения больших групп войск. О станциях, которые были основаны вдоль нее, мы уже говорили, остается только сказать, что они были дополнены "столбами", которые были расставлены тут и там, как и

вдоль большинства других дорог, построенных римскими строителями. Однако они использовались в основном в военных и государственных целях, а не для обычных.

Интересный писатель, [4] который посвятил истории Бреннера специальное исследование, пролил значительный свет на постоялые дворы, которые мало-помалу возникали, чтобы соответствовать требованиям путешествующей публики тех дней, которой, как правило, не разрешалось пользоваться официальными должностями. Очевидно, эти убежища от другой альтернативы - провести ночь в дороге - ни в коем случае не были роскошными. На самом деле, они, вероятно, были совсем другими, и их главной искупительной чертой была несомненная дешевизна предлагаемого ими жилья. Это не могло считаться экстравагантной платой за ночлег с какой-либо едой, когда счет составлял гораздо меньше эквивалента английского полпенни! сумма, которая в наши дни удивила бы современного *остепенителя* или трактирщика итальянского Тироля не меньше, чем его собственные расходы удивили бы римского путника давних времен.

ДЕРЕВНЯ НА РЕКЕ БРЕННЕР

РИМСКИЕ РУИНЫ

По пятам за римской цивилизацией, представленной торговлей и путешествиями, которым было суждено не только проникнуть в завоеванную Рецию, но и проникнуть в регионы за ее пределами, со временем здесь возникли крепость и замок, которые не только удерживали землю, но и поощряли и инициировали цивилизацию и обеспечивали безопасность тем, кто проживал в ее непосредственной близости. От них, к счастью для историка и антиквара, до сих пор сохранилось много следов. На всем протяжении Бреннера римляне находили и не замедлили воспользоваться естественными преимуществами, где их непревзойденное мастерство военных строителей и инженеров позволило им быстро превратить труднодоступные отроги гор в неприступные крепости. На некоторые из замков, руины которых в наши дни придают этим скалистым утесам неувядающий интерес, звезды, должно быть, смотрели еще до начала христианской эры.

О занятии Реции римлянами, к сожалению, до нас дошло сравнительно мало достоверных подробностей. Но задолго до того, как могущество Рима пошло на убыль, так и не

восстановив свое былое величие, проблема сопротивления вторжению тевтонских племен с севера и северо-востока стала вполне реальной. К концу третьего века нашей эры алеманны переправились через Дунай и угрожали Реции, а через нее и Италии. Они, правда, потерпели поражение от императора Максимиана, но нанесенный им удар был лишь временным. Около 260 г. н.э. в Рецию несколько раз вторгалось одно и то же варварское племя, и, по крайней мере, в одном случае Тироль был razорен из конца в конец, а затем захватчики вторглись в Италию, в которую они проникли так далеко на юг, как Равенна, сначала разграбив и разрушив Верону. В правление Клавдия (около 269 г.) произошло еще одно вторжение, и хотя силы Рима в конечном итоге одержали победу в борьбе с тевтонскими ордами в битве при Наиссе на границе Тироля и Италии, когда, как говорят, было убито 320 000 человек, прочного мира не было.

Набеги готов досаждали многим быстро сменявшим друг друга императорам в те дни, когда правления едва ли можно было исчислять годами, как месяцами, и только во времена правления Аврелиана готы были изгнаны из Реции и Винделиции.

При сменявших друг друга римских правителях были совершены другие набеги готов, и, наконец, по дорогам Реции и через перевалы Бреннер и Плекен хлынули полчища захватчиков, которым было суждено привести к упадку могущественную Империю, которая на протяжении столетий управляла судьбами большей части известного тогда мира.

Точно так же, как в нашей стране история почти умалчивает о периоде, последовавшем сразу за уходом римских легионов, отведенных, по возможности, для спасения Рима от вторгшихся полчищ готов и гуннов, так было и в Тироле. О годах опустошения огнем и мечом, последовавших за уходом римских войск из Реции, до нас дошли лишь очень скудные подробности. В этот период большая часть римского искусства и цивилизации, несомненно, была стерта с лица земли ордами варваров; и действительно, насколько можно установить, в конечном счете в Реции мало что из того и другого осталось.

Теодорих, вождь остготов, завоевавший Италию примерно в 489 году, задумал Рецию и Бреннер как барьер против нападений северных захватчиков, племя которых (байовариин) в конечном итоге овладело Винделицией и Рецией вплоть до южного склона перевала Бреннер. Примерно в этот же период — в середине половины VI века — очень значительная часть северо-восточной Италии и та часть Реции в окрестностях Тридента (Трента) были захвачены лангобардами или лангобардами. Их Итальянская империя просуществовала два столетия и в конечном итоге включила в себя большую часть того, что сегодня известно как Итальянский Тироль.

Тем временем байовариин, или баварцы, завоевали верхнюю часть Реции, и в начале VII века их герцогу Гарибальди II удалось сдержать частые набеги славян, хотя ему и не удалось полностью изгнать их из страны, в восточной части которой они оставались в течение значительного периода. К концу восьмого века (около 789 г.) вся территория, известная сейчас как Тироль, перешла под власть Карла Великого, который разгромил лангобардов, а несколько лет спустя преуспел и в покорении байовариин.

В течение столетий междоусобных войн с сопутствующими им грабежами и хаосом, последовавших за эвакуацией Реции римскими войсками, большинство коренных жителей или миролюбиво настроенных романизированных ретийцев бежали вместе с другими беглецами с южных или северных равнин в долины и закоулки среди гор, которые до сих пор, вероятно, были почти, если не совсем безлюдны. Здесь они осели, оставив основные маршруты открытыми для прохода тевтонских захватчиков, стремившихся разграбить итальянские города и равнины, которые, как мы можем себе представить, не слишком

беспокоились об окольных путях и не тратили время на завоевание тех, кто таким образом укрылся среди высокогорных альпийских долин и крепостей.

Результат этого виден в том обстоятельстве, что, хотя во многих случаях отдаленные места и деревни по сей день сохраняют свои первоначальные латинизированные ретийские названия, названия на основных маршрутах путешествий во многих случаях имеют чисто тевтонскую номенклатуру.

"СТРАНА В ГОРАХ"

Великая империя, которую создал Карл Великий, как ни странно, не имела естественных границ, и когда в 806 году н.э. она была разделена между его сыновьями на три части, разделение не было произведено по какой-либо общепризнанной системе или плану. Тироль все еще был неизвестен под этим названием, страна примерно в то время была известна как "Das Land im Gebirge", или "Земля в горах". Непосредственные преемники разделенной империи Карла Великого были гораздо менее способны, чем он, справиться с анархией, которая в те дни так часто захлестывала юго-восточную и северо-восточную Европу. Практически не было такого единства, какое царит сейчас, и благодаря этому могущественная знать и духовенство постепенно преуспели в разделе земель между собой в соответствии с почти повсеместным обычаем средневековья.

Записи об истории Тироля того периода, однако, настолько прискорбно скудны, что до нас дошло мало положительных и неоспоримых фактов относительно событий, которые непосредственно последовали за разделом империи Карла Великого между его сыновьями. Однако нет особых оснований сомневаться в том, что перевал Бреннер и Тироль служили своего рода магистралью для последовательных захватчиков Италии, которые наводняли ее с Востока и Севера. Как было очень верно сказано, "Что означали эти обширные экспедиции, состоящие из более или менее беспорядочных масс странно смешанных рас, все в доспехах войны, все жаждущие добычи, даже если они преследовали мирную миссию, для стран, через которые они медленно проедали и грабили на своем пути, не совсем легко представить самому себе в эти цивилизованные дни, когда даже во время самой жестокой войны у мирного жителя нет причин идти в страхе перед насильственной смертью или перед тем, как на его глазах надругаются над его женщинами, а его дом сравнивают с землей". земля." То, что подобные вещи имели место в Тироле, почти наверняка подтверждается заявлениями современных писателей, среди прочих, Готфрида фон Витербо, Винценца фон Праге и Отто фон Фрейзинга.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В СТАРЫЕ ВРЕМЕНА

У большинства людей вошло в привычку воображать, что "дополнительные расходы" на освещение, чаевые прислуге и посещаемость, которые так часто приводят к раздражающим счетам в современных отелях, являются современным учреждением. Однако это не так, поскольку некоторые наиболее интересные и проливающие свет дневники ранних путешествий, которые были обнаружены в 1874 году в архивах монастыря Чивидате, показывают, что в начале XIII века вдоль маршрута Бреннера уже существовала череда гостиниц, где путешественники могли не только получить ночлег и развлечения, но даже приобрести необходимые лекарства. Есть также записи об освещении, посещаемости и чаевых, которые, вероятно, раздражали душу церковного летописца, на которого мы ссылались, не меньше, чем современных путешественников.

О типах, которые бродили пешком или ехали верхом по великому тирольскому шоссе и останавливались на постоялых дворах, у нас, к счастью, сохранилось довольно подробное и

точное представление. Если бы только существовал тирольский Чосер, какие записи могли бы сохраниться! Однако из дневников епископа Пассау (чьи заметки мы процитировали) мы с благодарностью узнаем, что в дополнение к обычным странствующим торговцам и сельским жителям здесь были музыканты-барды обоего пола, фокусники (более или менее искусные, и многие из них шарлатаны), певцы, нищенствующие монахи (некоторые из них не отличались особой святостью) и широко известные миннезингеры, которые в течение значительного периода времени пользовались большой популярностью при дворах и в замках. По этой знаменитой большой дороге Бреннер и через Тироль в двенадцатом и тринадцатом веках проходили многие паломники и крестоносцы, направлявшиеся в Палестину или возвращавшиеся из Нее или из какой-нибудь отдаленной святыни особого достоинства или святости.

РАННИЕ ТИРОЛЬСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Одним из главных среди множества изменений и реформ, введенных Карлом Великим, было разделение стран, которые он завоевал и объединил, чтобы сформировать свою империю, на маркграфства или департаменты, которые он передал под власть своей знати и других должностных лиц, которых он назначил для этой цели. Хотя эта система, несомненно, хорошо работала во время его могущественного правления, после его смерти и во время анархии и раздоров, которые отличали правление его непосредственных преемников, произошло то, чего можно было ожидать. Наиболее могущественные из дворян и чиновников и их потомки вскоре начали рассматривать свои должности как наследственные назначения, и, как следствие, с развитием этой идеи постепенно основывались небольшие династии, и к концу десятого века в Тироле возникли три из них. Эти три графства или *Grafschaften* принадлежали Андексу, Эппану и Тиролю, и в конечном итоге страна была разделена между ними и великими церковными лордами епархий Трент, Бриксен и Койре.

Как и в случае со многими историческими событиями раннего Тироля, до нас дошли очень скудные сведения достоверного характера о происхождении этих трех великих дворянских семей, правивших страной. Для целей этой книги также нет необходимости тщательно изучать имеющиеся у нас свидетельства. Происхождение семьи Андеков почти полностью неизвестно, хотя в течение значительного периода они были самыми могущественными из трех названных нами семей. Считается, что эппаны были потомками побочного сына герцога Баварии, и их долгая и кровавая вражда с епископами Бриксена из-за земель, отнятых у них и переданных престолу, запечатлена в истории и легендах Тироля.

Третьей семье, графам Тирольским, хотя изначально она ни в коем случае не была самой важной, было суждено пережить двух других и в конечном итоге завладеть большей частью страны и дать ее название древней Реции. Хотя даже во времена римской оккупации, по-видимому, существовал замок Тироль, который был резиденцией центуриона, семья, как общеизвестно, предположительно ведет свое происхождение от графа Хунфрида, жившего во времена правления Карла Великого, а также графа Винчгау. Этот дворянин получил известность после раздела империи Карла Великого между его тремя сыновьями; но представляется вероятным, что только в середине XIII века один из владельцев замка Тироль или Териолис впервые принял титул графов Тироля.^[5]

Самое раннее упоминание о трех графах Тироля появляется в архивах примерно в 1140 году, и мы находим семейное жилище в замке Тироль, или Териолис, недалеко от Мерана. Именно от этой крепости, ныне находящейся в полуразрушенном состоянии, за исключением часовни и прекрасного крыльца, датируемого двенадцатым веком, получила свое название не только семья, но и, в конечном счете, вся страна. Постепенно одно за другим имущество

других дворян Тироля было отобрано у них или стало поглощено в результате брака с графами Тироля. Примерно до 1240 года правивший тогда граф Альберт мог называть себя принцем-графом (или гефюрстетер-графом) Тироля, настолько обширными и богатыми были его владения.

Образованное таким образом княжество оставалось феодалом Германской империи до правления Максимилиана I. (1493), когда оно было объединено с другими владениями короны.

Первый из князей-графов Тироля добился успеха в 1248 году, получив от графов Андекс район долины Инн, некогда находившийся на месте римской Вельдидены, место, согласно преданию, было разрушено около 452 года н.э. гуннами под предводительством Атиллы при их возвращении через Тироль после поражения от Аэция в битве при Шалоне.

В раннее средневековье на месте древнего города было построено премонстратенское аббатство Уилтен, а позже графы Андекс, владевшие землей по соседству на берегах Инн, стали самой могущественной и влиятельной знатью в округе. При них недалеко от моста через Инн был основан торговый пост или торговый центр, важность которого легко понять, если учесть его близость к Бреннер-хай-роуд, в то время оживленной магистрали. От этого моста через Инн произошло название города Инсбрук, которому впоследствии суждено было стать столицей Тироля, упоминание о котором впервые появляется в архивах 1327 года. Именно дальновидности и предприимчивости Оттона Андексского город был обязан стенами, башнями и укреплениями, которые должны были сослужить ему хорошую службу. Граф Отто также построил себе дворец, который до сих пор известен как Оттобург.

О различных принцах, которые правили Тиролем последовательно от графа Альберта до Генриха, младшего сына Мейнхарда II, который, женившись на дочери короля Богемии, заявил права на трон после смерти своего тестя и принял титул короля, хотя и был вынужден отказаться от своих притязаний на Богемию и довольствоваться Тиролем и Каринтией, много говорить не нужно. Этот Генрих был добродушным, легко поддающимся влиянию правителем, который из-за этих характеристик почти полностью попал в руки более могущественных своих вельмож, которые с помощью лести и денежных поставок для удовлетворения его расточительных привычек смогли приобрести не только влияние на него, но и получить большие владения без его контроля. При этом правителе Меран стал столицей Тироля, а Халль, Стерцинг и другие места были возведены в ранг городов.

Несмотря на легкость руководства, Генрих не был лишен добродетелей, поскольку он предоставил несколько привилегий, которые были в интересах торговли, и при его правлении были облегчены тяжелые участи вилланов и рабочих классов, а также разработана и установлена наследуемая система землевладения для крестьянского класса. Этому было суждено принести пользу не только тем, кому оно в первую очередь предназначалось для оказания помощи, но и знати, и самому Генриху. Поскольку знать редко или вообще никогда не платила налоги, из этого следовало, что с ростом благосостояния низшие слои общества (которые несли большую часть налогового бремени) могли облагаться более высокими налогами, не страдая при этом пропорционально.

Ходит много историй о трудностях, в которые завели Генри его расточительные привычки. Одна из них заключается в том, что в Инсбруке он не смог оплатить счет торговца рыбой и вином и в качестве последнего средства заплатил этому человеку, некоему Эберхарду, плату за проезд по мосту, что, нет необходимости говорить, было ценным вознаграждением.

МОЛОДОЙ ТИРОЛЬ

"КАРМАННАЯ МЕГ"

После своей смерти в 1335 году он не оставил наследника мужского пола, и престолонаследие перешло к его дочери Маргарет, известной в истории как "Мег с широким (или Карманным) ртом" из-за ее удивительно неправильной формы рта. Как ее рот стал таким уродливым, точно неизвестно. В одной из историй утверждается, что имя произошло от слова *Маульташ* из-за того, что ей ударили по ушам (или одной стороне лица). Объяснение приобретает некоторый вес из-за того факта, что удар, как утверждалось, нанес ей один из ее баварских родственников, и того обстоятельства, что в конечном итоге она оставила свое

наследие своим австрийским кузенам, а не баварской ветви семьи, в результате чего Тироль стал частью Австрийской империи.

В конце концов, после многих безуспешных попыток устроить брак с многочисленными женихами, которые были готовы вступить в союз с, возможно, самой богатой, хотя и самой уродливой наследницей в Европе того времени, поскольку ее наследство включало герцогства Гориция, Хорватия и Каринтия, а также прекрасную землю Тироль, Маргарет вышла замуж в 1330 году н.э. за юного принца Иоанна Богемского, жениху было девять лет, а невесте на несколько лет старше. Последней была уготована нелегкая карьера, в некоторых деталях уродливая, как ее рот; и молодая пара, когда (через несколько лет после официального брака) они стали жить вместе, почти с самого начала разошлась во мнениях.

Джон был немошен и обладал слабым интеллектом, а Маргарет столь же решительна и бесстыдна, как и многие другие женщины-правительницы в те времена. Было много заговоров и интриг: первый - между двумя партиями, поддерживавшими немецкие или люксембургские (богемские) притязания, второй - между Маргаритой и ее придворными и даже любовниками-крестьянами, некоторым из которых влюбленная принцесса "Карманного рта" дала привилегии и даже земли и дворянские патенты, которая предприняла несколько безуспешных попыток избавиться от своего мужа, пока не напугала его, заставив вернуться в свою страну. Исполнив это желание, Маргарет приступила к осуществлению своих дальнейших планов. Джон был беглецом, переходившим из замка в замок в поисках убежища, ожидая помощи от своего отца или люксембургской партии, которая была благосклонна к богемской стороне вопроса. Вскоре император Людовик, который был правителем Священной Римской империи и смертельным врагом Богемии, увидел возможность осуществить давно вынашиваемое желание - приобрести Тироль.

Он нашел готового сообщника в лице своего симпатичного сына, который, казалось, был готов жениться на жене другого мужчины, какой бы вспыльчивой и уродливой она ни была, еще до того, как папа официально объявил первый брак недействительным, при условии, что с ней были приобретены богатство и собственность. Однако, когда папа, который сам с тоской взирал на владения Маргариты, услышал о предполагаемом союзе, он не только отказался аннулировать брак между Джоном и Маргаритой, но и пригрозил последней отлучением от церкви, если она выйдет замуж за сына Людовика, который был его непримиримым врагом. Существовали также причины кровного родства, которые делали брак невозможным без санкции папы римского. Людовик, однако, не желая, чтобы его желанию помешали, принялся искать епископа, готового бросить вызов понтифику и достаточно смелого, чтобы торжественно оформить бракосочетание. Вскоре ему удалось убедить епископа Фрайзингенского расторгнуть первый брак и отпраздновать второй. Соответственно, император, в свите которого было много знати, отправился в Тироль вместе с упомянутым епископом, а также епископами Аугсбурга и Регенсбурга.

Но во время путешествия и пересечения перевала Яуфен, который обеспечивал кратчайший путь из Стерцинга к дому Маргарет близ Мерана, лошадь епископа Фрейзингенского споткнулась и сбросила своего всадника, убив его на месте. Этот несчастный случай настолько подорвал мужество двух других епископов (которые, несомненно, рассматривали это событие как прямое послание гнева с Небес), что они отказались продолжать начатый план.

Однако это не ослабило решимости ни императора, ни Людовика, которые по прибытии в замок Тироль заставили перепуганного местного капеллана отпраздновать бракосочетание,

хотя, как нам сообщили, люди громко протестовали, ожидая ужасных наказаний за нарушение законов Церкви и неповиновение приказам папы Римского.

Тем не менее это событие было отмечено большими торжествами, и, насколько можно судить, непосредственного гнева Небес злодеи не испытали.

ЭПОХА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во время слабого правления Иоанна различные дворяне Тироля приобрели большое влияние; расширили свои владения и права; и фактически серьезно ослабили суверенную власть своего правителя. Луи оказался сделан из совсем другого металла, чем его предшественник. Он сразу же напал на дворян, которые присвоили себе незаконную или опасную власть, опустошая их поместья, сжигая и разрушая их замки и крепости, и изгоняя тех, кто не подчинился. Гражданская война самого кровавого рода разразилась в Тироле, и другие бедствия в виде пожаров, которые уничтожили некоторые из самых важных городов, включая столицу Меран; нашествия саранчи, чума и землетрясения - все это поразило несчастную страну. Излишне говорить, что эти ужасные бедствия были восприняты многими тирольцами как прямое выражение гнева Небес по поводу двоеженства Маргарет и неповиновения власти Церкви.

Опустошительные действия "черной смерти" были не менее сильными, чем в других частях Южной Европы, и, по словам одного хрониста, в живых осталась едва ли шестая часть населения Тироля. Как это часто случалось в Средние века, искали какого-нибудь человеческого козла отпущения и нашли; и остановились на самом обычном - евреях. Последовавшие за этим преследования этой несчастной расы носили настолько безжалостный характер, что не пощадили ни женщин, ни детей, ни стариков, в результате чего, как нам говорят, в живых осталось очень мало людей.

Затем последовал период войны. Сторонники отвергнутого мужа Маргариты — Иоанна Богемского — не замедлили отомстить ей, и впоследствии Тироль был захвачен королем Богемии, к которому присоединился воинственный епископ Трента со значительными силами. Последовала активная кампания, характеризовавшаяся большой жестокостью со стороны захватчиков, в ходе которой были захвачены и разрушены два главных города, Меран и Бозен, и в конечном итоге Маргарита была осаждена в своем собственном замке в Тироле. Он был настолько превосходно расположен для обороны, что в отсутствие своего мужа Маргарет, которая, при всех своих пороках и недостатках, не была трусихой, смогла успешно защищать его от всех нападений и делала это до тех пор, пока ее муж не смог вернуться форсированным маршем и, застигнув осаждающих врасплох, не сумела разгромить их и вынудить отступить. Страна, однако, ужасно пострадала во время отступления врага, поскольку в отместку за то, что у них отобрали добычу, они жгли и опустошали во всех направлениях и никого не щадили от меча. Действительно, история кампании в самом зловещем свете демонстрирует лежащую в основе всех войн Средневековья примитивную жестокость.

Именно для покрытия тяжелых расходов, связанных с длительной кампанией и защитой своей территории, Людовику пришлось продать или заложить многие из своих богатейших личных владений, в результате чего многие дворяне (которые оказывали ему денежную или иную поддержку) получили или восстановили ценные привилегии и значительное усиление власти и влияния.

ИСТОРИИ О "МЭГ"

Во весь ход этой войны и историю Тироля— какой бы интересной и даже завораживающей она ни была, мы не можем проникнуть. Маргарет в конечном счете (следует отметить) заключила мир с Римом благодаря влиянию, которое оказывали на папу ее австрийские кузены из Дома Габсбургов, при условии их посредничества, что она должна оставить им, а не своим баварским кузенам свое наследство, если ее сын и наследник Мейнхард предстанет перед ней и умрет, не оставив потомства.

Судьба благоприятствовала планам Габсбургов, поскольку и муж Маргариты, Людовик, и ее сын умерли раньше нее, причем последнему было всего двадцать лет. В качестве примера старой поговорки "Дайте собаке дурную кличку и повесьте ее", общественное мнение приписало обе смерти Маргарет. Ее муж умер в 1361-2 годах во время путешествия в Мюнхен в ее компании. Это предполагаемое убийство было, согласно распространенным тогда сообщениям, *страстью к преступлению*, возникшей из-за страха Маргариты, что Людовик вот-вот совершит убийство Конрада Фрауэнбергского, дворянина, с которым она поддерживала интригу, о которой много лет говорили и которая вызывала скандал. После смерти своего отца Мейнхард взял на себя ответственность за управление государством; делая это, он, по-видимому, поставил или пытался поставить какой-то предел бесстыдному поведению и интригам своей матери, и когда он умер в январе 1363 года, его смерть, как и смерть Людовика, была возложена на дверь его матери. Однако историками, которые не одобряют предположение о том, что она действительно была виновна ни в той, ни в другой смерти, было доказано, что распространенное мнение было ошибочным; и хотя никаких объяснений действительной причины смерти Людовика не последует, появятся некоторые доказательства того, что безвременная кончина Мейнхарда была неромантической и лишенной таинственности, и, фактически, стала результатом того, что он выпил холодную воду, перегревшись от напряжения.

В те дни, хотя новости, согласно современным представлениям, распространялись очень медленно, прошло меньше двух недель, прежде чем они достигли Вены и Рудольфа IV. Габсбург, путешествуя "день и ночь", находился в Божене, стремясь укрепить свое положение старшего из трех братьев, которому его кузина Маргарита согласилась уступить Тироль и другие свои обширные владения.

Вокруг живописной, хотя и распушенной и непривлекательной фигуры "Мег с карманным ртом" собралось множество традиций и преданий, не имеющих аналогов ни у одного другого правителя Тироля. Но, хотя в течение многих лет она была столь выдающейся фигурой в истории своей страны и даже Юго-Восточной Европы, как ни странно, удалось обнаружить лишь несколько подлинных записей или документальных подтверждений этих историй.

Таким образом, после смерти Мейнхарда в 1363 году страна вошла в состав Австрии под властью Рудольфа IV, который, хотя и был молод, был мудр и дальновиден. Однако ему не суждено было долго наслаждаться владениями, которые он приобрел главным образом благодаря умелой дипломатии, и после его смерти, через два года после восшествия на престол, Тиродем совместно управляли два его брата — Леопольд и Альберт.

Во время этого двойного контроля баварские родственники Маргариты совершали частые вторжения в страну, особенно в окрестности Унтер-Иннталя, и в 1369 году им удалось получить крупную сумму от Габсбургов по временному миру, заключенному в Шердинге. Десять лет спустя двоевластие пришел конец, два брата разделили наследство, Леопольд получил в свою долю Тироль. Он был убит в битве при Семпахе 9 июля 1386 года, где швейцарцы одержали столь знаменательную победу под предводительством Арнольда фон Винкельрида.

ПРАВЛЕНИЕ ГЕРЦОГА ФРЕДЕРИКА

В 1406 году Фридрих, младший сын Леопольда, унаследовал суверенитет, который во время его несовершеннолетия принадлежал его старшим братьям и дяде Альберту, которые правили страной настолько небрежно, что знать приобрела большое влияние.

Действительно, задача, к которой был призван герцог Фредерик, была нелегкой. Дарованное ему прозвище "Пустой кошелек" ни в коем случае не было точным описанием его финансового состояния, за исключением сравнительно короткого периода его тридцатилетнего правления. Оно было дано ему в то время, когда он был вне закона из-за запрета Церкви и был вынужден спасаться бегством и искать убежища в горах. Его правление было бурным. В начале этого периода он был в разногласиях со многими из самых могущественных своих вельмож, которые сопротивлялись его попыткам ограничить власть, которую они приобрели за время его несовершеннолетия. После последовавших за этим тревог и лишений, когда страна оказалась под властью баварцев и даже столице угрожала опасность, Фридриху было суждено столкнуться с еще большими неприятностями из-за его действий на Констанцском соборе, который был созван для решения важных вопросов относительно того, кто был законным главой Церкви, а кто правителем Империи. На каждую должность было по три претендента, выдвинутых и поддержанных соперничающими фракциями. Духовными претендентами были Иоанн XXIII, Бенедикт XIII, Григорий XII, а также мирские короли Венгрии Сигизмунд, Моравии Йост и Богемии Венцелай.

ПРИДОРОЖНЫЙ ХРАМ, ТИРОЛЬ

Из церковных претендентов Иоанн пользовался поддержкой Фридриха, и когда первый, не сумев быть избранным Советом, был вынужден не только отказаться от своих притязаний, но и бежать, спасая свою жизнь, Фридрих помог ему бежать из Констанца. Этот акт верности другу едва не стоил Фридриху жизни, поскольку Сигизмунд (который из трех кандидатов был избран императором) был его врагом, и ему не только удалось убедить ассамблею объявить трон Фридриха утраченным, но и его самого и его главных сторонников вне закона, укрывательство любого из которых было преступлением, караемым смертью.

Тяжелое положение Фридриха усугубилось, и его трудности неизмеримо возросли из-за перехода в ряды врагов его брата Эрнеста, который получил герцогство Штирия в качестве своей части наследства.

Герцог Эрнест взял бразды правления Тиролем в свои руки, и последовал период кровопролития и разрушительной гражданской войны, в ходе которой крестьяне и низшие классы оставались твердыми и верными сторонниками своего правителя Фридриха, а большая часть дворянства поддержала дело узурпатора Эрнеста. Наконец между двумя братьями был заключен мир, главным образом при посредничестве архиепископа Зальцбургского Эберхарда и герцога Людовика Баварского. Примирение Фридриха и герцога Эрнеста, чье отчуждение было вызвано действиями Фридриха по отношению к папе Иоанну в Констанце, которые привели его под строгий запрет Церкви, состоялось в замке архиепископа в Кропфсберге.

Оставшаяся часть жизни Фридриха, по-видимому, была мирной, и, несмотря на его прозвище "Пустой кошелек", он оставил огромное состояние в виде сокровищ, которое, как утверждают некоторые авторитетные источники, было самым большим, накопленным кем-либо из правителей того времени. Он, несомненно, был одним из самых способных и пользующихся наибольшей популярностью у крестьян и горожан правителей, которые когда-либо были в Тироле как отдельном княжестве. На протяжении всего своего правления он вел борьбу против посягательств знати на земли и свободы народа, чего само по себе было достаточно, чтобы снискать ему любовь и преданность огромных масс его подданных, которые укрепляли его приветливые манеры, щедрость и доброта. Ему принадлежит заслуга созыва первого сколько-нибудь полезного и важного тирольского ландтага, состоявшегося в Меране в 1423 году. Впоследствии ландтаг был создан в Инсбруке, который впоследствии постепенно стал рассматриваться как столица Тироля.

После смерти Фридриха ему наследовал его сын Сигизмунд, тогда еще совсем юноша одиннадцати-двенадцати лет. Последний около семи лет прожил при Венском дворе под присмотром своего опекуна императора Фридриха III. Находясь в Вене, он познакомился с неким Эне Сильвиусом де Пикколомини, впоследствии папой Пием II., много путешествовавшим, способным, но распущенным человеком, который побывал так далеко, что даже в Шотландии, и который изливал такие восторженные описания красоты дам шотландского двора в уши молодого герцога Сигизмунда, что им овладело желание жениться на шотландке. Так случилось, что, когда умерла дочь Карла VII, короля Франции (на которой, по замыслу его отца, он должен был жениться), молодой герцог Сигизмунд ухаживал и завоевал Элеонору, дочь злополучного Якова I Шотландского, которой герцог пожизненно подарил исторические замки Амбрас, Имст и Хертенбург. Эта одаренная принцесса прожила в Тироле более тридцати лет и благодаря своим мягким манерам, любви к спорту, особенно к соколиной охоте, и общественным достижениям снискала большую любовь подданных своего мужа. Ее двор, несмотря на размеры княжества, которым правил ее муж, был очень большим и роскошным.

Во время правления Сигизмунда особенно открылись огромные минеральные богатства Унтер-Иннтальского района, и это позволило герцогу тратить щедрые суммы на удовольствия, развлечения, искусство и науку, что вскоре привело к тому, что о его Дворе в Инсбруке стали говорить как об одном из самых изысканных, веселых и интересных в Восточной Европе. В то же время Тироль многим обязан Сигизмунду, поскольку он был щедрым покровителем искусства и нанимателем художников всех мастей.

ВОЙНА С ВЕНЕЦИЕЙ

После смерти своей супруги Элеоноры он женился в 1484 году на принцессе Екатерине Саксонской, которая была молода и красива. Человек с большим здравым смыслом, он все же совершил серьезную ошибку, спровоцировав войну с венецианцами, чья торговля с Тиролем была важным и ценнейшим вкладом в коммерцию и материальное процветание страны. Это произошло в результате захвата нескольких богатых серебряных рудников, принадлежащих венецианцам в Вальсугане, и напряженная ситуация, возникшая в результате этого акта, усугубилась вскоре после этого, в апреле 1487 года, насильственным захватом товаров венецианских купцов, которые приехали (по своему обыкновению) на большую ярмарку, проводившуюся в Бозене. Более ста двадцати венецианских купцов также были брошены в тюрьму. В последовавшей войне тирольцы в конечном счете одержали победу; но победа была Пирровой, поскольку Тироль многое потерял в этой борьбе с великой торговой державой тех далеких времен. Венецианцы быстро взяли реванш, "бойкотировав" торговлю в Тироле, отказавшись от посещения ярмарок и базаров, и избегая пользоваться маршрутом Бреннер, который очень существенно увеличил богатство страны.

Сигизмунд, как и другие правители Горного королевства, впал в немилость Церкви из-за ссоры с кардиналом-епископом Бриксена Николаем Кузанским, главным образом из-за настойчивых попыток последнего возвысить могущество Церкви в ущерб светской власти первого, и только безразличие Сигизмунда к религиозным вопросам и власти в его собственной стране позволило ему относиться с безразличием, если не сказать откровенным презрением, к запрету, наложенному на него Римской церковью. Он даже пошел войной на епископа и осадил его в его замке в Бруннеке, и в результате был отлучен от церкви обоими папами Каликстом III. Мужественный и Пий II.

На склоне лет Сигизмунд посвятил себя "задаче приобретения спасения способом, одобренным Церковью, которой он бросил вызов и чьи буллы, запреты и предписания он презирал". Он приступил к основанию монастырей, в основном жертвовал на благотворительность и был щедр в других отношениях по отношению к Церкви, которая стремилась простить грешника, желавшего купить отпущение грехов на удовлетворительных денежных или иных условиях. Одним из последствий этих огромных расходов стало обнищание страны, которая и без того была сильно "истощена" требованиями, предъявляемыми к ней покровительством Сигизмунда искусству, любовью к женщинам и роскошными развлечениями.

ВИД С ХОЛМА РИТТЕН На ЮГО - ЗАПАД

МАКСИМИЛИАН I

Максимилиан, его двоюродный брат (впоследствии знаменитый император Максимилиан I.), унаследовал его после отречения от престола в 1493 году. Он был в значительной степени идеальным правителем для Тироля, храбрый, независимый народ которого был тронут духом, откровенностью и большой личной храбростью своего нового принца. Любя войну, он был в равной степени предан рыцарским турнирам и играм того периода, и, если можно верить историкам, с этими суровыми качествами сочетался добрый и доступный нрав, который еще больше расположил к нему его народ. Только в последний период своего правления он потерял связь с ними и власть над ними, и из-за сильного истощения, которое нанесли стране непрекращающиеся войны и военные операции, потребовавшие высоких налогов, стал в определенной степени непопулярен.

Из его биографов можно сделать вывод, что император был глубоко тронут изменением отношения населения к нему, и он несколько раз с горечью упоминал об этом. В течение некоторого времени до своей смерти он всегда ходил в сопровождении своего гроба, который, как утверждается, он описал как "единственный узкий дворец, который архитекторы могут спроектировать за небольшие деньги и строительство которого не разоряет принцев".

Во время правления Максимилиана к Тиролю была присоединена другая и значительная новая территория, включая округ Ампеццо; Роверето; три лордства Раттенберг, Китцбюэль и Куфштайн; города Рива и Арко; часть нынешнего Форарльберга; и часть Пустерталя. Максимилиан также кое-что сделал для образования в своей столице Инсбруке, где он построил новый дворец, который впервые был использован во время его второго брака с Марией Бьянкой Сфорца из Милана в 1494 году.

Ему наследовали два его внука, император Карл V. и эрцгерцог Фердинанд. Первый, однако, обнаружил, что его владения настолько обширны, что вскоре он передал свои австрийские владения (включая Тироль) своему брату Фердинанду, который впоследствии стал

императором. Правление последнего, хотя и было долгим, не было счастливым или процветающим. Религиозные волнения, вызванные Реформацией, которую Фердинанд жестоко подавил, и, как следствие, восстания крестьян сделали его имя ненавистным в Тироле, так что в войне при Шмалькальде жители поддержали Карла V. Именно в Инсбруке (после двух неудачных попыток покинуть Тироль) он был застигнут врасплох своим вероломным другом Морицем Саксонским, который быстрым маршем ввел свою армию в Тироль, намереваясь захватить Карла в плен. Последний, у которого не было с собой армии, прибыв в Инсбрук по пути на Тридентский собор, чтобы спастись, был вынужден покинуть свой дворец глубокой ночью под проливным дождем в мае 1552 года — человек, подорвавший здоровье и уставший от жизни.

Именно этот Фердинанд основал знаменитую францисканскую церковь в Инсбруке с ее всемирно известной усыпальницей в память о своем деде Максимилиане I.

После смерти Фердинанда в 1564 году ему наследовал на троне Тироля его второй сын, носивший его имя. Этому эрцгерцогу присущ романтический интерес, который после долгого сопротивления со стороны своей семьи женился на прекрасной дочери аугсбургского купца Филиппине Вельзер, которой в конечном итоге удалось добиться согласия императора на этот брак.^[6]

Тридцатидолетнее правление эрцгерцога Фердинанда было отмечено главным образом тем, что он поощрял искусство. Действительно, в этот период страна достигла наивысшего уровня культуры. Всемирно известная коллекция произведений искусства, находящаяся сейчас в Вене, относительно которой большинство авторитетных источников сходятся во мнении, что она была самой обширной и красивой на тот период, почти полностью обязана своим существованием ему. В своем замке Амбрас, недалеко от Инсбрука, он собрал художественные сокровища, которые сейчас, что касается многих примеров, почти, если не совсем уникальны; и тем самым обеспечил себе положение в глазах потомков одного из первых, наиболее образованных и разборчивых коллекционеров и знатоков искусства, которых знал мир.

КОРОЛЕВСКИЙ РОМАН

Фердинанд и его прекрасная супруга на протяжении всей своей супружеской жизни оставались преданными друг другу, хотя, когда отец первого в 1563 году признал брак, было решено, что любые дети, рожденные у этой пары, не должны признаваться королевского происхождения, поскольку союз рассматривался как морганатический. История о том, что Филиппина умерла насильственной смертью, похоже, не основана на фактах.

Фердинанд после смерти своей первой жены женился на Анне Катарине Гонзага из Мантуи, чьим набожным наклонностям и влиянию на него Инсбрук и окрестности были обязаны многими своими религиозными домами и учреждениями.

После смерти Фердинанда, поскольку его дети и Филиппина не смогли унаследовать владения и титул своего отца по упомянутой нами причине, а также поскольку от брака с Анной Катариной детей не было, в 1595 году Тироль вернулся к императору Рудольфу II., который вскоре назначил регентом своего брата эрцгерцога Максимилиана. Этот принц был главой Тевтонского ордена и носил титул дойчмейстера. После его смерти Тироль вернулся к императору Фердинанду II, который в 1622 году отпраздновал свой второй брак с Элеонорой Винченцо Мантуанской в Инсбруке. Это событие было отпраздновано с большой пышностью даже в те времена, когда подобные развлечения были настоящим триумфом великолепия и искусства, а свадебный пир обслуживали тирольские дворяне.

Вскоре Фердинанд назначил регентом своего брата эрцгерцога Леопольда, а после его смерти в 1632 году последнему наследовала его вдова, мудрая и красивая эрцгерцогиня Клаудия Фелицитас Медичи, которая правила Тиролем во время совершеннолетия двух своих сыновей. Ее главным советником был блестящий и выдающийся канцлер Вильгельм Бинер. Эрцгерцог Фердинанд Карл достиг совершеннолетия (и унаследовал свои поместья) в 1646 году, а за неимением наследников мужского пола ему наследовал его брат Франциск Сигизмунд в 1662 году. Правление последнего из названных продолжалось всего три года и внезапно и трагически завершилось накануне его женитьбы. Общественное мнение приписало его смерть отравлению, введенному эрцгерцогу его врачом Агриколой, который, как предполагалось в то время, был спровоцирован на преступление некоторыми итальянскими дворянами, которых эрцгерцог изгнал со своего двора. Со смертью Сигизмунда вторая тирольско-габсбургская линия правителей подошла к концу.

НАД АРЛЬБЕРГСКИМ ТУННЕЛЕМ

Именно тогда Тироль окончательно перешел во владение императоров Австрии, которые до сих пор носят древний титул принца-графа Тироля и другие вспомогательные титулы.

ГЛАВА II

ТИРОЛЬ С МОМЕНТА ЕГО ВКЛЮЧЕНИЯ АВСТРИЕЙ В СОСТАВ ИМПЕРИИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Во время Тридцатилетней войны (1618-1648) между католиками и протестантами Германии, которая была известна победами Валленштейна и Густава Адольфа шведского, Тироль не совсем избежал ее влияния, хотя и не играл в этой борьбе очень важной роли. Однако один результат имел большое значение для известной семьи в Тироле. Это привело к разорению Фуггеров, чья финансовая помощь различным правителям Тироля и Восточной Европы, как правило, оказывалась по мере необходимости. Благодаря их владению двумя знаменитыми

замками-крепостями Трацберг и Матцен, их процветание или что-то иное имело большое значение для Тироля.

С того дня (1665), когда страна полностью вошла в состав Австрийской империи, она отдавала дань уважения императору Леопольду I., единственному наследнику совместных австро-германских владений. Именно во время его правления и из-за этого обстоятельства Тироль был глубоко вовлечен в войну за испанское наследство и стал объектом нападений как со стороны французов, так и баварцев, причем Леопольд был австрийским претендентом на испанский престол, а Филипп Анжуйский, внук Людовика XIV, французский претендент.

В 1703 году французские войска под командованием генерала Вандома вошли в Тироль с Юга и безуспешно осадили Трент по пути на север, в Австрию; и в то же время баварцы вторглись в страну маршрутами, которыми они пользовались почти с незапамятных времен, совершая свои периодические набеги на тирольцев. В течение значительного периода захватчики добивались успеха, и многие деревни и замки Унтер-Иннталя и прилегающих районов были разрушены. Взятие столицы стало причиной восстания ландштурма, или всеобщего сбора крестьян; и в течение 1703 года произошел ряд ожесточенных столкновений между этими плохо вооруженными, но храбрыми тирольцами и баварскими и французскими войсками. Одним из самых известных сражений было то, которое произошло сразу после того, как тирольцы разрушили мост Понтлац, перекинутый через реку Инн, по которому баварцы собирались переправляться. В этом сражении последние под предводительством курфюрста Максимилиана Эммануила были наголову разбиты значительно уступающими силами ландштурма и отброшены из Северного Тироля. Развивая этот успех, тирольцы сосредоточили свои силы на французских войсках под командованием генерала Вандома, которых они вынудили отступить в Италию.

Император Леопольд I, не желая надолго оставаться в Инсбруке, учредил должность статтхальтера, или губернатора Тироля и Форарльберга, должность, которая с тех пор исполняется по сей день, за исключением периода войн Франции и Баварии с Австрией в начале прошлого века.

Император не дожидая окончательного триумфа своих войск. Он умер в 1705 году, и ему наследовали его сыновья Иосиф I и Карл VI. После смерти последнего в 1740 году, в связи с тем, что вместе с ним австрийская мужская линия вымерла, императрица Мария Терезия правила вместо него. За время ее долгого правления Форарльберг стал неотъемлемой частью Тироля благодаря тому факту, что это было имперское поместье, которое естественным путем перешло к короне после исчезновения рода феофанов. Мария Терезия и ее муж, император Франциск I. приехали в Инсбрук в 1765 году на свадьбу своего сына Леопольда, великого герцога Тосканского (впоследствии императора Леопольда II), с Марией Людовикой, дочерью Карла III, короля Испании. Тирольцы и инсбрукцы оказали своим суверенам теплый прием, и празднества были самого великолепного масштаба. Однако веселью было суждено омрачиться и положить конец внезапной смерти императора (мужа Марии Терезии), который скончался во дворце сразу после своего возвращения из Итальянской оперы. Именно он, Франциск Стефан Лотарингский, также великий герцог Тосканский, основал Дом Габсбургов-Лотарингцев, который до сих пор правит Австро-Венгерской империей.

РЕФОРМЫ Иосифа II.

После смерти Марии Терезии в 1780 году ей наследовал ее сын Иосиф II, после восшествия на престол которого многие нововведения были введены в Тироле, а также в других частях его обширной империи. Его благотворные и либерально задуманные реформы, особенно в

том, что касалось Церкви, были вызваны желанием наладить политические и религиозные дела и покончить с аномалиями.

Поскольку план Джозефа предусматривал подавление или упразднение многочисленных приоратов, монастырей, церквей и других религиозных учреждений, неудивительно, что его действия встретили самое яростное противодействие со стороны Церкви, чье имущество оказалось под угрозой. Один из актов - закрытие Инсбрукского университета, который был основан Леопольдом I. в 1677 году, - в наши дни никому не легко понять. План реформ императора Иосифа II не увенчался успехом, хотя он был вызван благородными побуждениями и искренним желанием исправить некоторые очень серьезные обиды.

В 1790 году ему наследовал его брат, император Леопольд II, который вновь открыл университет и отменил большую часть работы, проделанной его предшественником в отношении подавления религиозных домов. Однако он правил всего два года, и за ним последовали его сын Франциск II Германский и Франциск I Австрийский. Этот правитель вззошел на трон в период великого и печального кризиса в европейской истории. Французская революция была в самом разгаре, и последовавший за ней период "кровожадных" наполеоновских войн превратил Европу в огромный лагерь и поле сражений. Кроме того, этому периоду, как показали события, суждено было прославить Тироль на все времена, развить лучшие инстинкты ее народа и представить расу в героическом и романтическом свете.

Чтобы понять положение Тироля в эту эпоху, необходимо кратко обрисовать события, приведшие к борьбе, поскольку она затронула "страну в горах". Мантуя, австро-итальянское владение, пала перед Наполеоном в 1797 году, и молодой генерал немедленно отправил армию под командованием Жубера в Тироль, поскольку пути в страну остались почти незащищенными из-за отступления австрийских войск в сторону Каринтии после их поражения при Лоди 10 мая 1796 года.

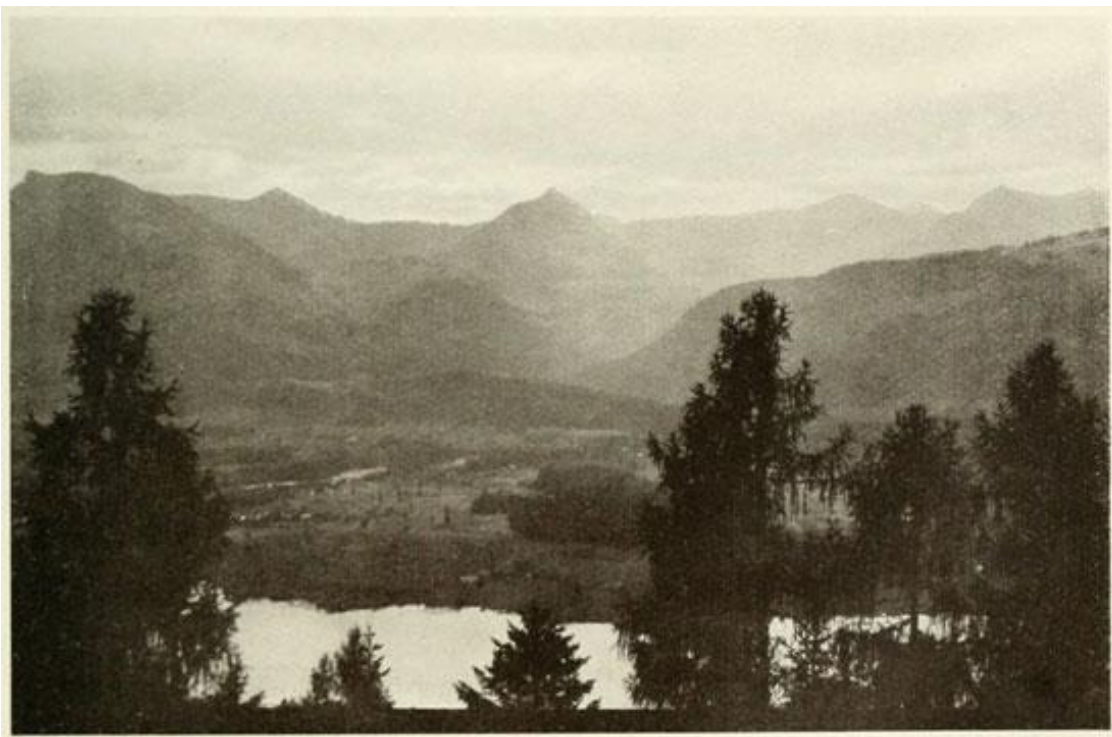
ВТОРЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

В Южном Тироле снова был поднят ландштурм, и снова крестьянские силы (которым было дано презрительное название "рванные мундиры") вступили в ужасающую борьбу за свою любимую землю с не только лучше вооруженными, но и более многочисленными отрядами французских и баварских захватчиков. Однако даже испытанным легионам Наполеона было суждено оказаться такими же грозными, как некогда Максимилиану.

Под командованием доблестного фон Ворндля ландштурм долины Инн был отведен в Пустераль, где к нему присоединились австрийские войска под командованием генералов Лаудона и Керпена. Войска Наполеона, хотя и были хорошо руководимы и обладали всеми преимуществами, которые могли дать им опыт и знание стратегии, тем не менее не смогли противостоять потрясающему натиску и героической храбрости, проявленной тирольцами. При Спингесе произошло ожесточенное и кровопролитное сражение, которое привело к триумфу крестьянских сил и полному разгрому захватчиков, которые были вынуждены эвакуироваться из страны. Примерно в то же время близ Бозена произошло еще одно небольшое сражение, где всего лишь горстка крестьян вступила в бой с значительно превосходящими силами противника и разгромила их. Это в остальном сравнительно незначительное событие приобрело известность и значимость благодаря тому факту, что эту небольшую группу прохожих крестьян возглавлял высокий, широкоплечий мужчина с длинной каштановой бородой по имени Андреас Хофер, которому впоследствии было суждено сыграть столь великую и примечательную роль в истории его любимой страны.

ЗАКАТ НА ТИРОЛЬСКОМ ОЗЕРЕ

ТИПИЧНЫЙ ТИРОЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

После битвы при Спингесе военные действия были на время прекращены Кампо-Формийским мирным договором от 17 октября 1797 года.

Во время этой предварительной борьбы с французами, по оценкам ряда авторитетных источников, более 100 000 крестьян взяли в руки оружие для защиты своей страны, среди которых было много женщин и молодых девушек. Общая численность населения Тироля в тот период, вероятно, ненамного превышала три четверти миллиона человек.

Мир, обеспеченный Кампо-Формийским мирным договором, однако, просуществовал недолго, поскольку в начале 1799 года война вспыхнула снова, и французы под

командованием генерала Массены вошли в Тироль, на этот раз через Швейцарию через горные перевалы, а баварцы поддерживали захватчиков вторжениями через границу в направлении Зальцбурга. В сражении близ Фельдкирха в Форарльберге генерал Массена потерпел поражение; и, предприняв новую атаку, французы, услышав звон всех церковных колоколов округа в канун Пасхи и приняв их за набат, созывающий ландштурм, поспешно отказались от своих намерений и отступили через границу на территорию Швейцарии. Победы при Маренго и Гогенлиндене 14 июня и 3 декабря следующего года привели к заключению Люневильского мирного договора 9 февраля 1801 года, по которому епископства Бриксен и Трент (уже в некотором смысле принадлежащие Тиролю) стали неотъемлемой частью страны.

Однако военные действия продолжались в других частях Европы, и война затянулась надолго, Наполеон почти беспрепятственно захватил Континент и, особенно, Юго-Восточную Европу, вплоть до Ульма, где австрийцы потерпели поражение 17-20 октября 1805 года. Французская армия под командованием маршала Нея впоследствии вошла в Инсбрук и заняла его. Затем 2 декабря произошла катастрофическая битва при Аустерлице, в которой Наполеон разгромил объединенные силы России и Австрии. Власть последнего была поколеблена, и по Прессбургскому мирному договору 26 декабря 1805 года Тироль, который вот уже более четырехсот лет был одним из главных владений дома Габсбургов, был передан победителям. Баварцы захватили северную, а французы - южную часть. Страна не только была на время потеряна для Австрии, но даже у нее было отнято ее название. Новые владельцы быстро разделили его на три части, известные под названиями трех главных рек — Инн, Айсак и Адидже.

В начале года, последовавшего за заключением Мирного договора, баварцы официально вступили во владение своей новой территорией. В течение примерно трех лет тирольцы страдали под властью своих завоевателей. Но это время было потрачено не только на праздный ропот или раболепное принятие ига завоевателя. Крестьяне, которые так храбро сражались за свою землю и свободу в древние времена, а также в 1797 и 1799 годах, горели желанием снова выйти на поле боя, чтобы вернуть себе утраченную свободу и навсегда изгнать узурпаторов из своего прекрасного Тироля за его границы.

ВОЗВЫШЕНИЕ АНДРЕАСА ХОФЕРА

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем общее восстание общины постепенно организовывалось тремя людьми, каждому из которых было суждено прославиться и войти в историю потомства как спасители своей страны. Андреасу Хоферу, родившемуся в 1765 году в семье трактирщика в Сэндиленде в долине Пассейер, было суждено затмить как при жизни, так и после смерти двух своих спутников по имени Спекбахер, родившихся в Ринне, и Хаспингера, высокого рыжебородого монаха-капуцина, известного соответственно как "огненный дьявол" и "рыжая борода".

Задача, которую поставили перед собой Хофер и его товарищи, была нелегкой. Страна кишела не только солдатами баварских оккупационных войск, но и шпионами, которые, кажется, всегда появляются всякий раз, когда приходится расплачиваться за предательство. Наказанием для людей, принимавших участие в любых подобных схемах, подобных той, в которой были замешаны Хофер, Спекбахер, Хаспингер и их верные товарищи, была смерть. Смерть не только для руководителей, но и для самого скромного участника. Тем не менее план удался. Интересно вспомнить об очень большой и важной роли, которую сыграли в организации крестьянского восстания тирольские трактирщики, или *вирте*, которые были очень непохожи на обычное представление англичан о людях своего класса. Обычно они

были самыми богатыми, а также наиболее солидными членами деревенских сообществ, в которых они проживали, и содержали свои *Виртхаусы*, вокруг которых, действительно, сосредоточивалась большая часть социальной, а также муниципальной жизни деревни. Они были осведомлены лучше, чем многие из их соседей, поскольку все путешественники, приезжавшие в деревни, находили дорогу к их гостеприимным крышам; и те отголоски внешнего мира, которые когда-либо достигали уединенных деревень, как бы просачивались сквозь них. Именно в этих людях Хофер нашел своих величайших союзников и самых способных помощников. В течение трех лет, последовавших за баварской оккупацией и крестьянским восстанием, трактирщики Тироля были заняты тем, что собирали вокруг себя небольшие группы доверенных людей, которые, движимые общим желанием освободить свою страну, скорее приняли бы смерть, чем выдали хоть одно слово о тайных соглашениях, о которых им постепенно стало известно.

Когда многие приготовления были завершены, Андреас Хофер начал переписку с правительством в Вене, которое, казалось, было настолько неспособно и не желало помогать храбрым людям, которых оно, казалось, бросило в их борьбе за свободу, в лице эрцгерцога Иоанна. Но хотя Хофер и его спутники, по-видимому, не получили особой определенной или материальной поддержки от императора или его советников, они отправились в Вену, имели несколько бесед с эрцгерцогом, который, по-видимому, был наиболее благосклонно настроен к их плану, и на этих беседах план кампании был определенно сформулирован. В конце концов Хофер вернулся в Сент-Леонард, возведенный в ранг главнокомандующего национальными вооруженными силами и имеющий все полномочия делать то, что он считал наилучшим в интересах страны.

Чего он, однако, не получил, так это какой-либо поддержки из Вены в виде оружия или дисциплинированных войск, которыми можно было бы заправить его "рваные мундиры". Мужество людей, вступивших в кампанию против обученных и испытанных солдат, вооруженных самым современным оружием того времени, трудно оценить, поскольку его, безусловно, невозможно переоценить. Из-за тщательного поиска оружия, который баварцы и французы ввели почти в каждом жилище страны, в течение двух или трех лет, прошедших между подписанием Прессбургского мирного договора и восстанием крестьян под предводительством Хофера, было невозможно получить и хранить новое оружие в любом количестве, даже если бы сделать это не составляло труда из-за полчищ шпионов, наводнивших Тироль и, казалось, скрывавшихся почти под каждым камнем. Таким образом, устаревшее оружие, большинство из которого побывало на войне столетней давности, — крючья, косы, дубинки и вилы, а также любое другое оружие, которое они могли изобрести самостоятельно или изготовить деревенскими кузнецами, — было противопоставлено оружию некоторых французских и баварских войск. Все, что было у крестьянских войск для поддержки в борьбе с хорошо вооруженными и дисциплинированными ветеранами, превосходящими их в военном деле, — это бесстрашие и большее знакомство с местностью и боями в горах.

ШВАРЦХОРН, Южный ТИРОЛЬ

По возвращении Хофера со своими спутниками из Вены его Гостиница стала прибежищем — более или менее тайным — для всех, кто действительно желал присоединиться к народному движению и освободить страну. Многие, как нам сказали, обвиняли его в том, что он так безоговорочно доверял всем, кто приезжал. Но возражавшим он давал тот же ответ: "Среди моих соотечественников нет предателей". О том, что его уверенность не была напрасной, красноречиво свидетельствовал тот факт, что тайна заговора, столь обширного, что, можно сказать, он распространился на север, юг, восток и запад почти по всему Тиролю, оставалась нераскрытой до приснопамятной ночи 10 апреля 1809 года, когда настало время восстания.

ПРИЗЫВ К ОРУЖИЮ

Вечером того же дня крестьяне Пассейера и других долин были призваны к оружию с помощью больших костров, которые вспыхнули в темноте ясного апрельского неба длинными красными языками пламени. На каждом гребне холма в окрестностях долины Пассейер горел сигнальный костер, и на него отвечали другие костры на горах, затенявших отдаленные долины. На следующее утро Андреас Хофер оказался на рассвете во главе почти 5000 человек, которые все до единого "исповедались" и причастились, прежде чем взяться за оружие во имя своего священного дела свободы.

Баварцы были сразу же подвергнуты горячей атаке и разбиты; и 12-го числа, вскоре после рассвета, более 15 000 крестьян встали под знамена Хофера и появились перед Инсбруком. С неукротимой храбростью они захватили мост через Инн, штурмом овладели высотами и, войдя в город, вступили в ожесточенный рукопашный бой с войсками генерала Биссона (который командовал объединенными французскими и баварскими силами) и вынудили его сдаться.

В смертельной схватке на улицах, которые были красны от крови и в грязь которых крестьяне, французские и баварские солдаты и офицеры были втоптаны наступающими тирольцами, более грубое оружие последних, состоящее из огнестрельных ружей с тяжелыми

прикладами, широких ножей, используемых в сельском хозяйстве, лезвий кос, прикрепленных к посохам, и дубинок, вырезанных из зарослей на склоне горы, было столь же смертоносным, а может быть, и более опасным, чем оружие их врагов.

По древним улицам, затененным вечными заснеженными горами; в узкие переулки и дворы древнего города; под аркадами старинной Херцог-Фрейдрих-штрассе неслись тирольцы, убивая на ходу, пока захватчики, отброшенные от щели к щели, не нанесли удар в открытую, вынудив многих из них отступить по берегам Гостиниц, пока они не упали обратно в быстротекущую реку, не взмолились о пощаде и не сдались.

В Вильтене, на окраине самого Инсбрука, вспыльчивый Шпекбахер окружил баварский отряд численностью почти в 5000 человек и взял их в плен. Таким образом, менее чем после четырехдневных боев тирольцы разгромили баварцев, захватили Инсбрук и вынудили французского командующего просить пощады. И в своих руках они держали двух генералов, 132 офицера, почти 6000 человек, три штандарта, пять пушек и 800 лошадей.

К концу апреля Тироль снова был свободен от захватчиков, за единственным исключением, что баварцы все еще удерживали замок Куфштайн.

Именно сейчас правительство в Вене допустило одну из многих серьезных ошибок, которые на протяжении всей своей деятельности характеризовали политику, проводимую в отношении борьбы Тироля за свободу. Верховное командование было поручено генералу Шастелеру, о котором говорили, что "он всегда приходил слишком поздно и уходил слишком рано". И с этого момента преимущества, достигнутые Хофером, его храбрыми товарищами по оружию Шпекбахером и Хаспингером, а также крестьянскими войсками, были утрачены. За почти невероятно короткий промежуток времени Шастелеру удалось потерять все, что было выиграно. В конце концов его неспособность удержать то, что было вверено его обязанностям, стала настолько очевидной, что он отступил за Бреннер, предоставив Андреасу Хоферу делать все возможное для защиты той части Тироля, которая тогда не была отвоевана врагом. Немногим более чем через месяц после того, как французы и баварцы были изгнаны из Инсбрука, они снова с триумфом вошли в него; и таким образом, 20 мая Тироль был еще раз фактически завоеван.

Однако храбрый вождь крестьян был полон решимости предпринять еще одно отчаянное усилие, чтобы освободить свою страну от французского и баварского ига, и, призвав под свои знамена всех, кто был способен носить оружие, он имел удовольствие еще раз изгнать захватчиков из Инсбрука и во второй раз освободить страну, которую он так любил.

РАЗГРОМ АВСТРИИ

Однако этому триумфу не суждено было продлиться долго, поскольку австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла потерпели сокрушительное поражение от войск Наполеона при Ваграме 5 и 6 июля 1809 года и были вынуждены просить мира или, по крайней мере, перемирия в Знайме, в котором Тироль игнорировался. Помимо прочего, по последующему договору Австрия уступила все свое морское побережье Франции, а также значительную территорию Саксонии и Баварии. Но только после того, как французские, баварские и саксонские войска численностью около 50 000 человек сразу после победы при Ваграме вошли в Тироль под командованием маршала Лефебра, а австрийская армия вышла из Инсбрука, полностью отступая перед наступающим врагом, Хофер понял, что император и его советники снова бросили его и его дело.

Снова Хофер пришел на помощь; и, хотя в какой-то степени он был беглецом в одном из малоизвестных ущелий, ему удалось разослать из долины в долину призыв к людям снова собраться вокруг его штандарта. Чтобы никто не узнал из этих повесток, где он скрывался, он обычно подписывал их "Андреас Хофер, оттуда, где я нахожусь"; в то время как в свою очередь те, кто общался с ним, адресовали свои "Андреасу Хоферу, где бы он ни находился".

Ему еще раз удалось вдохновить своих соотечественников собственным бессмертным, нестигаемым патриотизмом. Собрав свои силы в ущелье Миттевальда, он ожидал наступления врага. Мы не можем придумать ничего лучше, чем частично воспользоваться для описания того, что последовало, волнующим и ярким повествованием Альберта Вольфа. Авангард маршала Лефебра под командованием генерала Руйе продвинулся к Стерцингу; а затем колонна саксонских войск численностью около 4000 человек была выброшена за пределы деревни в сторону ущелья Стилфес с приказом смести повстанцев. Мысль о том, что необученные, плохо вооруженные и разнородные крестьянские силы могли успешно противостоять победителям при Ваграме, казалась маршалу и его офицерам нелепой, даже если тирольцы были настолько безрассудны, что предприняли такую попытку. Некоторое время саксы продвигались вперед, не встречая сопротивления и не обнаруживая врага; а затем, когда вся колонна полностью вошла в ущелье, со склонов гор над ними раздался внезапный устрашающий крик: "В атаку, и пощады не будет".

За этим криком последовали тысячи крестьян, мужчин, женщин и детей, пожилых и молодых, выскочивших из-за валунов на склоне холма, из ложбин. Вниз по крутому горному ущелью обрушивались камни, стволы деревьев, бревна, земля и камни, сорванные с удерживающих веревок тирольцами, сметая все препятствия перед собой и обрушиваясь на запертых саксов подобно лавине. Затем, пока последние тщетно и яростно пытались выбраться из-под обломков и заграждений, крестьяне бросились вниз по склону горы и набросились на своих сбитых с толку врагов, выкрикивая боевой клич Хофера "За Бога и нашу Страну".

Полностью разбитый враг повернул и бежал — то, что от него осталось, — в сторону Инсбрука, преследуемый тирольцами во главе с Хофером, Шпекбахером и рыжебородым капуцином Хаспингером, который держал в одной руке распятие, а в другой окровавленный меч. К саксам тирольцы не проявляли милосердия, и сотни их были убиты, когда они бежали по дороге обратно в Инсбрук.

ТРИУМФ ХОФЕРА

Немногим более чем за неделю Хофер, энергично развивая свою победу на перевале Стилфес, еще раз отбил захватчиков, отвоевал позиции на Берг-Изеле и разместил свой штаб в Шенберге. Эти исторические восемь дней сражений и побед известны в истории Тироля как "великая неделя".

Однако Инсбрук все еще оставался в оккупации противника. Взятие города было задачей, которая могла бы заставить задуматься любого менее храброго и отважного командира, чем Хофер. Но он был не тем человеком, который стал бы медлить с полным освобождением своей любимой земли от тех, кто вторгся в нее. Планы были составлены, день назначен, и наступление назначено. Утром в день нападения, в пять часов, воинственный капуцин Хаспингер, командирская фигура, на которую свет ранней зари бросал почти сверхъестественный отблеск, отслужил мессу перед собравшимся крестьянским воинством, которое стояло на коленях сомкнутыми рядами, оборванное, неопрятное, но вдохновленное на великие подвиги воспоминаниями о своих прошлых победах. После этого торжественного обряда Хаспингер снова стал военачальником, а не священником; вскочив в седло, он

обнажил меч и возглавил левое крыло. Сам Андреас Хофер находился в центре и возглавил атаку там, двинувшись прямо на Инсбрук.

Рассказ современника описывает героя как "преобразившегося с едва ли земным величием, когда, горя патриотизмом, он погнал своего коня вперед, в бой". С развевающейся на ветру длинной бородой, за которую французы прозвали его генералом Барбоном, и боевым кличем "Вперед, за свою страну и своего императора! Бог защитит правых!" он вел свои войска так неотразимо, что войска маршала Лефебра уступили и эвакуировали город. На следующий день, 15 августа, в праздник Пресвятой Богородицы, Хофер во главе своих победоносных крестьян в третий раз вступил победителем в столицу.

Вокруг него толпились горожане, охваченные радостным порывом, прижимаясь к нему так тесно, что многие были растоптаны копытами его лошади. Охваченный энтузиазмом, облегчением и триумфом победы, Хофер в один голос был назван диктатором Тироля. Но была та странная аналогия, которая так тесно связывает позицию Хофера в час триумфа (несмотря на различия по полу) с позицией Жанны д'Арк и Кромвеля. Повернувшись к толпе, которая до отказа заполнила узкие улочки, он воскликнул, бросив кроткий и почти жалостливый взгляд на их обращенные к нему лица: "Не кричите от торжества, но возносите благодарность Богу и молитесь". У дверей францисканской церкви он спешил и вошел в здание, чтобы возблагодарить Бога, и остался там в молитве, не обращая внимания на радостные возгласы и "хохотушки" большого собрания его солдат и соотечественников снаружи, звуки которых, доносившиеся в этот час через постоянно открытые двери церкви, не имели для него личного значения.

На выходе из здания его встретили знатные горожане, которые выразили свою вечную благодарность своему избавителю. Но в ответ он сказал: "Клянусь моей бородой и Святым Георгием, сам Бог, а не я, был Спасителем нашей страны".

Андреасу Хоферу было суждено показать, что он не только воин, но и администратор, движимый самыми возвышенными желаниями на благо своей страны. В каждом акте его правления просматривался истинно религиозный и патриотический характер этого человека. И за то короткое время, что он правил во дворце в Инсбруке, с нетерпением ожидая одобрения и помощи от своего императора в Вене, его поведение было отмечено достоинством, добротой и силой. Но, увы, его триумф был недолгим. Менее чем через два месяца после взятия Инсбрука свежая баварская армия вошла в Тироль через Унтер-Иннталь и, застав Шпекбахера врасплох, захватчики одержали частичную победу; и прежде чем удалось исправить катастрофу 10 октября, был подписан Венский мирный договор (14 октября 1809 г.), по которому Наполеону в качестве цены мира была обещана рука одной из принцесс Габсбургов.

Благодаря этому новому соглашению Тироль оставался баварским, и эрцгерцог Иоанн лично призвал Андреаса Хофера сложить оружие. Последний не подчинился. Он убедил себя, что Венский мирный договор не имеет смысла или является просто уловкой, позволяющей захватчикам вновь закрепиться в стране, и решил продолжать борьбу. Его последователи, однако, были обескуражены бессердечием, с которым австрийское правительство неизменно оставляло их сражаться в одиночку.

Спекбахера тоже покинули все, за исключением горстки людей, и после того, как он некоторое время скрывался и чудом избежал поимки, ему удалось добраться до Вены. Впоследствии к нему присоединился капуцин Хаспингер, который в конечном итоге был назначен викарием в Хетцинге, недалеко от Шенбрунна. Тогда Хоферу стало ясно, что продолжать борьбу за свободу именно сейчас бесполезно и, по сути, невозможно; поэтому

он разогнал свою собственную горстку верных друзей и сторонников, сказав им: "Мы скоро встретимся снова, ибо Тироль не погибнет".

ХОФЕР - ПРЕСТУПНИК

С этими пророческими словами, которым не суждено было сбыться до встречи со своими верными товарищами по оружию, Хофер попрощался со своими товарищами и скрылся беглецом в горах долины Пассейер.

За его голову была назначена награда баварцами и французами, которые признали, что их мирное занятие завоеванной и уступленной территории в значительной степени зависело от поимки и заключения в тюрьму или смерти Хофера, который как популярный герой занимал столь высокое место в сердцах своих соотечественников; и что для него пребывание на свободе представляло бы постоянную угрозу.

Долгое время Хоферу удавалось ускользать от бдительности своих потенциальных похитителей. Технически и из-за того, что австрийское правительство покинуло его, он был мятежником из-за своего отказа сложить оружие по приказу эрцгерцога Иоанна. В конце концов, как это часто бывает, нашлась одна база, достаточно вероломная, чтобы предать беглеца за кровавые деньги. Ведомые таким человеком по имени Раффль, несколько итальянских жандармов при поддержке небольшого отряда французских солдат пробрались по запутанным горным тропам к шале, где — недалеко от Сен—Леонарда, но вдали от других населенных пунктов - Андреас Хофер в течение нескольких месяцев жил со своей семьей, теперь сломленный отчаянием за свою страну, тревогой и лишениями.

Он не оказал сопротивления и был немедленно доставлен в Мантую в сопровождении (такова была его слава и таковы были опасения, что он сбежит или будет спасен) четырех французских офицеров, батальона пехоты и отряда кавалерии. Австрийские власти, по-видимому, не предприняли никаких усилий для спасения героя, которому они были столь многим обязаны, и Хофер предстал перед военным трибуналом под председательством генерала Биссона и был приговорен к расстрелу.

СМЕРТЬ ХОФЕРА

Утром 20 февраля 1810 года Андреаса Хофера, который пролежал в тюрьме совсем недолго после вынесения приговора, рано разбудили и повели умирать. У ворот собралась горстка его друзей и товарищей по оружию, которые были схвачены и доставлены в Мантую или последовали за ним туда, и они преклонили колени и просили его благословения, когда он проходил мимо них; он дал его спокойно, оставаясь внешне гораздо менее взволнованным, чем те, кто его получил.

Затем далее к воротам Церезы, где расстрельная группа остановилась. Хофер отказался от повязки на глазах; он также не стал опускаться на колени. Но, стоя прямо, с непоколебимым мужеством он столкнулся лицом к лицу с шеренгой солдат, которые с заряженными мушкетами должны были убить его. Отдавая капралу последнюю оставшуюся у него монету, он сказал ему: "Целься прямо". Затем он спокойно подал сигнал к стрельбе.

Раздались выстрелы из мушкетов, пули достигли цели, и один из самых благородных патриотов, которых когда-либо видела Европа, упал без единого стога.

По его собственной последней просьбе его тело было похоронено в Мантуе в саду его друга и отца-исповедника Манифести. Там он пролежал пятнадцать лет, пока однажды ночью три офицера тирольского егерского полка украдкой не забрали останки, огорченные тем, что

герой Тироля должен лежать похороненным на чужой земле. Тело сначала было доставлено в Бозен, а вскоре после этого - в аббатство Уилтен.

Когда позже ему были устроены похороны, достойные его славы, депутации прибыли со всех концов Тироля, чтобы отдать дань уважения величайшему герою в его истории; и среди толпы, равной которой, возможно, никогда прежде не было на улицах Инсбрука, останки Андреаса Хофера были с большой помпой перенесены к месту их последнего упокоения в церкви францисканцев двенадцатью трактирщиками. На гробу лежали его шляпа, шпага и ордена, а на нем - герб его семьи, который был облагорожен императором Франциском I. в 1819 году. И вот, в гробнице, высеченной из мрамора Тироля, который он любил, его тело было предано земле.

В том же году, когда умер Хофер, Тироль был разделен на три части. Италия заняла южную часть, Бавария сохранила северную, а Иллирия - юго-восточную, или Пустертальскую, область. Так продолжалось в течение трех лет, до 1813 года, когда власть Наполеона в Восточной Европе была раз и навсегда сломлена, когда он потерпел поражение в ожесточенной битве при Лейпциге 16-18 октября от союзных войск Австрии, России и Пруссии. В этом сражении (известном как "битва наций") участвовало свыше 400 000 человек; пятая часть от этого числа была убита. В критический момент боевых действий союзникам помогло дезертирство от Наполеона большого отряда саксонцев.

В следующем году Тироль был воссоединен с Австрией с добавлением долин Циллер и Бриксен, а также Виндиш-Матрей. 27 мая 1816 года император Франциск I. (который в 1806 году отказался от титула императора Германии, сохранив только титул Австрии) въехал в Инсбрук, чтобы получить присягу народа. Его встретили с большим энтузиазмом, народ безудержно радовался тому, что еще раз обрел свободу и воссоединился с Австрийской империей.

Во время революционного волнения, охватившего Европу в 1848 году, тогдашний император Австрии Фердинанд и его императрица нашли убежище в Тироле; а во время австро-итальянской войны 1848 года тирольцы сильно отличились своей храбростью и меткой стрельбой.

Добавить к истории Тироля больше нечего. 2 декабря 1848 года император Франциск Иосиф I. сменил своего дядю Фердинанда, который отрекся от престола после того, как тринадцать лет правил страной под руководством могущественного князя Меттерниха, чья реакционная политика спровоцировала революцию 1848 года.

В 1859 году австро-итальянские провинции, за исключением Венеции, были поглощены королевством Сардиния до образования Королевства Италия. В результате Тироль стал границей Австрии с Италией, и его значение возросло. В 1866 году, во время войны между Австрией и Пруссией, последняя поддержала итальянцев в плане захвата Южного Тироля. Тирольские егерские и шутценские части приняли видное участие в кампании и с большим достоинством участвовали в битве при Кустоце, где австрийцы с 70 000 человек разгромили армию Виктора Эммануила, почти вдвое превосходившую их по численности. Впоследствии, когда пруссаки разгромили австрийцев в битве при Садове или Кениграце 3 июля 1866 года и была предпринята новая попытка захватить Южный Тироль, жители еще раз показали, что их былое мужество и ресурсы ничуть не уменьшились.

СОВРЕМЕННЫЙ ТИРОЛЬ

С тех пор в Тироле, к счастью, царит мир и процветание; здесь развиваются искусства и действует система образования, которая приносит хорошие плоды.

Каким может быть будущее этой благодатной и прекрасной земли, кто может сказать? Возможно, этот секрет уже заперт в канцеляриях Восточной Европы.

Но мудрый и милосердный правитель, который сейчас охраняет судьбы многогранной Австрийской империи, стар, и когда придет конец, не нужно быть проницательным наблюдателем, обладающим большим даром предвидения событий, чтобы предсказать, что Тироль может стать ареной еще большей борьбы, когда желание Германии заполучить морской порт на Средиземном море через Адриатику получит возможность осуществиться.

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ, ОБЫЧАИ И ВИДЫ СПОРТА

Точно так же, как в случае со Швейцарией, в Тироле сама земля, ее история, даже ее геологическая эволюция, по-видимому, в какой-то мере отражаются в характере и расположении ее жителей. Действительно, невозможно долго находиться в Тироле, не осознав и не оценив этот факт. В доброте и гостеприимстве тирольцев отразились черты отчужденности от внешнего мира и зависимости друг от друга, типичным примером которых является положение их "земли в горах", — черты, которые выросли (и, к счастью, еще не стали, по крайней мере в более отдаленных частях, в значительной степени испорченными соображениями личной выгоды) из обстоятельств прежних дней, когда индивидуальное гостеприимство должно было компенсировать отсутствие гостиниц и подобных коммерческих удобств. Точно так же в суровом, патриотическом и стойком характере людей можно проследить параллель с конфигурацией их любимой земли; как можно также проследить в их целеустремленности, набожности, поэтических чертах и простоте скромную и трудолюбивую жизнь, которую ведет большинство, не обремененную в прежние времена мелочами и в последующие века усиленную великой потребностью в патриотизме и самопожертвовании, которые политические кризисы за пределами их собственных границ часто вызывали у них вторжение и попытки подчинения.

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Поэтому совсем не удивительно, что люди, живущие на земле такой непревзойденной красоты, где украшенные цветами верхние пастбища переходят в скалистые пики, ледники и покрытые снегом высоты; где музыка журчащих ручьев, сбегаящих по склону горы, и рев более мощных потоков всегда с ними; с вечной тишиной огромных высот, окружающих их и как бы закрывающих их от внешнего мира, должны быть одарены пониманием романтической красоты, легенд и поэзии, недоступных обычным смертным.

Как мы уже показали, в окруженных горами пределах Тироля произошло много исторических событий. И в наши дни, когда страна медленно, но верно становится восхитительным местом отдыха для усталых жителей западных городов, многие из ее долин пробуждают в умах тех, кто хоть что-то знает об истории страны, драматические и романтические воспоминания о волнующих событиях и легендах, которые на протяжении прошлых веков ассоциировались с их именами.

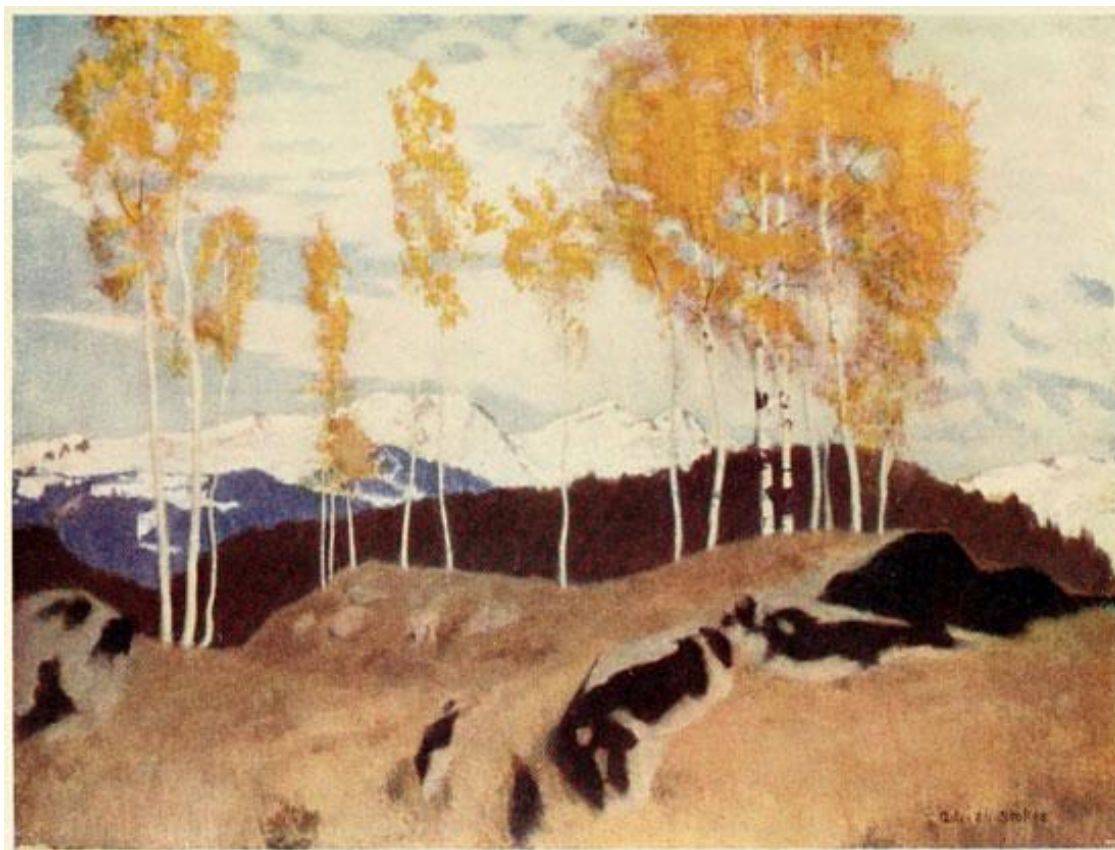
Едва ли найдется долина, деревня или поселение, расположенные высоко или низко в этой заманчивой стране, которые не имели бы своей собственной легенды или истории. И почти во всех наименее посещаемых уголках можно обнаружить странные и непонятные большинству путешественников диалекты, все еще сохраняющиеся среди крестьянства,

несмотря на тот факт, что постепенно происходит германизация даже южной части Тироля. В том или ином из этих сохранившихся диалектов ученые и филологи прежних времен думали, что может быть найден ключ к древнему языку Этрурии; и в более современные дни была выражена та же надежда, но пока она не осуществилась. Мюллер, [7], например, думал, что в какой-нибудь уединенной долине Тироля или Гризонда может быть обнаружен ключ к загадке в виде "остатка старого ретийского диалекта". С тех пор надежды Мюллера в какой-то мере оправдались благодаря усилиям и исследованиям Штейба, который, путешествуя по Тиролю в альпийских районах в 1842 году, обнаружил некоторые фрагментарные остатки диалекта, очень близкого к этрусскому, хотя и недостаточно полного, чтобы сформировать какой-либо очень важный или расширенный ключ к языку. Его книга [8] содержит результаты исследований, тестов и умозаключений, к которым его поначалу побудили странные названия городов и деревень, с которыми он сталкивался в своих путешествиях. Затем он собрал их, и, как нам говорят, приступил к работе, "проверяя их с кельтским языком, но, не обнаружив аналогии, он попробовал другие тесты и с этрусским добился значительного успеха", что, однако, было ценно главным образом как подтверждение теории и древних традиций рето-Этрурии. Многие из его выводов, однако, никогда не были приняты филологами ни его времени, ни более поздних времен; и некоторые примеры слов, которые он приводит как имеющие аналогии, совершенно непонятны обычному студенту.

ЯЗЫК

По сути, немецкий и итальянский - языки, на которых говорят по всему Тиролю, знания которых будет достаточно для любых обычных целей путешествия. Первый преобладает в Форарльберге и Северном Тироле; второй - в Южном Тироле и Вельш-Тироле, хотя немецкий встречается в обоих этих округах, а в Южном Тироле его очень много.

Однако в Форарльберге можно встретить множество слов и выражений, которые, несомненно, итальянского происхождения и являются оставшимися свидетельствами периодов, когда Венецианская республика правила районом, ныне входящим в состав Тироля. Итальянское слово *gútto*, например, банка или бутылочка для кормления, имеет аналог в *guttera*; в то время как от *fazzolétto*, носовой платок, происходит *fazanedle*; и от *gaudio*, радость, у нас есть *gaude*; а от *cappéllo*, шляпа, вероятно, произошло *schapel*.

ВИД НА ТИРОЛЬСКИЕ АЛЬПЫ

В некоторых частях Форарльберга встречается очень значительное количество слов французского происхождения или заметного сходства с французскими словами. *Gesrousa*, невеста, имеет явную филологическую близость к *érouse*; а *ai*, вода, произносится очень похоже, может быть прослежено до *eaui*, и встречается как в Северном Тироле, так и в Форарльберге. *Шеса*, двуколка или двуколка, имеет заметное сходство с французским *фаэтоном*.

Даже Англия, по-видимому, внесла значительный вклад в словарный запас некоторых районов Тироля, хотя, возможно, это, строго говоря, слова, аналогичным образом происходящие из немецкого или нормандско-французского языков, которые стали общими для обоих. В *gulla*, овраге; *gompa*, прыгать; *datti*, папа; *witch*, ведьма; и многих других это прослеживается. Из этих нескольких примеров можно сделать вывод, что язык и диалекты Тироля состоят из нескольких языков, как это почти всегда бывает в странах, переживших множество превратностей оккупации и развития.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

В Тироле, который пережил все это и обладает такой большой долей романтической красоты, и даже в наши дни есть "уединенные места", нет ничего удивительного в том, что легенды, суеверия и мифы встречаются почти повсюду. Почти в каждой деревне есть своя собственная, происхождение которой теряется в тумане древности, и дату которой можно с большой точностью проследить только по аналогии с какой-нибудь другой похожей, более широко известной и легче датируемой легендой, преданием или суеверием. Многие из них отражают реальные события, записанные и перезаписанные с поэтической вольностью и разной точностью, так что в конце концов то, что изначально было основано на факте, со временем покрылось большим количеством поэтических образов и вымысла. К большинству

этих историй и описаний событий каждый рассказчик добавлял что-то от себя, подсказанное его знаниями, воображением или искусством; и таким образом, в конечном счете то, что когда-то было фактами, стало легендами, общими для всех по всей длине и широте страны, пока кто-нибудь не зафиксировал их в постоянной форме письменно или печатно. Затем колебания в такте прекратились.

Тироль полон этих легендарных преданий, суеверий и мифов, к которым, действительно, приводят геологическое положение местности и простые привычки людей. Если мы вспомним, что в древние времена было всеобщим обычаем относить все проявления законов Природы, которые нелегко было проследить и понять, к сверхъестественному, неудивительно, что простые, бесхитростные и необразованные тирольцы так относили многие чудеса, среди которых они жили. Об одной очень заметной черте характера тирольцев свидетельствует тот факт, что, несмотря на столетия эволюции, в течение которых суеверия играли столь важную роль в жизни народа, и существование безотчетной веры в сверхъестественное, их многие добродетели, особенно патриотизм, трудолюбие, бережливость, нравственность, гостеприимство и религия, не пострадали, как у некоторых других народов.

Среди множества легенд об удивительном и сверхъестественном персонаже, которые встречаются по всему Тиролю, есть одна, связанная с милой маленькой деревушкой Таур в Иннтале. Это связано с отшельником, который жил в семнадцатом веке в келье с видом на Вильдбах. Сельские жители часто говорят, что он был самым святым Ромедием, хотя это, конечно, могло быть и не так. Однажды ночью, когда святой человек был занят своей обычной медитацией и молитвой, в маленькое окошко его убежища кто-то постучал. Открыв дверь, каково же было его изумление, когда он увидел не заблудшего путешественника, которого он ожидал найти жаждущим его гостеприимства и крова, а дух его друга, жреца Таура, который недавно умер. Последний умолял святого человека сжалиться над ним, говоря: "Сжался надо мной, отче, ибо мои страдания ужасны. Однажды, когда были заказаны три мессы и уплачены гонорары, я забыл их отслужить, и теперь за этот грех меня наказывают сильнее, чем я могу вынести".

Далее легенда гласит, что он положил руку на низкую крышу маленького крыльца перед кельей отшельника, и впоследствии святой человек обнаружил, что дерево обуглилось и на нем остался неизгладимый отпечаток руки замученного священника. Бедный проситель умолял своего старого друга отшельника отслужить Мессу, помолиться и поститься за него. Святой человек честно пообещал это сделать; и, сдержав свое обещание, год и день спустя дух еще раз постучал в окно и сказал ему, что теперь он свободен от чистилища. В часовне по крайней мере несколько лет назад висела и, как мы полагаем, висит сейчас плитка с выбитым на ней знаком руки священника, под которым написано описание чуда с датой февраль 1660 года.

Особенно в Вельш-Тироле существует множество фольклорных сказок, имеющих явно библейское происхождение или наводящих на размышления. Возможно, это устные версии библейских эпизодов, передававшихся из поколения в поколение в первые годы христианства и в средние века, пока они постепенно, с течением времени и разнообразного повторения, не утратили свой строго библейский характер. Одна из наиболее часто встречающихся историй (ее рассказывают большинство тирольских матерей своим детям, и она является любимой из-за ее драматического конца и потому, что добродетель торжествует) имеет очень сильное сходство с историей Джозефа и его братьев. История гласит так: "Давным-давно жил король, у которого было три сына. Двое были уже совсем взрослыми, но третий был ребенком и был радостью и любимцем своего отца. Однажды

король, отправившийся на охоту, вернулся домой после охоты на медведя и серну усталый и подавленный из-за потери любимого пера[9], которое он привык носить в своей шапке. Был поднят шум, но никто не смог найти потерянный предмет. Наконец маленький (Джозеф) пришел к своему отцу и убедил его больше не горевать, а подкрепиться, а затем отдохнуть, "потому что, - сказал ребенок, - либо я сам, либо кто-нибудь из моих братьев найдет перо".

Тогда король, довольный ребенком и, несомненно, надеющийся, что именно он найдет пропавшее перо, сказал: "Тому, кто найдет перо, я оставлю свое королевство".

Три брата отправились на поиски, и после долгих хлопот младший внезапно заметил предмет, который они искали. Но двое старших мужчин, снedaемые ревностью при мысли о том, что Джозеф унаследует королевство, увели его в лес и убили, а затем, отнеся перо своему отцу, королю, сказали ему, что они оба нашли его и таким образом совместно претендуют на награду. Что касается пропавшего (Джозефа), они сказали, что, разыскивая перо, они упустили его и, внезапно подняв глаза, увидели, что медведь уносит его в глубь леса, а поскольку они были безоружны, они не могли попытаться спасти его. Король был поглощен горем; были предприняты поиски, но тело обнаружено не было; и только через год и день после этого мальчик-пастух наткнулся на кости (Джозефа) и, взяв одну из них, сделал из нее примитивную флейту или пастушью свирель. Чудесная часть истории еще впереди. Как только пастух начал играть на свирели, она рассказала голосом бедного ребенка, ставшего жертвой ревности, всю историю. Пастух отнес свирель королю и заиграл на ней перед ним. Король выслушал и, приняв рассказанную в нем чудесную историю, приказал немедленно предать смерти двух своих сыновей, которые присутствовали при этом и были поражены изумлением и страхом.

Есть множество других историй подобного характера, рассказываемых зимними вечерами у костра в тирольских хижинах. Некоторые из них имеют фамильное сходство со сказками нашей страны, такими как "Золушка", "Кот в сапогах", "Джек и Бобовый стебель" (только великана часто заменяют огромной жабой, охраняющей сказочное богатство, которое можно получить, убив жабу в единоборстве, каковой подвиг, конечно же, совершает бедный мальчик, желающий жениться на принцессе), "Красная Шапочка" и т.д. Рассказ о них, однако, по праву принадлежит тому сравнительных фольклорных преданий, и для подробного описания у нас нет места в настоящем издании.

НЕСКОЛЬКО ПРИЧУДЛИВЫХ ОБЫЧАЕВ

Из множества причудливых обычаев, которые все еще преобладают в разных частях Тироля, те, что связаны с Рождеством и Поминовением Усопших, являются одними из самых нежных и живописных. В Северном Тироле, особенно, возможно, в районе Унтер-Иннталь, Рождество, которое называется Christnacht и Weihnacht, отмечается подношением *Клаубаброда*, странной смеси, похожей на пирог, приготовленной из теста, миндаля, ломтиков груш и других консервированных фруктов и орехов, которая, по нашему личному опыту, по крайней мере, для большинства иностранцев должна быть "приобретенным вкусом". Циллертальские девушки особенно хорошо обучены приготовлению *клаубаброда*, и тот, который готовится для семейного употребления, если производитель нанят, должен быть отрезан от него первым ломтиком ее женихом, который затем целует ее и в то же время дарит ей какой-нибудь маленький подарок в знак своей привязанности. В прежние времена у епископов Бриксена был обычай дарить рыбу членам своей семьи и всем, кто у них работает. Рыба доставлялась из озера Гарда, и по обычаю ей разрешалось проходить через владения правящего графа Тироля и принца-епископа Трентского без взимания пошлины, которая в противном случае взималась бы.

В Вельш-Тироле до сих пор существует любопытный рождественский обычай, который заключается в том, что отец семейства раскладывает несколько горк муки на столе или полке. В них спрятаны различные маленькие подарки, и когда дети и другие члены семьи допущены, они забирают свою кучу в соответствии с жеребьевкой или результатом какого-нибудь конкурса.

Вера в то, что животные обладают даром речи, которая в прошлые века была распространена по всему христианскому миру, все еще преобладает в некоторых частях более отдаленных районов и долин Тироля; и рассказывают странные истории о вещах, сказанных животными и услышанных людьми, которые сбылись, так что животные, очевидно, также наделены даром пророчества.

На Богоявление во многих частях Тироля устраиваются представления, очень похожие по характеру на старинных английских "ряженных". Обычно трое деревенских парней, наряженных в костюмы королей, у одного из которых затемнено лицо, ходят от дома к дому с пением. Иногда в окне дома появляется Ирод и отвечает на их песни рифмованными куплетами. После чего певцы встают по очереди и поют, а заканчивают припевом, в котором содержатся широкие намеки на то, что они не отказались бы от освежающего напитка, если бы им его предложили! Они редко или никогда не упускают возможности получить это, поскольку обычно гостеприимные деревенские жители что-то предусмотрели для этой цели.

Одно время благословение крупного рогатого скота накануне Богоявления было почти повсеместной практикой у тирольцев. Это, однако, было в значительной степени прекращено, хотя все еще существует в некоторых деревнях отдаленных долин.

Как свидетельство почти повсеместного распространения определенных идей, лежащих в основе обычаев, хотя часто различающихся в деталях, можно привести обряд Поминовения усопших в Западном Тироле, который имеет заметное сходство с прекрасными и даже более трогательными церемониями, связанными с праздником Бон Мацури в далекой Японии. В некоторых частях Вельш-Тироля, хотя могилы усопших в настоящее время не украшают, как это принято в Германии, приходские священники собирают своих прихожан во дворах церквей и читают Четки, преклонив колени среди могил. Во многих частях света бедным раздают хлебцы, называемые *куцца*, вместе с небольшими порциями денег, а иногда и фасолевый суп. Однако в прежние времена эти подаяния, предназначенные для упокоения душ усопших, на самом деле возлагались на сами могилы, очевидно, в вере, что души выйдут и отведают пищи, приготовленной с такой любовью. Кувшины, чашки и другие сосуды, содержащие пресную воду, также были расставлены для того, чтобы души могли утолить свою жажду чистилища. Именно в этом последнем и древнем, а не в менее символическом современном обряде так отчетливо прослеживается аналогия с японским Бон Мацури.

БРАК В ТИРОЛЕ

Из любопытных обычаев, которые когда-то были широко распространены и которые даже сейчас можно встретить в более отдаленных районах, те, что касаются брака, являются одними из самых причудливых. Месяц май, как ни странно, непопулярен; у нас, похоже, все наоборот. Любимый день - четверг. На самом деле, один писатель осмеливается сказать: "по всему Тиролю выбирают четверг". Понедельник, однако, является излюбленным в одной из небольших долин района Виндиш-Матрей.

В ночь перед свадьбой обычно устраиваются великолепные танцы, и в городах часто для этой цели нанимают зал, где договаривающиеся стороны хорошо известны, занимают

хорошее положение и имеют большой круг друзей и знакомых; а в деревнях, где происходят те же обстоятельства, для веселья часто используется богато украшенный сарай.

С момента объявления о свадьбе или публикации "оглашения" помолвленная девушка известна как "Невеста с кафедры" или *Кансель-Брот*. Эти деревенские свадебные торжества часто получаются живописными и даже по сути средневековыми, поскольку крестьяне часто носят костюмы прежних времен, а сарай освещается сосновыми факелами или столь же примитивными способами. Танцы продолжаются до раннего утра, фактически часто до восхода солнца; и только после этого гости расходятся, некоторые из наиболее избранных направляются в дом невесты на сытный завтрак, или, как его еще называют, *Моргенштерн*. Пока это происходит, невесту обычно наряжают ее подруги (многие из них часто участвуют в этой интересной и даже волнующей церемонии), а те, кто не пришел на завтрак, могут продолжить танцы. Одним из особых украшений, которые носят невесты, является узел из длинных лент или алой кожи, расшитой золотой нитью, в то время как синие ленты, которые носят на рукавах, и ленты на шляпах того же цвета. В древности считалось, и до сих пор считается, что они обладают особой способностью оберегать владельца от зоба и других заболеваний.

Процессию невесты, которая обычно формируется около десяти-одиннадцати утра, возглавляют музыканты. Но прежде чем начать, гости собираются вокруг стола в гостиной и пьют за здоровье счастливой пары из большой чаши, из которой последние сами выпили первыми. Ближайшие родственники и друзья невесты обычно образуют своего рода почетный караул, известный как "носильщики шлейфа", хотя мы предполагаем, что "шлейф" редко носят крестьяне или представители низшего среднего класса. Эти "сопровождающие шлейф" окружают невесту и, за исключением ненастной погоды, ходят со шляпами в руках, а иногда несут гирлянды цветов. В некоторых районах принято, чтобы священник сопровождал невесту в церковь, а не, как у нас, ожидал ее прибытия там, идя по одну сторону от нее, в то время как родители идут по другую. Цветы апельсина носят редко, разве что богатые; крестьянские девушки носят вместо них веточки или венки из розмарина, что также является обычной практикой для них в Италии и Испании. Растение считается символом чистоты Девы Марии и по этой причине высоко ценится.

КОСТЮМЫ

Очень часто тирольская невеста надевает не специальное свадебное платье, а свое праздничное или *праздничное* платье, которое, возможно, было перешито или дополнительно украшено по этому случаю. Так было на свадьбе, на которой мы присутствовали в Унтер-Иннтале, где подружки невесты также были в своих живописных праздничных нарядах: широкополых бархатных шляпках, искусно расшитых корсажах в форме болеро, белоснежных льняных рукавах, коротких бархатных юбках и красивых фартуках. Их обувь была в основном из черной кожи, некоторые из тех, что носили состоятельные девушки, были украшены огромными серебряными пряжками.

В этот раз жених был одет едва ли менее весело, чем невеста. Одетый в короткие черные бархатные бриджи до колен, зеленый бархатный жилет с двойным передом, черный жакет, толстые коричневые вязаные шерстяные чулки, корону или головное украшение серебряной филигранной работы и массивный серебряный пояс с тяжелыми застёжками, он был не только заметной, но и почти театральной фигурой процессии. Его также сопровождал священник, за которым следовал деревенский трактирщик, который нередко был самым богатым человеком в общине, владельцем самого большого количества земли и занимал должность, в чем-то аналогичную должности мэра. Общеизвестно, что тирольский

деревенский трактирщик - человек более высокого калибра, чем его английский коллега. Обычно это человек с честным характером и интеллектом, превосходящим среднего сельского жителя; и, занимаясь, как он часто делает, несколькими другими делами, помимо работы трактирщика, он меньше, чем в некоторых других странах, заинтересован в чрезмерном потреблении алкоголя.

На многих свадьбах певцы из соседних деревень приезжают на родину невесты, чтобы помочь с пением и музыкой, которые являются характерной чертой церемонии. Новобрачные иногда несут зажженные свечи в церковь; а свечи, которые плохо горят, молодые и неженатые члены компании всегда избегают и выбрасывают в сторону из-за преобладающего убеждения, что держать такие свечи - верный признак того, что те, кто их несет, не поженились в течение года. В завершение церемонии священник иногда после благословения раздает по кругу кубок с вином, смешанным с водой, из которого все гости пьют за здоровье будущих жениха и невесты. В старом названии, данном этому *Иоганнису сегену* (буквально благословение Иоанна), некоторые авторитетные источники склонны усматривать символизм, берущий свое начало в чуде, совершенном на свадебном пиру в Кане Галилейской.

После совершения церемонии участники бракосочетания покидают церковь, и, как это бывает в аналогичных случаях в Бретани и других странах, почти сразу же начинаются танцы. Иногда она действительно начинается почти у дверей церкви, и таким образом свадебное торжество продолжается до деревенской гостиницы в сопровождении музыкантов. В прежние времена в нескольких долинах Тироля был почти повсеместный обычай по очереди заходить в каждую гостиницу в радиусе нескольких миль после того, как в первой из них были угощены. Можно себе представить очень утомительный обычай. Как нам сказали, угощением обычно отмечался каждый визит, и все же главное дело дня, свадебный пир, было еще впереди!

В древние времена — насколько нам удалось выяснить, сейчас этот обычай вышел из употребления — также практиковалось забивать откормленного теленка, который предназначался именно для этой цели. Все возможные суставы и части тела животного подавались по очереди, вплоть до головы и ног.

ТИРОЛЬСКАЯ СВАДЬБА

В конце застолья, которое даже в наши дни длится часами, а раньше, как говорит один старый писатель, "отнимало много времени, так что весь день часто был отдан пиршеству, так что немногие из тех, кто садился за стол, были способны на большие усилия", шафер или какой-нибудь выдающийся шафер поднимается и спрашивает гостей, довольны ли они угощением. Излишне говорить, что такой вопрос неизменно встречают бурными аплодисментами. Затем, в прежние времена чаще, чем в наши дни, оратор переходил к небольшой проповеди, которая обычно содержала что-то в следующем стиле и мало менялась от случая к случаю или даже от поколения к поколению. "Добрые дары, от которых мы приняли участие, исходят из руки Божьей. Поэтому Мы должны благодарить Его. И еще больше это должно быть сделано по Его милости, сотворившей нас по Своему образу и подобию разумных существ, а не как диких зверей полевых, или пресмыкающихся, или неверующих. Нам остается только поблагодарить Его и обратиться к Нему в духе смирения и благодарности, и Он останется и пойдет с нами, как с теми, кто был на брачном пиру в Кане Галилейской".

Обычно затрагивались другие обязанности в жизни и устремления, и, исходя из уст кого-то из них самих, мы можем с уверенностью предположить, что речь была выслушана с особым

вниманием представителями расы людей, отличавшихся простым благочестием и домашней религиозностью. Увещевание обычно сопровождалось громким возгласом "Отче наш" и "Радуйся, Мария", произносимым всеми присутствующими.

Часто за этим обращением следуют другие закуски, более легкие, чем те, что полагаются на самом пиршестве. Некоторые из них имеют особый дизайн, а их формы и украшения имеют символическое значение, как это иногда бывает со свадебными блюдами и украшениями в других странах. После этого гости выносят подарки, которые они приготовили для молодой пары. Исходящие от щедрых от природы и сердечных людей, они часто не только полезны, но и ценны и оказывают большую помощь новоиспеченным домработницам.

Затем, когда самые острые аппетиты более чем удовлетворены, музыканты, которые играли с перерывами на протяжении всего мероприятия, заводят танцевальные мелодии, а молодые — а часто и постарше — участники вечеринки предаются своему любимому занятию в помещении — танцам.

Многие из тирольских крестьянских танцев чрезвычайно живописны и причудливы, хотя и несколько неистовы и оживлены в исполнении. И мужчины, и девушки в одном или двух из них отбивают такт не только ногами, но и громкими ударами по бедрам. И в то время как молодые люди, одетые в яркие жилеты, черные бархатные или кожаные бриджи до колен и шляпы с высокими тульями, часто из восхитительного оттенка зеленого фетра, становятся все более энергичными, короткие пышные юбки их партнерш во время их переворотов топом часто задираются до талии, так что обнаженные стройные и крепкие конечности почти соперничают с формами обычных балерин. Другие танцы типа вальса, *дрееера* и *аллеманды* более грациозны и менее "резвы" по своему характеру. Танцы продолжаются далеко за полночь, и примечательным обстоятельством является то, что, несмотря на обильную трапезу, чрезмерное употребление алкоголя в этих случаях встречается нечасто, а случаи настоящего опьянения очень редки.

В некоторых долинах — в частности, в Циллертале, Исельтале и Греденертале — существуют свои особые свадебные обычаи. И в некоторых странах, как, например, в некоторых частях Германии, до сих пор сохранился старый обычай красть одну из подвязок невесты, пока она сидит на свадебном пиру, с целью разрезать ее на талисманы или сувениры.

ТИРОЛЬСКИЙ СПОРТ

Любовь ко всякого рода спорту, по-видимому, присуща природе тирольцев; и это в сочетании с чистым воздухом и бодрящим климатом, в котором живут люди, напряженной борьбой за существование с силами Природы, которая всегда ведется среди высокогорных долин, не только делает тирольцев выносливой и энергичной расой, но во многом связано с такими особыми качествами, как трудолюбие, религиозность, нравственность, бережливость и прямота, которыми они издавна отличались.

Их спортивные фестивали параллельны фестивалям в Уэстморленде, Камберленде и собраниям горцев нашей страны и спортивные состязания в значительной степени схожи по своему характеру. Однако самыми популярными, несомненно, являются стрельба в цель, или *Scheibenschiessen*, как их еще называют, и борьба.

Тирольское ружье, обычно короткоствольное, известное как *штутц*, сыграло важную роль не только в истории нации, но и во внутренней жизни народа. Во многих более отдаленных долинах, по крайней мере в прошлом, он заслужил свое название кормильца, поскольку на подстреленную им дичь в основном жили многие семьи; в то время как из шкур убитых

олений, серн и других животных шьют одежду. Постоянному использованию огнестрельного оружия на всех этапах его эволюции, от кремневого мушкета до более современной винтовки наших дней, тирольцы обязаны своей славой одних из лучших стрелков Европы, и эта черта сыграла огромную роль в их различных сражениях с захватчиками их страны.

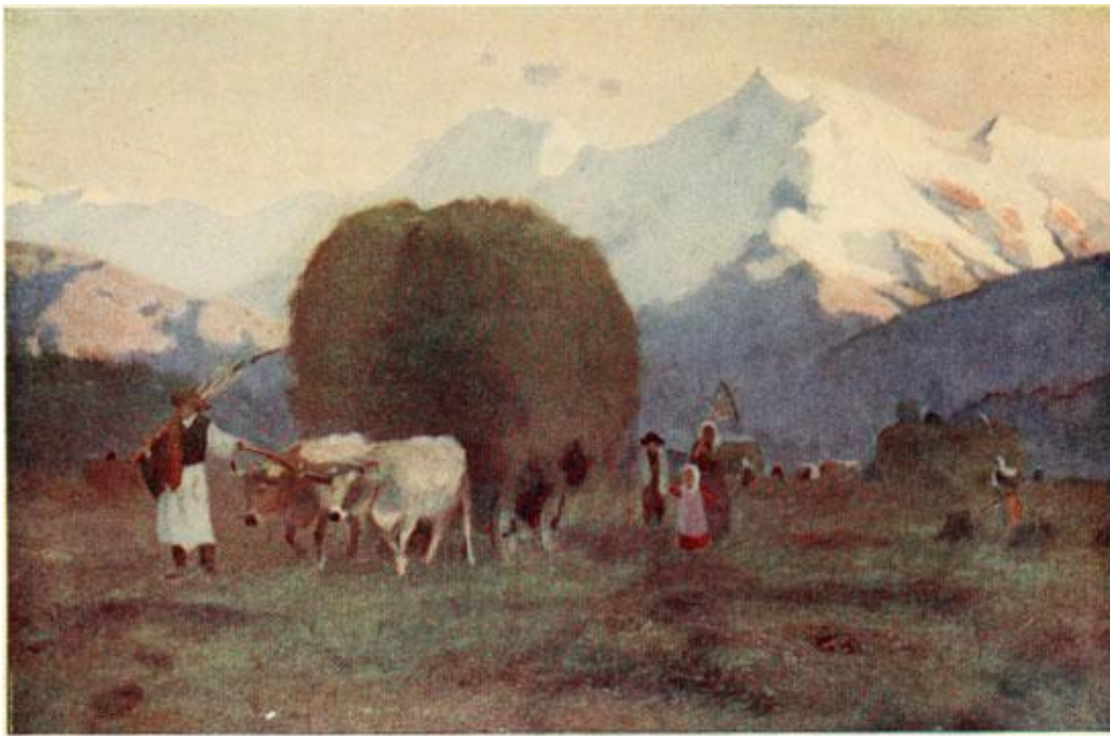
Борьба популярна во всех долинах Тироля, но нигде так не популярна, как в живописном и романтическом Циллертале. Деревенский борец-чемпион, каким раньше был у нас деревенский "громила", - это важная персона, которая не променяла бы это звание ни на любовь, ни на деньги. Борцы делятся на три вида: "Роблар", "Майрраффер" и "Хагглер", которые следуют правилам разных школ борьбы. В прежние времена эта любовь к спорту, или, возможно, следовало бы сказать, превосходство в нем, часто приводила к сценам преступлений и кровопролития. Часто в семнадцатом и восемнадцатом веках известными грабителями и флибустьерами были те, кто приобрел большую физическую силу в качестве борцов и, как следствие, стал заниматься разбоем как средством к существованию. Действительно, существуют истории о прекрасных девушках прошлых эпох, которых силой уводили от их суженого, когда отвергнутый поклонник (или, возможно, неизвестный соперник, влюбившийся в конкретную девушку) убивал своего соперника в борцовской схватке. Доказать намерение совершить убийство при таких обстоятельствах было не только чрезвычайно сложно, но и в некоторой степени противоречило "спортивному" инстинкту расы и первобытной идее о том, что женщина должна достаться сильнейшему.

Боулинг и игра в кегли также являются любимыми развлечениями, и с последним особенно связано несколько романтических историй. Действительно, даже в наши дни можно найти следы веры в то, что игра также популярна среди эльфов, гномов, гоблинов и "маленького народца", которые, как предполагается, обитают в определенных горах, лесах и ручьях или являются их призраками, только эти сверхъестественные существа в основном играют золотыми и серебряными шарами и черепами в легендах и народных сказках, которые можно услышать у каминов в тирольских шале.

ПРИЗРАЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Существует странная история, связанная с этой игрой и духом игроков, привязанных к ныне разрушенному, а когда-то сильному и знаменитому замку Штаркенберг, который был разрушен Фридрихом с Пустым кошельком в пятнадцатом веке.

Однажды, как гласит история, разносчика застигла темнота на склоне горы, и, сбившись с пути, он добрался до древнего замка, в котором решил укрыться на ночь. Он лег на травяной пол разрушенного зала и, положив рюкзак под голову, погрузился в сон. Он проспал несколько часов, а затем был разбужен тем, что часы в соседней деревне пробили полночь. Когда последний удар эхом отразился от камней на склоне холма, он был поражен, увидев двенадцать призрачных фигур, облаченных в полные доспехи, которые гуськом вошли в зал и принялись играть в шары, используя черепа вместо мячей.

ОРТЛЕР ИЗ МАЛЬЗЕР ХАЙДЕ

Так получилось, что разносчик был не только прекрасным борцом и человеком огромной физической силы и отваги (иначе он вряд ли выбрал бы для ночевки руины с привидениями), но и чемпионом своей родной деревни по игре в боулинг. Поэтому он предложил помериться своим мастерством с мастерством призрачных рыцарей. Его вызов был принят, и в конце концов он победил их всех, и, к его удивлению, вместо того, чтобы проявить отвращение к его победе, его доблесть приветствовалась радостными криками, и один из духов, разговаривавших с ним, сказал, что теперь они освобождены из чистилища, а затем все они исчезли. Сильно заинтригованный, разносчик обернулся, чтобы посмотреть, куда они исчезли, когда его взгляд привлекло зрелище еще десяти человек в доспехах, которые вошли в зал через отдельные двери. Тщательно заперев последнюю, все они принесли ключи разносчику и умоляли его попытаться подобрать подходящие к каждой двери. Ничуть не смущаясь, он взялся за выполнение задачи, которая была трудной из-за того факта, что каждый ключ, дверь и призрачный посетитель были совершенно одинаковыми. Однако ему удалось успешно выполнить свою задачу, и он был переполнен благодарностью духов, которые сказали ему, как и их коллеги, играющие в шары, что он этим подвигом освободил их от мучений.

Как и следовало ожидать, теперь настала очередь дьявола появиться на сцене, что он немедленно и сделал, резко упрекнув разносчика за то, что тот таким образом лишил его нескольких своих жертв, и заявив, что теперь ему (дьяволу) неизбежно удастся заполучить душу разносчика. Однако от последнего было не так-то легко избавиться, и он предложил поставить свою душу на игру в шары, которая должна была состояться между ним и Дьяволом. Излишне говорить, что последний был разбит, и когда, наконец, наступил рассвет, он убежал, ужасно размахивая крыльями, похожими на крылья летучей мыши, и его горячее сернистое дыхание отравляло воздух, так что трава местами пожухла.

Разносчик, вероятно, не стал бы скрывать от себя столь интересный опыт, и поэтому, когда в должное время он добрался до деревни, в которую направлялся, когда его настигли с наступлением темноты, он рассказал эту историю. Пораженные жители деревни

отправились к разрушенному замку, и о чудо, там была выжженная трава, как и сказал разносчик.

Было бы легко процитировать другие не менее причудливые и романтические истории, которые рассказывают в связи с спортом и развлечениями Тироля, но, пожалуй, достаточно истории о коробейнике и призрачных рыцарях или латниках. Во всяком случае, это послужит демонстрацией того, как неразрывно переплетены нити легендарных преданий и романтики даже с обычной повседневной жизнью и развлечениями этого интересного народа.

ГЛАВА IV

ИНСБРУК, ЕГО ИСТОРИЯ, ЛЮДИ И СОКРОВИЩА

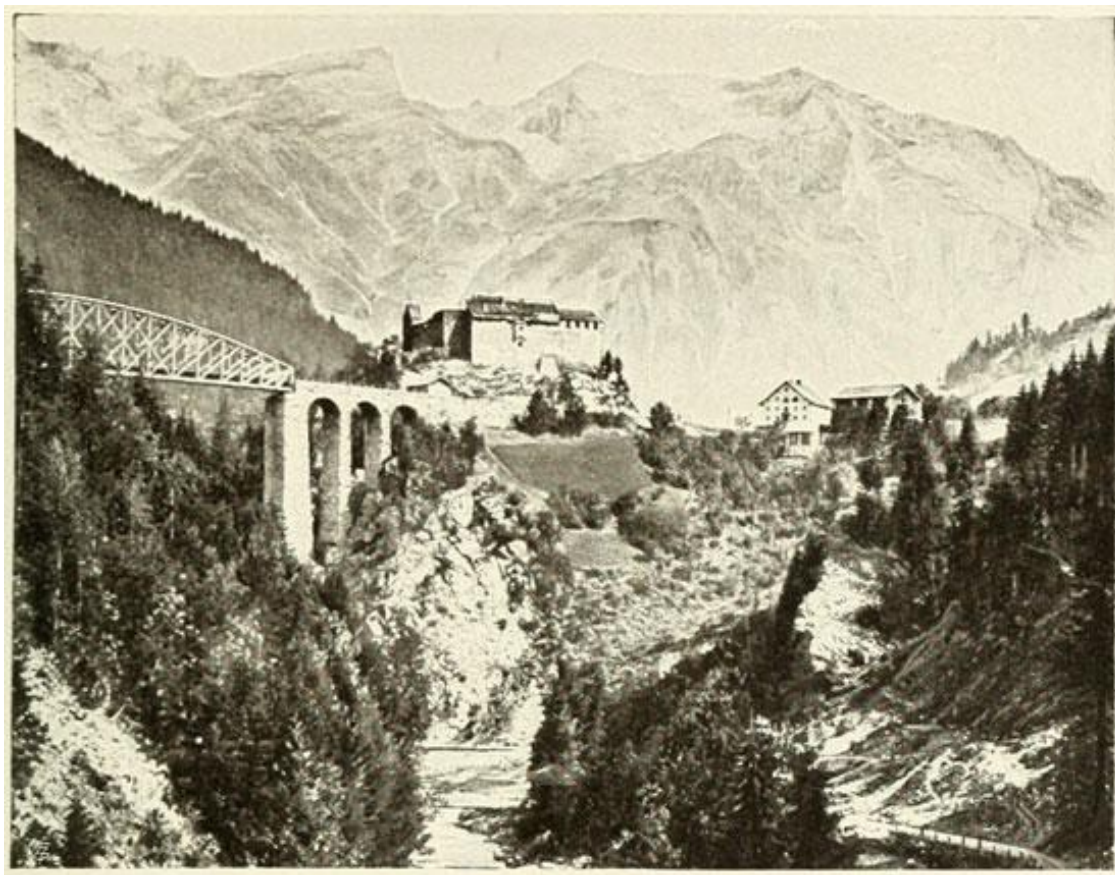
Подъезд к Инсбруку, независимо от того, подъезжаете ли вы к нему по железной дороге или по шоссе с запада, севера, востока или юга, живописен и даже удивительно красив. Однако мы предполагаем, что большинство английских и американских путешественников приезжают в старинную столицу Тироля через Цюрих и Арльбергскую железную дорогу с ее чудесным туннелем длиной всего шесть с половиной миль, над которым возвышаются покрытые снегом вершины и ледники. Этот маршрут представляет собой удивительный мир наслаждения, череду глубоких ущелий, лежащих у подножия высоких гор, покрытых на своих вершинах мантией из безупречно чистого и вечного снега. В какой-то момент поезд пересекает крутой подъем, медленно взбираясь по склону холма, как будто линия проложена по скальному выступу, от падения с которого ничто, кроме чуда, не может уберечь его от падения в пенящийся внизу поток; в следующий момент он ныряет в темноту одного из многочисленных туннелей, чтобы мгновение или два спустя вынырнуть в сияние света и виды еще большей красоты. Арльбергская железная дорога - это не только инженерный триумф, но и художественный. Немногие линии в Европе дарят большее очарование или разнообразие пейзажей на таком сравнительно небольшом расстоянии. Въехать в Тироль по нему - значит увидеть страну такой, какая она есть, практически неизменной с тех дней, когда армии Наполеона вошли в нее также со стороны швейцарской границы с той же целью, из Инсбрука.

Вскоре после выезда из Фельдкирха долина начинает сужаться по мере того, как трасса поднимается вверх от Блуденца и проходит через прекрасный Клостер-Таль; а в Лангене внезапно попадаешь в район альпийских пастбищ, и из долины внизу можно услышать музыкальный звон коровьих колокольчиков, а на склонах холмов обнаружить живописные группы крестьян, пасущих свои стада. Затем следует подъем по знаменитому Арльбергскому туннелю, который имеет 26 футов в ширину и 23 фута в высоту, с его шестью с половиной милями мрака, сменяющимися великолепными пейзажами, когда проезжают Санкт-Антон, и трасса проходит через узкую долину Станцер, между высокими горами, многие вершины которых покрыты снегом. Вскоре он пересекает чудесный виадук Трисанна, который одной аркой длиной почти 150 ярдов пересекает ущелье долины Пацнаум, по дну которого, почти на 200 футов ниже линии, течет ледниковый поток, а оттуда мимо древнего замка Висберг дальше к Ландеку, расположенному в широкой долине с возвышающимся над ним замком.

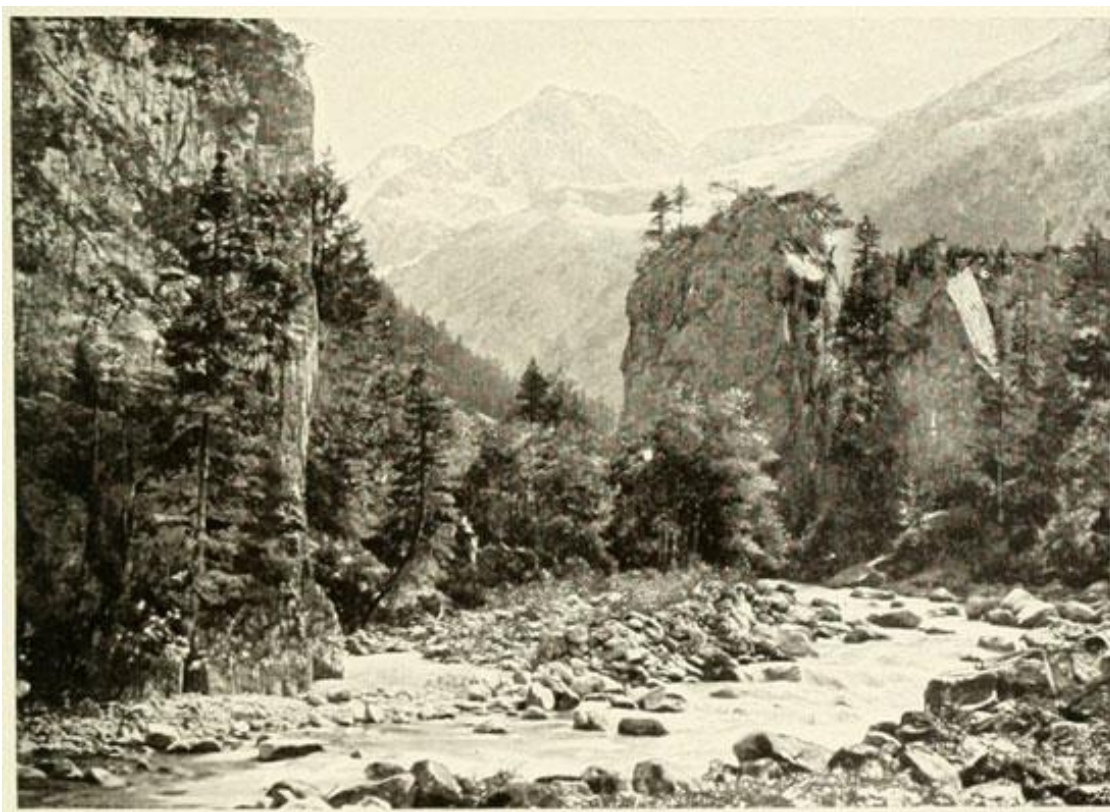
Из Ландека, взяв карету, можно неторопливо добраться до Инсбрука по шоссе Финстермюнц через Сульден и Трафой, а оттуда по Стилфсерйох, самой высокой транспортной дороге в Европе, которая поднимается на высоту 9055 футов над уровнем моря. Он был построен австрийским правительством в 1820-25 годах и пересекает удивительное разнообразие изысканных пейзажей, от региона вечных снегов на Ортлере и Монте-Кристалло до

поросших виноградом склонов долины Теллина. Однако самый впечатляющий пейзаж находится на тирольской стороне перевала.

От Ландека трасса проходит через множество других живописных деревень; замки, история которых могла бы заполнить тома, кажутся суровыми почти на каждом горном отроге, некоторые из них сейчас представляют собой руины, другие - замечательные пережитки минувших эпох, иногда окруженные поросшими соснами склонами, другие наполовину окружены стремительными потоками, оmyающими основания скалистых мысов, на которых они стоят, в то время как по обе стороны от одного возвышаются бескрайние ледники и снежные склоны Восточных Альп. Таким образом, через постоянно интересные и красивые пейзажи наконец-то приближаешься к Инсбруку.

ВИАДУК ТРИСАННА И ЗАМОК ВИСБЕРГ

ВЗГЛЯД НА ЦИЛЛЕРТАЛЯ

INNSBRUCK

Инсбрук - это не только столица Тироля, город с населением более 50 000 жителей, известный исторически и климатически, но и узел двух важных железнодорожных линий, с помощью которых можно добраться на восток, в Вену, и на Восток, и на юг, в Италию.

Было сказано, что из всех тирольских городов Инсбрук наименее национален. Такое утверждение, хотя и подкрашено правдой, требует некоторой квалификации. В сезон он, безусловно, приобретает космополитический вид, и на его улицах можно встретить множество англичан, австрийцев, немцев, французов, американцев, итальянцев и англоиндийцев; а игры и развлечения составляют круг общения, наполненный немалым весельем. Но город, тем не менее, сохраняет свое природное очарование, порожденное историческими воспоминаниями, старинными зданиями и гостеприимством его жителей.

К северу, укрывая его от холодных ветров с баварских равнин, возвышается оплот вечных высот, которые буквально окружают Тироль стенами. Здесь возвышаются великолепные группы известняковых гор, возвышающихся над плодородной долиной Инн, Фраухитт и Мартинсванд с их романтическими традициями и воспоминаниями, Сигрубеншпитцен, Румерйох и Брандйох. В хорошую погоду они появляются всего в двух шагах от нижней части Мария-Терезин-штрассе или от аллеи Фердинанда, которая тянется вдоль южного берега Гостиницы, с ее изящными и тенистыми кленами и тополями.

Расположенный среди столь красивых пейзажей, благоприятствуемый ровным климатом и большим количеством солнечного света, неудивительно, что город стал популярным курортом, особенно в зимние месяцы. Долина наиболее широка там, где стоит город, откуда открывается широкая перспектива и очаровательный вид со склонов Св. Николаус и Мариахильф переправляются через реку к Берг-Изелю и лесистым склонам Миттельгебирге, где тут и там виднеются крошечные деревушки с выдающимися шпилями, примостившиеся

высоко на склоне горы или расположенные посреди равнины. Долина лежит к востоку и западу от Инсбрука, река течет на восток серебристой лентой среди возделанных полей с плодородной аллювиальной почвой, прокладывая свой путь через постепенно сужающуюся долину к Куфштайну, а оттуда через Баварию к Дунаю.

Этот альпийский город, окруженный вечными холмами, наполненный множеством исторических воспоминаний, кровавых подвигов и рыцарства, является, возможно, за исключением Зальцбурга, самым живописным и интересным из всех немецких альпийских городов.

Характер современного Инсбрука в некоторых отношениях очень существенно отличается от того, каким он был два десятилетия назад. Современный элемент, который всегда приходит в такие места с большей известностью и процветанием, приносимыми путешественниками и туристами, получил развитие, но, к счастью, пока не в значительной степени в ущерб атмосфере старины, которая все еще пропитывает его узкие, древние улочки, переулки, дворы и здания. В некоторых из первых, например, на Мария-Терезиен-штрассе, в южном конце которой возвышаются Триумфальная арка и ворота, и на Херцог-Фридрих-штрассе, старое и новое причудливо перемешаны. В немалой степени именно этой отличительной черте, а также прекрасному окружению Инсбрук обязан своим очарованием. При всем удобстве, в нем меньше раздражающей искусственности древних мест, опошленных требованиями современных путешествий, чем во многих подобных городах. В некоторых местах можно почти представить себя в одной из больших горных деревень, в другой - в Понтрезине или Санкт-Морице, за вычетом, однако, некоторой более искусственной веселости этих курортов.

ТИПЫ ИНСБРУКА

В сезон — особенно летом — на улицах можно увидеть множество немецких туристов, а также австрийцев, и в своем почти неистовом наслаждении осмотром достопримечательностей и праздничными развлечениями они составляют очень заметный контраст с более тихими и, возможно, несколько сдержанными посетителями Англии и АМЕРИКИ, которые, как правило, приступают к изучению этого места и его сокровищ с гораздо более озабоченным и деловым видом.

Многие альпинисты и крестьяне также приезжают сюда из более высоких и отдаленных долин, чтобы несколько часов провести за покупками или насладиться городскими развлечениями. Они составляют не менее интересную черту летней толпы, которая заполняет как новые, так и старые улицы Инсбрука. Женщины, многие из них, носят живописные костюмы, состоящие из бархатных корсажей, юбок часто красивых оттенков зеленого и коричневого; фартуков искусной работы или из кружев; и шляп в форме матроски из черного или зеленого фетра, часто украшенных золотой вышивкой под полями и двумя длинными лентами (часто также из бархата), свисающими или развевающимися на ветру сзади. Эти шляпы удивительно похожи на шляпы бретонских крестьян, только их чаще носят женщины, чем мужчины, в то время как в Бретани женщины носят их редко.

Тот факт, что Инсбрук является гарнизонным городом, объясняет присутствие большого количества солдат на улицах; зеленый цвет играет заметную роль во многих формах — особенно в тирольских полках, — в то время как офицеры некоторых из них носят особенно нарядные сине-серые или "пастельно" синие ткани с отделкой вишневого, алого или зеленого цветов, которые редко не вызывают восхищения дам. Сельские жители тоже толпятся на улицах в базарные дни с перьями в шляпах, которые часто сделаны из красиво "выветренного" золотисто-зеленого или ярко-зеленого фетра.

История Инсбрука, начиная с десятого века, действительно, в значительной степени связана с историей самого Тироля. Название города, по-видимому, впервые встречается в документе 1027 года, который был пожалован часовне Святого Иакова в Поле (St. Jacob in der Au), которая, скорее всего, занимала место, на котором сейчас стоит величественная одноименная церковь, возведенная в 1717 году. Однако задолго до этой даты на этой переправе через реку Инн возникло поселение людей — поначалу небольшое — возникшее благодаря растущей и прибыльной торговле между Германией и Италией через реку Бреннер. Как странствующие торговцы, так и сами тирольцы вскоре сочли это место удобным складом для более тяжелых товаров, таких как кожи, вина, ткани и металлические изделия; и с годами оно постепенно превратилось в нечто большее, чем просто удобное место остановки для торговцев и их вьючных обозов в их путешествиях. Были возведены дома, пригодные для проживания состоятельных людей, и Инсбрук превратился в процветающий город. К концу XII века определенные права на город были приобретены фон Андексом Бертольдом II у монахов Вильтена, которым он принадлежал; и вследствие этих прав Оттон I, его преемник, окружил его стенами, укреплениями и сторожевыми башнями, а также построил себе дворец.

С середины XIII века подъем Инсбрука был устойчивым. В тот период он стал единственным складом для хранения товаров между Циллерталем и Мелахом; и с годами неуклонно растущему городу были предоставлены другие привилегии, которые не только способствовали сохранению, но и увеличивали его значение.

В 1279 году Бруно, епископ Бриксена, освятил в Оттобурге еще одну церковь, которая получила название Морицкапелле. Городские лорды, как духовные, так и светские, по-видимому, делали все, что могли, чтобы способствовать его росту, и есть записи о пышных празднествах и княжеских развлечениях в окрестностях Оттобурга в те далекие времена. Однако только после передачи Тироля Австрии герцогиней Маргаритой, известной как "Карманная Мег", замечательное положение Инсбрука было полностью осознано. В конечном счете, удобство его водного сообщения по реке Инн и Дунаю с другими отдаленными и процветающими городами империи, по-видимому, во многом привело к его принятию в качестве резиденции правительства Тироля.

ПРАВИТЕЛИ ИНСБРУКА

Инсбрук на протяжении веков, по мнению его правителей, был "детищем фортуны". Время от времени ему предоставлялись многие привилегии, а также непоколебимая верность горожан герцогу Рудольфу IV. победа Габсбургов во время одного из периодических баварских вторжений привела к дальнейшим уступкам, которые помогли Инсбруку занять неприступное положение столицы и самого процветающего города в Тироле.

Герцог Фредерик с Пустым карманом (*Mit der leeren Tasche*) сделал Инсбрук своим домом и базой операций, пытаясь свергнуть роттенбургеров и другую могущественную знать, которые пытались бросить ему вызов и продолжить угнетение крестьян, которое они начали и продолжали во время нестабильного и слабого правительства непосредственных предшественников Фридриха.

Инсбрукцы оказывали ему верную и весьма материальную поддержку в его начинаниях и получили существенную награду в виде милостей и привилегий, которые впоследствии даровал им Фредерик.

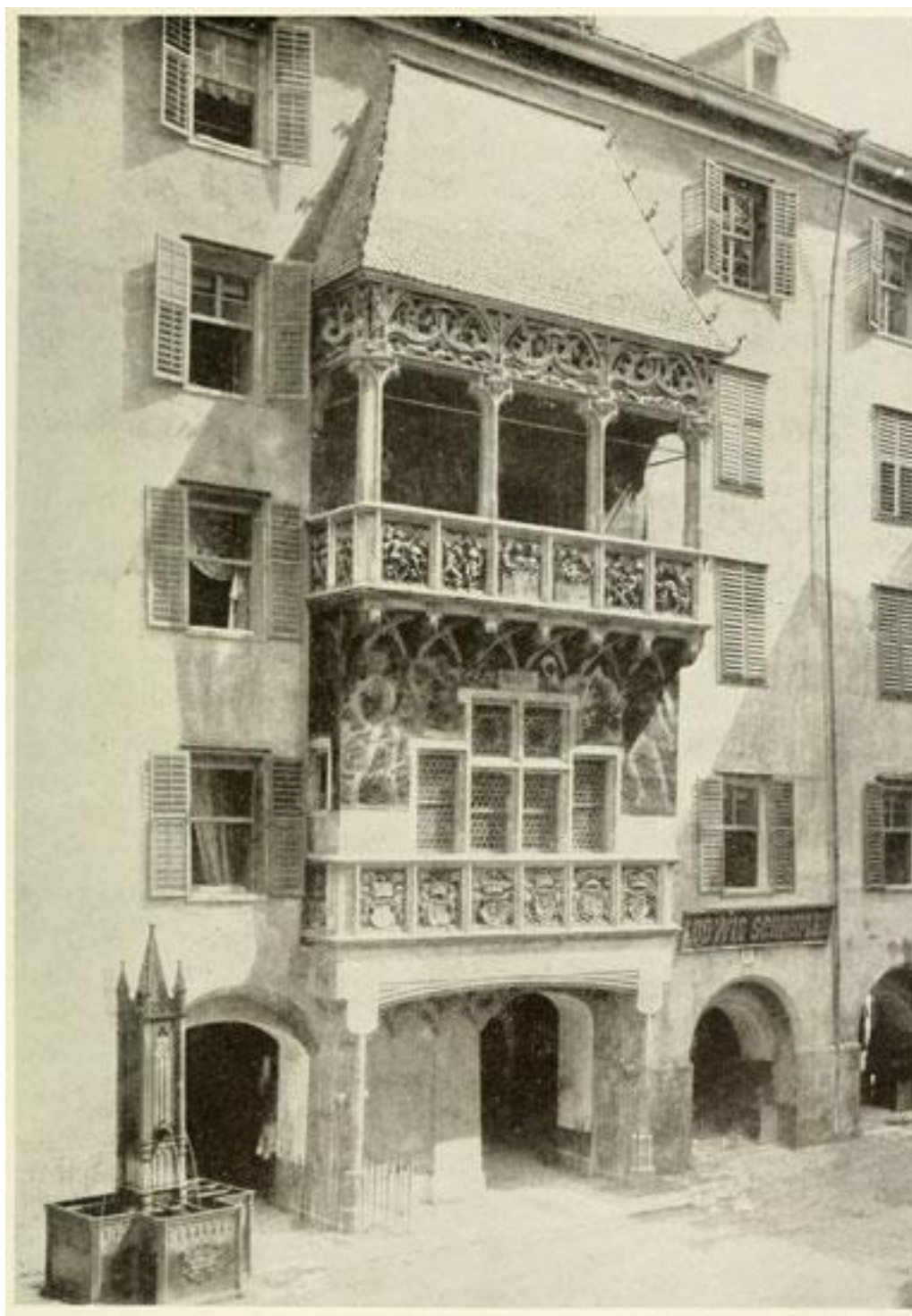
Именно этот принц, вступив в контакт со своим народом, когда был беглецом среди гор и долин Тироля, узнал о нем (и тем самым заслужил их привязанность), что позволило ему в

конечном итоге призвать крестьян к оружию и бросить вызов власти императора Сигизмунда, Эрнеста Железного герцога Штирии и других его врагов.

Обстоятельства, при которых Фридрих призвал народ к оружию, были до крайности романтичными. Действительно, его деяния в первые годы его изгнания Церковью и государством читаются как страницы самого волнующего романа. Возможно, некоторые из описанных деяний более или менее легендарны, но сохранилось достаточно, чтобы до отказа заполнить волнующими происшествиями страницы любого исторического романа. Вкратце история события такова. Уверенный во время своих многочисленных скитаний в преданности народа ему, ибо во время преследования они приютили его, а когда обнаружили, что они смело отказались выдать его врагам, Фредерик разработал план, согласно которому он должен был появиться в качестве главного действующего лица в героической крестьянской комедии на большой ярмарке в Ландеке. В этой пьесе в волнующих сценах рассказывается о судьбе или, скорее, несчастьях принца-изгнанника, свергнутого со своего трона его врагами, вынужденного скитаться в нужде и с назначенной за его голову наградой среди своего народа, которого он в конце концов призывает к оружию и ведет к победе и таким образом возвращает свое наследство.

Должно быть, он сыграл свою роль на удивление хорошо, если судить по результатам. Люди, съехавшиеся на ярмарку со всех концов окрестной страны, были до глубины души взволнованы его игрой и рассказом о несчастьях воображаемого принца. Нам сказали, что многие из собравшихся были тронуты до слез, и что, когда Фредерик пришел спеть о народе, последовавшем призыву своего правителя к оружию, энтузиазм стал неконтролируемым.

Затем, как гласит легенда, Фредерик сбросил всякую маскировку и обратился к ним напрямую. Огромная аудитория поклялась поддержать его дело, и энтузиазм, охвативший ландеккеров, вскоре распространился по всей стране, в результате чего вскоре после этого император Сигизмунд и брат Фридриха заключили с ним перемирие, и ему было позволено стать правителем.

ЗНАМЕНИТАЯ "ЗОЛОТАЯ КРЫША" ИНСБРУКА

За время своего правления он многое сделал, чтобы выразить свою благодарность своим верным друзьям и народу, обуздав деспотичную власть знати и предоставив многие привилегии, которые в целом были больше на пользу бедным, чем богатым.

"ЗОЛОТАЯ КРЫША"

Но многим, кто приезжает в Инсбрук, кажется, что слава Фридриха зиждется не столько на его мудрости как правителя, сколько на его экстравагантности при строительстве всемирно известного "Золотого дахля" к элегантному позднеготическому балкону своего дворца у подножия Херцог-Фридрих-штрассе. Прозвище "Пустой кошелек" или "Карман" было

присвоено ему его врагами, которые стремились принизить его, когда он пришел к власти. Она, конечно, не принадлежала ему по общему согласию. Тирольский отчет скорее указывает на тот факт, что Фридрих в свое время разорился в своих попытках избавить своих подданных от бремени налогообложения, и, как следствие, дворяне, которые не верили в его систему правления в этом отношении, наградили его этим несколько одобрительным прозвищем. Фридрих усмотрел в этом упрек, возможно, направленный не столько против него самого, сколько против его народа в целом. Ему казалось, что это указывает на то, что его враги думали, что те, для кого он, несомненно, много сделал, держат его в бедности и ничего не сделают для поддержания состояния, соответствующего его положению правителя. Поэтому он построил знаменитую крышу.^[10] За пределами дома, который тогда был Фюрстенбургом, или княжеским жилищем, ныне очень обычного на вид и гораздо менее внушительного и богато украшенного по характеру, чем, скажем, Хеблингхаус неподалеку, он в 1425 году возвел над двухэтажным балконом "Золотую дахлю", на которую, как утверждается, он потратил 30 000 дукатов или около 14 000 фунтов стерлингов. В нем 3450 позолоченных медных плиток, которые со времен Фридриха несколько раз подвергались перезолоте. Последний раз это делалось более двадцати лет назад.

Однако нам необходимо сказать, что существуют серьезные сомнения в том, что Фредерик, который, как теперь предполагается, даже не строил дом, действительно соорудил крышу, которая так много сделала для увековечения его прозвища. Как бы ни хотелось разрушить романтическую историю, истина вынуждает нас заявить, что наиболее достоверные свидетельства указывают на императора Максимилиана как на создателя крыши и, вероятно, балкона также в 1500 году, после его второго брака с Марией Бьянкой Сфорца из Милана.

Дом давно утратил свое высокое положение королевского дворца, даже в последние годы его сдавали частным семьям или в квартиры, но знаменитый "Золотой замок" над красивым эркерным окном с его готическими балконами, балюстрады которых украшены резными гербами и мраморными щитами, сохранился как любимая реликвия почти в первозданном виде. В самом доме находится любопытная старинная фреска, тема которой была причиной многих споров. На втором этаже находится интересный скульптурный барельеф, изображающий Максимилиана и двух его жен, Марию Бургундскую и Марию Бьянку Сфорца, с семью гербами, принадлежащими семи провинциям, над которыми правил император.

Ему наследовал сын Фридриха Сигизмунд, который некоторое время содержал блестящий и веселый двор в Инсбруке, но, не имея прямых наследников, в 1490 году передал Тироль своему двоюродному брату, который три года спустя стал императором Максимилианом I. Максимилиан, в свою очередь, много сделал для города, который он избрал своим домом в Тироле, и своей резиденцией в Инсбруке, после того как он стал императором обширных владений, он многое сделал для увеличения его значения и процветания. Именно он построил новый дворец на Реннплац, названный Бургом, который едва ли сорок лет спустя был сожжен дотла. Большой зал, названный Золотым залом, и парадная спальня, убранство и мебель которой были настолько прекрасны и величественны, что она была известна как *Парадный дом*, в конечном итоге были полностью разрушены, многим обитателям дворца, включая детей тогдашнего императора Фердинанда, с трудом удалось спастись.

Максимилиан, который стал известен своим инсбрукцам как "кайзер Макс", особенно понравился им своими откровенными манерами и любовью к охоте и альпинизму.

СТАРИННЫЕ ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ

Среди множества интересных средневековых зданий, счастливо сохранившихся в Инсбруке, есть несколько в непосредственной близости от знаменитого "Золотого холма". Одним из старейших, если не самым старым, является Оттобург Отто I. он стоит в конце Херцог-Фридрих-штрассе, недалеко от гостиницы River Inn; и, действительно, отделен от нее только Херцог-Отто-штрассе. Эта резиденция Андехов была построена в 1234 году и считалась местом рождения Оттона III. По этому поводу сохранился причудливый девиз, который в приблизительном переводе звучит так:

"Здесь прочно стоит Оттобург,

Дом, поддерживаемый собственными руками Бога".

В этом старинном здании произошло много драматических сцен из истории Тироля.

Неподалеку находится старейшая гостиница, знаменитый и чрезвычайно интересный Goldener Adler (Золотой Орел), в которую в прежние времена, до того, как современные отели и удобства считались незаменимыми, приезжал каждый знатный гость Инсбрука. "Список посетителей" отеля Goldener Adler - это длинная запись знати и знаменитостей.

Действительно, в то время, когда это был признанный курорт знати и даже монархов, приезжавших в Инсбрук, он укрывал среди своих многочисленных выдающихся гостей и путешественников императора Иосифа II; Людвига I, короля Баварии; Густава III. из Швеции; Генрих Гейне, одаренный, хотя и меланхоличный поэт; и Гете, который приехал в Инсбрук с вдовствующей герцогиней Амалией Саксен-Веймарской в 1790 году. В память об этом визите бюст поэта украшает комнату, которую он занимал. И последнее, но отнюдь не по значимости, в отеле Goldener Adler жил патриот Андреас Хофер. Именно по поводу портретов последнего, его врага Наполеона Бонапарта и Людвига Баварского Гейне заметил, увидев их висящими бок о бок в столовой Гостиницы, что странно видеть таких врагов, сгруппированных вместе, хотя это всего лишь портреты. Традиция гласит, что именно из среднего окна знаменитого отеля Goldener Adler Хофер произнес свою речь перед бурлящей толпой на узкой улочке внизу 15 августа 1809 года, когда он с триумфом въехал в город после третьей битвы на Берг-Изеле. Копия этой речи, которая была скромной, но волнующей, сохранилась в Гостинице.

Один из самых восхитительных видов на старый город открывается с угла, где расположены три хорошо известных постоянных двора: "Голденер Хирш", "Ротер Адлер" и "Голденер Лев"; в то время как с балкона старого Штадттурма или колокольни открывается прекрасный вид на город и окружающие горные вершины, что вознаграждает отважного альпиниста.

Старомодный "лаубен" или аркады на Херцог-Фридрих-штрассе, в частности, под которыми расположены крошечные прилавки, которые часто держат живописно одетые девушки и женщины, редко не привлекают внимания посетителей.

По обе стороны улицы эти "лаубены" простираются под низкими аркадными крышами, обеспечивая не только прохладную набережную в летнюю жару, но и укрытие, которое можно в полной мере оценить в дождливые дни, поскольку, откровенно говоря, Инсбрук в дождливую погоду поражает, если побродить по закоулкам, как несколько грязноватый, но чрезвычайно интересный город. В этих "лаубенах" часто можно увидеть типажи пожилых тирольцев в национальных костюмах, которые в городах Тироля (как и в городах других стран) демонстрируют признаки вымирания. Пожилые женщины в коротких юбках и живописных фартуках, причудливых шляпках и корсажах из горных районов и деревень, а также старики, закутанные (если погода холодная) в длинные ниспадающие плащи из зеленой или

красновато-коричневой ткани, курящие свои длинные трубки из расписных фарфоровых чаш, на которых часто изображены не менее волнующие сцены в миниатюре из жизни Хофера.

ТИПЫ РЫНКОВ

По этим крытым прогулочным дорожкам постепенно попадаешь в более оживленный центр города, где старинная улица Херцог-Фридрих-штрассе уступает место более современной улице Марии Терезиен-штрассе, а Бургграбен соединяется с Марктграбен. Мало найдется более интересных и живописных мест в своем роде, чем Инсбрук Марктграбен в праздничный или базарный день. Здесь действительно есть место не только для художника и фотографа-любителя, но и для студента, который может увидеть множество причудливых местных обычаев и костюмов, а иногда даже по-мальчишески одетых девушек-пастушек с верхних пастбищ в матерчатых или бархатных бриджах до колен, коротких куртках, шляпах "матросской" формы, украшенных перьями, эдельвейсами или горечавками, и камвольных чулках. Здесь также, возможно, из космополитической толпы рыночных людей лучше, чем из чего-либо другого, можно понять тот факт, что на протяжении многих поколений Инсбрук был деловой магистралью для итальянцев, славян, венгров, австрийцев и немцев.

Действительно, часто можно увидеть представителей северных, южных и восточных народов, собравшихся в одно и то же время на Марктграбене, с небольшим количеством туристов, представляющих более западные народы.

Если бы нас попросили выбрать две улицы, которые по-разному, вероятно, произвели бы наибольшее впечатление на новичка в Инсбруке, мы бы без колебаний выбрали старомодную Херцог-Фридрих-штрассе, по обе стороны узкой проезжей части которой так много интересных старинных домов, комнат с низкими потолками и живописных двориков, в качестве одной; и Марию Терезиен-штрассе с ее более современным видом и изысканным видом на заснеженные Баварские Альпы, в качестве другой. Но эта последняя прекрасная торговая улица с ее современными магазинами, на витринах многих из которых часто появляется этот приносящий уют (но увы! иногда вводящая в заблуждение) легенда, "Произносимая на английском языке", не лишена своих старых исторических зданий. В Шпиталкирхе, или церкви Святого Духа, есть здание в стиле рококо начала восемнадцатого века, представляющее значительный интерес. А почти напротив стоит дом, в котором в 1864 году умер Герман фон Гильм, известный тирольский поэт. Чуть дальше находится Ратуша Инсбрука, которая раньше была большим отелем Oesterreichischer Hof. Во внутреннем дворе есть удивительно красивая мраморная лестница, а на стенах есть несколько интересных и эффектных фресок кисти Фердинанда Вагнера.

Немногочисленных посетителей привлекает колонна из красного местного мрамора, которая занимает видное место в центре и почти точно на полпути вниз по Мария-Терезин-штрассе. Увенчанный статуэткой Девы Марии и изображениями св. Анна, Святой Георгий, святой Вигилий и Святой Кассиан сгруппировались вокруг основания, оно было возведено как памятник отступлению баварских войск в День Святой Анны (26 июля) 1703 года.

На углу улиц Мария-Терезиен-штрассе и Ландхаус-штрассе находится дом Антона Гампа, построенный в 1728 году и выполненный в распространенном тогда архитектурном стиле рококо. Здесь проходят заседания тирольского ландтага, который ранее заседал в Меране, а его перенос в Инсбрук стал одной из главных причин того, что город стал столицей Тироля.

Рядом находится церковь Севитов с ее знаменитым куполом, украшенным картинами известного тирольского художника Джозефа Шепфа, изображающими смерть святого Иосифа и его вхождение в рай.

Университет, расположенный на улице с таким названием, претерпел значительные изменения. Основанный императором Леопольдом I. в 1677 году, он был преобразован императором Иосифом II в лицей, но в 1826 году ему вновь было присвоено звание университета. В ценной библиотеке, насчитывающей более 75 000 томов, есть много иллюстрированных рукописей. огромной красоты и ценности, а также ряд книг начала пятнадцатого века. Прилегающий ботанический сад, который содержит непревзойденную коллекцию альпийской флоры и был построен профессором фон Кернером, принадлежит университету, и здесь в летние месяцы те, кто желает изучать альпийские цветы, найдут сгруппированные и собранные вместе экземпляры, на изучение и открытие которых по собственной инициативе в их естественной среде обитания ушло бы много месяцев, а возможно, и лет. Однако университет вот-вот переведут в более удобное здание на Фюрстенвег, рядом с гостиницей, и старое здание, увы! вероятно, будет снесен и участок, используемый под современные жилые дома.

КЕЛЬЯ МАКСИМИЛИАНА

Совсем рядом с последним находится пристроенная к нему иезуитская церковь, которая интересна главным образом тем, что является местом захоронения тирольских принцев-регентов, а также картинами Альбрехта Дюрера, украшающими ризницу. Церковь и монастырь капуцинов, построенные в конце шестнадцатого века, заслуживают посещения, поскольку в последнем можно увидеть интересное историческое наследие эрцгерцога Максимилиана, известного как "немецкий мейстер", который каждый год посвящал здесь неделю молитве, посту и покаянию.

В его простой камере, обшитой панелями из простого дерева, где из мебели только кровать и стул самой обычной работы, можно увидеть именно то "убежище", которым так часто в те далекие дни пользовались высшие вельможи и правители, чтобы на время освободиться от государственных забот и суеты. Предполагается, что чернильница и другие мелкие предметы первой необходимости, которые до сих пор остаются памятниками рода занятий Максимилиана, были делом его собственных рук. Насколько полным был уход этого правителя от мира, и пока он находился в затворничестве, можно судить по тому факту, что он не только точно следовал правилам братства, рано вставая и также посещая ночные службы, но вдобавок он занимался физическим трудом в саду, поле и мастерской, как один из них. В келье есть маленькое окошко высоко вверх, выходящее на алтарь часовни, чтобы благородный отшельник мог принимать участие в богослужениях.

С тех пор эта келья была в некотором смысле местом паломничества, и в разное время ее посещали многие выдающиеся люди. В 1765 году императрица Мария Терезия приехала в монастырь и, войдя в обитель Максимилиана, уселась в деревянное кресло.

Она не привыкла к такому жесткому месту отдыха и через минуту или две выразила свое удивление, воскликнув: "Боже мой! Какими железными людьми были наши предки!"

Насколько нам известно, не сохранилось никаких реликвий, свидетельствующих о визите императрицы Марии Терезии, даже автографа; но другой знаменитый посетитель, святой Лоренцо Бриндизийский, который заехал в Инсбрук по пути к основанию религиозного дома в Австрии, как это ни странно, оставил после себя свой посох, требник и экземпляр еврейской Библии, которые хранятся так же бережно, как и реликвии самого эрцгерцога Максимилиана. Во время правления последнего все религиозные дома и церкви Инсбрука пользовались его щедростью и процветали благодаря его преданности Церкви. Влияние его примера на самих горожан было настолько значительным, что после ужасной эпидемии чумы 1611 года бюргеры основали и построили церковь Драйхайлиген (Святой Троицы) для

иезуитов в знак благодарности за то, что разрушительные последствия чумы были остановлены. Вероятно, именно благодаря тому факту, что во время этой конкретной вспышки бедствия Средневековья, когда старая больница, или Сихенхаус, была слишком мала, чтобы вместить всех пострадавших, два иезуита, Каспар фон Костлан из Бриксена, и профессор теологии университета с помощью брата-мирянина ухаживали за больными с неутраченным самопожертвованием, иезуитам было суждено главным образом воспользоваться желанием инсбрукцев увековечить свою благодарность Богу за то, что эпидемия наконец была побеждена. Они с готовностью выделили необходимые средства (как нам сказали), и тогдашний бургомистр поклялся проследить за тем, чтобы здание было возведено. Традиция сообщает нам, что со времени этого обета "эпидемия сразу же начала ослабевать".

Алтарное произведение, художником которого был Стецль, было подарено самим Максимилианом. Он представлял трех святых-покровителей болезней: святого Себастьяна, который своим заступничеством остановил чуму в Риме; святую Марфу, которая, согласно традиции, основала больницу и провела остаток своей жизни, ухаживая за больными; и святого Рокха, который посвятил свою жизнь и силы заботе о тех, кто страдает от чумы.

НОВЫЙ ГОРОД

Некоторые из самых красивых дорог и современных домов нового Инсбрука, площадь которого увеличивается с каждым годом, находятся недалеко от этой обетной церкви и к северу, в той части города, до которой лучше всего добраться по Университетштрассе и Саггенгассе, рядом с которыми находится обширная площадь Экзерсиер, а за ней, ближе к реке, находится прекрасный Хофгартен. Они никогда не перестают очаровывать бродяг на окраинах города.

МУЗЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Но здесь еще остается много других интересных объектов, которые, несомненно, постепенно откроют для себя любители Инсбрука и гости, останавливающиеся здесь на сколь угодно длительный период времени. Одним из таких является Национальный музей, известный как Фердинандеум, в котором собраны предметы, картины и реликвии, составляющие, как утверждается, почти полную историческую летопись Тироля, его народа и его продукции.

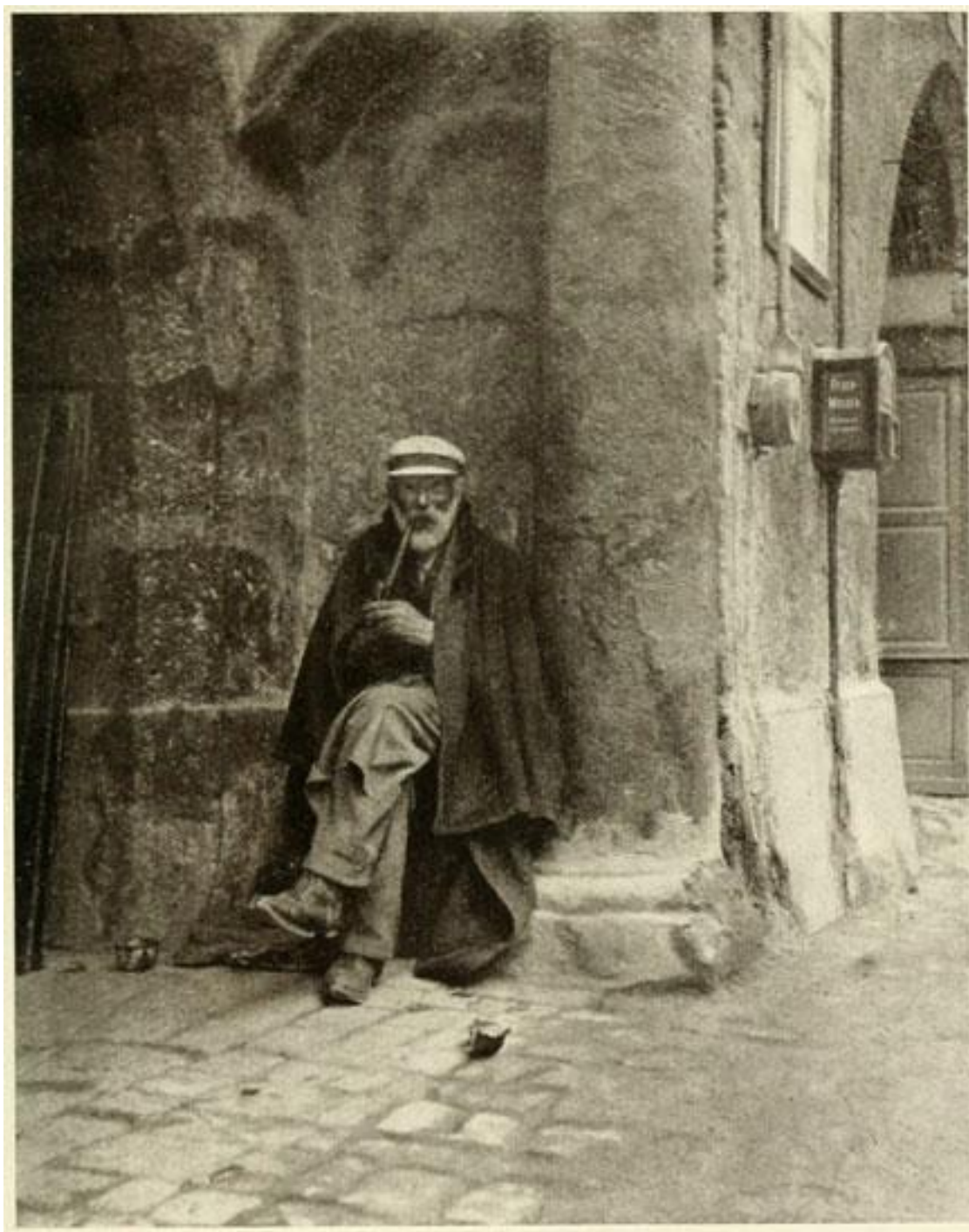
Музей, который привлекает студентов со всех уголков Европы и даже для случайного посетителя представляет наибольший интерес, носит имя своего основателя и покровителя Фердинанда I. Первоначально задуманный как яркая и практическая иллюстрация истории и национальных обычаев страны в различных областях искусства, науки и промышленности, коллекции постепенно пополнялись, чтобы содержать образцы искусства представителей известных зарубежных школ. Нынешний музей представляет собой сравнительно современное здание с фасадом в стиле итальянского Возрождения. Строительство первого этажа было начато в 1842 году, а верхний этаж пристроен в 1886 году.

На первом этаже находятся некоторые наиболее интересные археологические находки, в том числе несколько древнеримских вех с Бреннер-роуд и других мест; погребальные урны из Матрея; бронзовые статуэтки времен римской империи из Бриксена и Иннихерберга; множество украшений римского периода из Мерана, Морицинга, Цедлаха и других мест. В Салурне, в долине реки Айзак, есть несколько римских гробниц с украшениями умерших, а также предметами домашнего обихода и туалета, представляющими большую ценность и интерес. Одним из наиболее важных объектов археологической секции музея является

саркофаг, оружие и украшения ломбардского принца, обнаруженные в Чивеццано, недалеко от Трента. Гроб был богато украшен золотыми лентами, а в нем был найден золотой крест.

Зоология, геогнозия, палеология и минералогия представлены с замечательной полнотой, и в последнем по названию разделе музея можно найти почти все тирольские минералы, обнаруженные до настоящего времени. Некоторые экземпляры обладают огромной красотой и ценностью.

В Оружейной палате, которая, по мнению обычных посетителей, является одним из самых популярных отделов, представлено множество прекрасных образцов оружия прошлых дней, включая остроги, инкрустированные пистолеты, ружья, пороховницы и фляжки, шлемы, нагрудники и т.д.

ТИПИЧНЫЙ ИНСБРУКЕР

В топографическом разделе мало кто не обратит внимания на множество ранних карт Тироля, на лицевой стороне которых отражена история страны, о чем свидетельствуют ее временные разделы; и самодельные глобусы мальчика-пастуха-самоучки Питера Анича, который стал известным географом. В той же комнате находятся прекрасные образцы крестьянских костюмов, музыкальные инструменты (в том числе несколько страдов, амати и морилок большой ценности), шкатулка с драгоценностями знаменитой Филиппины Вельзер (жены Фердинанда II), которая много лет жила со своим царственным и преданным мужем в замке Амбрас.

В музее также есть несколько чрезвычайно интересных реликвий, портретов, бюстов, автографов и т.д. тирольских патриотов и выдающихся граждан Инсбрука. Те, что связаны с Андреасом Хофером и двумя его верными товарищами, Иоахимом Хаспингером и Йозефом Спекбахером, включают в себя многие из их личных вещей, и тирольские гости относятся к ним почти с религиозным благоговением — чувство, которое вполне оправдывает история жизни этих людей.

Среди скульптур есть несколько прекрасных образцов старинной резьбы по дереву и интересная немецкая резьба раннего периода, привезенная из тирольских церквей, которые либо были разграблены во время Наполеоновских войн, либо с тех пор по той или иной причине были снесены, а их сокровища и убранство рассеяны.

На втором этаже этого удобного и просторного здания в основном собрана коллекция произведений искусства, которая, по нашему мнению, не имеет себе равных в том, что касается местных работ. Для ознакомления как студента, так и обычного посетителя представлен удивительно полный обзор тирольской живописи с древнейших времен, включая работы школ Бриксен-Нойштифт и Пустерталь, с репрезентативными работами таких мастеров, как Андре Халлер и Михаэль Пахер; а также примеры старых фламандских и немецких мастеров, включая Лукаса Кранаха, Святого Иеронима, Альтдорфера, Патайнера и др., Художников из Инсбрука представляет Себастьян Шель.

Вниманию всех, кто интересуется живописью и ее развитием как искусства, заслуживают работы тирольских мастеров, охватывающие период с семнадцатого века по наши дни, которые хорошо представлены картинами семьи Унтербергер, Йозефа Шефа, Иоанна Баптиста Лампи, Анжелики Кауфманн, Гебхарда Флатца (Фра Анджелико), Джозефа А. Коха, Матиаса Шмидта, Э. фон Верндле, Карла Блааса и других. Среди наиболее заметных картин современной школы - "Канцлер Вильгельм Бьенер в ландтаге Инсбрука" Карла Анратерса и исторические шедевры Франца Дефреггера.

Невозможно изучать последние девять картин, изображающих патриотические события, связанные с кампанией 1809 года, не оценив силу их исполнения и очарование их колорита, в то же время понимая кое-что о волнующем характере и значении событий, к которым они относятся. Три из них являются оригиналами, а остальные шесть - копиями, сделанными учениками Дефреггера под его личным наблюдением, и предполагается, что в некоторых случаях они были закончены или подправлены им самим. Ниже приведены сюжеты оригиналов:—

(1) Три патриота — Андреас Хофер, Йозеф Спекбахер и Йоахим Хаспингер; (2) Спекбахер и его сын Андерль в гостинице "Медведь", Санкт-Иоганн; (3) Сын трактирщика. Последний названный - сын Тарера Вирта из Оланга в Пустертале. Копии относятся к следующим сюжетам: (1) "Призыв к оружию" Шпекбахера; (2) "Последняя повестка", оригинал которой находится в Императорском художественно-историческом музее в Вене; (3) "Горная кузница", оригинал которой находится в Дрезденской галерее; (4) "Возвращение

победителей", оригинал которого находится в Берлине; и (5) Андреас Хофер в замке в Инсбруке, оригинал которого принадлежит императору Франциску Иосифу; (6) Андреас Хофер, которого ведут на казнь, оригинал которого находится в Кенигсберге. Все они отличаются красотой окраски, силой рисунка и драматической привлекательностью.

В этом музее есть много других сокровищ, которые являются национальными в истинном смысле этого слова. И среди них прекрасная и почти бесценная коллекция картин голландских мастеров, которая была приобретена в основном по завещанию богатых тирольтцев. В нем представлены примеры творчества Ван Дейка, П. Пауля Рубенса, Пола Поттера, Р. Рюйша, Адриана фон Остаде, А. Кейпа, Рембрандта и других. Существует также наиболее полная и ценная библиотека работ, относящихся к Тиролю, а также архивы австрийского и немецкого альпийских клубов.

Каждый год в различные отделы Фердинандеума вносятся важные дополнения, и поэтому возвращающиеся в Инсбрук посетители обнаруживают, что их ждет все новый интерес к стране и ее Национальному музею.

ХОФБУРГ

Остальные объекты, представляющие наибольший интерес в Инсбруке, - это Хофбург, или Дворец, и Хофкирхе, или церковь францисканцев. До них легко добраться от Фердинандеума по музейштрассе и Бургграбен, которые, можно сказать, образуют пограничную линию, отделяющую старый город от нового. Арка, через которую можно попасть и во Дворец, и в церковь, образовывала в средневековые времена одни из городских ворот; а в те далекие времена ее венчала сторожевая башня, на которой красовались многочисленные гербы Габсбургов. Он был снесен во времена Марии Терезии, поскольку его состояние стало слишком опасным, чтобы позволить ему оставаться стоящим.

Хофбург стоит под прямым углом к Хофкирхе на северо-западе. От первоначального здания, возведенного императором Максимилианом, сейчас мало что осталось, поскольку после серьезных повреждений оно было в конечном счете реконструировано Марией Терезией. Во внешнем виде сохранились следы оригинального стиля барокко, который был популярен в то время, когда он был построен; его до сих пор можно найти в нескольких более крупных, старых и важных домах города. Государственные апартаменты в основном отличаются декоративными картинами известного художника А. Ф. Маульбертша, главным образом в большом салоне, известном как Ризенсааль. Именно в часовне, соединяющей дворец с Даменштифтом, или Дамским домом, так трагически погиб император Германии Франциск I. Муж Марии Терезии, 18 августа 1765 года, во время свадебных торжеств в связи с бракосочетанием принца Леопольда (впоследствии императора Леопольда II.) с инфантой Марией Людовикой.

Однако не Хофбург, а знаменитая Хофкирхе, которую некоторые писатели и антиквары называют "Тирольским Вестминстерским аббатством", привлекает большинство посетителей и обладает наибольшим очарованием для всех, кто интересуется историей Тироля или древностями. Эта церковь была построена в течение десятилетия с 1553 по 1563 год императором Фердинандом I., тогдашним королем Рима, в память о своем деде императоре Максимилиане I., который был похоронен под главным алтарем в замковой часовне Винер-Нойштадта. Традиция гласит, что здание было задумано Максимилианом и в конечном итоге было построено в соответствии с его волей. Архитектором церкви, выполненной в стиле итальянского ренессанса, был Тюринг из Инсбрука,^[11] а планировка здания повторяет линии колоннообразной базилики. Любке, однако, утверждает, что это была гробница, а не здание, которое сам Максимилиан спроектировал в сотрудничестве с Гильгом

Зессельшрайбером, мюнхенским художником, занимавшим должность придворного живописца.

Первое впечатление, производимое на ум знаменитой Хофкирхе, - это легкость и элегантность, сочетающиеся с несколько броской декоративной гаммой, а не с внушительностью или возрастом. Высокие и стройные на вид колонны, поддерживающие крышу по обе стороны нефа, выполнены из красного мрамора, а сам потолок искусно оформлен в стиле рококо. При входе открывается чрезвычайно прекрасный вид, включая замечательную гробницу Максимилиана, чердак с органом, огромное распятие в центре и красивую кафедру слева от гробницы. Впечатление великолепия и красоты усиливается, таким образом, осуществляется то, что, несомненно, было замыслом архитектора и императора, сыгравших важную роль в его возведении.

ГРОБНИЦА МАКСИМИЛИАНА

Гробница в центре с внушительной бронзовой фигурой Максимилиана, стоящего на коленях со сложенными руками на крышке огромного мраморного саркофага, по четырем углам которого расположены фигурки поменьше, сразу привлекает внимание. Император в императорском одеянии, с короной, доспехами и мантией, и окружен двадцатью восемью огромными фигурами, которые стали всемирно известными, и все, кроме двух, из которых когда-то были факелоносцами, а теперь их можно увидеть с вытянутыми правыми руками, как будто они держат факелы. Два исключения составляют английский король Артур и император Теодорих Готический. Считается, что все статуи, окружающие гробницу, имели какую-то реальную или легендарную связь с Домом Габсбургов, и считается, что Максимилиан сам выбирал персонажей, которые должны были быть представлены. Они могут быть сгруппированы в две серии. Один состоит из пяти его любимых героев древности; другой - из двадцати трех предков, современных родственников или членов его дома, как мужчин, так и женщин.

Фигуры очень сильно отличаются друг от друга как по стилю, так и по достоинству. Возможно, было вполне естественно, что такой результат был достигнут, если вспомнить, что несколько поколений были заняты строительством этого замечательного образца монументального произведения немецкого Возрождения, возведенного в шестнадцатом веке, и что это обязательно была работа нескольких дизайнеров, а также множества разных рук. Гробница представляет собой замечательный, возможно, даже непревзойденный образец немецкого искусства того периода, который ознаменовал смешение средневековья и модерна. Для императорского дизайнера гробницы рыцарские фигуры, которые он выбрал для ее окружения, были не просто абстракциями, а живыми, дышащими существами; точно так же, как старые феодальные империи юго-восточной Европы были реальными. Он был не в состоянии осознать, что даже тогда старый порядок вот-вот исчезнет, на смену ему придет новый, который настолько отличался от того, который он знал, и такой выдающейся фигурой в котором он сам был.

Бронзовые фигуры, которые двадцать лет назад или около того привлекали внимание лишь немногих иностранных посетителей, но сейчас представляют живейший интерес для всех приезжающих в столицу Тироля, созданы несколькими руками. Двое, обладающие непревзойденной красотой дизайна и исполнения, принадлежат королю Англии Артуру и королю Теодориху. В настоящее время почти все считают, что это работа Питера Вишера из Нюрнберга.

Эти две статуи имеют особенно интересную историю, которая была раскрыта в последние годы. Хотя они были отлиты в Нюрнберге в 1513 году и стоили не менее тысячи флоринов, до

Инсбрука они добрались только по прошествии почти двадцати лет. Тем временем, из-за нужды Максимилиана в наличных деньгах, они находились во владении епископа Кристофера Аугсбургского, которому император заложил их. Епископ поместил их в часовню Святого Лоренца, где они оставались до 1532 года. Фердинанд I. затем послал выкупить их, и они были переданы управляющему тогдашнего епископа с выплатой суммы, которая первоначально была им выдана.

ВОСХОД ЛУНЫ В ТИРОЛЕ

КОРОЛЬ АРТУР И ТЕОДОРИХ

Статуя короля Артура особенно впечатляет и прекрасна. Высокая, по-рыцарски выпрямленная фигура отличается настороженностью позы, которая удивительно реалистична и властна. Невозможно не признать, что это воплощение истинного идеала рыцарства "без страха и без отвращения", и это без какого-либо намека на агрессивную доблесть. Надеваемый шлем плотно прилегающего типа с забралом, украшенным орнаментом, приподнят так, что отчетливо видно лицо тевтонского типа. Нагрудник, надетый поверх кольчуги, великолепной работы, но остальная часть костюма простая. Правой рукой Артур поддерживает щит с гербом Англии, а на левом боку у него длинный меч.

Статуя короля Теодориха, хотя и прекрасна по исполнению, не обладает такой впечатляющей и внушительными достоинствами, как статуя короля Артура, о которой мы только что упомянули. Представляется вероятным, что для обоих могла быть использована одна и та же модель. Но, в то время как король Артур - властная фигура, поза короля Теодориха скорее удрученная и утомленная. Его нагрудник украшен не так богато, и его шлем также более простой, с забралом совсем другой формы. Как и в случае с королем Артуром, нагрудник надевается поверх кольчуги, а поножи носят простые.

Остальные двадцать шесть фигур, по мнению некоторых авторитетных источников, были разработаны Гильгом Зессельшрайбером; хотя мнения по этому поводу все еще несколько разделились. Однако, мы думаем, можно согласиться с тем, что Зессельшрайбер был, по крайней мере частично, ответственен за большее число жертв.

Отношения, которые существовали между императором Максимилианом и мюнхенским художником Зессельшрайбером, нанятым придворным художником в 1502 году, не были лишены элемента романтики, что вдвойне интересно, поскольку показывает взаимное расположение художника и мецената в те волнующие времена.

К счастью для любителей искусства и древностей, оригинальные эскизы статуй, окружающих гробницу Максимилиана, выполненные Зессельшрайбером, сохранились, и их можно увидеть в Императорской библиотеке в Вене. Изысканные рисунки пером и тушью, изящно подкрашенные, на некоторых из которых сам император собственноручно внес исправления и предложения. На некоторых из них это отчетливо прослеживается из-за некачественного использования пера и чернил.

ЗНАМЕНИТЫЕ СТАТУИ

Эти наброски также выявляют любопытный факт. Из них, несомненно, следует, что Максимилиан полностью намеревался стать моделью для собственной фигуры, которая должна была украсить мемориал, в изысканных серебряных доспехах, которые он надел по случаю своей свадьбы в Генте с Марией Бургундской.^[12] Было сделано несколько набросков, один, по-видимому, из сделанных на нем заметок и изменений, не понравился императору с технической точки зрения; на другом лицо было не таким, как он хотел, в результате чего Зессельшрайбер в общей сложности сделал четыре или более рисунков.

Заботе, проявленной к этой важнейшей фигуре, однако, так и не суждено было быть использована в полной мере, поскольку статуя даже не была смоделирована на момент смерти Максимилиана в 1519 году, а фигура, облаченная в коронационные одежды (вместо этого, как, очевидно, предполагалось, полностью в доспехи), которая стоит на коленях на вершине кенотафа, была работой Абрахама Колина, который никогда в жизни не видел императора, а слепок был сделан более чем через шестьдесят лет после смерти Максимилиана.

Насколько медленно продвигалась великая работа над этой великолепной гробницей, можно понять из приведенных нами дат. Задержка возникла по нескольким причинам; среди прочих, из-за нехватки денег у императора из-за обширных планов завоеваний, науки и других дел, которыми он был занят; и из-за того обстоятельства, что Гильг Зессельшрайбер, по-видимому, стал ленивым, невоздержанным и распутным. В конце концов он сбежал в Аугсбург, опасаясь гнева Максимилиана. Император, однако, не был готов уступить владение своим Придворным художником без борьбы, поэтому последний был схвачен и брошен в тюрьму, из которой он, по-видимому, был освобожден в 1516 году под обещание реформ. Чтобы он мог освободиться от соблазнов, которые предлагал Инсбрук в виде вина, женщин и приятных знакомств, император вынудил его поселиться в Наттерсе на западной стороне Силлского ущелья над Инсбруком.

Отливкой статуй в основном занимался знаменитый Грегор Леффлер, который основал бронзовый литейный завод недалеко от Инсбрука, а также построил замок Бюхсенхаузен, хотя некоторые статуи, несомненно, были отлиты Стефаном и Мельхиором Годлями и Хансом Ленденштрайхами, работавшими на литейном заводе Мюлау на окраине Инсбрука. Хотя проектирование и отливка статуй в настоящее время общепризнанно как работа названных нами людей, более чем возможно, что идея всего целостного произведения средневекового и исторического символизма принадлежала какому-то сравнительно неизвестному брату ордена францисканцев. Первоначально схема была разработана таким образом, чтобы

включать, в дополнение к упомянутым нами фигурам, еще двадцать три изображения святых, которые должны были быть размещены на приподнятых пьедесталах или в нишах и по этой причине имели гораздо меньший размер. Сейчас их можно увидеть в Серебряной часовне. Ниже приведен список больших статуй, сгруппированных вокруг гробницы.

- (1) Хлодвиг, первый христианский король Франции.
- (2) Филипп Красивый, король Нидерландов, сын Максимилиана. (1495.)
- (3) Император Рудольф Габсбург.
- (4) Albert II. мудрый, прадед Максимилиана.
- (5) Теодорих, король остготов. (455-526.)
- (6) Эрнест дер Эйзерн, герцог Австрии и Штирии. (1377-1424.)
- (7) Теодеберт, герцог Бургундии. (640.)
- (8) Король Англии Артур.
- (9) Sigismund der Munzreiche, Count of Tyrol. (1427-96.)
- (10) Мария Бьянка Сфорца, вторая жена Максимилиана. Умерла в 1510 году.
- (11) Эрцгерцогиня Маргарита, дочь Максимилиана.
- (12) Кимбургис из Массовицы, жена Эрнеста дер Эйзерна. Умерла в 1433 году.
- (13) Карл Смелый, герцог Бургундии, отец Марии Бургундской, первой жены Максимилиана.
- (14) Филипп Добрый, отец Карла Смелого. Основатель ордена Золотого руна. (1419.) Женился на Маргарите Йоркской, сестре Эдуарда IV, в 1468 году (1467-77)
- (15) Альберт II, герцог Австрии и император Германии. (1397-1439.)
- (16) Император Фридрих III, отец Максимилиана (1457-93)
- (17) Леопольд III, маркграф Австрии; с 1506 года святой покровитель Австрии. (1096-1136.)
- (18) Рудольф, граф Габсбург. (1273.)
- (19) Леопольд III. Благодетельный, герцог Австрии, прадед Максимилиана; убит при Земпахе. 9 Июля 1386 года.
- (20) Фридрих IV. of Austria, Count of Tyrol, surnamed "mit der leeren Tasche."
- (21) Альберт I., герцог и император Австрии. Родился в 1248 году, убит своим племянником Иоанном Швабским в 1308 году.
- (22) Годфри де Бульон, король Иерусалима в 1099 году, в терновом венце.
- (23) Елизавета Венгерская, жена императора Альберта II. Родилась в 1396 году.
- (24) Мария Бургундская, первая жена Максимилиана. (1457-82.)
- (25) Элеонора Португальская, жена императора Фридриха III, мать Максимилиана.
- (26) Кунигунда, сестра Максимилиана, жена герцога Альберта IV. Баварского.

(27) Фердинанд II Арагонский, прозванный "католиком" (1479)

(27) Иоганна, дочь Фердинанда и Изабеллы и жена сына Максимилиана, Филиппа I, короля Испании.

ИСТОРИЯ В МРАМОРЕ

Сам кенотаф, расположенный на трех ступенях из красного мрамора, имеет около четырнадцати футов в длину и шести футов в высоту и построен из разноцветного мрамора. Фигура императора наверху, обращенная лицом к алтарю, представляет собой тонкую бронзовую отливку сицилийца по имени Луиджи дель Дука, изготовленную в 1584 году.^[13] Тонкие колонны разделяют концы и стороны кенотафа на двадцать четыре панели или отсека из белого мрамора, в которых рельефно изображены сцены (изображающие главные события и достижения жизни Максимилиана). Это действительно замечательные произведения искусства, не только из-за их исполнения, но и из-за тщательности, с которой были достигнуты точность в костюмах, архитектурных и других деталях, а также из-за необыкновенной отделки, которой отличается вся работа. Многие лица, несомненно, представляют собой величайшую историческую и антикварную ценность, причем портреты императора в разные периоды его жизни примечательны своим различным сходством. Вариации изображенных национальных типов выполнены с самой кропотливой тщательностью. Первые четыре панели заполнены работой Альберта и Бернарда Абелей из Кельна, которые приступили к своей работе в 1561 году, после посещения Генуи для выбора мрамора. Однако они оба умерли два года спустя, оставив свою работу Александру Колину из Малинса во Фландрии, который прожил в Инсбруке сорок лет и умер в 1612 году. С помощью большого количества других художников он завершил работу Абелей примерно за три с половиной года. Даже наименее образованный посетитель признает красоту мастерства, которое такой великий мастер, как Торвальдсен, назвал "самым восхитительным и совершенным в своем роде".

Изыщество исполнения, действительно, больше похоже на слоновую кость, чем на мрамор, и не без оснований эти изысканные рельефы в наши дни защищены стеклом и окружены железными перилами очень красивого дизайна.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Темы, краткое описание которых может представлять интерес, следующие: (1) Брак Максимилиана (тогда ему было восемнадцать лет) с Марией Бургундской в Генте, 19 августа 1477 года. Она была убита во время охоты, споткнувшись на лошади, и похоронена в Брюгге в 1482 году. (2) Победа Максимилиана над французами при Гвинегейте в 1479 году. (3) Взятие Арраса в 1482 году; сражающиеся и укрепления в этом достойны особого внимания не только из-за исторической точности деталей, но и из-за удивительно тонкой казни; особенно следует отметить одну женщину, которая приносит в лагерь провизию. Эта фигура сама по себе шедевр. (4) Максимилиан коронован римским королем в Экс-ла-Шапель в 1486 году. Место действия - интерьер собора, Максимилиан сидит на каменном стуле Карла Великого (что-то вроде трона) перед алтарем в окружении своих придворных, чьи платья и платья дам, стоящих высоко в галерее, прекрасно отражают моду того периода, настолько мельчайшей является точность деталей. (5) Битва при Кастель-делла-Пьетра, или Штайн-ам-Каллиано, расположенном между Трентом и Роверето в 1487 году. Пейзажный фон этой панели превосходен, и видно, как тирольцы с большой яростью гонят венецианцев перед собой через Адидже. (6) Вступление Максимилиана в Вену в 1490 году, после того как она была эвакуирована венграми, инцидент в ходе борьбы за венгерскую корону после смерти Матьяша Кориина, который удерживал Вену в течение нескольких лет. Фигура Максимилиана

на коне очень красиво вырезана. (7) Осада Штульвайссенбурга, города, в котором короновались короли Венгрии; Максимилиан захватил его в 1490 году. Лошади на этой табличке заслуживают особого внимания. (8) Возвращение Маргариты, дочери Максимилиана. Этот эпизод, который, должно быть, требовал определенной смелости, чтобы отнести к деяниям столь славного правления, показывает встречу Максимилиана со своей дочерью Маргаритой по ее возвращении в 1493 году после смерти Карла VIII. отказался от ее руки ради руки Анны Бретонской, на которой сам Максимилиан намеревался жениться как на своей второй жене. Французские посланники вручают императору два ключа, символы сюзеренитета Бургундии и Артуа, цену, которую нужно заплатить за двойное оскорбление - отправку обратно его дочери и лишение его невесты Анны. (9) Кампания Максимилиана против турок в Хорватии. (10) Союз между Максимилианом и папой Александром VI, венецианским дожем и герцогом Миланским против французского короля Карла VIII; четверо союзников показаны стоящими в холле дворца, взявшись за руки, в то время как французы видны в полном бегстве на заднем плане. (11) Инвеститура в Вормсе Людовико Сфорца в Миланское герцогство. Портреты Максимилиана хорошо сохранились и прекрасно выполнены по каждому случаю, когда его представляют, но ни один из них не получился лучше, чем этот. Императрица Мария Бьянка сидит слева от императора, Людовико Сфорца преклоняет колени перед троном; на развевающемся штандарте, символе инвеституры, отчетливо различим герцогский герб. (12) Бракосочетание в Брюсселе в 1496 году Филиппа дер Шене, старшего сына Максимилиана, с Иоганной, дочерью Фердинанда и Изабеллы Испанских, от архиепископа Камбре.

Остальные панели показывают (13) Кампанию в Богемии и победу Максимилиана при Регенсбурге в 1504 году. (14) Осаду Куфштайна, 1504. (15) Взятие Гельдерса и подчинение Шарля д'Эгмона Максимилиану, 1505. Герцог стоит с непокрытой головой, а на заднем плане видны разрушенные стены города. (16) Камбрская лига, 1508 год. Место действия - красивый шатер в лагере близ Камбре; Максимилиан, Юлий II, Карл VIII и Фердинанд V. встречаются, чтобы заключить союз против Венеции. (17) Осада Падуи в 1509 году, первый результат этой лиги. (18) Изгнание французов из Милана в 1512 году. (19) Вторая битва при Гвинегейте; известна также как битва при Шпорах, названная так из-за того факта, что французы, как говорили, использовали свои шпоры, а не мечи, в том случае с Генрихом VIII. из Англии, командующий пехотой союзников, 16 августа 1513 года. (20) Встреча Максимилиана и Генриха VIII. перед Турне, 1513 год. Максимилиана и Генриха видно пешими. (21) Битва при Виченце, 1513. (22) Осада Мурано на венецианском побережье, 1514. (23) Максимилиан договаривался с Владиславом, королем Венгрии, о двойном браке Анны и Людвиг, детей Владислава, с Фердинандом и Марией, внуками Максимилиана, одним из последствий которого стало последующее присоединение Венгрии к империи. (24) Оборона Вероны войсками Максимилиана от французов и венецианцев, 1516 год.

Великолепный мемориал Максимилиана удачно расположен, так что его красота и впечатляемость проявляются в полной мере, и зритель может рассмотреть его не только в деталях, но и в целом. Как образец могильного искусства в своем роде он не имеет себе равных.

Совершенно иной характер по сравнению с этим великолепным кенотафом имеет могила Андреаса Хофера у входа в левый проход, выполненная из тирольского мрамора работы Шаллера из Вены и с барельефом Йозефа Клибера из Инсбрука, изображающим шестерых тирольцев, приносящих присягу на верность национальному флагу и правому делу. По обе стороны от великого патриота лежат его товарищи, Йозеф Спекбахер и Иоахим Хаспингер. Рядом с ними установлена табличка с надписью "От благодарного Отечества сыновьям,

погибшим в Отечественных войнах", с датой установки (1838 год) и девизом "Смерть поглощается победой".

СТАТУЭТКИ В СЕРЕБРЯНОЙ ЧАСОВНЕ

В противоположном проходе, куда ведет лестница, находится Silberne Kapelle (Серебряная часовня), столь известная благодаря серебряной статуэтке Богородицы, подаренной эрцгерцогом Фердинандом Австрийским, который был регентом Тироля в 1563-1595 годах, и рельефным изображениям Лавретанской литании, также выполненным из серебра, которые украшают алтарь. Под мраморными ступенями, по которым можно попасть в часовню, находится примечательная гробница работы Александра Колина с лежащей фигурой Катарины фон Локсен, тети Филиппины Вельзер. В самой часовне находятся прекрасные мраморные надгробия эрцгерцога Фердинанда и его первой жены Филиппины Вельзер с изображениями, которые приписывают Александру Колину. Первая названная гробница украшена четырьмя рельефными сценами событий из жизни эрцгерцога, а вторая - двумя рельефами. Здесь также находится примечательная бронзовая фигура эрцгерцога в натуральную величину, стоящего на коленях, облаченного в полные доспехи, с лицом, обращенным к алтарю, и молитвенно сложенными руками. Этих памятников самих по себе достаточно, чтобы обеспечить Зильбернской капелле определенную известность среди всех, кто интересуется искусством или историческими памятниками.

Двадцать три статуэтки, первоначально задуманные как часть схемы кенотафа Максимилиана, на который уже делалась ссылка, были размещены в часовне без соблюдения какого-либо определенного дизайна или порядка расположения. Они представляют значительный интерес из-за того факта, что представляют святых королевского или благородного происхождения, чьи судьбы, легендарные или реальные, были связаны с судьбами Дома Габсбургов. На них часто не обращают внимания посетители Инсбрука и даже те, кто заходит в Хофкирхе; но, независимо от их индивидуальных достоинств, их следует изучить, поскольку изначально они были частью проекта великолепного мемориала Максимилиану.

(1) Святая Адельгунда, дочь Вальберта, графа Эно. (2) Святой Адельберт, граф Брабанта. (3) Святая Дода, жена святого Арнульфа, герцога Мозельского. (4) Святая Эрмелинда, дочь Витгера, графа Брабанта. (5) Святой Ги, герцог Лотарингии. (6) Святой Симперт, епископ Аугсбурга, сын сестры Карла Великого Симпорианы, которая восстановила монастырь Святого Магнуса в Фюссене. (7) Святой Иодок, сын короля Великобритании, одетый в платье Палмера. (8) Святой Ландерих, епископ Меца, сын святого Винсента, графа Эно, и святой Вальтруды. (9) Святой Хлодвиг. (10) Святая Ода, жена герцога Конрада. (11) Святая Фаральда, дочь Витгера, графа Брабанта. (12) Святой Рейнберт, ее брат. (13) святой Рональд, брат святого Симперта, епископа Аугсбургского. (14) Святой Стефан, король Венгрии. (15) Святой Венанций, мученик, сын Теодориха, герцога Лотарингии. (16) Святая Вальтруда, мать святого Ландериха. (17) Святой Арнульф, муж святой Доды, впоследствии епископ Меца. (18) Святой Хлодульф, сын святой Вальтруды. (19) Святая Гудула, сестра святого Альберта, графа Брабанта. (20) Святой Пепин Теутон, герцог Брабанта. (21) Святой Трудо, священник, сын святой Адели. (22) Святой Винсент, монах. (23) Ричард Львиный крест. Все они были более или менее тесно связаны с королевским домом Габсбургов.

Упомянутые нами памятники, расположенные в стенах Хофкирхе, вызывают в воображении у тех, кто знаком с историей Тироля, множество волнующих, романтических и трагических эпизодов. В это историческое здание была перенесена прекрасная Филиппинка Вельзер из замка Амбрас к месту своего последнего упокоения. И здесь преклонил колени эрцгерцог

Леопольд V. на своей свадьбе с прекрасной Клаудией Фелиситас де Медичи, в то время как за границей Тироля все это время гремели громы и смятение Тридцатилетней войны. А несколько лет спустя приехала королева Швеции Кристиана, чтобы 28 октября 1655 года отречься от протестантской веры. В одном из отчетов об этой внушительной церемонии мы читаем, что королева была одета в простое черное шелковое платье и не носила никаких других драгоценностей, кроме креста на груди, в котором сверкали пять огромных бриллиантов удивительной красоты, символизирующих пять ран Христа. Как нам сказали, ее повторение латинского исповедания веры вслед за папским нунцием было настолько ясным и подчеркнуто, что вызвало всеобщие комментарии. После церемонии был не только спет Амвросианский гимн, но и "инсбрукцы отпраздновали событие ее обращения в истинную веру пушечной пальбой и звоном церковных колоколов". Неизменно популярной церемонией, ознаменовавшей ее пребывание в городе, было шествие любимой картины Тироля, Мадонны Кранаха, привезенной в страну Леопольдом V. Также были поставлены мистические пьесы, которые до сих пор популярны в Тироле, и это событие стало поводом для большого всеобщего ликования.

Историческая Хофкирхе видела сцены и более радостные, и более печальные, чем отречение королевы Кристиан, поскольку в ней был проведен торжественный благодарственный молебен от имени еще одной Клавдии Медичи, тирольской принцессы, которую император Леопольд I выбрал себе в невесты. И здесь, в более поздние времена, Андреас Хофер преклонил колени, чтобы принять подарки своего императора - медаль и цепь, которые были надеты ему на шею, когда он стал регентом или губернатором Тироля.

В эту Хофкирхе, которой было суждено в конечном итоге стать для него подходящим местом упокоения, он также пришел, чтобы выразить благодарность после своего величайшего триумфа над захватчиками его страны на Берг-Изеле, в то время как за пределами церкви храбрые граждане Инсбрука приветствовали его диктатором и ликовали в бреду радости.

АББАТСТВО УИЛТЕН

Ни одно описание Инсбрука, каким бы кратким оно ни было, не может считаться полным без хотя бы мимолетного упоминания знаменитого аббатства Вильтен, которое стоит на окраине юго-западной части города. Нынешнее аббатство, принадлежащее премонстратинскому ордену, было основано в одиннадцатом веке на месте, где стояло римское поселение Вельдидена. Однако аббатство и церковь того времени так часто повреждались пожарами, что на протяжении веков они практически реконструировались. История его основания составляет одну из самых замечательных тирольских легенд, и в ее эпизодах с необычайной ясностью проявляется конфликт, происходивший в те времена между доктринами христианства и язычества.

ХАЙМОН И ДРАКОН

Некоторые источники утверждают, что римляне, когда они вошли в страну, обнаружили уже существующий город, который они приняли за одну из своих самых важных стоянок и переименовали в Вельдидену. Это поселение, однако, было, согласно традиции, разрушено Атиллой на его обратном пути через страну после отчаянной битвы при Шалоне; но, тем не менее, оно продолжало оставаться наиболее посещаемой станцией на участке страны, лежащем между По и Рейном, благодаря удобству своего расположения и существованию знаменитой Бреннерской дороги. Впоследствии последовала экспедиция Теодориха Веронского против Розового сада Кримхильды в Вормсе; и нам говорят, что среди тех, кто поступил на службу к Теодориху и отличился при взятии знаменитого Розового сада, был некто Хаймо или Хаймон (ныне считается, что это Хейме из "Хельденбуха"), который после

экспедиции прошел через Тироль в победоносной свите своего хозяина. Этот Хаймон был великаном, выше и могущественнее даже самого Голиафа; и когда он приблизился к Вельдидене, он обнаружил, что ему преграждает путь другой великан по имени Тирсус (теперь идентифицированный как Шрудан), живущий недалеко от Цирла. Этот последний гигант, услышав о доблести Хаймона и поскольку его собственное превосходство до сих пор оставалось неоспоримым, решил заставить Хаймона сразиться с ним.

Гигант Теодориха оказался достаточно готовым к поединку и, по правде говоря, едва ли ждал, когда ему бросят вызов. Тирс, хотя и был крупнее и страшнее на вид, с кожей, загорелой от жизни на свежем воздухе, которую он вел, и мускулами, развитыми и поддерживаемыми в форме постоянными упражнениями, был не так искусен и коварен, как его противник, каждое движение которого показывало, что он мастер как в искусстве нападения, так и в искусстве защиты.

Нам рассказывают, что Тирс сжимал в руке сосну, которую он вырвал с корнем, чтобы она служила оружием, и что при каждом его движении земля сотрясалась под его поступью, которая производила звук, подобный грому. Порывисто бросившись в атаку на Хаймона, он обнаружил, что тот хладнокровен и собран, внимательно следит за каждым движением своего противника и терпеливо ждет возможности нанести решающий удар. Пока продолжалась титаническая борьба, Хаймон просто защищался, Тирс устал, и тогда Хаймон, собрав все свои силы, обрушился на него и убил.

Далее история повествует о том, как монах-бенедиктинец из Тегернзее, проходя мимо, когда Хаймон все еще был воодушевлен победой, остановился, чтобы урезонить его о бесполезности простой грубой силы и всего того, что он до сих пор считал ценным, и так хорошо преуспел в описании прелестей лучшей жизни, что гигант был обращен на месте и с тех пор отказался от своей жизни, полной сражений и кровопролития, и посвятил свое время и силы служению Богу. Одним из первых его действий было начать строительство собственными руками церкви и монастыря на месте разрушенной Вельдидены на берегу Силла.

Легенда гласит нам, что он собственными руками добыл необходимый для этого камень, и наконец настал день, когда у него было достаточно средств, чтобы заложить фундамент церкви. Однако он обнаружил, что работа, которую он делал днем, всегда оставалась незавершенной ночью, так что он не добился никакого прогресса. Это, хотя он и не знал этого, было делом рук дьявола, который в образе огромного дракона спрятался в пещере с явной целью помешать благочестивым намерениям Хаймона.

Наконец последний понял, что должен понаблюдать и выяснить, что произошло. Он так и сделал, и через некоторое время однажды вечером дракон вышел из своей пещеры, в ярости хлеща по земле хвостом и наполняя воздух сернистым дымом и пламенем, которые он выдыхал. Как ни велика была его сила, Хаймон сразу понял, что ему нелегко одолеть такого страшного врага; поэтому, вверив свою душу Богу, он ждал с отважным сердцем. Вскоре над горами забрезжил рассвет, и при первом проблеске света дракон повернулся и убежал обратно в свое логово. Хаймон, ободрившись при виде этого, пустился в погоню, и мало-помалу они оба добрались до пещеры, в которой дракон привык прятаться днем. Вход был настолько узким, что, когда чудовище частично проникло внутрь, ему было невозможно повернуться, и поэтому Хаймон, увидев представившуюся возможность, поднял свой меч и, призвав Бога укрепить его, одним ударом отрубил дракону голову. Затем он вырезал язык или жало чудовища в качестве трофея и в конце концов повесил его в святилище церкви. В наши

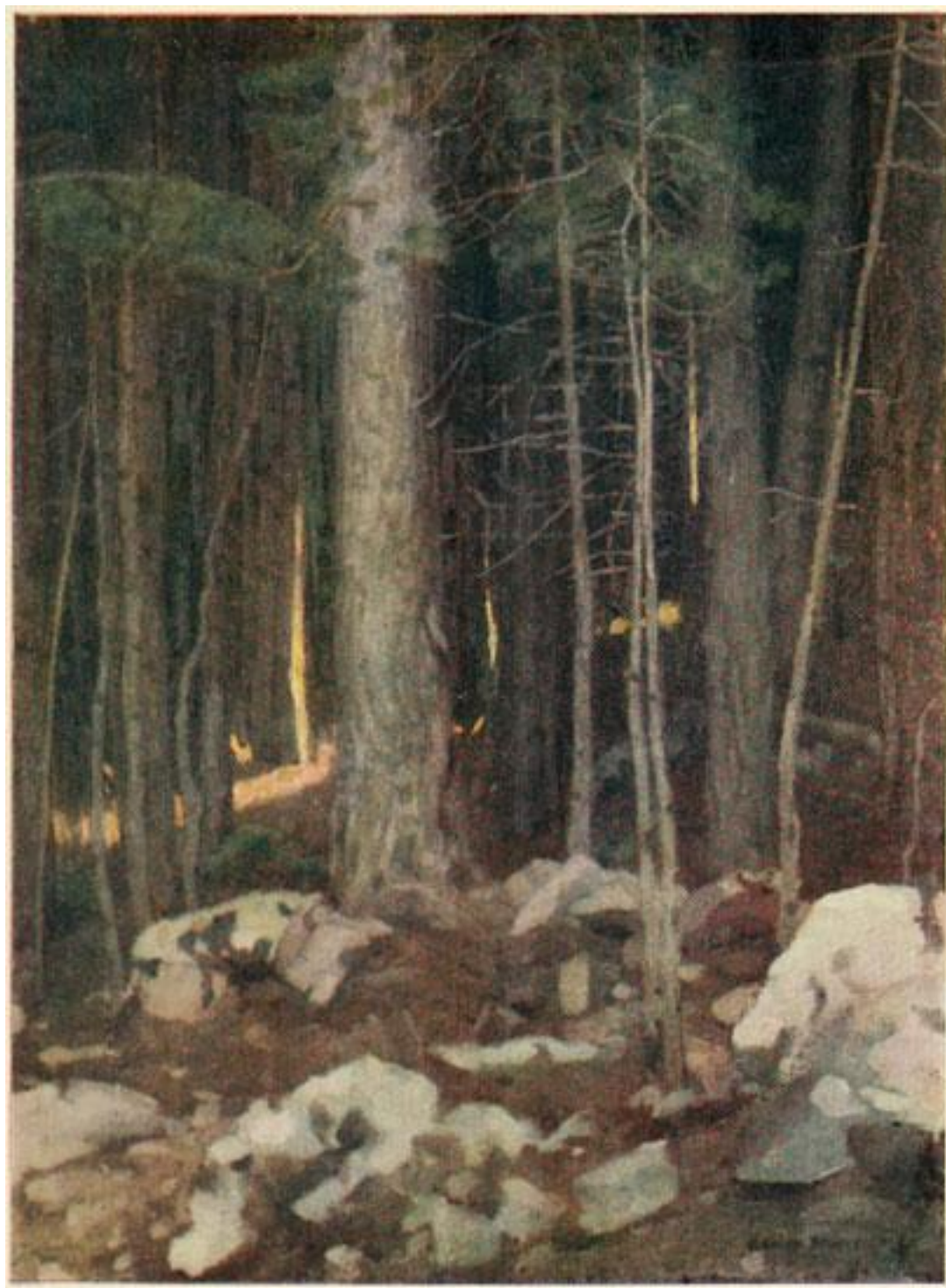
дни в Уилтене демонстрируют изображение языка этого дракона, который, как нам говорят, был более двух футов в длину.

После смерти дракона строительство продвигалось быстро, и когда оно было закончено, Хаймон, без сомнения, в припадке радости, схватил огромный камень, который он добыл, но не нуждался в использовании для фундамента, и со всей силы швырнул его в долину. Это был хороший бросок, потому что камень, пролетев почти две мили, ударился о холм Амбрас и упал в долину, где его до сих пор можно увидеть! Хаймон подарил аббатству всю землю, которая простиралась между его участком и камнем у подножия холма Амбрас.

Теперь оставалось только заселить монастырь, и в конце концов бенедиктинцы поселились в нем, и здесь великан прожил среди них жизнь покаяния и добрых дел, умерев в 878 году. Его тело, как гласит традиция, было похоронено по правую руку от главного алтаря в церкви. Но хотя за период, прошедший между его смертью и серединой семнадцатого века, было предпринято множество поисков его останков, они так и не были обнаружены. Но последние поиски в 1644 году были катастрофическими и безуспешными, потому что они подорвали большую часть стены церкви, которая рухнула. Популярная вера в двух великанов поддерживается огромными деревянными статуями, изображающими их, которые установлены у входа в церковь. Интерьер здания выполнен в форме базилики и содержит не только фрески Каспара Вальдмана, но и несколько хороших картин Грасмайра, Бусягера, Андерсага, Эгида Шора и других художников.

Аббатство Вильтен в те дни было одним из трех самых важных в Тироле и было центром не только религиозной, но и художественной жизни страны, и в настоящее время в нем хранится несколько очень интересных и ценных картин.

Одним из самых известных старожилов аббатства был Петерманн, некогда любовник распутной Маргариты Тирольской, прозванной "Карманной Мег". После ее отречения в 1367 году Петерманн поступил в монастырь, чтобы искупить грехи и безумства своей юности. Он подарил аббатству поместье, но продемонстрировал свои деловые способности, заключив с аббатом соглашение, в котором излагались условия, на которых он присоединился к братству. Среди прочего, он должен был, во-первых, извлекать пользу из всех месс, совершаемых монахами, и добрых дел, совершаемых ими; во-вторых, ему должны были прислуживать двое слуг, которые должны были разделять трапезы братьев; в-третьих, он сам должен был получать пищу, подобную той, что подавалась настоятелю, и вина из монастырского погреба. Очевидно, это соглашение, в конце концов, не соответствовало взглядам Петерманна, поскольку мы узнаем, что впоследствии он настоял на увеличении своего рациона питания до каплуна, четырех кур, сорока яиц и четырех фунтов сливочного масла, а также на количестве сена, достаточном для прокорма трех его лошадей.

СОСНОВЫЙ ЛЕС НЕДАЛЕКО ОТ ИНСБРУКА

ЛЕГЕНДА ОБ УИЛТЕНЕ

Другая церковь в Вильтене (приходская церковь), которая стоит на противоположной стороне Леопольдштрассе, датируется только второй половиной восемнадцатого века и была построена как светская церковь в соответствии с указом императора Иосифа II Францем Пенцем из Тельфса в архитектурном стиле рококо. На главном алтаре церкви находится очень древняя и причудливая Мадонна, известная как "Mutter Gottes unter den vier Säulen", высеченная в песчанике, легенда, связанная с которой, такова: "Громopodobный легион" Марка Аврелия, когда он находился в Вельдидене около 137 года, привез с собой это изображение, которому, как утверждается, они поклонялись, и однажды, отправляясь в

экспедицию в отдаленную часть страны, они похоронили его под четырьмя деревьями, и поскольку они не вернулись, у них не было возможности воскресить его. Там оно пролежало много лет, пока некто Ратольд Фон Айблинген, совершив паломничество в Рим, где он услышал историю о его захоронении и месте его сокрытия, не выкопал его и не водрузил на алтарь в *балдахине*, который поддерживался четырьмя колоннами, где оно всегда было объектом большого почитания. Среди его многочисленных известных приверженцев был Фредерик с Пустым кошельком, который во время своих странствий по Тиролю со своим верным Гансом фон Мюллином, находясь под церковным запретом, пришел, преклонил колени перед святыней и помолился о благословении. Впоследствии, когда он вернул себе свое имущество, он приписал свой успех вмешательству Мадонны в Уилтене и приказал написать картину, изображающую его и его оруженосца, на которой они изображены коленопреклоненными в святилище под покровительственной мантией Богородицы. Эта причудливая картина сейчас висит в церкви среди множества других любопытных и часто трогательных пожертвований по обету.

В часовне погребения находится грубо вырезанная и раскрашенная деревянная статуя Хаймона, держащего в руке язык дракона. В церкви также можно увидеть несколько картин Грасмайра, а на прилегающем церковном дворе, откуда открывается красивейший вид на долину и окружающие горы, находится современная Голгофа работы тирольского скульптора профессора Фусса. В этом тихом месте, переполненном воспоминаниями об ушедшем прошлом, можно в какой-то мере вызвать в воображении картины тех времен, когда этрусские, римские и готские завоеватели хлынули в долину у перевала Бреннер и захватили Тироль, оставив на стране и народе неизгладимые следы своей оккупации.

Обе церкви Вильтена имеют простой архитектурный стиль, но, тем не менее, эффектны и даже впечатляют на фоне прекрасного пейзажа, с их живописными башнями с красными шапками, освещенными альпийским солнцем, и стенами желтовато-коричневого цвета, украшенными пятнами непогоды и времени.

ЗИМНИЕ ВИДЫ СПОРТА

Какими бы многочисленными ни были несомненные достопримечательности Инсбрука ранней весной, летом и осенью, когда окружающие поля и горные склоны пестрят альпийскими цветами и прекрасны разнообразными оттенками листвы деревьев и кустарников, город с каждым годом становится все более известным и посещаемым как зимний курорт, где можно заниматься так называемыми "зимними видами спорта" сколько душе угодно. Действительно, Инсбрук, обладающий одним из самых больших и красивых катков в Европе, играет ведущую роль в тирольских зимних видах спорта. Одной из самых примечательных особенностей города является его климат, который, несмотря на близость огромных масс льда и снега, является мягким не только на вершинах высоких гор Карвендель, но и на нижних склонах, а также в долине самой гостиницы.

Одно из самых восхитительных альпийских развлечений для тех, кто не занимается более активными видами спорта - лыжным бегом, конькобежным спортом или катанием на санях, - это поездка на санях по дороге Бреннер в Матрей или даже дальше с возвращением по другую сторону ущелья Силл через Иглс и Патч. Опытные лыжники-бегуны находят множество возможностей для тренировки своего мастерства, а более предприимчивые и выносливые совершают экскурсии далеко в долину Инн. Самое любимое место для такого времяпрепровождения, как катание на лыжах, находится на дальней стороне Подоконника недалеко от Наттерса и Муттерса, где находятся те огромные плато с ровным снежным покровом, которые так любят хорошие бегуны, и красивый пейзаж, образующий

очаровательный фон. Опытные бегуны, однако, часто расширяют сферу своей деятельности до гор Карвендель или до Калккогеля в прекрасной долине Штубай.

Катание на санях стало модным развлечением не только среди приезжих, но и среди жителей Инсбрука высшего класса. И поэтому каждый вечер, когда выпадает достаточно снега и он в хорошем состоянии, сотни санников отправляются на высоты Иглс и Муттерс, где проложены лучшие трассы.

Воскресенье, однако, знаменательный день; и тогда длинные трассы возле Холла и Оберперфутца заполнены сотнями бобслеистов и саночников. Бег в зале известен по всему Тиролю. Дорога простирается от Зальцберга далеко в горы Карвендель, проходя через красивые альпийские пейзажи до самого Холла, образуя естественную трассу длиной около пяти километров (чуть более трех миль) с перепадом высот на этом расстоянии почти 3000 футов. Инсбрукский клуб с помощью снегоочистителя расчищает трассу шириной около пятнадцати футов. Вскоре эту трассу планируется удлинить еще на два километра, доведя ее до Лафачерйоха, где каждый год устраивается и проводится несколько важных гонок.

Зимними видами спорта увлекаются со всех сторон. Вдоль долины быстротекущей реки Инн, ведущей из Шваца мимо Йенбаха и Брикслега в Куфштайн, можно найти места для самых бодрящих развлечений - катания на санях, лыжах и коньках. Даже у детей есть свои маленькие самодельные сани, часто украшенные орнаментом, а на горных дорогах и тропинках можно встретить множество подростков, подражающих старшим, и иностранных гостей; в то время как замерзшие притоки рек, впадающие в Гостиницу, создают прекрасные площадки для катания на коньках и площадки для керлинга среди восхитительных пейзажей, которые во многом обусловили популярность долины Инн и Инсбрука как курортов зимнего отдыха.

Недаром многие, кто приезжает в столицу Тироля, возвращаются сюда снова и снова, находя в ее жизни и движении, в ее исторических зданиях, ассоциациях и сокровищах искусства материал для изучения; в ее климате - новое здоровье и энергию.

Окружающий город круг заснеженных холмов, по которым непрерывно проходят облака и солнечный свет, никогда не надоедает; а в древних переулках и уединенных дворах уши и умы, настроенные на историческое прошлое, кажется, улавливают отголоски и видят видения волнующих сцен и пышных зрелищ давних времен, когда рыцари, дамы, слуги и бюргеры в причудливых старинных костюмах прогуливались по грубо вымощенным улицам.

ГЛАВА V

ОКРЕСТНОСТИ ИНСБРУКА—ЗАМОК АМБРАС И ЕГО СОКРОВИЩА-ИГЛС: ПРИЧУДЛИВАЯ ЛЕГЕНДА О ЕГО ЦЕРКВИ- ДОЛИНА ШТУБАЙ И НЕКОТОРЫЕ ДЕРЕВНИ—ХОЛЛ И ЕГО СОЛЯНЫЕ КОПИ—СТАРЫЙ ДОМ ШПЕКБАХЕРА-ST. МАЙКЛ

На расстоянии примерно трех миль от Инсбрука по тенистой дороге, идущей на восток от Берг-Изеля, которая представляет собой очаровательную прогулку летним днем, стоит знаменитый замок Амбрас на поросшем лесом отроге Миттельгебирге, откуда открывается прекрасный вид на широкую долину Инн, склоны и остроконечные вершины известняковых гор, которые замыкают долину. Это заметная и доминирующая черта пейзажа, если смотреть из последнего, его желто-серые стены, пронизанные множеством окон, выделяются на фоне темно-зеленого леса. Но в погожий летний день замок Амбрас выглядит слишком голым и насыщенным по цвету, чтобы быть полностью живописным.

Давным-давно, когда римляне господствовали в Тироле, на том месте, где сейчас стоит замок, был построен форт — один из тех форпостов цивилизации, которые эта держава-завоевательница мира в изобилии разбросала по холмам и долинам Тироля. Какой бы древней ни была эта крепость, многие авторитетные источники считают, что даже она заменила или была возведена на фундаменте гораздо более раннего здания, датируемого этрусскими временами. Первый замок, как обычно понимается под этим термином, был построен андехами, которые к концу десятого века были одной из трех главных правящих семей Тироля. Действительно, до тех пор, пока Терриоли не стали графами Тироля, они были самыми могущественными из трех великих временных территориальных лордов, и до их исчезновения по мужской линии в середине тринадцатого века приобрели обширные владения. Это была типичная средневековая феодальная семья, одинаково отличившаяся в совете и на поле брани. В свою очередь, она обеспечивала офицеров Римской империи, паломников к священным местам и в сам Рим, крестоносцев и религиозных энтузиастов, основавших важные и богатые монашеские учреждения.

История строителей замка Амбрас наполнила бы многие тома случаями храбрых и благородных (а иногда и жестоких и подлых) поступков; романтическими эпизодами, которые послужили путешествующим миннезингерам темами для их песен; и записями волнующих событий, в которых переплелись как национальная, так и семейная история. О них один историк написал: "они были почитаемы на земле, особенно странствующими менестрелями, которым всегда были рады в их гостеприимном доме и за столом, и любимы на Небесах, которым они подарили несколько святых душ".

После смерти последнего представителя мужской линии Андехов, герцога Отто II, в 1248 году замок и фамильные поместья перешли во владение графов Тирольских. В конечном счете первый был выкуплен у тогдашних владельцев императором Фердинандом I. и передан его сыну, впоследствии Фердинанду II., когда последний был назначен регентом Тироля. Он всегда оставался его любимым домом, даже когда он стал императором, и именно в этот замок он привез свою прекрасную невесту Филиппину Вельзер в 1567 году.

РОМАН ЭРЦГЕРЦОГА

Истинная история любви эрцгерцога Фердинанда, сына германского императора Фердинанда I. Вероятно, никогда не будет точно известна. Но это событие неразрывно связано с историей Тироля. Вполне естественно, что на идиллические и романтические обстоятельства, окружавшие свадьбу, во многом наложились традиции и возможное желание историков сделать этот королевский мезальянс еще более удивительным. Поэтому невозможно поручиться за полную точность дошедшей до нас истории, которую мы приводим в том виде, в каком ее можно почерпнуть у современных авторов.

ИСТОРИЯ ФИЛИППИНЫ УЭЛЗЕР

Встреча эрцгерцога Фердинанда и его будущей жены, которая была дочерью некоего Франца Вельзера, богатого купца, принца Аугсбургского в середине шестнадцатого века, состоялась, когда эрцгерцог сопровождал своего отца по случаю государственного въезда последнего в город. Проходя по главной улице, первый заметил в окне одного из самых больших и важных домов лицо прекраснейшей молодой девушки, которая, бросив цветы на улицу, увидев, что привлекла его внимание, покраснев, скрылась в доме. По-видимому, для Фердинанда это был случай любви с первого взгляда; поскольку, очарованный ее прекрасным лицом, он, не теряя времени, выяснил, кто она такая, и, согласно некоторым источникам, видел ее несколько раз, когда был в городе. Впоследствии он ухаживал за ней, пока она была в Бреснике, в Богемии, в гостях у тети.

Филиппина уже была помолвлена своим отцом с наследником великой и богатой семьи Фуггеров; но, к счастью для нее и молодого принца, мать Филиппины была женщиной, пользующейся большим влиянием у своего мужа, а также наперсницей и подругой своей дочери. Однако добиться его согласия на помолвку с принцем Фердинандом или на разрыв предполагаемого союза с Фуггерами было нелегкой задачей.

Оба отца очень этого хотели, и Уэлзер никогда не нарушал своего слова или сделки. Но пока мужчины постарше подсчитывали свое состояние и поздравляли себя с браком, который был устроен практически без мысли о привязанности между наиболее заинтересованными сторонами, Фердинанд разработал план, с помощью которого при содействии и попустительстве фрау Вельзер он смог осуществить свой замысел по похищению ее дочери.

В назначенный день и в условленный час молодой принц, который был на два года младше Филиппины, появился под башней, с которой он впервые увидел, как она наклонилась. Чуть поодаль по улице его ждала лошадь. Филиппина, получив благословение своей матери и утешенная ее одобрением, присоединилась к своему возлюбленному и убежала с ним в часовню, где личный духовник последнего, некто Джоанн Каваллерус, ждал, чтобы совершить бракосочетание со старым и доверенным слугой в качестве свидетеля. В другом сообщении говорится, что церемония была проведена в Бреснике тем же священником.

В конце концов, Франц Вельзер, для которого, несомненно, правильно оформленный брак с принцем имел некоторые привлекательные стороны, дал свое согласие и благословение. Возможно, в наши более материалистичные дни трудно вполне сочувствовать тому отношению, которое этот богатый и достойный бюргер из Аугсбурга поначалу проявил к браку своей дочери. Тогда с уважаемыми купцами их связывало не только слово, но и сильный элемент гордости, который с трудом допускал, чтобы на них смотрели свысока даже принцы. И, несомненно, именно эта гордость стояла главным образом за противодействием старого Вельзера сватовству принца Фердинанда. Но великолепное приданое, которое отец Филиппины был достаточно богат, чтобы дать ей, было одним из тех, которых не должен был стыдиться ни один принц.

На момент женитьбы эрцгерцогу было двадцать восемь, а Филиппине - на два года больше. Император, конечно, отказался признать этот брак, когда в конце концов, через несколько лет после его заключения, ему стало известно о нем. И хотя мы вынуждены признать, что история личного обращения Филиппины к нему с просьбой простить его сына и ее саму имеет под собой весьма туманную основу и, действительно, скорее традиционна, чем исторична, мы приводим ее такой, какая она есть.

История гласит, что Филиппина, огорченная не только своим собственным положением, но и неприятностями, которые она навлекла на своего мужа, отдалив его от отца-императора, отправилась в Вену со своими маленькими детьми, чтобы лично добиться аудиенции у своего царственного свекра. Сделать это было очень трудно, и хотя в конечном счете она преуспела, это произошло только благодаря ее необычайной красоте и мягкости, а также тому факту, что она взяла другое имя. Затем, войдя в зал для аудиенций, она упала на колени и рассказала императору свою собственную историю под видом аллегии, сказав, что она была счастливой и любимой женой доблестного дворянина с высоким положением, чей отец не признал ее, потому что она сама не была благородного происхождения; добавив, что, услышав, каким справедливым и добрым был император, она пришла к нему, чтобы умолять его заступиться за нее и ее сыновей перед ее упрямым свекром. Выслушав ее рассказ, император, восхищенный изяществом, красноречием и красотой Филиппины и двух ее сыновей, сказал ей, что удовлетворит ее просьбу и обратится к ее тестю с просьбой не только

простить своего сына, но и признать брак, добавив, что он не понимает, как кто-либо может отказаться принять в свою семью такую очаровательную и красивую женщину. Затем, как и следовало ожидать, он спросил имя отца ее мужа. И она, снова упав на колени, сказала императору, что это был он сам, о ком она говорила, и что она жена его сына Фердинанда.

Император едва ли мог отказаться от своего слова и не мог унижить себя отрицанием очарования и красоты Филиппины теперь, когда он узнал, кто она на самом деле; и, покоренный мужеством и настойчивостью, которые вдохновили ее на поездку в Вену, чтобы попытаться встретиться с ним лично, он не только простил своего сына, но и признал ее невесткой. В некоторых источниках, хотя это, вероятно, не так, утверждается, что он хотел, чтобы брак по-прежнему оставался в тайне, и назначил Фердинанда регентом Тироля, отправив его и его жену проживать в Инсбрук.^[14]

Желание императора было исполнено, и говорят, что до самой ее смерти никому не было известно, что Филиппина на самом деле была замужем за эрцгерцогом. Однако после ее кончины это обстоятельство было предано огласке, и эрцгерцог всегда привык называть Филиппину своей женой. Конечно, брак был морганатическим, и поэтому ни один из двух ее оставшихся в живых детей, Андреаса и Чарльза, не унаследовал эрцгерцогских титулов.

За четыре года до приезда эрцгерцога Фердинанда в свою резиденцию в Инсбруке в качестве регента Тироля он приобрел живописный и прекрасно расположенный замок Амбрас и путем многочисленных изменений и пристроек к существовавшему тогда зданию вскоре сделал его одной из самых известных и красивых резиденций во всей стране. Он обставил его с большим великолепием, а когда все было закончено, подарил своей жене Филиппине. Здесь они обычно проводили летние месяцы в счастье, которое было не только общеизвестным, но и несомненным.

Как и некоторые другие правители Тироля, эрцгерцог Фердинанд не только сам проявлял большой интерес к искусству, науке и литературе, но и стремился как их покровитель собрать вокруг себя и пристроить ко Двору образованных профессоров, художников и ученых со всех частей Европы. В результате двор Фердинанда и Филиппин вырос с художественной, музыкальной и интеллектуальной точки зрения и стал особенно блестящим.

ХАРАКТЕР ФИЛИППИНЦА

Характер Филиппины, похоже, был таким же приятным, как и ее внешность. Говорят, что у нее был прекрасный, чистый, хотя и несколько бледноватый цвет лица, голубые глаза и золотистые волосы, хотя следует добавить, что существующие ее портреты не отдают ей должного в последнем отношении, если только ее красота не была сильно преувеличена. На большинстве из них она предстает со слегка овальным, скорее итальянским, чем тевтонским типом лица, с четко очерченными и изящно изогнутыми бровями, мягкими, но умными глазами, прямым носом и очень милым, а на некоторых портретах даже "плутоватым" ртом; но в целом ее лицо не отличается поразительной красотой, если судить по стандартам более современного времени.

Филиппина, поселившись в Амбрасе, очень интересовалась добрыми делами всех видов, но особенно посещением больных и уходом за ними, и память о ее добрых делах в этом отношении до сих пор бережно хранят в Тироле. Ее главный врач перечислил большое количество больных, которые в разное время находились под ее непосредственным наблюдением, и в записях можно найти упоминание о больных людях многих

национальностей, что свидетельствует о ее католическом духе в облегчении страданий. У нее даже была своя аптека в Амбрасе, которой руководил некто Гуранта, знаменитый химик того времени. О ней один из ее биографов говорит: "Она, сама с детства отличавшаяся слабым здоровьем, испытывала сильное и всегда готовое сочувствие к страдающим, особенно к тем, кто был подавлен душой или обстоятельствами, а также телом".

За годы, прожитые в Амбрасе, она приобрела такие знания о болезнях и средствах, которые обычно применялись в те дни, что сама написала книгу рецептов, которую сейчас можно увидеть в Придворной библиотеке в Вене. Это чрезвычайно интересный том, поскольку он содержит значительный отчет о действии используемых средств; иногда написанный собственноручно Филиппиной с добавленными замечаниями об успехе или неудаче лечения.

Филиппина и в других отношениях отличалась филантропическим и добрым нравом, и во многих случаях девушки, состоявшие у нее в услужении или бывшие с ней знакомы, получали от нее приятный сюрприз в виде свадебного платья при вступлении в брак; и в Инсбруке до сих пор можно увидеть счет портнихи, общая сумма которого в основном состоит из свадебных платьев, подаренных указанным нами способом.

Хотя дочь бургомистра, по ее собственному признанию, предпочла бы вести менее возвышенную и более уединенную жизнь, чем та, которая выпала на ее долю в результате брака с эрцгерцогом Фердинандом, все авторы сходятся во мнении, что она умело и хорошо соответствовала положению, к которому была призвана. В большой привязанности ее мужа к ней не может быть никаких сомнений. Действительно, это было настолько печально известно, что венецианский посол Микеле, находясь с визитом у эрцгерцога, сообщил своему правительству, что Фердинанд никогда не был так счастлив, как со своей женой, и фактически никогда не находился вдали от нее ни на час.

Филиппина, несмотря на свои многочисленные общественные обязанности и высокое положение, была превосходной и даже идеальной немецкой *хаус-фрау*. Она была умной рукодельницей, особенно искусной в вышивании, и довольно опытным и практичным поваром. Можно сказать, что она действительно соперничала со знаменитой миссис Гласс, поскольку написала исчерпывающую кулинарную книгу, демонстрирующую большие и практические знания в кулинарном искусстве, и, к счастью для любознательных, хранится вместе с ее книгой рецептов в Придворной библиотеке в Вене.

По мнению эрцгерцога, для Филиппин не было ничего слишком хорошего. Он подарил ей не только великолепный замок Амбрас, долину Штубай и все, что при ней находилось, несколько деревень и огромные суммы денег, но и поместья Кенигсберг, Салурн и Хертенберг.

ДВОР В ЗАМКЕ АМБРАС

Двор в Инсбруке и в замке Амбрас был веселым, и за время супружеской жизни Фердинанда и Филиппины было устроено множество блестящих развлечений. Среди множества *праздников*, проходивших в разное время, в дневнике Джеймса фон Пайерсберга можно найти запись об одном из них, датированную 13 июля 1570 года, в котором есть запись о том, что Филиппина выиграла первый приз, представлявший собой серебряный позолоченный кубок большой ценности, за стрельбу из арбалета; в то время как ее тетя, мадам Де Локсан, которая после замужества Филиппины была назначена ее хозяйкой Мантий, выиграла второй. Интересным обстоятельством в связи с этим *праздником* является то, что

джентльмены и леди соревновались вместе в стрельбе, в результате чего первые потерпели поражение указанным нами способом.

В замке Амбрас были собраны не только ученые, художники, музыканты и множество ученых мужей, но также, по обычаю тех дней, шуты и "уроды" различных типов, чьи любопытные отклонения от нормы сохранились на портретах многих из них, развешанных в замке. Из обычных слуг, вассалов, пажей и т.д. всегда состояла огромная свита, влекущая за собой огромные расходы, и значительный по размерам комиссариатский отдел. Филиппина, хотя ее естественные вкусы сильно отличались от вкусов ее мужа, который любил веселье, спорт и помпезность обстановки, своей мягкостью, внимательным изучением его желаний и большой тактичностью преуспела в том, чтобы не только завоевать, но и сохранить его привязанность на протяжении всей их супружеской жизни. Говорят, что Филиппина, независимо от того, правдива история о том, как она покорила сердце своего королевского свекра или нет, была с радостью и очень широко принята тирольской знатью, которая отличалась не только своим рыцарским, но и в целом надменным нравом. Очень дружеские отношения, по-видимому, существовали и с соседними дворами, в то время как папа Григорий XIII. был настолько высокого мнения о религиозной искренности и добродетелях Филиппины, что послал ей через специального посла красивые и очень ценные четки.

Филиппина умерла в 1580 году в окружении членов своей семьи и в присутствии эрцгерцога Фердинанда и герцогов Фердинанда Баварского и Генриха Брауншвейгского после супружеской жизни, длившейся двадцать три года, и болезни, длившейся всего несколько дней. Она была так любима во всем Тироле, что в течение нескольких месяцев соблюдался всеобщий траур, и во всех церквях страны служились мессы за упокой ее души. Насколько на самом деле велика была привязанность к ней людей, среди которых она жила, хорошо показывает тот факт, что во многих коттеджах в Тироле даже в наши дни можно найти ее портреты.

В смерти, как и при жизни, она заботилась о своем народе и о бедных; и когда ее похоронили в Серебряной часовне францисканской церкви в Инсбруке, где находится ее красивая, хотя и не бросающаяся в глаза могила с лежащей фигурой, лежащей под полукруглой аркой, и распятием, свисающим со скрещенных рук, оказалось, что в ее завещании были забыты немногие из ее домочадцев, независимо от того, занимали ли они высокое положение или были чернью.

Смерть Филиппины стала тяжелым ударом для эрцгерцога, и в течение нескольких месяцев после этого события он жил в полном уединении, не видя никого, кроме двух своих сыновей, отца-исповедника и самых близких друзей.

Однако, после того, как его горе несколько утихло, он отправился в путешествие в сопровождении двух своих оставшихся в живых детей; один из которых, Карл, стал епископом Бриксена и кардиналом (умер в 1600 году); другой, Андреас, маркграф Бургау (умер в 1618 году) и владелец замка Амбрас по воле своего отца. Это завещание было сделано при условии, что Андреас содержал здание в порядке и ремонтировал его, а также сохранял великолепную коллекцию редких рукописей, книг, картин, монет, доспехов и других *предметов искусства* и диковинок, которые Фердинанд и Филиппина с удовольствием собирали и обладанием которыми они так гордились.

В конце концов, в 1606 году, чтобы должным образом осуществить это желание своего отца, Андреас передал замок и территорию императору Рудольфу II, и таким образом Амбрас и его непревзойденная коллекция перешли во владение австрийской императорской семьи.

СОКРОВИЩА ЗАМКА АМБРАС

Всего два столетия спустя, из-за опасения, что бесценные сокровища попадут в руки французских и баварских захватчиков, большая часть коллекции Амбраса была перевезена в Вену и сначала находилась во дворце Бельвидер, откуда в последние годы была передана Императорскому музею истории искусств, наиболее интересной и ценной частью которого она является. Таким образом, Тироль был лишен одного из своих главных достояний, и хотя в разное время давались обещания возместить ущерб, они так и не были выполнены.

Однако в замке Амбрас все еще остались кое-какие интересные вещи, в том числе ценная коллекция оружия, хранящаяся в Унтершлоссе, датируемая пятнадцатым веком до наших дней (ранее, в шестнадцатом веке, говорят, что Оружейная палата содержала не менее пятисот полных комплектов кольчуг); восемь римских вех во внешнем дворе, найденных по дороге из Вильтена в Шенберг и датируемых временем правления Септимия Севера примерно с 193 по 211 год нашей эры; и коллекция мебели, слоновой кости, стекла и портретов, которые хранятся во внешнем дворе. К последним относятся несколько эрцгерцогов Фердинанда, Филиппина Вельзер и др.

На первом этаже Hoch Schloss, или "верхнего замка", находится интересная и хорошо отреставрированная готическая часовня пятнадцатого века с несколькими фресками работы Верндля; на том же этаже находится ванная комната, предположительно принадлежавшая Филиппине. Именно вокруг этой маленькой комнаты традиция сплела трагическую историю (с тех пор опровергнутую и полностью дискредитированную) о том, что Филиппина покончила жизнь самоубийством, вскрыв одну из своих вен, чтобы ее муж мог повторно жениться на ком-то, чей ранг больше соответствовал его собственному. На протяжении многих лет, фактически, на протяжении нескольких поколений этой истории верили, и она была принята, по крайней мере, простыми людьми как пример семейных добродетелей, которыми по праву славилась Филиппина. Но хотя мать Фердинанда, по-видимому, так и не приняла это положение и не примирилась с Филиппиной, остальные члены его семьи, по-видимому, хорошо относились к ней, и, насколько может показать история, никогда не было никаких причин для жертвы своей жизнью, которую, как предполагалось, она так долго приносила в интересах счастья и положения своего мужа.

Слава Филиппины Вельзер пережила столетия, прошедшие с тех пор, как она умерла; и дочери бюргера Аугсбурга было суждено стать одной из самых популярных тирольских героинь; и, как следствие, сегодня в Тироле есть много крестьянских домов, где ее портрет в той или иной форме репродукции стоит рядом с портретом какой-нибудь любимой святой или даже самой Пресвятой Богородицы.

Есть несколько других традиций, связанных с этим прекрасно расположенным замком Амбрас. Одна из них заключается в том, что Валленштейн, будучи мальчиком и пажом на службе у Фердинанда, выпал из окна в коридоре, ведущем в столовую, и не пострадал, поскольку в тот ужасный момент, когда он потерял равновесие, он поклялся Деве Марии, что, если его пощадят, он будет вести более серьезную и лучшую жизнь.

Замок, как и многие исторические жилища-крепости в Тироле, постепенно приходил в упадок; но когда эрцгерцог Карл Людвиг, который был губернатором Тироля в течение короткого периода в середине прошлого века, решил обосноваться здесь в своей резиденции, он был тщательно отремонтирован и отреставрирован. Художественные сокровища, оставшиеся после вывоза основных коллекций в Вену, время от времени пополнялись пожертвованиями из императорских коллекций в Вене, и в 1882 году император открыл замок для публики как музей.

Из множества интересных номеров отеля Ambras два неизменно вызывают восхищение и любопытство посетителей. Первый - это Ваффенсааль, в котором представлена коллекция доспехов и оружия, потолок шестнадцатого века расписан Дж. Б. Фонтана из Мерана астрономическими и мифологическими узорами; второй - знаменитый испанский салон с великолепными пропорциями, с его изысканно отделанными деревянными панелями потолком и стенами, украшенными фресками правителей Тироля 1221-1600 годов.

Вид с террасы, увитой шпалерами из пассифлоры и виноградных лоз, на долину Инн в ясный летний день полон очарования и красоты, и, глядя через плодородную долину на возвышающийся над ней чудесный горный хребет, цвета которого, кажется, меняются с каждым проплывающим облаком, можно отчасти осознать привязанность Фердинанда, любителя искусства и художника, каким он, несомненно, был, к замку Амбрас.

ТУРНИРНАЯ ПЛОЩАДКА

Каждый, кто приезжает в замок, должен посетить живописную и уединенную Туммель-плац, или Турнирную площадку, которая как бы нависает над деревней Амбрас с ее древней церковью и причудливыми фресками, изображающими Страшный суд. Говорят, что на этом месте во время оккупации замка Фердинандом и Филиппиной проходило множество рыцарских поединков. Из веселого и рыцарственного обихода тех и предыдущих времен Туммель-плац превратилась в меланхоличное место захоронения патриотов и героев. Впервые он был использован для этой цели, когда замок превратили в военный госпиталь— которым он оставался недолгое время, а затем в место захоронения примерно семи или восьми тысяч солдат Хофера, павших в войнах с Францией и Баварией с 1809 по 1810 год. Действительно, он фактически являлся частью поля битвы 1809 года.

Как это совершенно естественно и в соответствии с патриотическим и религиозным духом народа, они украсили тихое и красивое место захоронения часовнями, святымицами, изображениями по обету и мемориалами, которые придают ему особый и впечатляющий интерес и чувство, которые могут проявить немногие подобные места. Как поет поэт—

"Недалеко от Амбраса, на возвышенности,

На прекрасной земле Тироля,

В прохладном зеленом лесу

Кресты стоят во всю толщину.

"Там доблестные рыцари в доспехах

Однажды встретившись с копьем и щитом,

И от тех древних сражений

Это называется "Турнирное поле".

"Копья давно заржавели,

Но, когда дует легкий ветерок,

Старые, полузабытые истории

Как духи приходят и уходят".

От замка Амбрас всего несколько минут езды на трамвае до Иглса, который расположен почти на тысячу футов выше Инсбрука, но его не видно из города. Есть также две дороги, по которым можно добраться до этой маленькой горной деревушки; одна ведет мимо Амбраса, который предпочитают менее энергичные пешеходы, а другая, по которой мы поднимались, гораздо круче, живописнее и короче. Из Вильтена она проходит по мосту Силл, а затем поднимается на Пашберг и петляет по краю ущелья Файн-Силл. Когда добираешься до маленькой деревушки Вилль, кажется, что внезапно попадаешь в новую область впечатлений, разительно отличающуюся от Инсбрука, который, в конце концов, находится всего в миле или двух отсюда, в долине внизу. Здесь, когда видишь изящно сужающийся красный шпиль церкви, получаешь представление о жизни верхних долин и вскоре замечаешь тирольский обычай украшать наружные стены дома картинами, которые, как правило, религиозной тематики, многие из них отличаются поразительным и даже достойным исполнением. В Вилле никто не должен упустить из виду изображение Ангела Мира, которое находится над дверью дома на главной улице.

ПРЕКРАСНЫЕ ИГЛЫ

Одна из самых красивых прогулок в окрестностях - по тропинке, ведущей через лес к гостинице "Гербербах инн" на грейт-Бреннер-Хай-роуд, откуда до Берг-Изеля можно дойти пешком менее чем за полчаса.

Все еще поднимаясь вверх от Вилля и оставляя достопримечательности и звуки долины позади, мы постепенно приближаемся к Иглсу. Инсбрук и все следы широкой долины и окружающих ее холмов внезапно исчезают, и вы оказываетесь посреди широко раскинувшихся и умиротворяюще зеленых горных пастбищ, с видом на очаровательно расположенные маленькие деревушки Наттерс и Муттерс, за Силлским ущельем (которое здесь почти незаметно) с их церковными шпилями зеленого оттенка и красными башенками, сияющими в чистом альпийском воздухе и придающими пейзажу именно тот оттенок цвета, который любит художник.

В альпийских долинах, подобных той, в которой расположился Иглс, возможно более точно оценить факторы, которые делают тирольцев таким любящим дом и патриотичным народом; и понять, как главные человеческие, а также религиозные объединения даже в наши дни - как и в прошлом — группируются вокруг деревенских церквей, которые вздымают свои тонкие шпили к небесам почти везде, где сгруппировано полдюжины домов.

Над живописной долиной, в которой расположен Иглс, возвышается множество великолепных вершин; среди них Хабихт высотой более 10 700 футов, Сайле-Шпитце и скалистый Вальдрастер-Шпитце высотой 8920 футов; а нижние склоны густо поросшие лесом и красивые в любое время года своими разнообразными оттенками зелени.

Иглс значительно изменился с тех пор, как мы впервые посетили его, и теперь он имеет вид горного оздоровительного "курорта" скромного и непритязательного типа, с несколькими хорошими отелями, почтовым отделением, телефоном и телеграфом. Поэтому неудивительно, что это излюбленное место в последнее время привлекло к себе множество посетителей в поисках тишины и свежего воздуха. Чистый воздух и легкие бризы с ледников и снежных полей наверху, которые, просачиваясь через сосновые леса на нижних склонах, достигают открытой долины, не менее свежей и бодрящей, но несколько смягченной и благоухающей, придают ей одно из главных очарований.

Маленькая церковь представляет значительный интерес не только из-за своего живописного расположения, но и из-за пасторальных сцен, нарисованных на ее органном чердаке, и

множества причудливых реликвий и подношений по обету, которые можно увидеть в ней, и которые являются отличительной чертой многих тирольских деревенских церквей. Фрески на домах в деревне многочисленны и любопытны, некоторые из наиболее интересных связаны с легендарной историей Хайлига Вассера. В связи с этим есть паломническая часовня, живописно расположенная, почти в абсолютном уединении, если не считать Гостиницы, на склоне горы, более чем в двух тысячах футов над долиной.

ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА

Церковь построена на месте предполагаемого чуда, история о котором такова: —Три столетия назад два пастуха пасли свои стада на верхнем пастбище над Иглсом, когда им не повезло потерять двух телят; и хотя они искали их повсюду по тропинкам и в лесу, им не удалось их найти. Наконец, совершенно измученные и напуганные тем, что отец сурово накажет их за беспечность, они упали на колени и стали молить Пресвятую Деву и Святых помочь им. Почти сразу же, как они начали молиться, яркий свет упал на них и вокруг, и Дева, появившаяся рядом с ними, пожелала им приободриться и велела больше не беспокоиться, поскольку пропавший скот разошелся по домам в свой хлев. Затем она велела им пить, потому что у них пересохло в горле от скитаний. Но двое парней, зная, что поблизости нет воды, воскликнули: "Вы предлагаете нам пить, но где мы найдем воду? Здесь ее нет".

ГОРНЫЙ БАССЕЙН На РИТТЕНЕ

Дева ничего не ответила и исчезла; и когда она исчезла из поля их зрения, там, где она стояла, из скал забил источник чистой воды, который с тех пор никогда не переставал течь.

По возвращении домой мальчики воздержались от каких-либо разговоров о видении или чудесном источнике, возможно, из опасения, что, несмотря на то, что телята были найдены в коровнике, как и обещала Пресвятая Дева, их обвинят в небрежном выпасе скота. Но они никогда не упускали случая, проходя мимо источника, вознести благодарственную молитву.

Прошло много лет, и два пастуха не только доросли до мужского состояния, но и стали старыми и немощными, нуждаясь в помощи других, чтобы присматривать за своими стадами. Одному из них помог глухонемой сын соседа, и однажды, когда старик и мальчик проходили мимо источника, первый опустился на колени, помолился и напился воды. Мальчик, видевший, как он это делает, сделал то же самое, и, о чудо, он обнаружил, что его язык чудесным образом развязался, и впоследствии он говорил так же ясно, как и любой другой.

Слава об этом чуде распространилась по всему миру, и жители долины охотно поверили ему. Затем два старика рассказали о своем собственном опыте, и вскоре на том месте была построена часовня, к которой на протяжении веков приходили многие набожные паломники, а также множество любопытных посетителей.

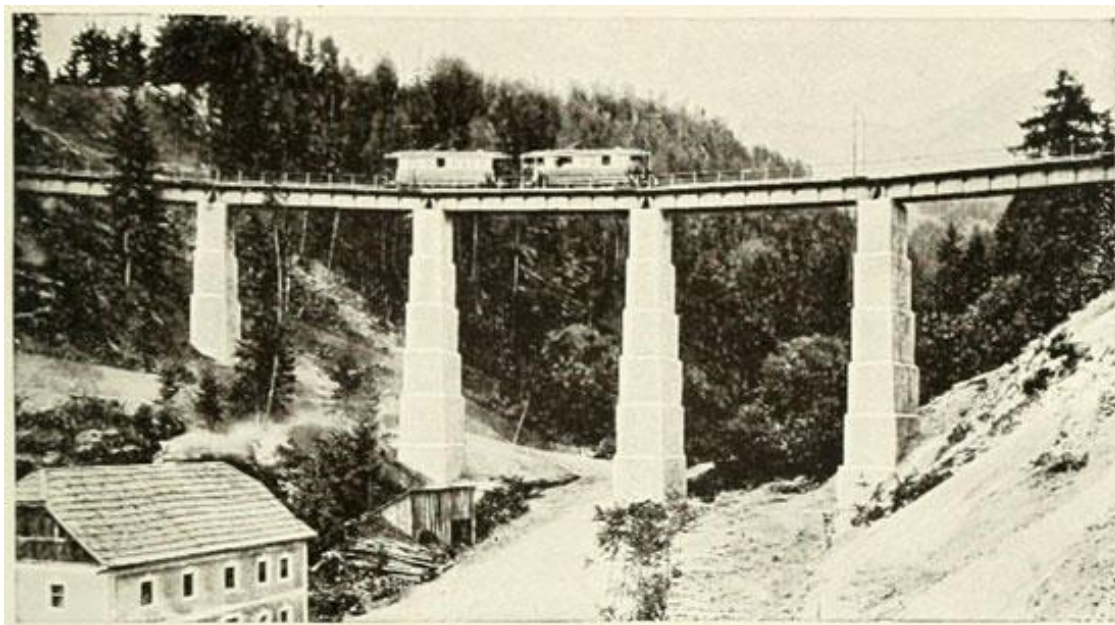
Среди лесов, которыми окружен Иглс, и вдоль плодородной долины, в которой стоит деревня, есть множество очаровательных мест для прогулок, и с каждым годом к этому месту все чаще прибегают те, кто ценит прекрасный и бодрящий горный воздух и очень приятную форму того, что стало известно как "простая жизнь".

К юго-западу от Иглса и к югу от Инсбрука за Порогом раскинулась прекрасная долина Штубай, красота которой почти не уступает красоте Этцталя. Подобно последнему, эта долина также поистине является воротами в страну снежных полей и ледников, которых насчитывается более восьмидесяти в ее пределах и совсем рядом. Штубай-Тал представляет собой сочетание пейзажей совершенно разного характера. В радиусе нескольких миль, возвышаясь над его зелеными и мирными пастбищами, по меньшей мере два десятка великолепных вершин вздымают свои головы ввысь, ни одна из которых не дотягивает (хотя многие превышают) высоту 10 000 футов. Нижняя часть долины напоминает о широко известном, любящем музыку Циллертале с его темно-зелеными сосновыми лесами, плодородными лугами и деревушками, расположенными тут и там на склонах гор или гнездящимися в самой долине вокруг белостенных церквей. Этот пейзаж простирается немного дальше деревни Нойштифт, последней в долине, где есть церковь, и тогда кажется, что сразу попадаешь в таинственный, удивительный и завораживающий край, где легендарные гномы и ледяные девы из тирольских народных сказок и преданий наверняка обитают в пещерах и жилищах из вечного льда и снега.

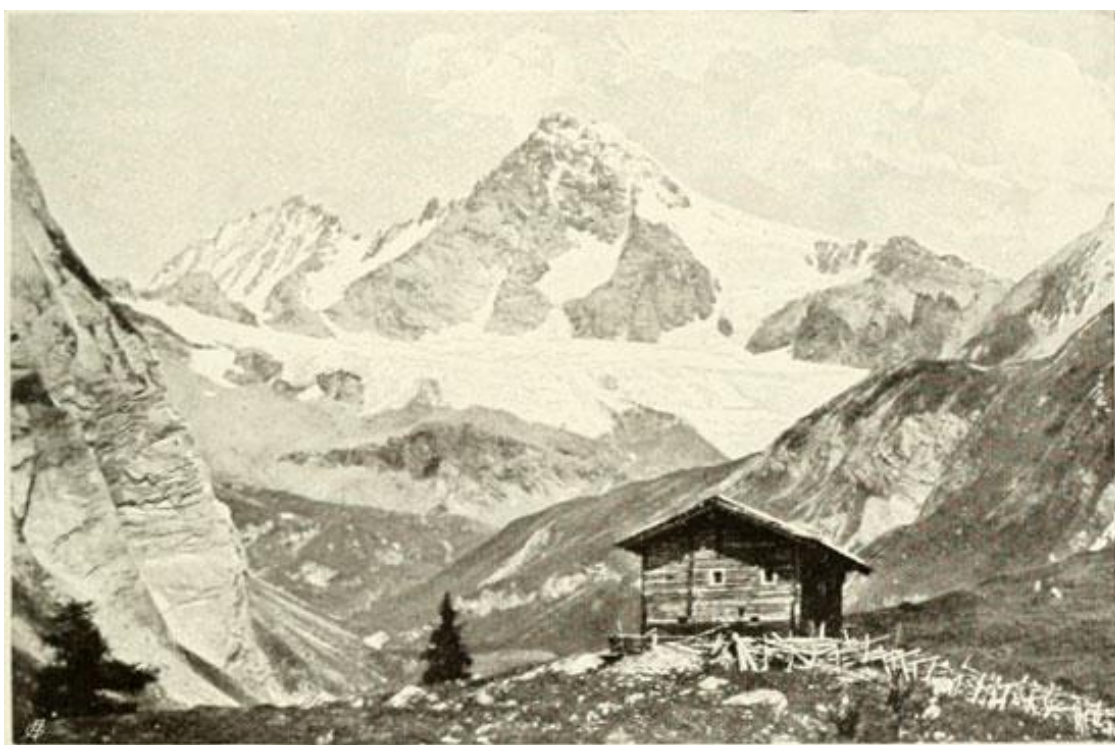
Хотя по склону холма над Вильтеном вьется хорошая горная дорога, которая в прежние времена обслуживала живописные деревни Наттерс, Муттерс, Крайт и Тельфес, большинство путешественников в настоящее время пользуются электрической железной дорогой (первой, построенной в Тироле) для поездки в Фульпмес, который находится примерно на полпути к Нойштифту и быстро становится излюбленным туристическим курортом жителей Инсбрука.

Железная дорога (хотя ее и называют "игрушечной") представляет значительный интерес для инженера и элементы кажущейся — но не реальной — опасности для робких. По крайней мере, одна известная нам дама, которая совершила путешествие вверх, пересекла тонкий виадук, опирающийся на сужающиеся опоры, и ее закружили по изгибам удивительной "крутизны", отказалась — пока ей не указали расстояние по дороге — возвращаться тем же путем. Но на самом деле в Штубайской железной дороге нет никакого риска, только элемент приятного возбуждения и очарование чудесных пейзажей; и последний настолько красив, а маленькие салоны-вагоны так хорошо приспособлены для осмотра достопримечательностей, что, в конце концов, мы думаем, мало кто пожалеет о поездке в Фульпмес на поезде, а не пешком или в экипаже. Раньше это место славилось своими

металлургическими заводами; производимые изделия попадали не только в Австрию, но также в Германию и Италию; и хотя в последние годы торговля, по-видимому, несколько сократилась, она по-прежнему значительна и представляет интерес для любопытных, которые могут понаблюдать за работой искусных ремесленников. Деревня расположена в самом живописном месте, и в церкви есть несколько картин местной крестьянки, которые стоит посмотреть. Фульпмес является прекрасным центром, из которого можно совершать экскурсии в верхние части прекрасной долины и по лесистым склонам окружающих гор. Летом здесь царит дополнительное очарование в изобилии прекрасных полевых цветов, которые украшают поля и разноцветным ковром переливаются под отбрасывающими тень мрачными соснами.

ВИАДУК НА ШТУБАЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

ВИД НА ГРОССГЛОКНЕР

ФУЛЬПМС И ШЕНБЕРГ

В Шенберге, к югу от Иглса, на противоположном берегу Силла, на высоте почти 3500 футов над уровнем моря, открывается самый обширный панорамный вид на долину Штубай и ее деревни. И когда стоишь в альпийской обсерватории рядом с "Ягерхофом", то можешь осознать всю красоту долины и чудо горных вершин, включая Серлес Шпиц (также известный в Инсбруке как Вальдрастер шпиц), чьи скалистые вершины напоминают одного из гигантов Доломитовых Альп.

Но, пожалуй, одно из самых странных и интересных природных явлений во всем Тироле можно увидеть из Шенберга, когда снежные поля, которые зимой полностью покрывают горные вершины со всех сторон, начинают таять. Затем постепенно в разных частях верхних склонов горных хребтов появляются темные пятна, которые, обрамленные нетаявшим снегом, наконец принимают вид силуэтов гигантских размеров. На вершинах вдали над Инсбруком медленно вырисовываются фигуры двух женщин, которые, кажется, дерутся, и чьи носы по мере таяния снега становятся все более крючковатыми и длиннее с каждым днем; на Зольштейне священник держит в руке *аспергиллус*, в то время как на карте Арцлета изображена наиболее полная из них, известная как "Сокольниковый". Этот удивительно четкий силуэт изображает юношу, одетого в костюм пажа, украшенного шляпой с перьями и несущего в левой руке сокола, снявшего капюшон для полета. По мере таяния снега фигура теряет свою первозданную стройность и принимает облик тучного мужчины, пока, наконец, полностью не исчезает. На склоне Пачеркофеля видна фигура старого охотника со своей собакой, которая, однако, из-за быстрого таяния снега, когда начинается оттепель, видна лишь короткое время. Действительно, через несколько часов после того, как мы впервые увидели его, по указанной нами причине изменения были настолько велики, что контур был почти уничтожен.

Холл, с незапамятных времен известный своими соляными шахтами, стоит посетить. Расположенный на северной или противоположной от Гостиницы стороне Иглса и к востоку от Инсбрука, до него можно добраться либо по прозаичной почтовой дороге, пересекающей долину, либо из Иглса по красивой дороге Эльбеген — ответвлению Бреннер—роуд, построенной еще во времена Римской Империи, - проходящей через Миттельгебирге и через Иглз, Ланс, Альдранс, Ампасс, через мост через Гостиницу в Холл, который несколько длиннее. Не менее живописна, возможно, можно сказать, даже более живописна, еще одна дорога (та, которую мы предпочли), которая огибает нижние склоны высоких вершин Баварских Альп и проходит через деревни Арцль, Рум и Таур. Есть также альтернативы железной дороге Бреннер и трамваю для тех, кто плохо ходит пешком или испытывает нехватку времени.

НЕСКОЛЬКО СИМПАТИЧНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

Начиная с Мюлау, открывается самый изысканный вид на широкую и плодородную долину и великолепные горы, возвышающиеся над лесистыми склонами, плавно поднимающимися вверх от Гостиницы дикими и скалистыми вершинами суровой красоты. Эта прогулка становится еще более привлекательной и живописной для всех, кто интересуется фольклором или может проникнуться легендами и религией народа, благодаря паломническим часовням, которые находятся вдоль маршрута. Одним из самых очаровательных таких мест во всем Тироле является Арцль, который, стоя на поросшем лесом холме, сверкает красками, являясь единственной в своем роде жемчужиной в очаровательной темно-зеленой оправе. Маленькая церковь Марии Лорето, построенная набожной Анной Катариной Гонзага, второй женой Фердинанда II, когда-то была известным

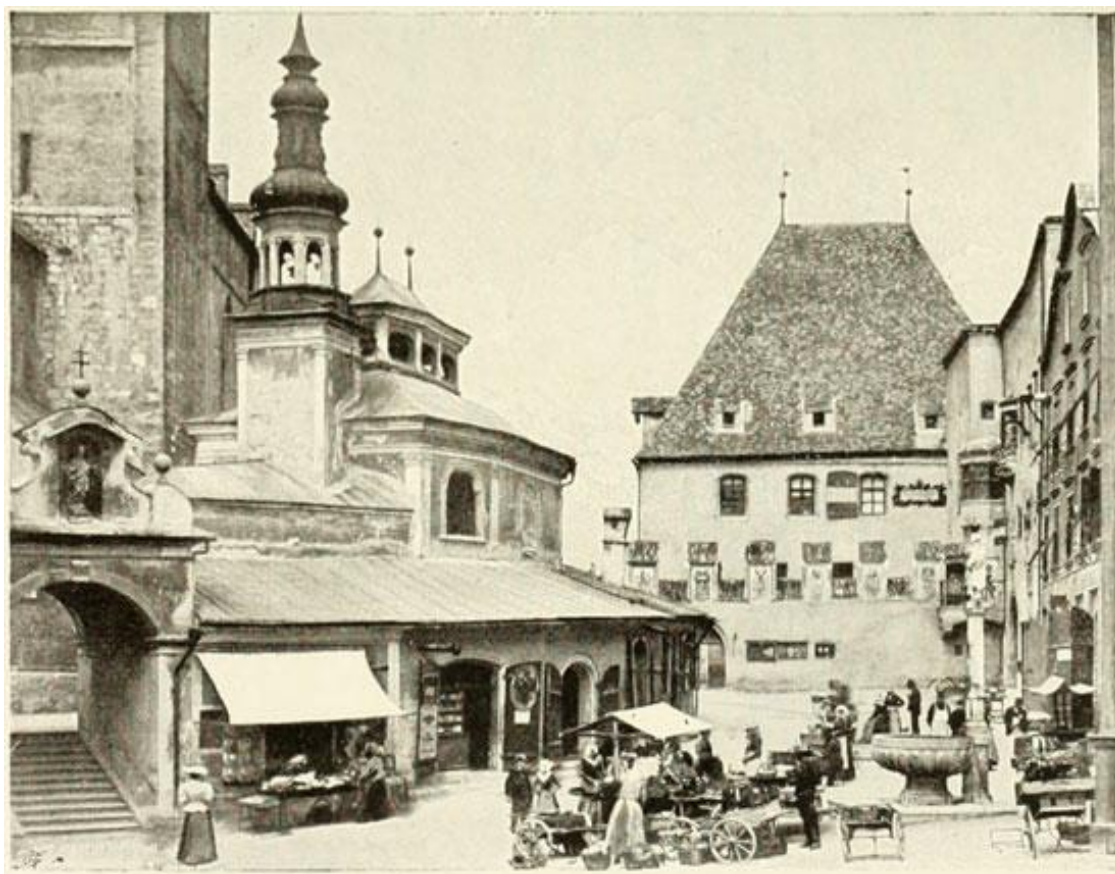
местом паломничества, но в последние годы к ней прибегают гораздо реже, чем раньше. Интерьер, однако, заслуживает того, чтобы его осмотреть. Интересны резьба по дереву и железу, а также старинные гравюры, которые висят на стенах, и любопытная черная Дева с Младенцем на Алтаре.

Арзл, Рам и Таур расположены живописно, уютно устроившись на нижних склонах огромных известняковых пиков, первый из которых находится у подножия Бургсталя, величественно вздымающегося на высоту почти три тысячи пятьсот футов. Многие дома в этих трех деревнях наиболее искусно украшены настенными росписями; в некоторых случаях так украшены все фасады, и часто на шпалерах на стенах висят колосья кукурузы. Эффект ярких тонов картин и цветных оконных рам придает маленьким деревушкам дополнительную живописность. Летом веселый эффект, возможно, немного нейтрализуется, но зимой, когда пейзаж более унылый и на фоне снега и серо-зеленых скал, получается уникальная и удивительно жизнерадостная картина.

Что касается Таура, где на фасадах многих домов изображены либо картины, либо человек с медведем, то существует легенда о святом Ромедиусе, который столетия назад приехал верхом в деревню, благословленный острым аппетитом, приобретенным благодаря упражнениям на бодрящем горном воздухе. Пока святой был занят утолением своего голода, бродячий медведь, как гласит легенда, был настолько впечатлен достижениями святого человека в этом отношении, что он немедленно (за неимением другой пищи) повторил это, съев лошадь Ромедия. Выйдя, чтобы возобновить свое путешествие, святой был поражен исчезновением своего коня. Однако он, похоже, догадался, что произошло, и немедленно прочитал медведю такую проповедь о его беззаконном поведении, что тот не только раскаялся, но и попытался загладить свою вину, предложив себя взамен бывшего коня Святого.

Хотя это предложение могло показаться нам сопряженным со значительным риском, когда медведь снова проголодался, Святой принял его и в конце концов отправился на своем странном коне в пещеру в горах к северу от Таура, где они прожили некоторое время без происшествий. Однако однажды, когда святой человек спал, надоедливая муха жужжала у него над головой, и спящему не удалось отогнать ее, в результате чего медведь (который, как нам сказали, все это время с большой заботой присматривал за своим хозяином) пришел на помощь и попытался избавиться от нее, однако безуспешно. Муха снова и снова возвращалась к атаке, и медведь в отчаянии замахнулся на муху, увы! ударил и убил Святого. На этот раз горе медведя, конечно, было напрасным, поэтому он ничего не ел и постепенно зачах, в конце концов умерев от голода.

Эта история, хотя и имеет свою комичную сторону, однако не считается неуважительной по отношению к жизни и характеру Ромедиуса, который является одним из самых почитаемых тирольских святых. Однако представляется более чем вероятным, что Ромедиус (независимо от того, убит его товарищем медведем или нет) на самом деле умер в Нонстале, Южный Тироль, где, как ни странно, есть деревни с названиями, несколько похожими на те, которые мы упомянули, а именно Торро, Румо и Арз.

РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ, ЗАЛ

ЗАЛ И ЕГО МЮНСТЕРТУРМ

Халль, который является одним из самых живописных, оживленных и интересных городков по соседству с Инсбруком, с населением около 6000 человек, датируется временем римской оккупации Тироля. Хорошо известный историк Беда Вебер утверждает, что название произошло от греческого слова ἅλς, соль; причину такого происхождения из необычного языка он, однако, никоим образом не пытается объяснить. Войдя в город, сразу же поражаешься странному и причудливому сочетанию живописного с утилитарным, сельского со средневековым. Задолго до того, как доберешься до города, вдалеке видишь зеленоватые медные купола Пфааркирхе, или приходской церкви, с таким прекрасным готическим порталом и интересными реликвиями, вокруг стен которой сгруппированы магазины; и возвышающуюся над другими, менее высокими и менее потрепанными временем зданиями, массивную готическую башню, известную как Мюнстертурм, с ее красной крышей в виде переломной линии римского происхождения, хотя нынешняя башня была построена герцогом Сигизмундом, знаменитым сыном Фридриха с Пустым Кошельком. Круто поднимающаяся улица ведет к рыночной площади, на которой друг напротив друга стоят Пфааркирхе и Ратуша. На этой и прилегающих улицах есть множество причудливых балконов, остроконечных крыш и старинных архитектурных элементов, которые заинтересуют и очаруют художника и любителя антиквариата.

Хотя Халль несколько пришел в упадок как коммерческий центр с ростом его крупного соседа, Инсбрука, он по-прежнему остается местом значительной активности, главным образом, из-за знаменитых соляных шахт. В прежние времена это и его положение на берегах Инн (тогда гораздо более судоходных) придавали этому месту важность при правлении графов Тироля, а еще раньше австрийских князей; в прежние времена множество барж и лодок с самого

Дуная направлялись в Инн, а оттуда в цветущий город Халль. Солеварни по-прежнему остаются его основной отраслью промышленности. Холл, как и положено в Тироле, отчетливо задымленный городок; но дым редко повисает в чистом и свежем альпийском воздухе, который струится по долине Инн с окружающих холмов.

Монетная башня Мюнстертурм, которая, как мы уже говорили, является заметным объектом при приближении к городу, представляет исторический интерес из-за того факта, что она была построена для того, чтобы герцог Сигизмунд, известный как Богач, мог превратить в монеты свой огромный запас серебра, добытого в горах Тироля. Именно с этой башни Андреас Хофер выпустил свой крейцер и двадцать крейцеровских монет в период своей недолгой диктатуры.

Как и в случае со многими другими тирольскими городами, Холл в прошлом пострадал от бедствий, которые обрушились на многие подобные места в средние века. Он, в свою очередь, был охвачен огнем, мечом и эпидемией и потрясен до основания землетрясением, произошедшим в 1670 году. Нам рассказывают, что потрясение было настолько сильным, что сторож на парапете церковной башни был сброшен и разбился насмерть, упав на землю, а люди выбежали из своих домов в открытые поля, где священники увещевали их готовиться к Судному дню. О том, что поднятая тревога была очень большой, свидетельствует тот факт, что, хотя человеческие жертвы, судя по современным источникам информации, были незначительными, в течение некоторого времени после этого все службы в церкви совершались под открытым небом. Холл, однако, восстановился главным образом благодаря своим соляным рудникам, и это, а также многие привилегии, которыми пользовались бюргеры, позволили им со временем восстановить свое бывшее процветание.

Город сыграл важную роль в различных войнах, полем битвы которых в Средние века был Тироль; и во время Отечественной войны жители Халля были не менее храбрыми и самоотверженными, чем жители других мест. Один доблестный поступок, особенно в ходе той долгой борьбы за свободу, напрямую связан с этим городом. В мае 1809 года Йозеф Шпекбахер (который родился на ферме Гнаденвальд близ Халля в 1767 году) и его войска атаковали баварцев в Вольдерсе, недалеко от Халля, и, взорвав мост позади себя, он двинулся на помощь последнему городу, который удерживали баварские войска. У них была артиллерия, а также они были численно сильнее и лучше вооружены, так что задача, поставленная перед силами патриотов, была непростой. К счастью, Шпекбахеру стало известно, что у баварцев не хватает боеприпасов, и поэтому, когда было предложено перемирие, он отказался согласиться на него. Баварцы после того, как, как они думали, полностью разрушили мост Халль, который они удерживали, а также город, отступили. Призвав своих людей следовать за собой, Шпекбахер смело повел их к опасному в то время и шатающемуся строению, вошел в город и преследовал баварцев.

ИНТЕРЕСНАЯ ЦЕРКОВЬ

На церковном дворе находится интересное деревянное распятие, вырезанное Джозефом Стокером в 1691 году, а также некоторые памятники прежних времен семьи принсипал Холл. Саму церковь стоит посетить хотя бы ради "Спасителя мира" Альбрехта Дюрера, нарисованного на панно, и главного алтаря работы ученика мастера Рубенса по имени Эразмус Квиллиус. Одна из часовен, Вальдауфише, была построена в 1493 году Флорианом фон Вальдауфом, который, будучи по происхождению крестьянским мальчиком, вступил в императорскую армию и в конечном итоге стал одним из доверенных советников императора Фридриха и его сына, впоследствии Максимилиана I. Он также был облагорожен и наделен значительными поместьями. Он столкнулся со многими приключениями в своих

путешествиях по чужим землям, а во время одной из своих экспедиций попал в такой ужасный шторм, что ему грозило кораблекрушение, и он поклялся, что, если ему сохранят жизнь, он основает часовню на своей родной земле. Как сложились события, он дожился до того, чтобы снова добраться до Тироля, и в соответствии со своим обетом основал часовню в церкви в Холле, которая также была приходской церковью замка Реттенбург и поместий, подаренных ему Максимилианом. В эту часовню он передал многочисленные реликвии, которые приобрел во время своих различных путешествий, и почти 50 000 паломников приехали со всех концов Тироля на службу освящения.

Более чем одна из часовен и церквей Холла обязана своим возникновением особым обстоятельствам более или менее романтического характера. Например, храм Святого Спасителя, который стоит на месте нескольких полуразрушенных лачуг, существовавших в первые годы пятнадцатого века. История гласит, что именно к умирающему человеку в одной из таких церквей был вызван один из священников деревенской церкви, чтобы передать Виатикум и совершить соборования и последние церковные обряды. В положенное время Он подошел к лачуге и, поставив священные сосуды на шаткий стол, последний рухнул, а Хозяин был сброшен на пол. Конечно, в глазах священника и крестьян это было ужасной катастрофой; и богатый бюргер по имени Иоганн фон Крипп, узнав о случившемся, купил коттеджи и в качестве компенсации за совершенное святотатство основал на этом месте церковь, посвященную Искупителю.

Записи Зала представляют большой интерес и показывают, что город был очень важным местом в пятнадцатом веке, когда через него проходила значительная часть торговли между Венецией и Германией. В те дни город тоже был в некотором роде знаменит своими пирушками, особенно пирами, которые устраивались в связи с открытием заседаний в Судах.

Окрестности, благодаря хорошим местам для занятий спортом, были излюбленным охотничьим угодьем императора Максимилиана, которого несколько раз принимали в городе.

Значение Холла медленно снижалось в течение шестнадцатого и семнадцатого веков из-за изменения торговых путей; но в наше время он восстановил хотя бы часть своего бывшего процветания, приняв современные методы.

Из Холла можно совершить множество отличных и интересных экскурсий, но почти каждая из них предусматривает посещение знаменитых соляных шахт, которые находятся к северу от Холла среди самых романтических и красивых пейзажей. Даже в экипаже путешествие примерно в восемь миль занимает большую часть двух часов; пешком даже хорошие ходоки вряд ли могут надеяться проделать это менее чем за три. Местами здесь очень красивые пейзажи, и можно любоваться прекраснейшими видами, а ближе всего - альпами Беттельвульф, Спеккар и Нисльшпитц.

АБСАМ И ЯКОБ СТЕЙНЕР

По пути проезжаешь причудливую деревушку Абсам, в которой в 1621 году родился Якоб Стейнер, известный как "немецкий отец скрипки". Как производитель этих инструментов он занимает высокое положение, хотя неизвестно, где и как он приобрел свои знания в этом ремесле. Однако это представляется возможным, поскольку Абсам находится недалеко от Инсбрука, где в то время, когда Стейнер жил, музыкантов — итальянцев и других — тепло принимали при дворе эрцгерцога Фердинанда Карла, он, возможно, познакомился с некоторыми из них или даже с выдающимися личностями. Как бы то ни было, прежде чем

Стейнер достиг совершеннолетия, он занялся ремеслом скрипичного мастера, и его часто можно было увидеть на улицах Холла и на рыночной площади, где он продавал свои изделия по цене, которая, как нам говорят, не часто превышала шести флоринов.

Его первоначальной моделью, вероятно, был Амати, но он значительно отошел от нее по мере того, как сам приобретал навыки и знания. До сих пор рассказывают истории о том, с какой тщательностью он подбирал древесину, из которой должны были быть изготовлены его инструменты, и как он иногда проводил дни, бродя по лесным глушам вокруг Холла и Абсама в поисках хорошего дерева, по которому он постукивал молотком и отмечал его "тон" перед срубом. К сожалению, как и в случае со многими другими гениями, он, по-видимому, умер в бедности примерно в 1683 году. Одно время он был скрипичным мастером при императорском дворе, но это назначение, которое в конечном итоге он потерял из-за неспособности оплачивать свой путь и из-за последовавших финансовых затруднений, было недостаточно прибыльным, чтобы обеспечить ему комфорт на склоне лет, не говоря уже о процветании.

Его инструменты, которых до сих пор существует множество, обычно отличаются более изогнутыми верхушками, чем у ведущих итальянских производителей, в то время как они обладают более похожей на флейту нотой, которая часто более "певучая" и сочувственная, чем у последних. Но ни одна из его работ, вероятно, не равнялась или, во всяком случае, не превосходила работы итальянских мастеров по блеску и выдержанному тону, хотя некоторыми знатоками это мнение оспаривалось. Говорят, что одним из любимых инструментов Моцарта была работа Якоба Стейнера.

В настоящее время основной отраслью промышленности Миттенвальда, расположенного сразу за границей с Баварией, является производство скрипок и гитар, которые в значительных количествах экспортируются как в Англию, так и в Соединенные Штаты, а также в другие европейские страны. Эта процветающая индустрия обязана своим возникновением ученику Штайнера по имени Клотц, который после смерти своего учителя пользовался значительной репутацией производителя скрипок хорошего качества.

Многие дома Абсама ярко раскрашены, а в многочисленных нишах, которые часто увиты виноградной лозой, можно найти изображения святых, а на досках барж грубо вырезаны драконы. Жители деревни рассказывают любопытную историю, объясняющую присутствие этих драконов. В нем рассказывается, как столетия назад в деревне жила чудесная курица, которая никогда не несла яйца до семи лет, и когда из нее вылупился вместо ожидаемого цыпленка дракон, и с тех пор жители деревни отмечают это замечательное событие, вырезая драконов на карнизах своих домов. Но несколькими авторами легенд и фольклорных преданий было указано, что дракон был животным, посвященным богу Водину, изображения которого часто размещались на домах, над городскими воротами и на колокольнях как своего рода талисман от злых влияний и духов; и подобные утверждения можно найти в нескольких хорошо известных работах, посвященных мифологии.

ЧУДЕСНОЕ ОКНО

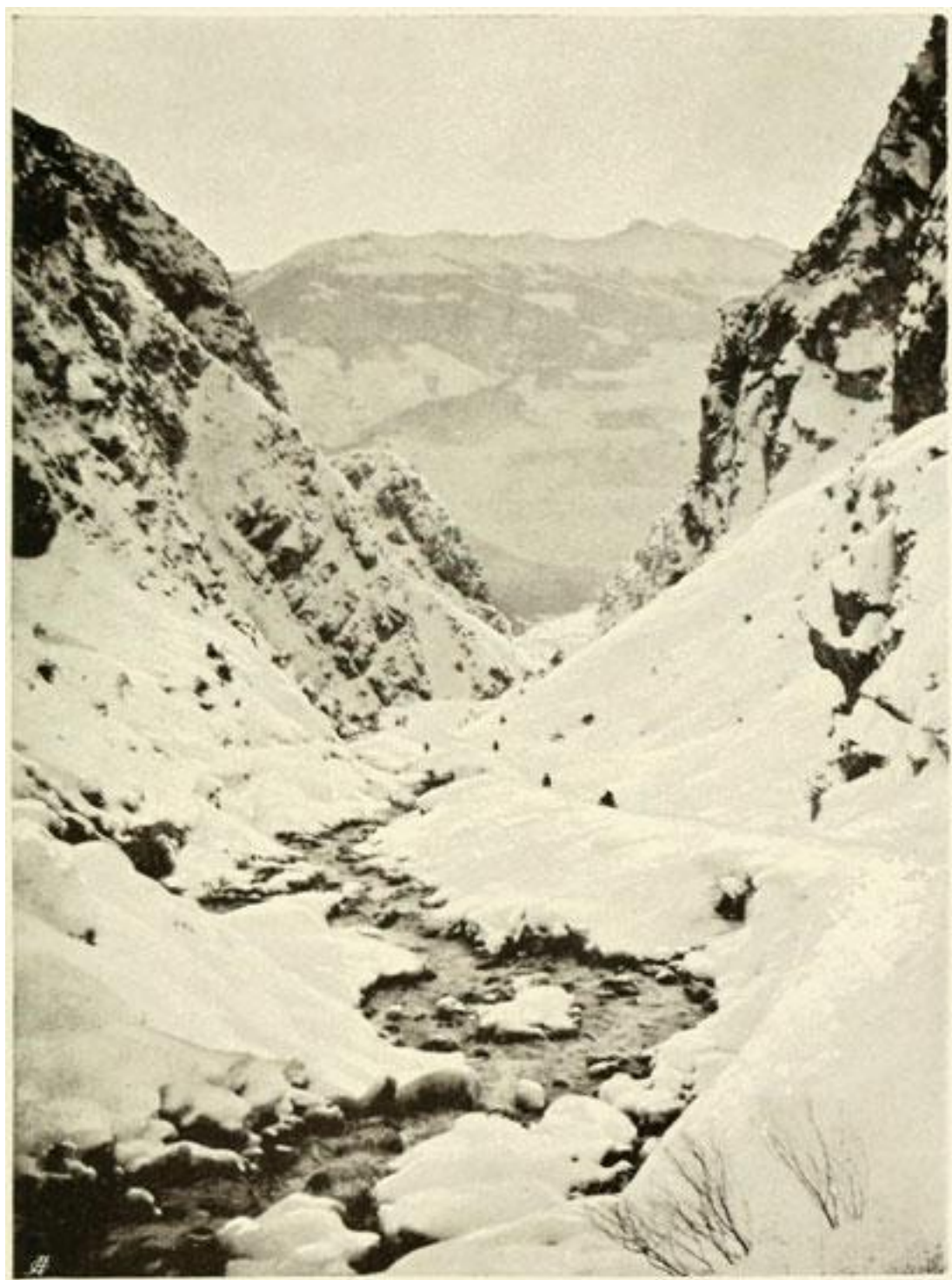
С этой маленькой тирольской деревушкой связано несколько других историй и преданий в высшей степени романтического и интересного характера. Место, однако, может найтись только для одной. История события или обстоятельства, которые привели к тому, что Абсам стал популярным местом паломничества в конце восемнадцатого века, выглядит следующим образом. Примерно в середине января 1797 года дочь одного из жителей деревни однажды вечером выглядывала из окна в доме своего отца, ожидая его возвращения с работы в поле, как вдруг в свете камина, игравшем на оконном стекле, совершенно отчетливо

вырисовалась фигура Девы Марии. Девушка была так поражена, что упала на колени перед чудесной картиной. История быстро распространилась по деревне, и все соседи сбежались посмотреть на "чудо". Затем весть о чудесном изображении распространилась по округе и, наконец, вызвала такой большой переполох, что сам декан Инсбрука услышал об этом и решил расследовать эту историю. После того, как он посетил это место, была сформирована комиссия по расследованию, среди членов которой были два ученых профессора химии и известный художник Джозеф Шепф.

После тщательного расследования и опроса свидетелей комитет заявил, что стекло первоначально составляло часть "картинного" окна и что изображение, несомненно, было нанесено на него. Однако с годами краски поблекли (как иногда, действительно, бывает), и именно особый характер атмосферы Абсама восстановил их до такой степени, что образ Пресвятой Девы снова стал виден.

Однако не стоит сильно удивляться тому, что простодушные сельчане не смогли оценить доводы уполномоченных и отказались принять объяснение. Для них он до сих пор оставался чудотворным образом, и паломники толпами приходили посмотреть на него. Как гласит история, это был период "Штурма и смерти" в Тироле. Свиристествовала чума, поражающая как людей, так и скот; французские захватчики проникли прямо в сердце страны, заняли Инсбрук и принесли огонь и меч в очаги народа. Суеверные крестьяне, с их естественной склонностью верить в чудеса и в пользу, которую можно извлечь из сверхъестественного, восприняли изображение, столь странным образом появившееся на оконном стекле, как знак Божественной милости и настояли на том, чтобы его убрали и установили на одном из алтарей в церкви. Это было быстро сделано, и "Гнаденмutter фон Абсам", или "Чудотворная мадонна Абсама", стала объектом почитания всех, кто был в беде. Это чувство, несомненно, чрезвычайно усилилось из-за того обстоятельства, что вскоре после обнаружения картины и ее переноса в церковь эпидемия утихла, и французы были вынуждены вывести свои войска. Оба эти события были приписаны достоинству изображения Пресвятой Девы на оконном стекле, которое было обнаружено столь странным образом.

Соляные шахты, расположенные немного дальше от Абсама, с их кристально чистыми гротами и подземным соленым озером, подарят интересный и уникальный опыт предприимчивому путешественнику, который приедет в Зальцберг. Получить допуск на рудники не составляет особых трудностей, с каждого посетителя взимается небольшая плата за услуги гидов, факелы и гребцов лодки на озере. То обстоятельство, что шахты были известны и разрабатывались в восьмом веке, является не менее интересным фактом, связанным с ними; но представляется вероятным, что первые рабочие сосредоточивали свое внимание главным образом, если не полностью, на извлечении соли из источника, бьющего из горы, с помощью выпарных емкостей.

ХОЛЛ-ВЭЛЛИ, ЗИМА

ОТКРЫТИЕ СОЛЯНЫХ ШАХТ

Некто Николас фон Рорбах, известный под прозвищем "благочестивый рыцарь", по-видимому, был первым первооткрывателем соляных копей. Во время своих частых охотничьих экспедиций он заметил, что крупный рогатый скот и лошади очень любят лизать определенные камни в долине, и провел тесты, которые показали, что камни сильно засолены по своему характеру. Следуя этой подсказке, он обнаружил сам Зальцберг с его практически неисчерпаемыми запасами. Со времен Рорбаха на горе добывали соль, и до недавних лет, когда взрывные работы вошли в обиход, почти так же, как в средневековье, а именно. путем вырубки в скале огромных каверн, которые затем заполняются водой и

заделываются. По истечении значительного периода времени эта вода отводится в трубопроводы, ведущие вниз, в зал, где она выпаривается в кастрюлях. О том, насколько сильно насыщен солью рассол, можно судить по тому факту, что, как правило, твердая соль составляет не менее одной трети его веса.

Пещеры, в которые можно войти, освещенные мерцающими факелами, представляют собой поистине удивительное и живописное зрелище.

Тем, кто посещает Холл, действительно не повезло, чье время не позволяет им остановиться на день или два ни в одной из главных гостиниц ("Бар" или "Стерн"), чтобы можно было посетить прекрасный Гнаденвальд, который находится к северо-востоку от города на реке Беттельвульф. До этого прекрасного альпийского озера Ахен-Зее, в котором отражаются высокие заснеженные вершины гор, можно легко добраться по небольшой железной дороге, которая ведет к нему через круто поднимающийся Циллерталь. Самое высокое и крупное из тирольских озер, Ахен-Зее, находится на высоте 3000 футов, а его темно-синие, кристально чистые воды простираются на север почти на шесть миль в сторону Баварии. Он окружен самыми изысканными горными пейзажами, скалистыми обрывами и темно-зелеными лесами и имеет множество интересных мест в дополнение к отличной рыбалке, катанию на лодках и многочисленным приятным прогулкам и экскурсиям.

В Гнаденвальде, который в старину был наделом лесных угодий, предоставленных тирольскими правителями своим домашним слугам, есть несколько очень живописных деревень. Дорога из Халля поистине восхитительна: через сосновые леса, наполненные сладким ароматом в теплом летнем воздухе, и высокогорные поля, которые, кажется, почти нависают по бокам серых скалистых вершин Баварских Альп. И если время от времени оборачиваться и смотреть назад, то открывается очаровательный вид на долину Инн далеко внизу и великую цепь южного горного хребта на дальней стороне.

Две живописно расположенные деревни Святого Михаила и Святого Мартина следует отнести к числу главных достопримечательностей Гнаденвальда. При приближении к первому сразу привлекает внимание его белая церковь и башня с куполом с красной крышей и позолоченным навершием, четко выделяющимся на темно-зеленом фоне. Над дверью находится фреска, изображающая случай из жизни святого Мартина, когда он подарил свой плащ нищему. Посетитель, у которого есть время или склонность войти в церковь, будет с лихвой вознагражден красотой фресок, особенно тех, что украшают кафедру, которые были написаны одним из священников августинского монастыря, ранее связанного с церковью, но впоследствии запрещенного Иосифом II. ближе к концу восемнадцатого века.

На небольшом расстоянии от церкви стоит старый дом Йозефа Спекбахера, где однажды, преследуемый врагами, он укрылся в яме, достаточной только для того, чтобы сидеть прямо, в то время как баварские солдаты, разыскивавшие его, были фактически расквартированы в доме. Он смог покинуть свое укрытие под полом только тогда, когда солдаты отсутствовали на базарной площади. Через некоторое время он смог выйти и спрятаться в более удобном коровнике и, наконец, бежать (после множества чудом избежавших побега) через границу в Австрию, где его хорошо приняли и не поймали.

Деревня Сент-Майкл также живописна, и ее стоит посмотреть. Сразу за ним находится знаменитая гостиница "Гунгл Инн", излюбленное место отдыха экскурсантов из Инсбрука, Куфштайна, Халля и других мест, а также крестьян Гнаденвальда. Здесь, особенно по воскресеньям, можно познакомиться с некоторыми из самых интересных и колоритных типов, веселыми костюмами и деревенскими сценами веселья и забав, которые дают

гораздо лучшее представление о тирольских крестьянах такими, какие они есть, чем дни, проведенные в городах, и недели, проведенные за чтением книг.

ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Но немного дальше, по очаровательной дороге, можно добраться до знаменитой паломнической часовни Марии Ларч, построенной в честь таинственного образа Мадонны, который был обнаружен под лиственницей. Церковь, возможно, из-за своей поэтической легенды и уединенного и красивого расположения, долгое время была излюбленным местом паломничества впечатлительных и религиозных крестьян верхних долин.

В окрестностях Холла есть много других живописных мест, манящих путешественника из долины в долину и с высоты на высоту; но потребовался бы небольшой том, чтобы адекватно описать только их; и почти целая жизнь, чтобы досконально познакомиться с их романтическими легендами, историей и красотой. После нескольких недель исследований возникает острое желание поближе познакомиться не только с прекрасными пейзажами, но и с простодушными, гостеприимными людьми, живущими в более уединенных долинах, с которыми огромный внешний мир с его штормами и стрессами действительно имеет мало общего и для которых даже не представляет особого интереса.

"Вам следует возвращаться в Инсбрук из Холла ближе к вечеру, отправляться незадолго до захода солнца", - посоветовал друг-художник. "Тогда ты увидишь то, что тебе будет нелегко забыть".

Настоящий автор передает этот совет.

Ни у кого, кто ждал заката, чтобы отправиться в обратный путь в любое время года, не будет причин сожалеть об этом, хотя в зимние месяцы влияние света и тени, конечно, гораздо более преходяще — даже слишком, — чем весной, летом и даже ранней осенью. Затем снег на высоких вершинах окружающих гор сначала светится золотистым светом, который переходит от жемчужных тонов к ярко-розовому по мере того, как солнце опускается за вздымающиеся скалы. Последние лучи солнца задерживаются на самой высокой вершине, словно не желая переходить от розового к бледно-фиолетовому, а затем, в свою очередь, к стальному голубому и, наконец, к тому иссиня-черному, который бросает вызов более глубокому индиго альпийского неба. Когда проезжаешь по горной дороге через сосновый лес, золотистый свет просачивается и медленно гаснет, отбрасывая длинные тени, и, наконец, стволы деревьев кажутся огромными и фантастическими в угасающем свете. И тогда из крошечных церквей на склоне горы и в долине доносится мирный звон Ангела; или, если вы приближаетесь к самому Инсбруку, тогда мягкие звуки большого колокола Вильтена поднимаются из долины и доносятся до вас в тихом вечернем воздухе. При такой красоте и впечатляющем уединении лесных тропинок нужно быть действительно невнимательным, чтобы не почувствовать дух и любовь Тироля, а также безмятежный мир, который поработил так много сердец на протяжении всей истории страны.

ГЛАВА VI

ЗАЛЬЦБУРГ, ЕГО ИСТОРИЯ И РОМАНТИКА

ПРЕКРАСНЫЙ СТАРЫЙ ЗАЛЬЦБУРГ

Зальцбург, хотя и расположен на некотором расстоянии от северо-восточных границ Тироля, является настолько историческим и восхитительным городом, что многие, посещающие "Страну гор", считают своим долгом посетить его. Они поступают так мудро, ибо из всех

старинных городов Австрийской империи лишь немногие имеют более живописное или приятное расположение и едва ли более интересны с исторической точки зрения. Мы никогда не знали в Зальцбурге разочарованного человека, способного ценить красоту и романтические ассоциации.

Многие, кто путешествовал по миру, поддались очарованию этого старинного города, который, даже с налетом современности, кажется, сохраняет причудливость и красоту давних времен и атмосферу тех дней, когда рыцари и вооруженные люди были главными прохожими по его улицам, а история находилась в процессе становления.

Он расположен у подножия северных Альп, в открытой и плодородной долине, чем-то напоминающей Инсбрук, за исключением его замечательной скальной крепости Хоэн-Зальцбург, расположенной почти на высоте восемнадцати сотен футов над уровнем моря и полностью доминирующей над городом. Капуцингерберг находится на месте Инсбрукского Вайхерберга, а его Райнберг - на месте Берг-Изель. Многие считают его самым интересным из всех древних городов в Немецких Альпах.

Несколько известных путешественников, в свою очередь, сравнивали его красоту с красотой Венеции, Неаполя и даже Константинополя. Но, на наш взгляд, параллель не так точна, как следовало бы, чтобы придать ей ценность. В Зальцбурге нет моря, и уже из одного этого факта вид на него, безусловно, менее живописен. Действительно, непосредственный подъезд из Тироля через Инсбрук несколько невпечатляющий и практически не дает представления о красоте и очаровании старого города, хотя трасса на своем пути проходит мимо некоторых красивых пейзажей и позволяет полюбоваться Баварскими Альпами.

Однако Зальцбург, через центр которого протекает серебристый Зальцах, в некотором смысле расположен так же красиво и очаровательно, как любой из городов, с которыми его время от времени сравнивают. Он расположен на восхитительно хорошо орошаемой и плодородной равнине, усеянной деревьями, старинными замками и загородными резиденциями зальцбургской знати, и окружен лесистыми холмами, которые по мере того, как они расширяются к югу, становятся все выше и выше, пока не заслуживают описания гор. Здесь они превращаются в великолепную гряду высоких известняковых вершин, через которые проходят расщелины плодородных и восхитительных долин, ведущих в соседнее королевство Бавария. В долине Зальцах нет недостатка в разнообразии пейзажей. Здесь есть обширные луга, почти круглый год усыпанные разноцветными и сладко пахнущими цветами, переходящие в леса, покрывающие нижние склоны окружающих холмов, где сосны темного оттенка придают ландшафту более темный оттенок зелени; в то время как еще выше, вдалеке, возвышаются скалы из серого и сланцевого известняка, а венчают все обширные снежные поля, сверкающие белизной в полдень и приобретающие нежный розовый оттенок на закате.

В самом городе возвышаются два значительных холма, которые придают ему своеобразие. Один из них, Капуцингерберг, на восточном берегу реки, возвышается на высоту 800 футов, а второй, на западной стороне, почти на 450 футов над городом. Именно между этими двумя находится большая часть старого города. Крутые склоны Менхсберга и скалы, похожей на Гибралтар, на которой стоит старая серая крепость Хоэн-Зальцбург, увиты плющом, а в расщелинах и расселинах прижились настенные цветы, валериана, косточковая культура, лук-порей и другие цветущие растения, похожие на лишайники, в то время как из больших расщелин и уступов выются перистые березы, а нижние склоны красивы и тенисты благодаря раскидистым букам и пахучим липам.

После нескольких посещений этого восхитительного города, в котором царит совершенно особая атмосфера и трудно поддается описанию очарование, затрудняешься определить, чем именно он отличается от других подобных городов. Отчасти привлекательность, которой он обладает, несомненно, объясняется его расположением посреди живописной долины и его романтическим и историческим прошлым. Но все же остается то неуловимое качество, которое можно описать как "индивидуальность города", в дополнение к его географическим и историческим притязаниям на интерес и воображение.

Однако Зальцбург - это не просто название города, но и провинции или "департамента" Австрии, к империи которой он присоединился последней территорией.^[15] Расположенный между Тиролем (частью которого многие ошибочно считают его) и Зальцкаммергутом или озерным краем Верхней Австрии, который начинается в непосредственной близости от города, он был независимым епископальным княжеством до падения Наполеона, не будучи включенным в состав Австро-Венгерской империи до 1816 года.

ДОЛИНА ЗАЛЬЦАХ

Провинция состоит в основном из горного района Зальцах и его многочисленных притоков, которые прокладывают свой путь от своих истоков среди ледников и снежных полей великих вершин Хоэн-Тауэрн и меньших хребтов до равнины, где сам Зальцах в конечном итоге впадает в Инн.

Это великий хребет Хоэн-Тауэрн с его гигантскими заснеженными вершинами Гросс-Глокнер высотой 12 460 футов; Висбаххорн высотой 11 710 футов; и Гросс-Венедигер высотой 12 010 футов; Хоэ-Ферлегг высотой 10 750 футов; Хабахкопф высотой 9945 футов; и многими другими почти столь же грандиозными высотами, которые образуют южную границу древнего княжества. Весь горный хребет поражает своим величием, а его нижние склоны отличаются живописной красотой, которой нет ни в одном другом альпийском районе. Подножие гор Хоэн-Тауэрн почти всегда покрыто сосновыми лесами, которые переходят в более высокие склоны, где цветет ярко-розовый "альпен розен", в то время как еще выше, чуть ниже линии вечных снегов, на скалистых уступах и склонах, поросших жесткой травой, появляются серебристо-белые, похожие на звезды цветы эдельвейса. Над этой зоной свежих зеленых пятен среди серых, потрепанных непогодой скал попадаешь в тот волнующий край вечных снегов и льдов, где царит также вечная тишина, не нарушаемая пением птиц, жужжанием насекомых или журчанием других живых существ.

Хоэн-Тауэрн - это не только регион альпийских гигантов, обширных ледников и нетронутых снежных полей, но и естественное следствие множества стремительных потоков, колоссальных водопадов и журчащих ручейков, которые делают провинцию, с которой он граничит, одной из самых обводненных в Австро-Венгерской империи. В Зальцах впадает более полудюжины крупных ручьев; в то время как плодородных долин так много, что сосчитать их трудно. Большинство из них необычайно красивы; многие почти неизвестны обычному туристу, который обычно придерживается проторенных троп и более оживленных шоссе. Знаменитый водопад Кримль в провинции Зальцбург, по общему признанию, является одним из лучших водопадов немецких Альп. Они выходят из огромного ледника Кримль и спускаются по краю поросшего соснами обрыва в облаке дрейфующих брызг в долину внизу, на расстояние почти 1500 футов, тремя колоссальными прыжками, самый высокий - в два прыжка с высоты более 450 футов.

Хотя, как мы уже говорили, почти все долины хребта Хоэн-Тауэрн особенно красивы, ни одна из них не представляет особого интереса ни с живописной, ни с геологической точки зрения, самая длинная и широкая - долина Гаштайн с прекрасными водопадами высотой около 500

футов близ Бокштайна, где река Гаштайнер Ахе, пройдя через узкие ущелья, спускается в долину, а оттуда течет по широкой плоской равнине Хоф-Гаштайн, впадая в Зальцах, минуя на своем пути восхитительный Бад-Гаштайн с его старым городом с интересными и живописными деревянными домами, расположенными на склонах холмов. восточные склоны долины и более новые, с их отелями, церквями, виллами и другими красивыми зданиями, выглядывающими из-за поросших соснами склонов или расположенными в самой долине. Это восхитительный, хотя и фешенебельный в наши дни оздоровительный курорт, где учитывается множество вкусов, как веселых, так и спокойных.

От Ленда у подножия Гаштайн-Таль до прелестного маленького Санкт-Иоганна, где Зальцах течет на север, река спокойно текла вперед без сопротивления. Но в Санкт-Иоганне есть несколько высоких и примечательных известняковых вершин, в том числе хребтов Теннен и Хаген, некоторые из них достигают высоты 8000 футов; с унылым видом Штайнерне Меер, 8800 футов на западном склоне, и Дахштайном более чем на тысячу футов выше на восточном. Река течет дальше до точки, где сливаются два упомянутых нами хребта. Здесь большое ущелье, известное как перевал Луэг, длиной шесть миль и обладающее прекрасными пейзажами, образует очень подходящий вход в прекрасную долину Голлинг, которая постепенно расширяется от Халляйна до самого Зальцбурга.

Долина Зальцах на своей восточной стороне ограничена грядой приятных, покрытых зеленью высот и пологих склонов, над которыми возвышается Гайсберг высотой 4290 футов, расположенный недалеко к северо-востоку от самого Зальцбурга, с этого момента горы постепенно уменьшаются в высоте. Однако, начиная с Голлинга, западная сторона долины окружена высокими пиками, некоторые из которых простираются своими нижними и округлыми изумрудно-зелеными склонами к реке. Из этих впечатляющих и красивых гор наиболее заметны Высокий Холм Гельль высотой 8275 футов и величественный Ватцманн высотой 9050 футов, глава группы Берхтесгаден. Пронизанный пещерами и высокий, куполообразный Унтерсберг, самой высокой точкой которого является Берхтесгаденер Хохтрон высотой 6480 футов, стоит изолированно, как часовой, на равнине недалеко от города.

ЗАЛЬЦБУРГ ВО ВРЕМЕНА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Зальцбург, красивый, а иногда даже сияющий город на равнине, каким бы древним ни были многие его здания, все же древнее любого из них. Город стоит на поистине классической земле и связан со многими событиями, которые заняли свое место в европейской и даже мировой истории. Сюда пришли римляне в своем всепобеждающем походе империи, и, признавая прекрасное положение города и стратегическое значение холмов, возвышающихся над рекой на большей части ее течения, они в свое время построили на равнине Ювавум, на дороге, которая соединяла Августу Винделикорум, современный Аугсбург, с Аквилеей близ Триеста.

В настоящее время мало кто сомневается, судя по остаткам, которые время от времени обнаруживаются в виде орудий труда из камня и бронзы, оружия, домашней утвари и украшений, что рудники Близ Зальцбурга, которые с самых ранних времен и до сравнительно недавнего времени имели большое коммерческое значение, разрабатывались не только во времена римской оккупации, но и даже в доисторические времена. Действительно, нет особых оснований сомневаться в том, что кельты знали и использовали знаменитые соляные копи в Дюрнберге и медные рудники в Миттерберге; в то время как существует множество свидетельств различных видов разработки римлянами золотых и серебряных рудников района Тауэрн во время их оккупации страны.

ДОМ МОЦАРТА На МАКАРТ-ПЛАЦ

Точная дата, когда впервые возник Зальцбург как город или поселение, не определена; но представляется вероятным, что на берегах Зальца существовало поселение, существовавшее в течение первого века христианской эры или незадолго до него. Кельтские жители этого поселения, однако, не смогли успешно противостоять наступлению римских легионов с северо-востока через Тироль, и поэтому римская военная база Ювавум была основана в месте, которое было очень удобным благодаря своему расположению у входа в горные перевалы и на пересечении дорог, которые различными маршрутами вели во все части Норика. Здесь римский захватчик, после храброго, но безрезультатного сопротивления загнавший кельтских хозяев земли в горные твердыни окружающей страны, основал военный пост с фортом, который вскоре превратился в колонию и в конечном итоге превратился в важный город Ювавум.

Об этом занятии римлянами и об основании города на берегах Зальца сохранились значительные реликвии в виде раскопанных зданий и фундаментов, монет, украшений, керамики, мозаичных мостовых и участков дорог, проложенных римлянами.

Введение христианства произошло очень рано, что отчасти объясняет известность церкви, которой пользовалась провинция в средние века и даже в более поздние времена. Нам говорят, что еще в 472 году н.э. святой Северин, путешествуя по Норик, к которому римлянами был присоединен Зальцбург, обнаружил множество христианских церквей и кафедральных соборов. Реликвия тех времен все еще существует в отвесных стенах Менхсберга, где высоко наверху, с некоторыми окнами, затененными лианами и деревьями, находится очень маленькая церковь, построенная в самой горе; к ней ведут темные крутые ступени, вырубленные в скале, истертые ногами бесчисленных поколений, и ведущие в пещеру, где стоит алтарь и небольшой крест. Согласно, по крайней мере, традиции, это было тайное место, в которое ранние христиане из числа жителей Рима удалялись для

безопасности во время совершения богослужений новой веры. И именно здесь, как говорят, святой Максим принял мученическую смерть.

От последствий беспокойных дней, которые в конце концов настали для большинства форпостов римской цивилизации, не укрылся Зальцбург. Вскоре орды гуннов, готов и других представителей различных германских племен пронесли по провинции, как и по земле Тироля, и город был разграблен и сожжен, а жители преданы мечу или уведены в плен. Таким образом, в 477 году процветающее римское поселение было буквально стерто с лица земли керулами под предводительством их вождя Одоакра, и от него осталось мало следов, за исключением нескольких мозаичных мостовых, домашней утвари и украшений, которые спустя века время от времени находили.

РАСЦВЕТ ЗАЛЬЦБУРГА

История города неясна в течение многих столетий после его разрушения тевтонскими варварами; и более ста лет это место оставалось заброшенным, а разрушенные здания постепенно зарастали деревьями и кустарниками. Затем, в начале VI века, Теодо I, герцог Бойоварии, основатель королевства, впоследствии известного как Бавария, завладел Зальцбургом и присоединил его к своим владениям. Одно из свидетельств сообщает нам, что именно этот герцог Теодо Баварский, став христианином, призвал святого Руперта, после того как последний был изгнан из Вормса, в Ратисбон с целью введения христианства в герцогстве. Традиция гласит, что святой Руперт прибыл в Ювавум примерно в 582 году, или в начале седьмого века, с решимостью сделать это место своей штаб-квартирой для распространения христианской веры. Герцог Теодо, по-видимому, преподнес ему в подарок разрушенный и опустевший город и местность вокруг площадью около двух квадратных миль. Ему были переданы другие поместья и собственность, в том числе, среди многих других, Итцлинг, Опинг (Верхний Инсбрук) и третья часть знаменитого Соляного источника Холл. Епископ принялся за дело, и вскоре на руинах старого римского поселения он основал город, построив монастырь и церковь под крутыми скалами Менхсберга, где сейчас находятся большой бенедиктинский монастырь и церковь Святого Петра, в последней из которых, как говорят, похоронены кости святого.

Ноннбергскому монастырю было пожаловано много поместий, и он разбогател. Епископ Руперт, по-видимому, также начал строить новые жилища и возделывать землю, не забывая при этом о цели, ради которой он приехал, а именно. распространение христианства. Он построил множество церквей и стал средством формирования большого количества христианских общин по всему герцогству. Он также распространил влияние города Зальцбург на окрестности, и когда он умер в 623 году, то оставил после себя там, где нашел руины, процветающий город с важными религиозными учреждениями. Именно из этого поселения должно было возникнуть самое могущественное и богатое церковное княжество Южной Германии, которым, хотя и владели по очереди различные народы, просуществовало как духовное княжество до 1802 года, когда оно было секуляризовано и восстановлено в качестве светского электората.

После прихода святого Руперта Зальцбург постепенно превратился в главный центр религиозной жизни и культуры в восточном регионе Альп. С основанием Карлом Великим архиепископства Баварии в 788 году, после того как последняя территория была аннексирована и включена в состав его владений, значение города неуклонно возрастало. Но с повышением статуса произошло соответствующее расширение и консолидация церковного владычества, благодаря которому политическое влияние архиепископов Зальцбурга росло до тех пор, пока это, наконец, не дало им право принять титул примасов

Германии. Почти без исключения в Средние века архиепископы были воинствующими священниками. "Они знали, - говорят нам, - как обращаться с мечом, так и служить мессе", и они часто с отличием сражались со многими врагами, которые были у Германской империи в те смутные времена, когда различные королевства Восточной Европы возникали из хаоса и постоянно воевали друг с другом. Эти прелаты также отличались искусством и проницательностью дипломатов, способных постоять за себя и приумножить власть и привилегии своей Церкви всякий раз, когда для этого представлялась возможность.

При епископе Вергилии (с 747 по 784 год) власть Зальцбурга значительно расширилась на восток. Был построен новый кафедральный собор, и несколько других районов были переданы в подчинение епископства. Это был преемник епископа Вергилия, Арно (с 785 по 821 год), личный друг Карла Великого, который в последний год восьмого века был облечен папой Львом III. с Паллиумом и возведен в сан первого архиепископа Зальцбурга.

Трудам Арно город и страна многим обязаны, ибо под его умелым и мудрым руководством не только первые процветали вместе с другими возникшими поселениями, но и благодаря его огромной инициативности жизнь самого княжества была направлена в процветающее и прогрессивное русло. Его непосредственные преемники значительно увеличили мощь и влияние Церкви; в то же время они не упустили возможности расширить свою недуховную власть за счет приобретения других территорий и с помощью горнодобывающей промышленности они стали очень богатыми и могущественными.

РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ

Таким образом, зальцбургские архиепископы вскоре заняли большое и выдающееся место среди немецких князей, которое они сохраняли до тех пор, пока власть императоров не начала ослабевать вследствие разногласий с папами, последнему из которых архиепископы, как правило, оказывали поддержку в возникавших спорах. В эти вопросы нет необходимости глубоко вдаваться, но именно вследствие них Конрад I, граф Абинбергский, занял сторону папы римского и вызвал в стране сильное волнение. Во время его правления аббатство Святого Петра было предоставлено в качестве резиденции архиепископу Зальцбурга, и вскоре после этого рядом с этой целью было возведено новое здание. Именно в правление того же Конрада I. Зальцбургский собор был уничтожен пожаром 4 мая 828 года, как и очень большая часть города. И собор, и часть города, которая была сожжена дотла, были восстановлены с еще большим великолепием, чем раньше. Но им было суждено снова быть разрушенными. Три столетия спустя, в 1167 году, между Конрадом II и Фридрихом Барбароссой возникла ссора, потому что последний отказался наделить первого светской властью и объявил против него запрет Империи. Барбаросса приказал, чтобы Зальцбург и местность вокруг были вот-вот захвачены и опустошены графами Плейн-Миттерзилл. Некоторое время город и его мощная крепость успешно сопротивлялись, но 5 апреля 1167 года он был захвачен и снова сожжен дотла.

Преемник Конрада, Альберт III, сын короля Богемии Ладислава, также вступил в конфликт с императором и разделил ту же участь, что и его предшественники; но во время правления сразу сменивших его архиепископов установились мир и процветание, а при Эберхарде II, который отличался как самый способный и блестящий администратор, а также великий церковник, снова воцарились мир и безмятежность.

В течение следующего столетия Зальцбург был вовлечен в политические споры и принял участие в битве при Мюльдорфе 28 сентября 1322 года, сражаясь на стороне Фридриха Шене, герцога Австрийского, который попал в плен. В результате чего княжество не только

потеряло большое количество своей высшей знати и рыцарей, но и понесло большие денежные потери при выплате своей доли военной контрибуции.

Сразу после этого периода беспорядков наступил другой, отличившийся возведением новых красивых зданий и расширением границ города, а также укреплением замка в Менхсберге. Архиепископу Леонарду фон Кейтшаху (1495-1519) следует отдать должное в достижении абсолютного превосходства, и можно сказать, что с его занятия престола начался самый выдающийся период в истории города. Однако Леонард достиг этого положения не совсем без хитрости, ибо, по правде говоря, жители Зальцбурга, которые, казалось, даже в те средневековые времена обладали свободолюбием и духом независимости, что делало им честь, став беспокойными под церковным господством и тиранией, хотели превратить город в свободный имперский город. Леонард, однако, решил иначе, и поэтому под предлогом приглашения бургомистра и двадцати членов городского совета к себе во дворец, чтобы устроить для них государственный банкет, он немедленно арестовал их по прибытии и бросил в подземелья замка. Затем ему удалось отнять у города древние права, аннулировать которые он намеревался. Но хотя архиепископ Леонард правил своими светскими и церковными подданными железным жезлом, он многое сделал для улучшения и украшения города, значительно увеличив силу и размеры Хоэн-Зальцбурга, а также улучшив методы разработки шахт, особенно в Гаштайне и Раурице. Это было, конечно, более выгодно ему, чем шахтерам, но в конечном итоге принесло пользу стране в целом, поскольку архиепископ получал от шахт доход, достаточный для того, чтобы позволить ему возводить много красивых зданий, улучшать дороги и поощрять искусство и сельское хозяйство.

РЕФОРМАЦИЯ

Во время архиепископства его преемника Матеуса Ланга фон Велленбурга, с 1519 по 1540 год, произошло много волнующих событий не только в городе Зальцбурге, но и по всей длине и ширине княжества. Вера Лютера была внедрена в Зальцбурге и пользовалась большим успехом среди всех слоев населения, особенно среди шахтеров. Даже некоторых священников и должностных лиц самого Собора подозревали в том, что они благосклонны к новым доктринам и даже распространяют их. Сначала архиепископ пытался бороться с еретическими наклонностями своих подданных добротой и снисходительностью; но, обнаружив, что эти методы бесплодны, он призвал на помощь иностранных наемников, главным образом из Тироля, укрепил Хоэн-Зальцбург гарнизоном из них и последователей, на лояльность которых он мог положиться, и, захватив город врасплох, заставил жителей подчиниться и отказаться от своих привилегий.

За этим событием последовали различные акты насилия, направленные против приверженцев реформатской веры, которые настолько возмутили население, что в мае 1525 года во всех частях княжества вспыхнуло восстание. Архиепископ, видя, что ситуация принимает серьезный оборот, обратился с настоятельным призывом о помощи к герцогу Вильгельму в Мюнхен, который, однако, остался без ответа. Вскоре после этого тысячи шахтеров и крестьян, выиграв несколько стычек в сельских районах, продвинулись к Зальцбургу, где к ним присоединились многие жители, и быстро приступили к осаде архиепископа в крепости, что они продолжали делать (не сумев пробиться внутрь) до 15 августа, когда Людвиг Баварский прибыл с большими силами, и было заключено перемирие, выгодное для крестьян. Эта договоренность, однако, не была соблюдена, и в результате в следующем году снова вспыхнуло ожесточенное восстание, но было успешно и жестоко подавлено силами под командованием эрцгерцога Фердинанда, дополненными силами Швабской лиги.

Хотя доктрины Лютера продолжали продвигаться вперед, и религиозные беспорядки все еще происходили, последние не носили серьезного характера; но примерно полвека спустя знаменитый архиепископ Вольф Дитрих фон Райтенау, также известный для краткости как Вольф Дитрих, по возвращении из Рима, где он должен был получить паллий, или декоративную ленту из белой шерсти, которую носили на плечах, которую все архиепископы в то время должны были получать при назначении, прежде чем они были уполномочены выполнять обязанности своей должности, 9 июля 1588 года издал свой знаменитый указ о том, что все архиепископы должны были исполнять свои обязанности. истребление еретиков. Вследствие чего последовали жестокие преследования тех, кто принял лютеранскую веру, с большими конфискациями их земель и другого имущества. Другие действия этого знаменитого архиепископа, включая введение пошлин на соль, получение и изготовление которой составляло очень важную и прибыльную отрасль промышленности, вызвали серьезные трения между ним и некоторыми его подданными и в конечном итоге дважды привели к его военной оккупации соляного района с помощью наемников. В первом случае эти силы были разбиты и изгнаны войсками герцога Вильгельма Баварского; а во втором случае действия архиепископа привели к завоеванию и оккупации Зальцбурга самим герцогом Максимилианом, а также к окончательному тюремному заключению и свержению с престола Вольфа Дитриха 7 марта 1612 года. Он так и не был освобожден, хотя были предприняты усилия для получения для него свободы и помилования, и умер в своей камере в Хоэн-Зальцбурге пять лет спустя.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

После Вестфальского мира, 24 октября, Зальцбург стал независимым и суверенным княжеством, и архиепископы, Капитул и различные другие власти приступили к работе по улучшению гражданских и церковных учреждений и организаций страны, а также по улучшению положения жителей за счет улучшения налогового регулирования, уголовного законодательства и т.д., А также по завершению строительства города и благоустройства существующих его частей путем вымощения улиц и улучшения санитарных условий. Но, несмотря на несомненные преимущества, дарованные жителям упомянутым нами способом, клерикальная партия продолжала жестокое преследование протестантов, и, как следствие, в 1684-85 годах произошла массовая эмиграция лютеран, в том числе большого числа шахтеров Халлейна.

За этими гонениями полвека спустя последовали гонения архиепископа Леопольда Антона Фрайхерра фон Фермиана, который вызвал иезуитов в страну для оказания помощи в искоренении протестантов. Этим священникам удалось разжечь дальнейшие разногласия между католиками и лютеранами, и последовали жестокие преследования, сопровождавшиеся пытками и тюремным заключением. Архиепископ, обнаружив, что иезуитам не удалось привести страну к единообразию религии или более мирному состоянию, издал в последний день октября 1731 года знаменитый эмиграционный эдикт, по которому протестанты должны были быть лишены всего своего имущества и своих гражданских прав и изгнаны из княжества. Результатом стало образование знаменитого Зальцбунда, в котором последователи реформатской веры объединились и поклялись защищать его, и в знак этого они лизнули кусочек соли, положенный для этой цели на стол, который до сих пор хранится в Шварцаххе, где была создана Лига.

В конце концов, в результате указа архиепископа Фермиана эмигрировало свыше 30 000 человек, и, как это было в случае с гугенотами Франции, они составили, безусловно, самую способную, трудолюбивую и интеллигентную часть общества, и последствия их эмиграции ощущаются даже в настоящее время. Нам говорят, что в результате изгнания протестантов,

многие из которых были шахтерами, "горнодобывающей промышленности Зальцбурга был нанесен смертельный удар, процветание страны значительно сократилось, а свободная национальная и гражданская жизнь была разрушена". Больше число этих эмигрантов в конце концов осело в прусской Литве, где их тепло и гостеприимно приняли. Другие отправились в Баварию и Швабию, а некоторые даже в Англию, некоторые из последних в конце концов пересекли Атлантику и поселились в Джорджии, где в городе Эбenezер до сих пор существует колония их потомков.

Непосредственный эффект эмиграции этих квалифицированных ремесленников и рабочих был ощутим как в городе Зальцбурге, так и в княжестве. Мастерские, которые до сих пор были оживленными промышленными ульями, покинутые своими бывшими хозяевами, не смогли найти новых арендаторов и постепенно пришли в упадок или были использованы для других, менее прибыльных целей. Как было в случае с гугенотами, так было и с *эмигрантами* Зальцбурга; их места нельзя было ни заполнить, ни возместить потерю.

Зальцбург во время войн Фридриха Великого против Баварии и Франции часто оккупировался той или иной из противоборствующих наций и был доведен до состояния нищеты и нищеты, от которых долго оправлялся. Жители города и княжества были доведены до такого плачевного состояния, что одно время существовала серьезная опасность секуляризации последнего. Но при более твердом и благотворном правлении Иеронима, графа Колоредо-Вальзее, последнего правящего архиепископа (с 1772 по 1803 год), в управлении страной было проведено несколько полезных реформ, касающихся финансов, полиции, сельского хозяйства и других ведомств. Но, несмотря на эти изменения, церковному господству в Зальцбурге было суждено быстро прийти к концу, и по Кампо-Формийскому миру 17 октября 1797 года Франция по секретному договору согласилась передать зальцбургское архиепископство императору Франциску II.

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

В 1800-1802 годах княжество вновь стало ареной французских вторжений и серьезно пострадало не только от разрушений, вызванных сражениями между французами и империалистами, но также от крупных денежных контрибуций и припасов, взимаемых с населения. Вскоре вся страна погрузилась в хаос, и архиепископ, наконец, бежал со своим имуществом и самыми ценными сокровищами, бросив свой престол на произвол судьбы. Императорские войска вошли в Зальцбург под командованием графа Меервельда 19 августа 1802 года, генерал провозгласил, что он вступил во владение страной от имени эрцгерцога Фердинанда Тосканского.

Таким образом, Зальцбург перестал быть независимым духовным княжеством и превратился в светский электорат, которым и оставался с тех пор.

11 марта следующего года беглый архиепископ сложил с себя светскую власть. Хотя нет никаких сомнений в том, что это изменение было встречено народом в целом, который с нетерпением ожидал реформ и большей стабильности правительства, осуществить первое сразу оказалось невозможным. Все еще беспокойный и воинственный период, в который Фердинанд I пришел к власти в Зальцбурге, был очень пагубным для любых радикальных реформ или смены администрации. По Прессбургскому мирному договору 26 декабря 1805 года Зальцбург был передан Австрии, а четыре года спустя по Венскому мирному договору перешел во владение Баварии и оставался таковым до 1816 года.

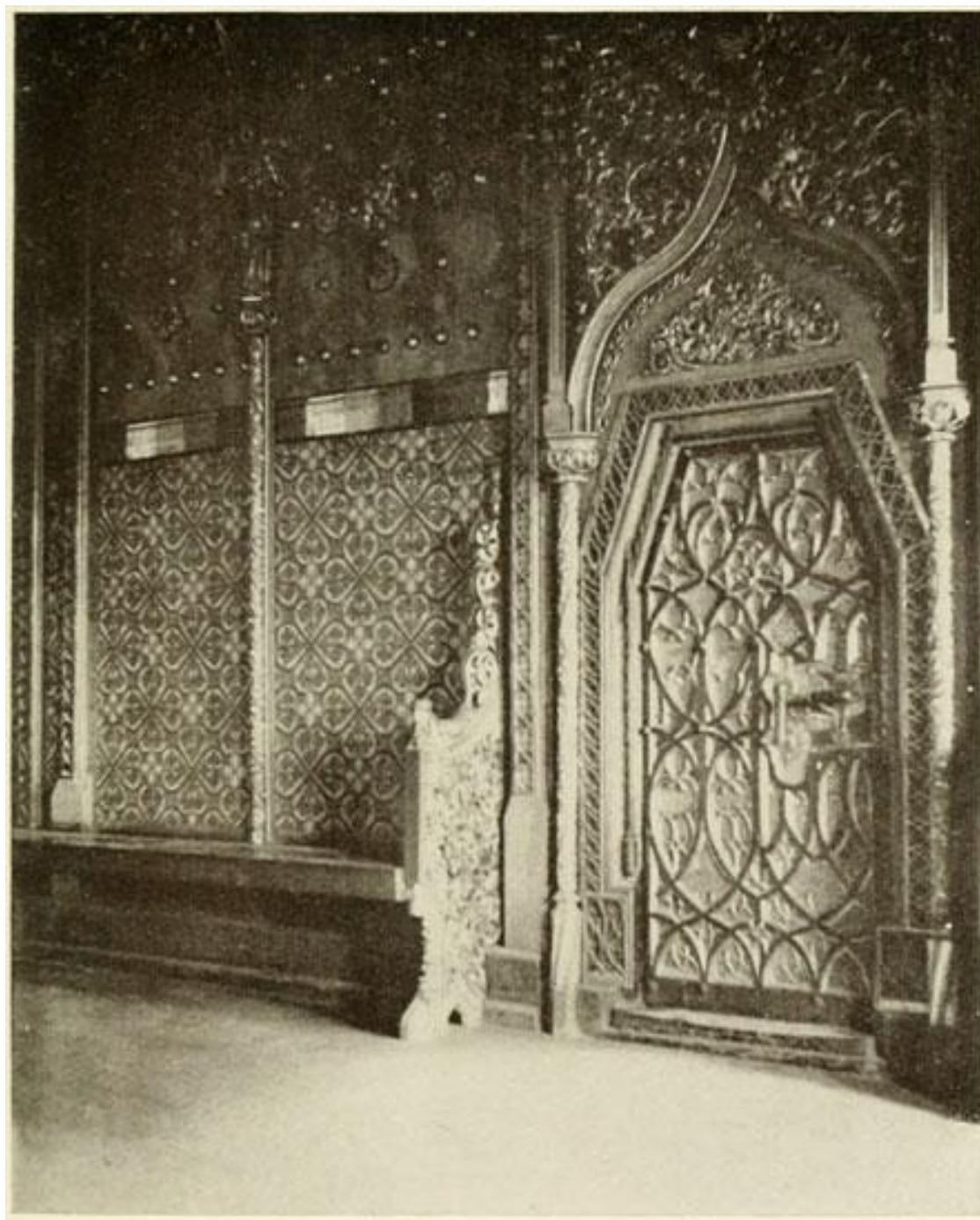
Именно во время наполеоновских войн зальцбургцы, подобно тирольцам под командованием Андреаса Хофера, восстали и сражались за свою страну и за австрийского

императора. Произошло довольно много серьезных столкновений на перевале Луэг и в Мендлинге, а также близ Ункена и Меллека, что вполне естественно привело к большой бедности и опустошению. В конечном счете, по Мирному договору от 14 апреля 1816 года Зальцбург перешел во владение Австрии, а 1 мая 1816 года имперские уполномоченные вступили во владение под восторженное ликование всего населения.

Такое положение дел сохранялось до 1850 года, когда Зальцбург снова стал независимой землей австрийской короны, а одиннадцать лет спустя ему было предоставлено отдельное правительство и сейм. С тех пор город, как и провинция, процветал под мудрым и предприимчивым руководством своей нынешней администрации и полностью слился как по духу, так и на бумаге с великой Империей, независимой частью которой он является.

Своим архиепископам шестнадцатого века Зальцбург был многим обязан и остается обязанным до сих пор. Почти все они были великими и интересными личностями, которые не только повлияли на гражданскую и религиозную жизнь и эволюцию города, но и, кроме того, имели немалое отношение к тому облику, который он постепенно приобретал в упомянутый нами период. Под их правлением Зальцбург был в значительной степени модернизирован. Многие здания тринадцатого и четырнадцатого веков были снесены, чтобы быть замененными гораздо более великолепными, если не более живописными и интересными сооружениями. Именно тогда дух Возрождения пронесся над Альпами из Италии, и вслед за ним пришло стремление к великолепию в архитектуре, в развлечениях, в одежде и быту зальцбургской знати.

Архиепископы и церковные обыватели также стали добровольными жертвами стремления к экстравагантности и показухе. Действительно, первые были, как говорит один авторитетный источник, "истинными монархами эпохи Возрождения итальянской школы, которые были эгоистичны в своей политике и совсем не разборчивы в средствах, с помощью которых они достигали своих целей". Следует, однако, признать, что, хотя они ни в коем случае не отказывались от мирских удовольствий и зрелищ, несмотря на тот факт, что в своей религии они исповедовали более суровые доктрины Игнатия Лойолы, они были достойными покровителями и вдохновителями искусства, науки и литературы и были воодушевлены желанием оставить прочный памятник о себе и своих верованиях в великолепных церковных зданиях. В Зальцбурге можно найти их записи на всех руках, в виде гербов и табличек, на которых записаны их имена и деяния, для пользы и наставления тех, кто сменил их.

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ ДВЕРЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АПАРТАМЕНТОВ В КРЕПОСТИ ЗАЛЬЦБУРГ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА

За период, о котором мы говорим, характер и внешний вид города почти полностью изменились. Древние средневековые здания были снесены и заменены великолепными дворцами, в которых знать и духовные сановники жили в роскоши и покое. Церквей было возведено такое количество, что им почти не было равных ни в одном другом городе подобного размера. Большинство из них сохранилось до сих пор, что делает Зальцбург местом шпилей, куполов и красивых церквей, необычайно живописным и глубоко интересным.

Если смотреть на Зальцбург с гребня Менхсберга, Капуцингерберга или со стен замка, особенно на закате летним вечером, то он представляет собой картину необычайной красоты и колорита, которую нелегко забыть.

Что было вполне естественно в связи с секуляризацией власти, правящей Провинцией, столица сильно пострадала. На какое-то время как ее процветание, так и интеллектуальная жизнь подверглись затмению. Почти полвека казалось, что его энергия бездействовала, и только когда в 1860 году была построена линия, соединяющая Мюнхен с Веной через Зальцбург, он снова проснулся и занял важное место среди городов северо-западной Австрии. С того периода и по сей день это место неуклонно развивалось.

До середины прошлого века город занимал сравнительно ограниченную территорию в пределах старых стен. И как прямое следствие того, что многочисленные церкви, монастыри и другие церковные постройки занимали большую часть доступного пространства, горожане были вынуждены теснить свои жилища и строить многоэтажные дома, которые можно найти в старой части города по соседству с Херрингассе, Зигмунд-Хаффнергассе и Гетрайдегассе. Именно на этих узких и мрачных, хотя и, несомненно, живописных, улочках, в архитектуре которых во многих случаях прослеживается итальянское влияние, проживала большая часть населения и велась большая часть городской торговли.

С появлением более современных идей проявилось отвращение к такому ограничению среди наиболее амбициозных и зажиточных представителей коммерческого и ремесленного классов, и когда, наконец, старые стены местами были снесены, на другом берегу реки возник новый пригород - как это было в Инсбруке - по соседству с железнодорожной станцией, с широкими современными улицами, более изысканными магазинами и роскошными виллами, а также домами поменьше для проживания представителей рабочего класса.

В этой части города расположены не только одни из лучших отелей, но и Курхаус с его прекрасными садами (вплотную примыкающими к саду Мирабель), прекрасным театром и внушительной церковью Святого Андреаса в готическом стиле. Напротив железнодорожного вокзала, в тени листвы в саду, примыкающем к отелю Hôtel de l'Europe, находится знаменитая статуя королевы Елизаветы, являющаяся святыней паломничества для большинства гостей города. Сама статуя была описана как "простая, но красивая". Нам она всегда казалась отнюдь не адекватным или даже очень искусным изображением красивой и царственной личности. Поза не особенно приятная, и в целом, на наш взгляд, создается эффект "кукольной".

ТИХОЕ ПАСТБИЩЕ

Со временем Зальцбург отвоевал большую часть территории у каменистого русла быстро текущей реки, ограничив поток в более ограниченных пределах. В прежние времена, когда город был обнесен стенами, такой необходимости не было, и Зальцах шел своим чередом, сильно вторгаясь в низменные земли по своим берегам. Но в настоящее время на этой отвоеванной земле высажены тенистые аллеи деревьев, которые придают этой части города очаровательный и самобытный характер. Здесь также есть несколько прекрасных вилл, где не так уж много лет назад была пустошь или лесистая местность, окруженная деревьями и обрамленная прекрасными садами, в которых, кажется, круглый год в изобилии цветут цветы.

Положение и будущее процветание города как туристического курорта были обеспечены, когда Зальцбург стал отправной точкой второй магистрали железной дороги, ведущей в Инсбрук через Китцбюэль, и живописной Унтер-Инн-Таль, а также центром ряда ответвлений.

Именно благодаря этим современным событиям жизнь Зальцбурга так существенно изменилась даже на памяти тех, кто впервые посетил его, но, для сравнения, несколько лет назад. Из города церковного, почти средневекового отчуждения от внешнего мира, в котором в течение значительного периода наблюдалась остановка роста и застой жизни, он превратился в излюбленный летний и зимний курорт не только для туристов, но и для тех, для кого привлекательна старая часть города с ее многочисленными историческими зданиями, замком и прекрасными церквями.

ДРЕВНЯЯ КРЕПОСТЬ ЗАЛЬЦБУРГА

Самым выдающимся из всех зданий Зальцбурга и тем, которое привлекает большинство посетителей больше всего, является прекрасная старая крепость Хоэн-Зальцбург, расположенная высоко над старым городом на поросшем деревьями скалистом отроге Менхсберга.

Древняя крепость, которая была свидетелем стольких волнующих событий в своих стенах и из которой прошлые поколения жителей смотрели сверху вниз на почти столь же драматичные и волнующие события в городе внизу, которая на протяжении веков не поддавалась захвату и, наконец, стала считаться неприступной, была основана почти восемь с половиной веков назад архиепископом Гебхардом.

С течением веков к первоначальным зданиям было сделано много пристроек, и нынешний замок в основном датируется последними годами пятнадцатого и первыми годами шестнадцатого веков. Эти дополнения были в основном работой Леонарда фон Кейтшаха, архиепископа Зальцбургского в конце средних веков. Он был одним из великих архиепископов-"строителей", энергии и предприимчивости которых город в разные периоды был столь многим обязан. Будучи крестьянином по происхождению, он не стыдился своего скромного происхождения и, будучи одаренным чувством юмора, выбрал репу в качестве герба. Изображения этого овоща так часто встречаются на прилавках в различных частях города, что замечание одного путешественника о том, что "зальцбургеры, кажется, выросли из земли", можно считать оправданным.

Какой бы суровой ни выглядела прекрасная старая крепость (ныне отданная под казармы), по дворам которой прогуливались принцы, архиепископы, вельможи и многие знаменитые люди прошлых веков, она была, однако, не просто мощным оплотом обороны, настоящим "эйн фесте бургом", господствующим над городом и равниной, но и дворцом. Хотя замок был лишен большей части своего великолепия, к счастью, его следы все еще сохранились в так называемых Fürstenzimmer (парадных покоях), которые ранее занимали правители провинции, были обставлены и украшены со всем великолепием, которое ознаменовало самый щедрый период влияния Ренессанса. Главными среди реликвий последнего являются красивые и изящно вырезанные панели, позолота и богато украшенные резьбой и лепниной потолки главных апартаментов. Бродя по этим ныне почти опустевшим комнатам, возникает искушение вызвать в воображении великолепные сцены, свидетелями которых они, должно быть, были. Трагедия, комедия, рыцарство, ненависть, радость, печаль, успех и неудача - вся эта зачастую мрачная, но великолепная гамма средневековой жизни, должно быть, была вплетена в саму ткань и атмосферу этого впечатляющего и глубоко интересного здания. Среди главных реликвий бывшего великолепия и помпезности обстановки остается прекрасная и, как говорят, уникальная майоликовая печь, поистине замечательный образец готического керамического искусства.

Внутри тройной линии стен, которые перекрывали доступ к замку и не раз оказывались полезными в прежние времена, есть много интересных и причудливых уголков, объединенных с укреплениями Менхсберга, известными как *Бургервер*; но мало кто может сравниться по живописности со старым двором с его тенистой и знаменитой липой, древним колодцем и потрепанными временем стенами. Здесь, задерживаясь ближе к закату, иногда слышишь нежные, хотя и прерывистые ноты органа внутри башни, играющего какую-нибудь знакомую мелодию гимна. Дрожащие ноты, как у старого певца, чей голос стал слабым, но сохранил большую часть своей сладости, разносятся в тихом вечернем воздухе с мистической притягательностью, которую, как мы думаем, мало кто из слышавших их не мог не почувствовать. Для нас это одно из самых прочных и незабываемых воспоминаний о Зальцбурге, а также о его замке.

В наши дни канатная дорога доставляет человека на вершину за несколько минут, и благодаря Ноннбергу он избавлен от усталости от долгого подъема вверх. Старый Ректурм, в темницах которого содержались невезучие узники, а в самой башне хранились ужасные орудия пыток и располагалась камера пыток, в настоящее время имеет гораздо более приятное назначение, поскольку является прекрасным "смотровым" местом, откуда открывается вид на широко раскинувшуюся к северу перспективу города и долины Зальцах.

HOHEN-SALZBURG'S SIEGES

В средние века и последующие эпохи на старую серую крепость было предпринято множество нападений, редко приводивших к чему-либо, кроме катастрофы или разочарования атакующих сил. Даже крестьянам, которые во время ужасного восстания 1525 года неоднократно нападали на замок с предельной яростью и решимостью, не удалось достичь своей цели - захватить крепость Мэтью Лэнда, тогдашнего архиепископа, и высших духовных лиц, укрывшихся за его неприступными стенами, с которыми крестьянские вожди быстро расправились бы. Веками Церковь попирала крестьянство, и во время крестьянского восстания последовали ужасные репрессии. Но хотя повстанцы были близки к захвату Хоэн-Зальцбурга, им это не удалось. Их техника была слишком примитивной для успешного штурма, и их выстрелы практически не наносили ущерба прочным толстым стенам или зданиям. На мраморной колонне в замке видны следы, оставленные пушечным ядром, которое было одним из немногих, которым удалось проникнуть в замок, и в данном случае это было через окно! Столетие спустя, во время Тридцатилетней войны 1618-1648 годов, опустошившей всю тогдашнюю Германскую империю, которая велась между Евангелическим союзом под руководством курфюрста Палатинского и католиками во главе с Максимилианом, великим герцогом Баварским, Зальцбург, несомненно, из-за того, что его крепость считалась неприступной, был одним из немногих мест, оставшихся в мире и неприкосновенности. Мы уже упоминали тот факт, что архиепископы были не только чрезвычайно могущественными священнослужителями, но и великими дипломатами, и нет никаких сомнений в том, что к их умной политике также следует отнести невосприимчивость города к нападениям в тот беспокойный период.

Из многих выдающихся священнослужителей, занимавших Зальцбургский престол в качестве его архиепископов, самыми интересными и, возможно, самыми важными были двое, разделенные друг от друга всего несколькими годами. Одним из них был Вольф Дитрих фон Райтенау (1587-1611?), а другим - Парис фон Лодрон.

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ СТРОИТЕЛИ

Архиепископ Вольф Дитрих фон Райтенау, получивший образование в Риме, тогдашнем центре искусства и культуры, приехал в Зальцбург, не только погруженный в традиции итальянского искусства, но и стремясь произвести впечатление на город своими знаниями и вкусом. Он нашел старый римский собор, не отличающийся ни красотой, ни колоритностью, датируемый восьмым веком, на месте таких церквей, к которым он привык в Италии, богато украшенных и красивых. Считается, что он не старался скрывать свое отвращение к зданию, и когда за несколько лет до его смерти оно было разрушено во время одного из разрушительных пожаров, нашлись те, кто даже обвинил архиепископа в том, что он сам поджег церковь или, по крайней мере, подстрекал к этому других. Но в этой истории мало правды, хотя удовлетворение архиепископа разрушением древнего, неудобного и неорнаментального сооружения, кажется, не подлежит сомнению. В том, что он твердо намеревался воздвигнуть на этом месте одну из лучших церквей к северу от итальянской

границы, почти нет сомнений, но, увы! для достижения человеческих целей ему не суждено было даже увидеть заложенный фундамент.

Ему, несмотря на его деспотичный характер, неугомонный нрав, постыдную интригу с красавицей Саломеей Альт, город Зальцбург многим обязан, поскольку он многое сделал для превращения неказистого и грязного городка с узкими средневековыми улочками в один из лучших городов Германии. Многие из красивых зданий, включая часовню Габриэля, Дом капитула, Нойбау и аркады Себастьянского кладбища, были обязаны своим существованием его художественному вкусу и стремлению к совершенствованию.

Именно Парису фон Лодрону, основателю университета, который был распущен в 1810 году во время баварской оккупации, и его второму преемнику, выпала задача, а также честь подарить Зальцбургу кафедральный собор, достойный его, его длинной череды знаменитых архиепископов и многих исторических воспоминаний. Первоначальный план, который, по словам историков, должен был привести к созданию церкви такого великолепия, что ей не было бы равных ни в одной другой церкви в Европе, пришлось значительно изменить по нескольким причинам, главными из которых были соображения стоимости и пространства. Первое стало обязательным из-за больших расходов, связанных с содержанием городских укреплений в то время (Тридцатилетняя война), когда собор находился в процессе строительства. Однако, несмотря на эти обстоятельства, работа Париса фон Лодрона, занимающая великолепное положение посреди трех больших площадей, была спроектирована главным образом итальянским архитектором по имени Сантино Солари (возможно, по планам Скамоцци из Флоренции) при содействии других архитекторов в стиле позднего Возрождения, и является одной из самых великолепных церквей в Австрии, хотя лепной орнамент имеет довольно витиеватый характер. По внешнему виду, который довольно прост и суров, хотя и обладает прекрасным фасадом, построенным из унтербергского мрамора, невозможно составить какое-либо представление об очаровании и даже великолепии здания. Но сразу же, войдя в него, поражаешься его прекрасным пропорциям и заметному сходству общего плана с собором Святого Петра в Риме. Действительно, нет никаких сомнений относительно источника, из которого Солари черпал большую часть своего вдохновения, хотя следует отдать ему должное за оригинальные детали, пропорции и общую красоту эффекта.

Сокровищницу церкви стоит осмотреть, поскольку она богата реликвиями ушедших эпох, включая изысканное чудовище семнадцатого века, инкрустированное 1800 драгоценными камнями, богатое облачение и изящный посох, усыпанный драгоценными камнями; и никто не должен пропустить интересную бронзовую купель четырнадцатого века в романском стиле, которая стоит в одной из боковых часовен слева от входа.

В своем кафедральном соборе Зальцбург обладает жемчужиной архитектурной красоты, которая вызывала восхищение поколений архитекторов и студентов и (как говорит один авторитетный источник) "вероятно, дала художнику и изучающему архитектуру больше вдохновения, чем любая другая церковь к северу от итальянских Альп".

На Резиденц-плац, центр которой украшает прекрасный фонтан высотой почти пятьдесят футов, датируемый второй половиной семнадцатого века, состоящий из колоссальной фигуры Атласа, окруженной не менее колоссальными гиппопотомами, работы Антона Дарио, расположен древний дворец архиепископов, ранее известный как Резиденц, а ныне Императорская резиденция. Этот прекрасный дворец, возведенный в разное время, с конца шестнадцатого по первые два десятилетия восемнадцатого века, содержит много следов великолепия, которое характеризовало более крупные здания, возведенные духовенством в

то время, когда влияние Ренессанса было на пике. Потолки и стены основных салонов и холлов особенно примечательны, а в некоторых случаях наиболее искусно декорированы. Правительственные учреждения, расположенные напротив резиденции, хотя и известны как Нойгебойде (возможно, потому, что в их состав входили Почта и телеграф), на самом деле датируются, по крайней мере частично, правлением архиепископа Вольфа Дитриха фон Райтенау, хотя время от времени они модернизировались, видоизменялись и дополнялись. В восьмиугольной башне в начале восемнадцатого века был установлен прекрасный *карильон*, работы часового мастера по имени Сотер начала семнадцатого века, известный как Глокеншпиль, который звонит трижды в день в 7 часов утра, 11 часов утра и 18 часов вечера

Архиепископы Зальцбурга в прошлые века были не только духовными лицами и дипломатами, но и спортсменами. Большинство из них, действительно, похоже, были большими любителями лошадей. Вольф Дитрих фон Райтенау, Зальцбург, построил несколько великолепных конюшен, отделанных мрамором, на склонах Менхсберга; к ним были пристроены крытая школа верховой езды для использования зимой и еще одна школа под открытым небом для летнего использования. Хотя сами конюшни теперь превратились в казармы, школа под открытым небом по-прежнему остается одной из достопримечательностей города. В стороне от Менхсберга в 1693 году были прорублены три большие галереи для размещения зрителей спортивных состязаний в летней школе верховой езды; они давным-давно заросли плющом и лианами, которые значительно увеличивают их живописность, но все еще иногда используются для той цели, для которой они были первоначально построены.

В зимней школе верховой езды есть интересная потолочная фреска, изображающая рыцарский турнир, датируемая последним десятилетием семнадцатого века.

Несколько архиепископов Зальцбурга, по-видимому, любили раскопки на скалах, и архиепископ Сигизмунд фон Шраттенбах был одним из них. Во второй половине восемнадцатого века, если быть точным, в 1767 году, он построил Нейтор, туннель в твердой скале длиной около четырехсот пятидесяти футов, на строительство которого ушло два года. Она пронзила Менхсберг насквозь и таким образом объединила пригород Риденберг с остальной частью города. В конце Риденберга находится статуя святого Сигизмунда в память об архиепископе, который поместил свой собственный медальон в городском конце туннеля с латинской надписью "Te saxa loquntur" (Сами камни восхваляют тебя) над ним.

ЗАМОК МИРАБЕЛЬ

Главным образом очаровательный замок Мирабель обязан своим существованием архиепископу Вольфу Дитриху фон Райтенау или, скорее, его страсти к прекрасной дочери зальцбургского купца, имя которой, возможно, не совсем уместно, было Саломея. Здесь (так гласит история) прекрасная Саломея Альт была назначена любовницей, среди великолепия и расточительных расходов, подобающих фаворитке короля. Для нее были построены и разбиты восхитительные сады с прекрасными террасами, тенистыми дорожками, широкими лужайками из изысканно "бархатистого" дерна, подобного которому мы редко видели даже в "травянистых" графствах Англии; цветники причудливой формы, фонтаны и пруды, лабиринты и аллеи из прекрасных деревьев. Для нее тоже были установлены многочисленные скульптурные группы и отдельные фигуры мифологического и художественного характера. Некоторые из них имеют значительные достоинства, и лишь немногие не имеют особой декоративной ценности в окружении, в котором они были размещены.

В самих садах круглый год цветут восхитительные цветы. По случаю нашего последнего визита благоухающая липовая аллея была в полном цвету, розы цвели в изобилии — нам

сказали, что в этом излюбленном и красивом месте они цветут почти круглый год, — а жасмин, апельсиновые деревья и множество других красивых и уютных цветов наполняли летний воздух ароматом и буйно разливались во все стороны. Алоэ, пальмы, португальский лавр, дафна и другие кустарники радуют глаз, а на заднем плане, высоко возвышаясь над тишиной этого старомодного сада, вырисовывается обширный и величественный Хоэн-Зальцбург с его крышами и шпилями, мерцающими в солнечных лучах с высоты птичьего полета.

В садах также есть интересный вольер Зальцбургского общества защиты птиц и бывший Летний театр рядом с Французским садом с травяной сценой и крыльями из "аккуратно" подстриженной живой изгороди.

Сам особняк сильно пострадал от пожара в 1818 году, но на уцелевшие мраморный холл и лестницу стоит посмотреть, как и на убранство нескольких старых комнат.

ГЛАВА VII

ОКРЕСТНОСТИ ЗАЛЬЦБУРГА—ХЕЛЛЬБРУНН, ЕГО УНИКАЛЬНЫЕ ФОНТАНЫ И САДЫ—ЗАМОК АНИФ—ГАЙСБЕРГ—КАПУЦИНГЕРБЕРГ—МОЦАРТ-ХОЙШЕН—МЕНХСБЕРГ—ЗАЛЬЦБУРГСКИЕ ЦЕРКВИ

В окрестностях Зальцбурга есть несколько красивых замков, возведенных различными держателями Престола. Среди них очаровательно расположенный Леопольдскрон, расположенный к югу от Менхсберга, с видом на озеро, покрытое в начале лета изобилием водяных лилий и других водных растений, и открывающий великолепный вид на окружающие горы. Поездка в Леопольдскрон - это то, что нельзя пропустить. Проезжая по великолепной аллее, или *аллее* деревьев, через поля, украшенные цветами, и вдыхая свежий воздух с реки и гор, пропитанный ароматом цветочного ковра, раскинувшегося по обе стороны дороги, можно в полной мере ощутить очарование сельской местности, которая окружает исторический и оживленный город, только что оставшийся позади.

ХЕЛЛЬБРУНН И ЕГО ФОНТАНЫ

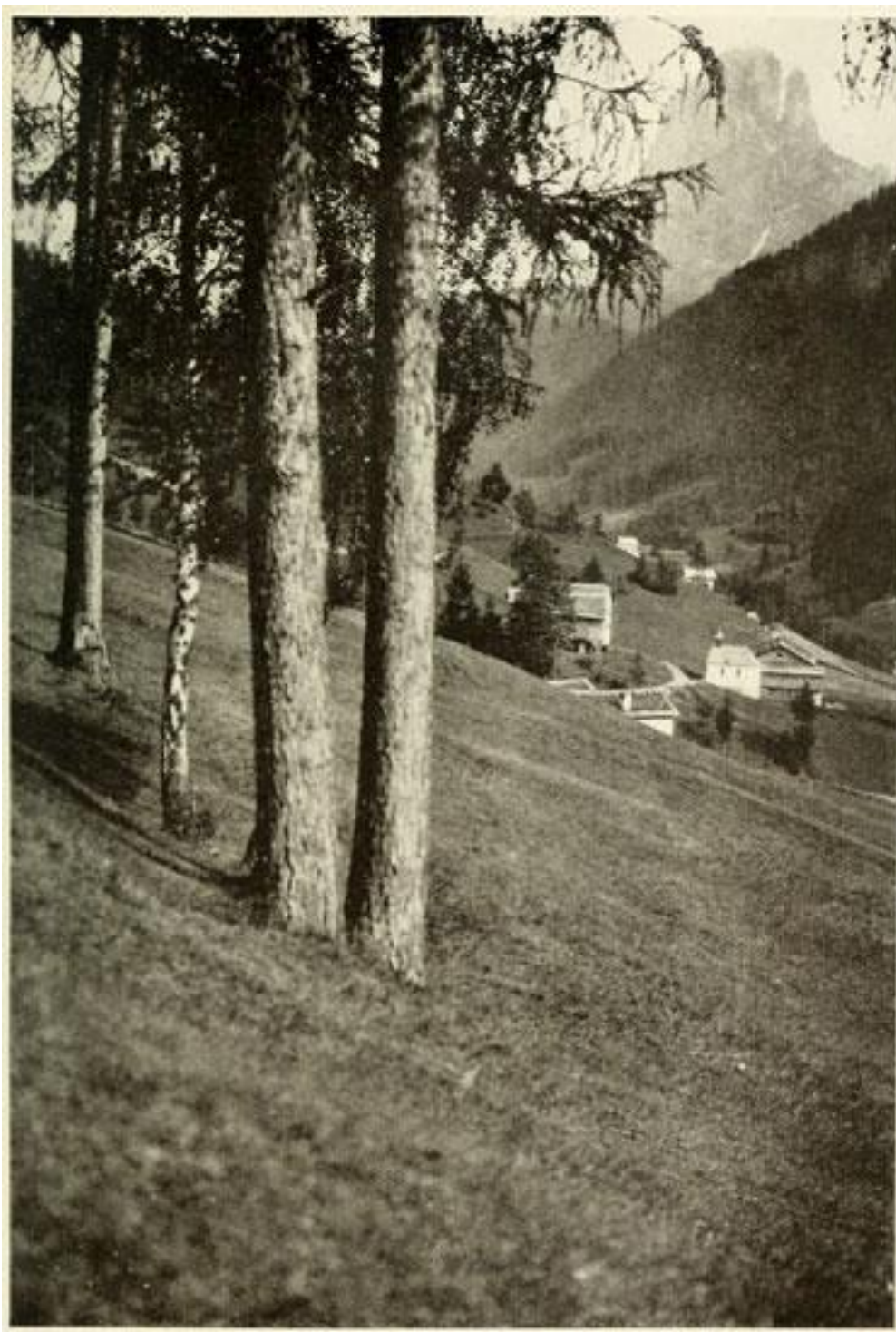
Но чуть дальше, по другую сторону Зальцаха, находится Хелльбрунн, некогда архиепископский, а ныне имперский владения. Он окружен большим оленьим парком и обязан своим возникновением архиепископу Маркусу Ситтичу в 1613 году. Он приятно расположен и, согласно традиции, был убежищем и дворцом удовольствий своего основателя, который отличался гораздо более общительным и живым нравом, чем предполагалось архиепископам, даже в ту несколько распущенную эпоху, и здесь он поселил своих фаворитов. В самом замке есть несколько прекрасных парадных апартаментов, в одном из которых находятся интересные фрески Масканьи, Франца фон Сиенны и Солари младшего.

Но сады, уникальные фонтаны и "гидротехнические сооружения", которые разбиты и спланированы в стиле, столь популярном в семнадцатом и восемнадцатом веках, являются главными достопримечательностями Хелльбрунна не только для иностранных гостей, но по воскресеньям особенно для жителей Зальцбурга и соседних деревень, которые тысячами стекаются в замок. В садах Хелльбрунна можно найти тот же бархатистый газон, который так характерен для других замков в этой плодородной долине Зальцаха; в то время как в прудах, озерах, фонтанах и "хитрых" гидротехнических сооружениях, изобретенных архиепископом, как говорят, для развлечения своих любимцев во время его вынужденных отлучек по своим церковным обязанностям и государственным делам, есть нечто совершенно необычное.

Действительно, наверное, ни в одном другом саду мира ничего не подозревающие посетители не подвергаются такому риску промокнуть насквозь или принять импровизированный душ, как в Хеллбрунне. Струи бьют внезапно (при повороте тайных кранов зрителем, который, кажется, получает циничное удовольствие, порожденное многими переживаниями, от замешательства посетителя) из рокариев, из углов гипсовых колонн, из ртов, кончиков пальцев и глаз статуй, из листвы деревьев, с крыш гротов, с краев тех самых дорожек, по которым человек, ничего не подозревая, идет, из-под самой земли под ногами. Человека заманивают в грот, чтобы полюбоваться статуей или "увидеть что-то", что может существовать, а может и не существовать на самом деле, и только мгновение спустя он обнаруживает, что выход заблокирован водной завесой, которая льется с внешних камней над входом. Это поднимает настроение, и человек делает рывок к свободе, но только для того, чтобы быть атакованным струями воды, сходящимися или разбрызгивающимися поперек пути, по которому он должен следовать. Несколько мгновений спустя посетители усаживаются на мраморную скамью, и целая батарея реактивных снарядов обрушивается на несчастных зрителей, или они расположены так, что, хотя на самом деле и не играют на них, сбежать, не "бросив вызов", на потеху более осмотрительным или знающим зрителям, невозможно. В погожие воскресенья, когда на этом излюбленном загородном курорте, который может похвастаться отличным рестораном, обычно бывает много посетителей, и, конечно, бывает очень весело, когда the jets начинают играть для счастливиц, которые "бывали там раньше".

Вдоль одной из дорожек, ведущей от замка к лужайкам и прудам с рыбой, последние из которых кишат огромными карпами и другими рыбами, некоторые из которых, как считается, такие же древние, как сам Хелльбрунн, в нишах установлено множество фигур кузнецов, оружейников, мукомолов и им подобных с их наковальнями, кузницами и мельницами, работающими при помощи крошечного ручейка воды. А недалеко от них находится знаменитый механический театр, также работающий на воде, с его органом и примерно ста пятьюдесятью фигурами в костюмах шестнадцатого и семнадцатого веков, которые дают причудливые представления, изображающие оживленный город, танцоров (эти последние очень забавны своими пируэтами и позами), солдат, драки, рыцарские турниры и т.д. Из водных гротов, известных как Нептун, с, как говорят, пятью тысячами струй, самый большой, а также есть гроты Радуги, Феи и Орфея, каждый из которых привносит в игру какую-нибудь новую механическую или иную изобретательность.

В оленьем парке на лесистом холме расположен знаменитый монастырь Шлесшен, с которого открывается прекрасный вид. Это здание было возведено (некоторые говорят на спор) в течение месяца архиепископом Маркусом Ситтичем. В то время существовало популярное поверье, что в совершении того, что по тем временам считалось чудесным подвигом, ему помог сам сатана.

ГОРНЫЕ ПАСТБИЩА

Также стоит посетить расположенный неподалеку Каменный театр. В нем есть сцена естественной формы и зрительный зал, на первом из которых в древние времена ставились пасторальные и другие пьесы для развлечения архиепископов и их друзей.

АНИФ И ГАЙЗБЕРГ

Стоит посетить замок Аниф, до которого по приятной дороге из Хелльбрунна можно добраться примерно за двадцать минут. Это самый очаровательный замок, построенный во втором десятилетии тринадцатого века, в последние годы отреставрированный в готическом стиле владельцем, одним из графов Арко-Степпберг. Он построен в центре озера, окружен

густо поросшим лесом и красивым парком и представляет большой интерес как хорошо сохранившийся образец укрепленной домашней архитектуры прошлых времен. Он прекрасно меблирован и содержит множество изысканно оформленных номеров, а также ценную коллекцию произведений искусства.

Возвращение в Зальцбург по полям на закате - восхитительный опыт. Сзади и слева от одного из них возвышаются горные вершины, окрашенные альпийским сиянием, которое делает их скалистые вершины почти кроваво-красными, а снежные поля - темно-розовыми. А прямо впереди возвышается, мистически выглядящий, как некая сказочная крепость в угасающем свете, Хозн-Зальцбург, его крыши и стены покраснели и приобрели оттенок перламутра, а окна сияют, как открытые дверцы печей. Картина, которую никогда не забудешь.

И Гайсберг, вверх по которому сейчас проложен фуникулер и у подножия которого находится Айген с его интересной церковью и замком, приобретенными семьей принца Шварценберга в 1804 году, и Капуцингерберг должны посетить все, у кого есть время, и для кого привлекательна широкая и приятная перспектива горных хребтов, долин и реки Зальцах, серебристой нитью разделяющей город и текущей на север и юг через долину.

На Гайсберг можно подняться из маленькой деревушки Парш, куда можно добраться на трамвае из города. Железная дорога примерно за час доставит вас через живописные пейзажи на вершину горы, которая является излюбленным местом для экскурсий состоятельных зальцбургцев и с которой у ваших ног расстилается такая прекрасная перспектива. На севере можно мельком увидеть волнистый передний план Альп и сверкающие озера; в то время как Зальцбург, находящийся более чем в 4000 футах ниже, выглядит почти незначительным и похож на игрушечный городок, расположенный посреди зеленой равнины, через которую вьется тонкая серебристая линия Зальцах. Вдалеке виднеется великолепный хребет Альп, в котором возвышаются горы Ватцманн высотой 9050 футов; Дахштайн высотой 9990 футов, с его скалистыми вершинами, освещенными солнцем, и его ледниками и снежными полями, сверкающими белизной, в то время как на большем расстоянии через глубокий проход, образованный перевалом Луэг, видны поля вечного снега на Хозн-Тауэрне, а в довольно ясный день можно мельком увидеть белые вершины Гроссглокнера высотой 12 660 футов и Висбаххорна высотой 12 660 футов. 11 900 футов, через унылый на вид Штайнерне-Меер. Эта перспектива была сопоставлена, но, как нам кажется, несколько расплывчато, с перспективой Риги. Но, независимо от того, считаем ли мы его более красивым или менее, мы можем согласиться, что в одном отношении вид и интересность сцены не уступают ее швейцарскому конкуренту — чудесные смены света и тени, которые появляются и исчезают в пейзаже между восходом и заходом солнца, в течение которых природа, кажется, работает кистью, полной самых нежных красок, и использует их так, как ни один художник-человек не мог бы и надеяться.

С высоты Капуцингерберга, которая всего лишь вдвое ниже высоты Гайсберга, открывается не такой обширный вид, но на нее стоит подняться, чтобы увидеть. По пути наверх открывается самый красивый вид на город с двух разных точек; в то время как с вершины открывается панорама, которая удовлетворит всех, кроме тех, кто первым совершил восхождение на Гайсберг. Путь наверх лежит после длинного пролета ступеней, насчитывающего около двухсот ступеней, через восхитительный буковый лес, где часто возникает искушение остановиться передохнуть или полюбоваться видом на долину или город, открывающимся сквозь обрамление из перистых зеленых ветвей. На Капуцингерберге также есть несколько интересных зданий. Первое, до чего следует добраться, - это церковь монастыря капуцинов, построенная в последнем году

шестнадцатого века архиепископом Вольфом Дитрихом. К монастырю примыкает красивый старый сад, из которого открывается прекрасный вид на город и окрестности. Увы! он открыт только для мужчин, и поэтому по монашескому обычаю женщинам закрыт доступ в еще один "земной рай".

МЕМОРИАЛ МОЦАРТА

Но для любителей музыки и многих других, кто поднимается на Капуцингерберг, главным объектом интереса станет Музей Моцарта, расположенный в очаровательном маленьком саду недалеко от монастыря. Этот памятник мастеру был подарен городу принцем Камилло цу Стархембергом и был завершен в июне 1877 года, а через шесть недель, 18 июля, открыт для публики по случаю первого музыкального фестиваля. Этот коттедж, который раньше стоял во дворе так называемого старого "Фрейхауса" в Вене, представляет дополнительный интерес из-за того, что в нем была написана опера "Волшебная флейта".

Следует отметить, что мебель является не оригиналом, а продуманной и точной копией составляющих ее предметов. Первая находится в коллекции принца Штархемберга. Однако о верхней ступеньке коттеджа говорят, что она "настоящая". В коттедже хранится огромное количество венков с ленточными гирляндами, вышивок и т.д., присланных почитателями гения Моцарта. Также несколько красивых табличек из рельефного металла, посвященных первому музыкальному фестивалю, проведенному в 1877 году. В коттедже также висит картина "Моцарт за спинетом" итальянского художника Ромако, фотография единственного известного портрета композитора, написанного с натуры, который, как известно, существует и был выполнен Дорис Сток из Дрездена в 1787 году; и фотографии различных исполнителей в операх, поставленных в Касселе. Бюст, который стоит рядом с коттеджем, является работой известного скульптора Эдмунда Хеллмера из Вены и был подарен бароном Шварцем.

Когда стоишь в саду с его приятной панорамой, тишиной и прекрасными цветами, не можешь не почувствовать, что для памятника музыкальному гению Моцарта можно было бы выбрать несколько более подходящих мест. Действительно, это гораздо лучше, чем какое-нибудь более претенциозное место поближе к людским пристанищам.

В МЕНХСБЕРГЕ

Менхсберг и прогулку вдоль его хребта не стоит пропускать тем, у кого есть немного свободного времени во время пребывания в Зальцбурге. Исследователь будет щедро вознагражден за свой труд. Менхсберг склонен оценивать по его Хоэн-зальцбургской оконечности, которая так доминирует над городом. Действительно, находясь внизу, на узких улочках, трудно поверить, что примерно в 300 футах над головой находятся не только леса и тенистые дорожки, но даже зеленые, усыпанные цветами поля. Самый прямой и интересный путь вверх по Менхсбергу лежит по Зигмунд-Хаффнергассе и Хофсталлгассе, идущим слева от Фишбруннена, а оттуда по Менхсбергстиге. Достигнув вершины лестничного пролета, путь лежит в направлении Хоэн-Зальцбурга до прохода, ведущего в Нонталь и в Леопольдскрон, затем поднимаешься налево и через небольшое расстояние достигаешь прекрасной обзорной площадки, известной как Кениг Людвиг-Фернзихт, или Смотровая площадка короля Людвига.

Отсюда открывается удивительно широкая и красивая перспектива, охватывающая виллы на другой стороне города, а также деревни и фермы долины с их живописным фоном горных хребтов, в том числе расположенные ближе к Гелью и Унтерсбергу.

ХОЭН-ЗАЛЬЦБУРГ И НОННБЕРГ

Слева, по дороге вдоль хребта к крепости, расположена прекрасная вилла знаменитой певицы Бьянки Бьянки, а с выступающего в том же направлении бастиона открывается прекрасный вид на город внизу и долину Зальцах. Как в направлении Мюльна справа, так и в направлении Хоэн-Зальцбурга слева открывается множество прекрасных видов, если идти либо по тенистым тропинкам, либо через поля, которые ведут к Бюргерверселлеру, где на склоне холма находится старинная сторожевая башня, откуда открывается прекрасный панорамный вид на город и его окрестности. С противоположного конца вала открывается широкая перспектива в сторону Райхенхалля, Марцолля, Максглана и Баварской равнины, которую нелегко превзойти из окрестностей любого другого города такого размера в западной Австрии.

Затем можно либо спуститься к Маркетендершлес через красивый лес по одной из ухоженных тропинок, а оттуда добраться до Мюльна, либо вернуться по своим следам и дойти прямо до Хоэн-Зальцбургского конца Менхсберга, откуда, войдя в крепость и спустившись через Ноннберг, открывается прекрасный вид на другую часть долины Зальцах в направлении Гайсберга, Хелльбрунна и Анифа.

На Ноннберге, названном так из-за построенного на нем бенедиктинского монастыря, стоит прекрасная готическая часовня, основанная в первом году одиннадцатого века и прекрасно отреставрированная в пятнадцатом. В нем много прекрасного витражного стекла, большой интерес представляет крылатый алтарь; в старой башне также есть несколько интересных фресок. К сожалению, монастыри редко, если вообще когда-либо, показываются посетителям; они являются старейшими из ныне существующих в княжестве, и, как говорят, даже в Австрийской империи, датируясь началом одиннадцатого века. Они очаровательны и

живописны и вполне стоят тех хлопот, которые обычно приходится предпринимать, чтобы получить разрешение на их посещение.

В Зальцбурге такое множество интересных зданий и мест, что описывать все, что человек видел или может увидеть, просто нет места. Возможно, из тех оставшихся, о которых еще не упоминалось, большинство людей посещают дом, в котором родился Моцарт, расположенный на узкой живописной старой Гетрайдегассе; францисканскую, бывшую приходскую церковь; церковь Святого Петра с ее древним и живописным кладбищем в тени возвышающегося, увитого папоротниками и цветами Менхсберга и музей Каролины Август. Конечно, стоит посетить также церковь Дрейфальтигкейтс с прекрасными фресками и резьбой и Университетскую церковь.

На место рождения Моцарта, по причудливой и узкой Гетрайдегассе с ее красивыми старинными вывесками из кованого железа, выступающими из витрин магазинов с обеих сторон, ежегодно приезжают сотни англичан и американцев. Сейчас дом также является музеем Моцарта, представляющим большой интерес для поклонников творчества композитора, антикваров и студентов. В самой родильной палате находится ценнейшая серия семейных портретов, в том числе несколько портретов жены Моцарта, Констанции Вебер, а также его домовладельца и его жены, Лоренца Иоганна и Марии Терезы Хагенауэр. Есть также "партитуры" многих его опер и других сочинений, записи семьи Моцартов; и, возможно, самое интересное из всего - маленькие клавикорды или спинет и рояль или рейзеклавир, подарок его брата Карла, на котором он обычно играл.

В семейной гостиной находится множество интересных реликвий отца, матери композитора и других родственников, в том числе записная книжка-дневник самого Моцарта, большое количество фрагментов произведений, которым по тем или иным причинам суждено было так и не быть завершенными, множество писем семьи, копии трех первых опубликованных пьес Моцарта, напечатанных в Париже, и несколько фотографий дома на Раухенштайнгассе в Вене, где композитор прожил несколько лет и в конечном итоге, 5 января 1791 года, скончался. Зальцбург почтил память своего знаменитого сына несколькими мемориалами в его честь у своих ворот, включая прекрасную, хотя и просто задуманную бронзовую статую на площади Моцарта, которая обошлась почти в 2000 фунтов стерлингов и была установлена на добровольные пожертвования в 1842 году. Благодаря основанию Моцартеума, или "Общества по культивированию Моцарта", не только сохраняется память о великом композиторе, но и обеспечивается поддержка одноименной музыкальной школы. Таким образом, город его рождения, который при жизни оказал ему (как это часто бывает) весьма мало чести, в наши дни стал центром увлечения его творчеством. В летние месяцы проходят фестивали его музыки, в которых принимает участие не только знаменитый и красивый Венский филармонический оркестр, но и самые знаменитые дирижеры и артисты.

Хотя Зальцбург был резиденцией других известных музыкантов и композиторов, именно Моцарт и его гений доминируют в музыкальной жизни древнего города и являются столь привлекательным элементом для музыкантов и любителей музыки, которые посещают его.

ЗАЛЬЦБУРГСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Михаэль Гайдн, тоже автор множества прекрасной церковной музыки, жил в Зальцбурге, и в его память установлен довольно заурядный памятник в церкви Святого Петра. Последний построен в романском стиле, основан в середине двенадцатого века и плохо отреставрирован в середине восемнадцатого, и представляет большой интерес для антикваров и изучающих архитектуру. Портал состоит из семи арок, которые постепенно уменьшаются в размерах и инкрустированы полосами белого и красного мрамора. Очень

примечательные арки, которые бросаются в глаза при входе в здание, являются частями первоначальной церкви. На небольшом алтаре рядом с ризницей стоит искусно вырезанная статуя Пресвятой Богородицы, предположительно работы одного из архиепископов, датируемая примерно концом двенадцатого века, хотя реальных свидетельств в поддержку этого предположения немного.

Фрески в нефе, представляющие сцены Распятия, написанные в шестнадцатом и семнадцатом веках, заслуживают изучения. В Зальцбурге большое значение придается памятникам в церкви, но лишь немногие из них высоко ценятся как произведения искусства, хотя и являются могилами или мемориалами выдающихся исторических личностей, связанных с жизнью города в прошлом.

Красивое, хотя и полуразрушенное кладбище Святого Петра, которое с его полуразрушенными гробницами великих усопших, интересными и причудливыми настенными панно и сводчатыми галереями, принадлежащими некоторым из самых важных и знаменитых зальцбургских семей, находится у подножия Менхсберга и является не только самым живописным, но и старейшим кладбищем Зальцбурга. Трудно преувеличить интерес и очарование этого места; здесь всегда тихо, хотя оно расположено в центре города и в нескольких сотнях ярдов от главных и самых оживленных магистралей. Мы можем засвидетельствовать, что он обладает удивительной и таинственной привлекательностью для туристов; и, действительно, мы бы зашли так далеко, что сказали бы, что в этом тихом уголке города можно встретить больше англичан и американцев, чем в любом другом месте на южном берегу Зальца.

Знаменитый монастырь Святого Петра, основанный святым Рупертом примерно в 582 году, до первого десятилетия XII века был резиденцией епископов и архиепископов епархии. Нынешнее здание было возведено во времена правления архиепископа Макса Гандольфа в период, охватываемый 1661-1674 годами. Ее можно посетить, и библиотека полна самых интересных и ценных рукописей, ранних гравюр на медных пластинах, и состоит примерно из 45 000 томов и примерно 250 иллюстрированных и других рукописей, в основном на пергаменте. Некоторые из последних и некоторые из ранних печатных книг практически бесценны. Библиотекарь всегда рад выставить сокровища, находящиеся в его ведении, и в нем мы нашли (как, несомненно, и во всех интеллигентных библиофилах) родственную душу и интереснейшего чичероне.

МУЗЕЙ

В Зальцбурге почти невозможно, особенно если кто-то действительно хочет что-то знать о прошлой жизни княжества и города, следовать этому прекрасному правилу избегать музеев. В зальцбургском музее Каролино-Августеум можно найти так много такого, что живо напоминает о других временах и других обычаях. Несмотря на то, что Музей был основан всего три четверти века назад, он уже стал хранилищем глубочайшего интереса, часто посещаемым студентами всех мастей, антикварами и людьми науки. Это произошло по инициативе Виченцы Марии Сусс, одной из ведущих городских чиновниц на момент ее основания в 1834 году. Работа, которую он начал, была успешно продолжена и дополнена Йостом Шиффманом, известным швейцарским художником, и комитетом энтузиастов, в значительной степени в заслугу которому следует поставить превосходное расположение произведений искусства и других разделов коллекции.

Одной из самых интересных и уникальных особенностей музея является анфилада комнат, аккуратно и полностью обставленных в стиле шестнадцатого и семнадцатого веков; из них одной из самых очаровательных является "Охотничья комната" с ее прекрасными дубовыми

прессами, красивым встроенным окном и охотничьими трофеями. В Зале древностей находится множество интересных реликвий времен римской оккупации страны, а также в Лapidарии. Превосходнейшая идея оформилась в Промышленном зале, где собрано множество превосходных образцов различных "шедевров" из железа, резьбы по дереву и т.д.

В Музыкальной комнате хранятся некоторые из самых ценных музыкальных инструментов последних трех столетий, в том числе спинеты, скрипки и другие, некоторые из них бесценны. В Оружейной палате хранятся реликвии, представляющие большой интерес со времен ужасной крестьянской войны, в том числе деревянные пушки, грубые мечи, вырезанные из кос, мечи палачей, любопытное и громоздкое огнестрельное оружие и некоторые копья, которыми пользовались ландскнехты.

В костюмерной есть много интересного для посетительниц, которые задерживаются не только для того, чтобы полюбоваться модой прошлого, но и для того, чтобы осмотреть вышивки, созданные трудолюбивыми и умелыми пальцами женщин прошлых поколений, "старых", обладающих достоинством, грацией и очарованием, которых, к сожалению, не хватает "новой" женщине.

На том же этаже находятся интересная средневековая кухня с ее старинной и тщательно сохраняемой медной и другой посудой, поблескивающей на крючках в полумраке ниш; женская спальня с очаровательным эркером, витражным стеклом, колоритом жизни того периода и атмосферой покоя; кабинет, демонстрирующий обстановку, которую любили студенты прошлых лет; прекрасная гостиная; и прекрасный зал эпохи Возрождения.

После этих ярких реконструкций прошлого с некоторым сожалением переходишь на верхний этаж и к доисторическим вещам. Бесценный кельтский шлем, найденный на перевале Луэг, каким бы интересным он ни был, кажется "безжизненным" по сравнению с тем, что мы только что видели; как и римские статуи, оружие и подобные предметы. И нужны красивые и богато украшенные панели, эркеры и подобные предметы в последней комнате, чтобы вернуть вещам цвет.

Посещение и изучение этой чрезвычайно интересной коллекции дает очень хорошее представление об эволюции культуры, науки и искусства за последние пять столетий истории княжества, а знания о местном искусстве легко расширить, посетив Кунстлерхаус недалеко от Каролиненбрюке. Зальцбург произвел на свет по крайней мере одного великого художника в лице Ганса Макарта, который, по общему мнению, считается одним из самых ярких и блистательных колористов своего времени.

В некоторых деревнях Близ Зальцбурга, а также во время "ярмарок" и фестивалей в самом городе можно стать свидетелем некоторых причудливых, живописных и драматичных крестьянских танцев, которыми славится долина Зальцах.

КРЕСТЬЯНСКИЙ БАЛ

Недавно нам особенно повезло, что мы стали свидетелями не только крестьянских танцев, о которых мы говорили, но и крестьянского бала.

Среди танцев особенно примечательными были разновидности "Гайяр" и "Аллеманда", разновидность танца, известного как "Зибенспрунг", где исполнители мужского пола выполняют серию из семи различных движений руками, локтями, коленями, ступнями; а затем почти касаются пола лбами, в то время как их спутницы делают пируэты вокруг них.

Особенно живописна "Аллеманда" с ее грациозными поворотами, переплетением рук и грациозными изгибами тел танцовщиц, подчеркивающими линии женских фигур.

Затем последовали разновидности других, более местных танцев, в одном из которых женщины кружились по комнате, пока едва могли стоять, их короткие юбки постепенно, казалось, надувались, как воздушные шарики, и поднимались дюйм за дюймом, пока не достигли колен, как вдруг танцовщицы остановились, их юбки упали, и с резким вращением и свистом последние были обернуты вокруг их нижних конечностей пластиковыми складками.

Затем был прелестный танец, начинающийся с фигуры "Аллеманда" и переходящий к ухаживанию в пантомиме, в котором женщины застенчиво разглядывали своих партнеров между кругом, образованным переплетенными руками, и заканчивающийся тем, что мужчины наклонялись и, продолжая вальсировать, внезапно хватали своих партнерш за колени и высоко поднимали их грудь, все это время продолжая кружить по комнате в "пружинистом", а не скользящем вальсе.

Затем последовал еще более драматичный танцевальный спектакль, в котором вся история ухаживания крестьянина с первых дней до свадьбы была изображена в пантомиме, с полудюжиной персонажей рядом со счастливой парой. Большинство исполнителей были не только грациозными и законченными танцорами, но и обладали ярко выраженным драматическим даром. Народные песни, исполняемые на довольно странных инструментах, состоящих из пастушьих свирелей, гитар, скрипок, рожков и того, что, пока его не собрали вместе, представляло собой набор коротких отрезков газовой трубки различной длины или металлических полосок, были чрезвычайно интересными и музыкальными.

Что поразило нас, пожалуй, больше всего, кроме самих танцев и пения, так это очаровательные манеры женщин и безупречные манеры мужчин. Какими бы крестьянами они ни были, в общем поведении наблюдалось полное отсутствие грубости, вместо которой, возможно, была довольно серьезная вежливость. И когда наконец кому-то из мужчин пришло в голову, что, возможно, "иностранцам" захочется потанцевать, они подошли к дамам с поразительной грацией и вежливостью в манерах. Зальцбургские девушки тоже в своих красивых костюмах были так же грациозны и очаровательны, как английские девушки из высшего среднего класса, когда их попросили потанцевать с кем-нибудь из английских мужчин на вечеринке. Сцена стала еще более калейдоскопичной по эффекту, когда, наконец, мрачное вечернее платье последней смешалось с яркими платками и образовало фольгу для них, белоснежные корсажи, надетые под нечто вроде жакета-болеро у женщин, и зеленые и ярко-коричневые жилеты и короткие бриджи до колен у мужчин. На некоторых жилетах, многие из которых были застегнуты на серебряные пуговицы, позвякивала целая коллекция монет, демонстрируя (как нам сказали) финансовое положение владельца, так что любая девушка могла знать, чего стоит жених или возможная невеста! Мы надеемся, что ни один молодой человек никогда не наденет на свой жилет ни на одну серебряную крону больше, чем ему положено. Но если он очень влюблен, до какого обмана такого рода он не может опуститься? И действительно, меркантильной должна быть девушка, которая в конце концов не простила бы ему оскорбление, которое было такой горячей данью силе ее обаяния.

SALZBURG MARKETWOMEN

НА РЫНКЕ

Даже в наши дни на рынке иногда можно найти множество "костюмов", которые, окруженные старинными зданиями и над которыми доминирует Хоэн-Зальцбург, очень живописны своими крошечными прилавками — некоторые затенены огромными зонтиками — и пышногрудыми торговками в коротких юбках, ярких платках, а иногда и в типичных крестьянских костюмах, преобладающих в непосредственной близости. Как правило, рыночный люд является хорошими моделями как для художников, так и для фотографов-любителей, хотя некоторые из молодых женщин кокетливо притворяются, что возражают против того, чтобы их фотографировали, в то время как им отчаянно не терпится попасть в кадр.

Покинуть этот очаровательный город старого света, где так много самого прекрасного в современных представлениях соседствует с древними вещами, не посетив некоторые очаровательные и интересные места в непосредственной близости — прекрасные озера, оттенком воды соперничающие с темно-синим небом над ними; мирные долины, где чистый воздух бодрит ароматом сосновых лесов и альпийских пастбищ, усыпанных цветами; чудесные вершины, покрытые вечной тяжестью великолепного снега и в некоторых случаях ограниченные извечной твердыней окружающих ледников, — должно быть невозможно. Мы сожалеем только о том, что ни объем, ни объем настоящего тома не позволяют описать красоты, которые мы посетили и которые лежат так близко; действительно, почти в пределах досягаемости прекрасного города, расположенного в долине и окруженного величественными и возвышенными горами, нижние склоны более диких вершин которых смягчены сосновыми лесами, а верхние - плодородными пастбищами.

ГЛАВА VIII

НЕКОТОРЫЕ ГОРОДА И ПОСЕЛКИ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ—МЕРАН, БОЗЕН, КЛАУЗЕН, БРИКСЕН, ШПИНГЕС, СТЕРЦИНГ, МАТРЕЙ

MERAN

Так много авторов описывали и восхваляли Меран, древнюю столицу Тироля, что, должно быть, осталось мало оценочных прилагательных, не примененных к нему. Многие поэты также воспевали этот прекрасно расположенный маленький городок с населением около 8000 человек, который когда-то сыграл столь важную роль в истории Тироля, а в наши дни превратился в модный оздоровительный курорт.

Его по очереди называли "Жемчужиной Южного Тироля", "Сладким раем Тироля", а в одной из книг для посетителей - "Раем, созданным Богом и совершенствуемым человеком"! Художникам это нравится, и поэтому само собой разумеется, что Меран одновременно красив и живописен. С какой бы стороны ни подъезжать к городу, будь то более обычным маршрутом с запада через Инсбрук, а затем по небольшой ветке железной дороги Бреннер из Бозена; с юга через Верону; с севера через Мюнхен и Инсбрук, — сразу бросается в глаза его удивительно благоприятное расположение среди виноградников, фруктовых садов и богатых пастбищ, расположенных в широкой долине, окруженной красивыми горными хребтами и орошаемых рекой Пассер.

Это действительно очаровательное место, где можно либо отдохнуть, как делают многие, либо совершить экскурсии, настолько разнообразные по своему характеру, что они могут удовлетворить любой вкус.

ЗИМА БЛИЗ МЕРАНА

Первый вид на город с его шпилями, огромными отелями, белостенными домами и виллами, а также руины замка Тироль, расположенного высоко на северо-западном, поросшем виноградниками склоне Кюхельберга, поражает своей красотой. На нижних склонах холмов раскинулись каштановые рощи и сосновые леса, и многие виллы и жилые дома самого города кажутся среди них как бы утопающими в зелени.

Железная дорога из Бозена пересекает живописную долину Эч, усеянную фруктовыми садами, и следует по течению Эч до того места, где она соединяется с Пассером примерно в трех четвертях мили от Мерана.

Архитектура города, как и в случае с большинством мест любого размера в Южном Тироле, носит отчетливо итальянский характер. На самом деле, одна из вещей, которая делает Тироль в целом необычно интересным для студентов и художников, - это разнообразие внутренней архитектуры, находящейся в пределах его границ. Хотя в Меране много причудливых уголков и восхитительных переулков, на самом деле здесь есть только одна важная деловая магистраль, идущая почти строго на восток и запад и довольно протяженная, с магазинами под аркадами, известными как "Унтер ден Лаубен" (в тени). Вероятно, именно из-за этого аспекта одна из самых солнечных улиц, на которых мы когда-либо бывали, была так обильно оборудована тенистыми аркадами; и летом последние можно оценить в полной мере. В сезон длинная улица иногда бывает переполнена иностранцами из Англии, Германии, Италии и Америки, и ее оживленный и космополитичный вид несколько не соответствует общему облику старого света.

Рядом с этой интересной улицей находится Бург, или, если дать ему более полное и древнее название, Ландесфюрстлихе Бург, в древние времена городская резиденция графов Тироля. Несмотря на то, что он находится во дворе магистратов Гебойде, на него часто не обращают внимания проходящие мимо туристы, хотя он представляет большой антикварный и исторический интерес. Здание, построенное в пятнадцатом веке, было великолепно отреставрировано и представляет собой сокровищницу прекрасной старинной мебели и *безделушек*. Здесь также есть несколько интересных фресок и гербов бывших владельцев и

жителей. Возможно, трудно осознать, что среди последних в середине пятнадцатого века была шотландская принцесса. Но именно в Бург Сигизмунд, сын герцога Фредерика Пустого Кошелька, привез свою невесту Элеонору, дочь Якова I Шотландского, через Бреннер и через Бозен, в дом, который он приготовил для ее приема.

Нам говорят, что начиная с Бозена, продвижение молодой пары было отмечено радостью и энтузиазмом, когда они переходили от замка к замку, пока, наконец, в свое время не прибыли в тогдашнюю столицу Тироля. Абсолютная популярность Элеоноры среди тирольцев была, возможно, даже в большей степени обусловлена ее мастерством в охоте, чем интеллектуальными способностями, хотя последние были весьма примечательны для женщины того периода. Переводчик "Книги знаменитых женщин" Боккаччо приходит от нее в восторг, и он отнюдь не единственный писатель того периода, который отдал дань уважения высоким умственным и физическим качествам эрцгерцогини. То, что Элеонора была склонна к учености и обладала даром владения "языками", доказывается ее переводом французского романа того периода "Понт и Сидония" на немецкий. Сейчас это редкая книга, хотя иногда встречаются экземпляры, и, по-видимому, в то время, когда она была опубликована, она пользовалась большой популярностью. Она была напечатана в Аугсбурге. Из предисловия следует, что перевод был сделан благородной писательницей, чтобы "доставить удовольствие его светлости и лорду Сигизмунду, эрцгерцогу Австрийскому, ее законному мужу".

В этом очаровательном старинном дворце, расположенном вдали от уличного шума, Сигизмунд и Элеонора прожили несколько лет, счастливые в стремлении к знаниям, наслаждаясь спортом и любовью горожан.

В Бурге можно получить очень хорошее представление о том, каким на самом деле был дом средневекового дворянина, поскольку сохранилось не только множество интересных образцов мебели, прессов, стульев и других приспособлений, но и домашняя утварь и другие предметы общего пользования.

В переулках и дворах главной улицы есть еще несколько наиболее интересных домов, построенных в шестнадцатом и семнадцатом веках, которые привлекут внимание студентов, изучающих архитектуру. И можем ли мы добавить вездесущий "Кодакер"?

Одно из самых стойких впечатлений, которые Меран оставляет в сознании, - это ощущение того, что это в истинном смысле "город-сад". Ни в одном другом месте такого размера в Тироле нет такого количества красивых, затененных деревьями променадов, аллей и садов. Но табличка "курение строго запрещено", которая бросается в глаза на очаровательной набережной Гизела с ее старыми и пушистыми тополями, окаймляющими берег Пассера, и на других подобных курортах, вероятно, многим неприятна.

В "гартенах" и кафе недостатка нет. На левом берегу реки находится приятный сад Марии-Валери, где, как и в других подобных местах, часто играет отличная группа. Из кафе стоит посетить, по крайней мере, кафе Гильф из-за его прекрасной растительности и прекрасного вида на ущелье Пассер и окружающие горные склоны, который открывается с "обзорной площадки".

ГЕРОЙ МЕРАНА ИГРАЕТ

Для многих посетителей большой интерес вызовут пьесы о героях, которые на протяжении последних пятнадцати лет ставятся ежегодно, весной и, как правило, осенью, со сценами из жизни знаменитого сына долины Пассер Андреаса Хофера и его товарищей по главным

событиям. Пьесы, в том числе "Тиролер-хелден" и одна, впервые поставленная в августе 1901 года, под названием "Фредерик с пустым кошельком", разыгрываются исключительно крестьянами.

Многие знакомы с прекрасными драматическими способностями баварского крестьянства, которые нашли выражение в пьесах в Обер-Аммергау; но пьесы тирольцев менее известны и не получили широкого признания. Однако любой, кто видел одну из драм Мерана "Хофер", вероятно, согласится с нами, что ее стоило посмотреть и что продемонстрированное драматическое искусство было не менее похвальным, чем у более известных спектаклей в Обер-Аммергау.

Спектакли ставятся на открытом воздухе, на большом лугу, на огромной сцене, с естественными декорациями, образованными большим шале (с колокольной над центральным фронтоном) и другими зданиями меньшего размера по обе стороны, со склонами холмов на заднем плане, сценой является улица перед шале, а "крыльями" - боковые улочки. Поле, как правило, — особенно во время осенних представлений — огорожено досками, и перед сценой имеется ограниченное количество крытых лож, которыми могут пользоваться те, кто предпочитает быть защищенными от солнца, которое в погожие дни несколько утомляет своей яркостью, поскольку, конечно, не разрешается пользоваться зонтиками. Природные красоты долины позади образуют подходящую и в целом очаровательную "заднюю панель" для пейзажа, который представляет собой часть тирольской деревни с настоящими зданиями. Самыми популярными из пьес с участием жителей Мерана и тирольцев в целом, несомненно, являются те, которые посвящены периоду национальной истории, когда их страна вела отчаянную борьбу за освобождение от французских и баварских захватчиков.

Игра актеров всегда превосходна и отличается той спонтанностью, которая, кажется, так часто характеризует представления на открытом воздухе. Естественность, которая также отличает представления, вероятно, в значительной степени объясняется тем фактом, что большинство актеров не только хорошо знакомы с инцидентами, которые они изображают с детства, но также в основном представляют сцены и используют язык повседневной жизни; и они не занимаются попытками интерпретировать сцены и инциденты, в которых у них нет личного интереса, или о которых они узнали только в результате тщательного и утомительного изучения.

СТАРИННЫЕ КОСТЮМЫ

Художнику особенно понравятся удивительно хорошая постановка и восхитительное сочетание старинных костюмов в очаровательных картинах и цветовой гамме.

Пьесы не только придают несомненную и дополнительную привлекательность причудливому и очаровательному городу, но и заслуживают самой высокой оценки с художественной и драматургической точки зрения.

Естественно, во время представления Меран переполнен, поэтому мудрый путешественник бронирует свои номера заранее, если только он не желает (как многие делали до сих пор) "переночевать в отеле прекрасной звезды", что на простом английском означает "под открытым небом" и на земле.

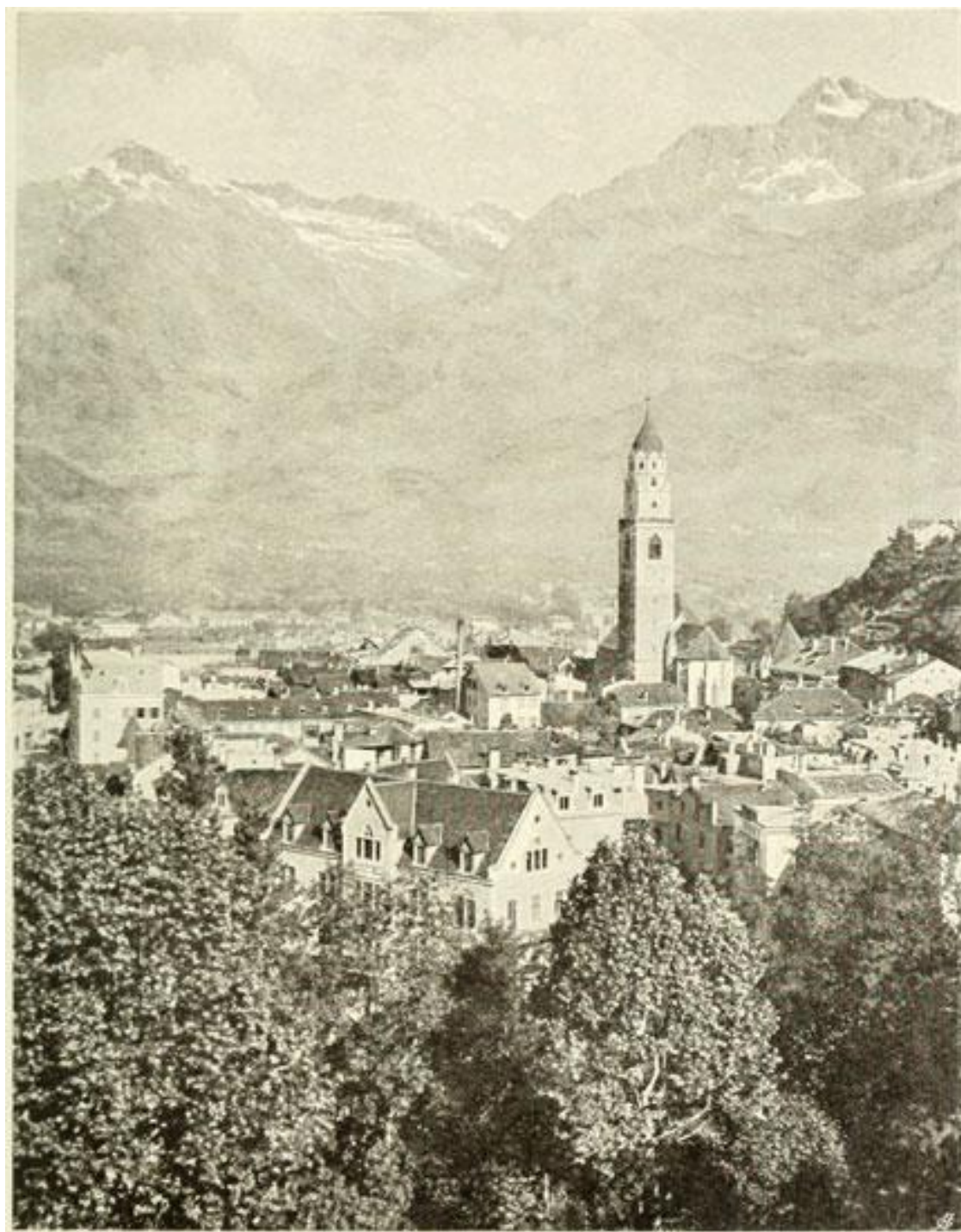
Мы только что упомянули костюмы, которые появляются в пьесах. В Меране старые костюмы (хотя, увы! они медленно, но верно вытесняются) сохранились в большей степени, чем почти в любом другом известном нам месте в Тироле. Женская одежда, несомненно, живописна,

так же как и в целом носит ярко выраженный немецкий характер. Шляпы носят редко, волосы просто и чрезвычайно аккуратно уложены, зачесаны назад со лба и скреплены сзади простым узлом с помощью серебряной булавки или булавки с серебряным наконечником. Лифы сделаны из бархата или ткани типа "корсета", который можно увидеть в Швейцарии и многих частях Германии, а также в Тироле; их надевают поверх белой шемизетки с пышными рукавами, которые заканчиваются чуть выше локтя и обычно там ограничены "завязками" из цветной ленты.

Мужской костюм едва ли менее живописен и состоит из фетровой или матерчатой шляпы с высокой тульей, обвязанной многочисленными полосками тонкого красного или зеленого шнура, первый цвет которого обозначает, что мужчина женат (полезный сигнал опасности для неосторожных старых дев!), а второй - холостяка, подходящего или нет. Куртка обычно из коричневой или черновато-коричневой ткани; суконные бриджи до колен (мы видели оленью кожу на некоторых "гранферах") с широкими красными или зелеными подтяжками, а иногда и расшитый жилет завершают костюм. Еще одна особенность, которая почти наверняка бросится в глаза наблюдателю, - белые фартуки, которые многие мужчины надевают, когда заняты работой. По праздничным случаям некоторые мужчины в окрестных долинах носят серебряные пояса, хотя, как нам кажется, сейчас они встречаются значительно реже, чем даже десять лет назад.

Один известный автор, пишущий на эту тему, объяснил различия в одежде в разных долинах Тироля тем обстоятельством, что крестьянские костюмы в значительной степени являются запоздалой городской модой; которая, появившись, возможно, три или даже четыре поколения или больше назад, со временем стала ошибочно рассматриваться всеми, кроме изучающих этот предмет, как способ одеваться, выработанный самими крестьянами. Что, по всей вероятности, действительно происходило во многих случаях, так это то, что некоторые приезжие в города, нуждаясь в свежей одежде, покупали городскую, а затем модную одежду, которую копировали соседи (как это делают сельские жители в Англии в настоящее время), и таким образом сохраняли из поколения в поколение, и не выбрасывали до тех пор, пока какая-нибудь свежая портновская идея не просачивалась медленно и почти таким же образом в часто отдаленные регионы этих тирольских долин и верхних пастбищ.

По случаю праздников "Хофер" или "Героических" представлений даже в наши дни в Меране можно увидеть интереснейшее разнообразие костюмов, хотя различия не так заметны, как в прежние времена, и проявляются скорее в мелких деталях, чем в сразу бросающихся в глаза вариациях.

MERAN

НА ВИНОГРАДНИКАХ

Среди множества "Лекарств" континентальных курортов и больниц для инвалидов Меран обладает уникальным "Виноградным лекарством". Нигде в Тироле так не видно интересного сбора винограда, как в Меране. Виноградники, во-первых, более живописны, чем во многих других местах, из-за практики в основном приучения лоз к шпалерам или деревенским беседкам. На некоторых виноградниках они образуют идеальные крытые дорожки или аркады восхитительной зелени, сквозь которые проникает солнце, поблескивая на пурпурных и зелено-золотых гроздьях винограда, в изобилии свисающих с обеих рук и над

головой. Но, как можно себе представить, случайный посетитель не имеет такой свободы, как на виноградниках на склонах холмов, когда созревает виноград. Затем ворота, некоторые из которых украшены рядами устрашающего вида шипов и крючьев, имеющих большое и стойкое сходство с одеждой, плотно закрываются от всех незваных гостей, и, кроме того, этот любопытный человек, Солонец, чье имя, вероятно, происходит от латинского слова, означающего лесник и, следовательно, хранитель земель всех видов, ставится на стражу. Его костюм таков, что вызывает тревогу не только у птиц, но даже у людей. Мы полагаем, что тирольские дети были воспитаны в том, чтобы рассматривать Сальтнера как тип "Человека-пугала" с очень эффективным характером. Обычно он носит бриджи или гетры из оленьей кожи, широкий пояс, за которым поблескивает целый арсенал разнообразного оружия, включающий пистолеты старого образца, ножи, а иногда и "лошадиный" пистолет размеров, почти дающих право называть его пистолетом. На его шапочке необычной формы такое множество перьев, хвостов куниц, плюмажей и обрывков лент, что она ни на что так не похожа, как на головной убор индейца сиу.

Несмотря на эту "потрясающую" личность, получить разрешение на вход на виноградник в процессе сбора урожая, потратив несколько крейцеров, не очень сложно. Занятый труд в основном принадлежит женщинам и девушкам, которые, вооруженные острыми серпами или большими ножами с тяжелыми и изогнутыми лезвиями, стоят под решетками и держат в одной руке деревянный поднос под срезаемым пучком. Один умелый взмах серпа, и последний падает в лоток с минимальным повреждением сочных плодов.

Тут и там вдоль дорожек стоят деревянные кадки, в которые время от времени опорожняют подносы. И эти кадки мужчины снова уносят в огромные чаны или бадьи, окованные железом, которые подвешивают к каркасу или тележке на колесах, в которую впрягают волов, и на них доставляют в ближайшее удобное место на винограднике. Затем, когда чаны наполняются почти до краев, двое мужчин занимают свои позиции рядом с ними и тяжелыми деревянными молотками с длинными ручками начинают измельчать виноград вместе со стеблями и всем остальным в темно-красную, непривлекательного вида массу. На многих итальянских виноградниках до сих пор существует обычай "выжимать" сок, что гораздо менее чисто и гигиенично (хотя считается более тщательным и экономичным), чем метод Мерана. После того, как весь сок отжат, его оставляют для брожения, а затем проходят другие процессы производства вина.

Знаменитое виноградное лечение, по-видимому, заключается в том, чтобы съесть как можно больше плодов. Многие врачи утверждают, что никакой особой пользы не будет получено и на нее нельзя надеяться, если ежедневно не употреблять более двух фунтов фруктов, при этом максимально желательное количество составляет девять фунтов! Каким бы огромным это ни казалось, нас заверили, что некоторые "пациенты" значительно превысили эту сумму.

Возможно, виноградное лекарство так популярно, во-первых, потому, что съесть достаточное количество полностью спелых и свежесобранных фруктов ни в коем случае не является неприятной задачей для большинства людей, а также потому, что его можно взять с собой куда угодно.

В кафе можно увидеть толпы людей, проходящих курс лечения; на многочисленных тенистых скамейках набережной Гизелы можно увидеть людей, поедающих виноград. И практически на каждой улице и переулке, а также вдоль горных троп в окрестностях Мерана можно встретить людей с пакетами из коричневой бумаги или, если относиться к лекарству очень серьезно, с маленькими корзиночками, все они едят виноград, как будто их будущее благополучие зависит от количества, которое они могут съесть за данное время.

"Старожилы" обычно делят свое ежедневное количество на две или три порции; одну принимают рано утром перед "Хальбмиттагом", вторую - примерно в середине дня, а третью - на закате.

К своим многочисленным другим достопримечательностям Меран добавил для отдыхающих хорошую группу, которая в течение сезона исполняет действительно превосходную музыку перед Курхаусом или в одном из общественных садов Обермайса. Курхаус с его защищенным Вандель-Халле, или набережной, естественным образом образует стержень, на котором разворачивается более социальная сторона повседневной жизни Мерана. Здесь можно встретить не только инвалидов, но и путешественников со всех концов Континента; а в садах Курхауса можно встретить также "перелетных птиц", которые ненадолго останавливаются на пути дальше на север или юг.

СПОРТ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Спортивная площадь - одна из лучших в Тироле. На нем проводятся теннисные турниры, велосипедные гонки (реже, чем раньше), соревнования по рысистому бегу и скачки; в зимние месяцы центр превращается в отличное озеро для катания на коньках. В гонках принимают участие в основном итальянцы, а также местные жители, и на более крупных встречах обычно происходит какое-нибудь событие, представляющее интерес и важность с точки зрения спортсмена.

День больших скачек в Меране включает в себя многие социальные и живописные элементы небольших соревнований в Шантийи. Дамы надевают свои лучшие туалеты, а прекрасная обстановка и ослепительный солнечный свет - все это создает картину большого очарования и оживления.

На окраинах и в непосредственной близости от Мерана так много старинных замков, что город вполне можно назвать "городом замков". Сразу за папистскими воротами находится полуразрушенный замок Зенобург, стоящий на отвесной скале; в то время как в красивом месте в Обермайсе находится замок Рубайн со знаменитой кипарисовой аллеей. Вдоль живописной Бозенской дороги находится замок Катценштайн, который, если смотреть на поля со склона холма, выглядит как мрачный форпост, охраняющий долину.

Затем есть также замок Годжен, окруженный тенистыми и пахучими сосновыми лесами на фоне заснеженных гор; замок Ворст, расположенный всего в получасе езды от Мерана и прекрасно расположенный на скалистом возвышении с видом на долину, и несколько других, о которых можно рассказать истории, представляющие романтический и исторический интерес.

И последний, но величайший из них - замок Тироль, которому было суждено дать свое название всей стране. Поскольку это один из самых известных, он, вероятно, также является самым известным из всех замков среднестатистическому туристу и путешественнику в Тироле. Он настолько древний, что историки смогли обнаружить упоминания о нем в столь ранний период, как последнее десятилетие четвертого века нашей эры. Но, несмотря на этот факт, записи, относящиеся к его более ранним дням, не являются ни полными, ни надежными. О жизни, которая протекала внутри него, и о судьбе, которая, возможно, постигла его в период, охватываемый (примерно) 400-1000 годами н.э., действительно, мало что можно узнать. Его нынешнее разрушительное состояние возникло частично из-за пренебрежения во время неспокойного периода войн в конце восемнадцатого - начале девятнадцатого века, а частично из-за того факта, что во время баварской оккупации страны в 1808-9 годах тогдашнее правительство продало замок за смехотворную сумму в пару сотен

фунтов стерлингов с целью разрушения, чтобы камни можно было использовать в качестве строительного материала![16]

SCHLOSS TYROL, NEAR MERAN

СТАРИННЫЕ ЗАМКИ

Замок Тироль стоит как реликвия былой славы, ратных подвигов, напряженной жизни и рыцарства на скалистом гребне или отроге гор над виноградниками, которые поднимаются вверх к белым и внушительным стенам замка. Позади и выше поднимаются сосновые леса, переходящие в скалистые склоны хребтов Кюкельберг и Винчгау. Самыми древними частями нынешнего здания являются некоторые стены, крыльцо и два мраморных дверных проема, датируемые примерно двенадцатым веком, а также часовня. В последнем есть прекрасное изображение грехопадения человека и интересная резьба. С его

господствующего положения открывается великолепный вид на долину Адидже, цепь гор Ультенталь и Мендель и виноградники на склонах, поднимающихся вверх из долины. Виды, открывающиеся из замка вскоре после восхода солнца (что, как мы предполагаем, мало кому удастся) или просто на закате, особенно виды, открывающиеся из Кайзерсаала, отличаются удивительной живописностью и очарованием.

Хотя у нас слишком мало места, чтобы рассказать о множестве восхитительных мест в долине Меран, которые приглашают к исследованиям, или упомянуть о многочисленных прогулках, которые соблазняют пешехода, мы должны сказать пару слов о замке Шенна, который находится почти на высоте двух тысяч футов над уровнем моря, подобно седому и потрепанному временем часовому у входа в долину Пассье. До него легко добраться из Обермайса по отличной дороге, подходящей даже для велосипедистов, и его стоит посетить благодаря представительной коллекции старинного оружия, собранной в нем, и его живописному расположению. Построенный в начале двенадцатого века, он является прекрасным примером древней феодальной крепости-резиденции тех далеких времен. Упоминание о замке Лебенберг, расположенном примерно в полутора часах ходьбы от Мерана, оправдано — хотя сейчас это пансионат — из-за его отличной сохранности и исторических картин в нескольких наиболее интересных залах. Прогулка по склону гор через Марлинг и живописный Сент-Антон также запомнится вам надолго.

Примерно в десяти милях к северу, в долине Пассье, чуть дальше деревни Сен-Мартин, где можно увидеть множество образцов настенной живописи, которых особенно много в городах и деревнях Южного Тироля, находится самое известное национальное место паломничества и историческая святыня - гостиница Хофера, называемая *Вирт-ам-Санд* или "Песчаная гостиница", буквально "Гостиница на песке". Это довольно непритязательное здание, стоящее у дороги, и вряд ли привлекло бы внимание проходящих мимо путешественников. В него ведет галерея, к которой ведет короткий лестничный пролет. Интерьер безупречно чистый, и хотя он просто обставлен, это обстоятельство производит тем большее впечатление, что знаменитая Гостиница, где Хофер родился 22 ноября 1767 года, остается такой, какой, как нам говорят, она была в его время. Из уютной столовой на втором этаже с занавесками из безупречно чистого муслина, защищающими от почти слепящего солнечного света долины, открывается прекрасный вид на Меран и высокие горы за каменистым руслом Пассера.

В гостинице есть несколько интересных реликвий патриота и его фотографии. На одной он изображен крупным, крепко сложенным мужчиной ненамного выше среднего роста, с коротким носом, тонким и высоким лбом, темными глазами и довольно румяным лицом, четко очерченными бровями и знаменитой длинной бородой.

Одно время Хофер не носил бороды, и история гласит, что его отросшая борода, которая в конечном итоге была объявлена самой длинной в долине, возникла из-за насмешек его товарищей, которые утверждали, что жена запретила ему носить ее. Правдива эта история или нет, она получила очень широкое признание, и все мы знаем, что борода Хофера в конечном счете была одной из его отличительных черт во время кампаний, в которых он участвовал. Снаружи дома есть очень красивый балкон, который, как утверждает традиция, часто использовался Хофером и его спутниками при проведении своих собраний или военных советов, чтобы разработать какой-нибудь план, с помощью которого их любимая страна могла бы освободиться от иностранного ига.

РЕЛИКВИИ ХОФЕРА

Последнее письмо Хофера, которое является одной из самых ценных реликвий, даже превосходящей по интересу одежду, в которой он был застрелен в Мантуе, является великолепным свидетельством достоинства и величия человека, который преодолел все беды и бедствия и не был умален триумфами. В нем он говорит о своем старом доме, о спешащем Прохожем, о прекрасных горах, которые он никогда больше не увидит, а затем продолжает говорить: "Такова благая воля великого Бога, чтобы я умер в Мантуе", а затем: "Прощай, прекрасный мир", добавляя: "но при мысли о том, что я покидаю его, мои глаза едва ли даже увлажняются". Затем следуют слова: "Я пишу это в пять утра; в девять я предстану перед Богом", с датой "20 февраля 1810 года".

Высоко на склоне горы над его старым домом находится место, где Хофер прятался со своей женой с ноября 1809 года до пяти часов утра 18 января 1810 года, когда он был схвачен и доставлен под сильным конвоем сначала в Меран, а затем в Мантую. Он отказался лететь в Вену или искать убежища на территории Австрии. Он хотел остаться среди своего народа, возможно, в тщетной надежде еще раз попытаться добиться освобождения Тироля.

Большинство путешественников с сожалением покидают старое жилище Хофера. Вся долина Пассье, конечно, полна исторических воспоминаний о доблестных деяниях патриота и его товарищей. Возле самого замка Тироль произошло одно из самых заметных сражений, и была одержана победа, когда французы, изгнанные со своих позиций на Кюхельберге, были окружены крестьянскими войсками; в то время как недалеко от Мерана произошла еще одна перестрелка, в результате которой французские войска были вынуждены покинуть город.

САННИ БОЗЕН

От Мерана до Бозена по железной дороге меньше двадцати миль и примерно столько же по дороге, которая проходит через долину Эч, или Адидже, и местами вдоль нижних склонов холмов. Это живописное путешествие по любому из них, а для езды на велосипеде - просто восхитительное. Пересекаешь Талфер, не доходя до Бозена, который лежит в широкой котловине на стыке долины Эч с небольшим, но живописным Сарнталом, окруженным огромными красновато-коричневыми скалами и обрывами порфировых гор, на которых растут полутропические кактусы, и попадаются мрачные группы кипарисов, а кое-где виноградники и утесы, поросшие соснами. Город представляет собой странную смесь немецких элементов Тироля и итальянских. Его архитектура также представляет собой "смесь архитектуры северной Италии и Южной Германии, кое-где переливающуюся так, что сохраняются характеристики обеих". Возможно, именно по этой причине это город большого очарования и необычайной красоты. Его окрестности, в том числе знаменитый Розенгартен и множество красивых маленьких долин и ущелий, представляют собой достопримечательности, в которых можно остановиться дольше, чем кажется на первый взгляд.

Более того, это один из самых оживленных (местные жители утверждают, что это *самый* оживленный) городов Тироля с населением около 20 000 человек, включая его окраины, но при этом здесь есть несколько восхитительных садов.

Бозен очарователен, если смотреть практически с любой точки нижних склонов окружающих холмов, поросших кактусами и виноградной лозой, и в целом напоминающий пышностью растительности Италию, а не Тироль, расположенный немного севернее. Внизу раскинулся город-сад, который при всей своей шумной жизни все же больше похож на курорт, чем на коммерческий городок, с множеством вилл с белыми стенами, разбросанных

среди зеленых полей, виноградников и садов, в последних из которых цветут все цветы, которые мы знаем и любим, и многие из них менее распространены в Англии.

УЛИЦА В БОЗЕНЕ

Один из старейших городов Тироля, он стоит практически на месте моста Друзи римских времен. Для "time out of mind" он стоял на перекрестке дорог, где расходятся трассы Бреннер и Винцгау. В прошлом римские армии проходили через него, пересекали Талфер или стояли лагерем на полях его участка, похожего на котловину. А вслед за ними пришли купцы средних веков, торговавшие между цивилизованной Италией и варварскими северными землями. Еще позже появились императоры и паломники, направлявшиеся в "Вечный город", крестоносцы, направлявшиеся за границу и возвращавшиеся домой, бродячие певцы и

орды вольных копейщиков и наемников. Одним словом, прошлое Бозен, должно быть, было волнующим, а жизни, которые вели ее граждане, полны красок жизни и доблестных поступков.

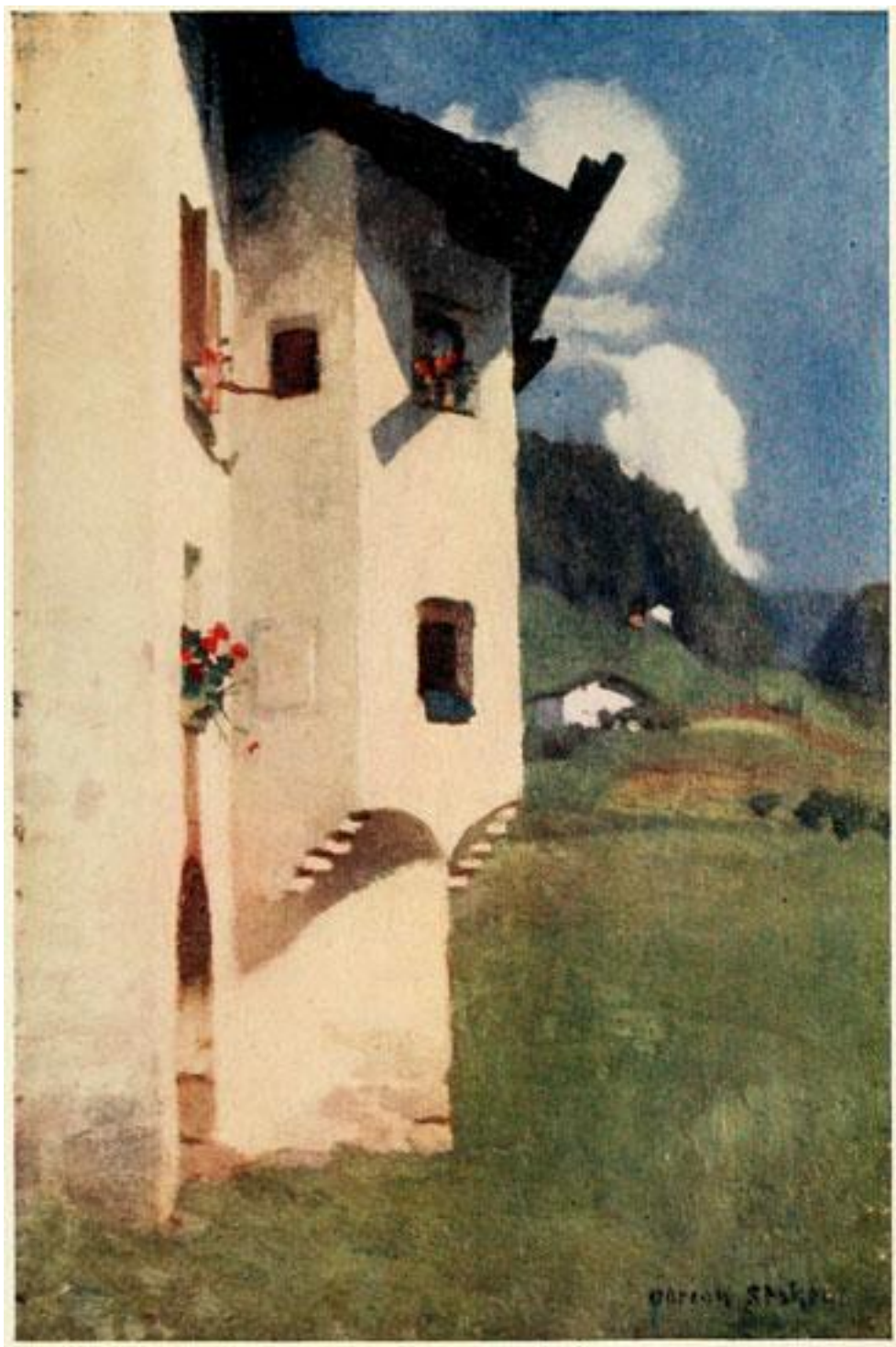
В древности за город также сражались и бросали его туда-сюда могущественные гражданские лорды Терриоли, графы Тироля, и воинственные духовные лорды, принцы-епископы Трента. По этой причине, а также из-за многочисленных пожаров и "ужасных разливов Талфера в прошлые времена", от самого древнего из всех Божененов сохранилось сравнительно мало следов, хотя в старом городе все еще можно проследить некоторые интересные реликвии средневековья.

В те далекие времена Бозен имел еще большее коммерческое значение, чем сейчас. На его четыре ежегодных рынка или ярмарки съезжались люди из многих стран, и он стал складом и центром крупной транспортной торговли по двум главным перевалам, ведущим из Италии в Тироль, а оттуда в Германию и Австрию. Что не было чем-то противоестественным, торговцы Бозена имели собственное положение и, по словам одного авторитетного источника, были "не мелочью, гордой и исключительной в своих сделках, за исключением тех случаев, когда последнее означало, что таким образом они получают финансовую выгоду".

Хотя большинству туристов из более высоких широт Бозен не подходит для длительного пребывания, по крайней мере летом, поскольку котловина, в которой он расположен, хотя и делает его восхитительно защищенным зимой, делает город в июле и августе явно жарким и довольно изматывающим, в непосредственной близости есть несколько мест, куда можно сбежать подышать свежим воздухом и в более прохладные дни. Город несколько пришел в упадок в коммерческом отношении по сравнению с тем высоким положением, которое он когда-то занимал, когда торговля, которая текла в Тироль через него и из него на север, шла главным образом по большим дорогам и через перевалы; и, таким образом, через Бозен проходил очень значительный процент всей южной и итальянской торговли. Но, тем не менее, это по-прежнему самый цветущий и интересный город.

Местный писатель говорит по этому поводу: "Бозен ... за последнее десятилетие в значительной степени восстановил позиции, которые он временно утратил из-за строительства железных дорог и сокращения перевозок по большим дорогам перевалов, главным образом из-за возросших возможностей для перевозки товаров морским путем". Конечно, оказавшись в городе, человек вскоре может понять, что по крайней мере в двух отраслях торговли Бозен занимает несомненно высокое положение в коммерческом мире: в виноделии, выращивании и экспорте фруктов. Склоны холмов буквально усеяны виноградниками и фруктовыми садами, а Bozen fruit завоевала себе репутацию почти во всем мире.

С художественной точки зрения Бозен также привлекает внимание всех, кто интересуется легендарными преданиями, архитектурой и антиквариатом. Проезжая по его главным улицам или исследуя закоулки в старой части города, почти со всех сторон восхищаешься видами прекрасных домов, тенистых и очаровательных внутренних двориков, зданий со странной конструкцией крыш и фантастическими двускатными концами, эркерами причудливой формы, сводчатыми колоннадами, а кое-где, спрятанные там, где их меньше всего ожидаешь увидеть, дворики поменьше с решетками, увитыми виноградными лозами, и, возможно, древний колодец из ржаво-красного мрамора, придающий завершающий штрих очаровательной картине.

УСАДЬБА в ЮЖНОМ ТИРОЛЕ

Ежегодно множество художников останавливаются в Бозене по пути на юг Италии через Верону, чтобы изучить богатые коллекции галерей городов Северной Италии или немного отдохнуть на обратном пути на север. В Бозене есть что рисовать и чем восхищаться, а горожане известны гостеприимством, которое до сих пор (несмотря на большой наплыв туристов последних лет) отличает откровенных и сердечных жителей Тироля в целом.

ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОЗЕН

Главным среди зданий, которые привлекают чье-либо внимание, является Pfarrkirche, или приходская церковь, которая со своей элегантной башней и открытым шпилем высотой

более двухсот футов является памятником художественному и конструктивному мастерству швабского строителя Иоганна Лутца в первые годы шестнадцатого века. Церковь великолепно расположена на углу прекрасной открытой площади Вальтерплац, обсаженной тенистыми деревьями конского каштана, а ее крыша из медно-зеленой черепицы с узором восхитительно контрастирует со стенами и шпилем из красного песчаника. В древние времена у здания было два шпиля, оба из которых были разрушены или настолько повреждены, что потребовалось их снести задолго до того, как Лутц построил свое элегантное сооружение. Сама церковь, в которой находится прекрасный алтарь работы ученика Тициана и замечательная каменная кафедра, датируемая примерно первым десятилетием шестнадцатого века, в основном является работой четырнадцатого века, хотя на самом деле она была закончена только в третьем десятилетии пятнадцатого, как утверждают некоторые авторитетные источники.

В центре площади Иоганна стоит прекрасная, хотя и просто задуманная статуя Вальтера фон дер Фогельвейде, родившегося около 1160 года в Лайене, недалеко от Вайдбрюка, на которой поэт изображен стоящим, одетым в просторную мантию, с шапочкой, похожей на биретту, на голове и скрещенными руками, держащим лютню. Статуя является работой покойного Генриха Наттера, одного из самых известных местных скульпторов, который также был художником знаменитого памятника Берг Исель Хофер, очень тонко задуманной и хорошо выполненной статуи Ульриха Цвингли в Цюрихе и многих других работ.

Одной из самых очаровательных улиц Бозена, несомненно, является Лаубенгассе, которая очень напоминает главную улицу Мерана, с ее тенистыми аркадами по обе стороны, под которыми расположены магазины, и где можно прогуливаться и делать покупки, защищенные от солнца летом и дождя зимой. Интересными улицами являются Карнергассе и Зильбергассе, а также Гетештрассе, ведущая к фруктовому рынку, где в рыночные часы можно встретить множество интересных типов крестьян из соседних деревень, а также самих горожан. Мы видели одни из самых роскошных платков, накинутых на плечи и перекрещенных на груди продавцов фруктов в Бозене или Грайсе, которые придавали небольшой площади совершенно южный колорит и яркость, на которой были выставлены на продажу апельсины, миндаль, дыни, инжир и даже опунции, а также все другие фрукты, которые можно было ожидать найти, включая великолепные вишни в начале фруктового сезона.

Костюмы сарнтала с большими широкополыми фетровыми шляпами, которые носят как мужчины, так и женщины, и веселые "кушаки" мужчин, надеваемые под короткие куртки "итонской" формы, также можно увидеть в Бозене по праздничным случаям.

Музей, в котором представлено множество интересных экспонатов, в том числе несколько старинных крестьянских костюмов, заслуживающих внимания художников, представляет собой внушительное здание или "квартал" на Кенигинштрассе с угловыми башенками и внушительной центральной башней.

Из более живописных и старых зданий ни одно не превосходит по очарованию францисканский монастырь и церковь на Францисканергассе. Внутренний двор, затененный деревьями, которые отбрасывают пелену тени и солнечного света на брусчатку, с изысканно красивым крыльцом, ведущим в церковь, - это место истинного наслаждения для художника и мечтателя, который там, среди тишины древних вещей, может лучше вызвать в воображении видения других дней, когда оживленные улицы звенели от проходящих армий и вооруженных людей, и на них были слышны крики средневековых торговцев, продававших свои товары, привезенные с севера и юга. Во францисканской церкви есть прекрасный

алтарь, а в монастырской собственности есть несколько прекрасных галерей. Тем, кто интересуется старинными книгами и подобными сокровищами, также не следует упускать из виду библиотеку.

На окраине приятного Бозена, прекрасный вид на который открывается с Кальвариенберга, проводится множество очаровательных экскурсий. К западу от отеля находится прекрасно расположенный замок Сигмундскрон на холме между горами с видом на реку, в которой хорошо ловится рыба: перевал Мендель высотой 4500 футов, на который можно подняться пешком, в экипаже или по горной железной дороге; Тизенсер Миттельгебирге, усеянный интереснейшими руинами, откуда открывается обширный и прекрасный вид на окружающие горные цепи и на Меран.

ЗАМОК РУНКЕЛЬШТЕЙН

К северу от отеля находится очень интересный императорский замок Рункельштайн, который, построенный в середине XIII века, был тщательно отреставрирован в 1884-88 годах и, наконец, подарен австрийским императором городу Бозен. Расположенный на огромном скальном массиве и почти полностью покрывающий его, он возвышается над излучиной быстро текущей реки Талфер и занимает одно из тех господствующих и почти недоступных положений, которые так любили строители в Средние века. Замок, независимо от его интереса как архитектурного памятника давно минувшей эпохи, часто посещают из-за знаменитых фресок, которые хранятся в здании, ныне известном как Летний домик. Поднимаясь по крутой и узкой тропинке к подъемному мосту замка, можно лучше понять, в какой безопасности, должно быть, чувствовали себя древние владельцы (которые не гнушались совершать набеги на окрестности и вступать в грабительские войны со своими соседями), когда однажды услышали, как за ними лязгнула их обитая железом дверь, и увидели, как древний подъемный мост поднялся на своих цепях.

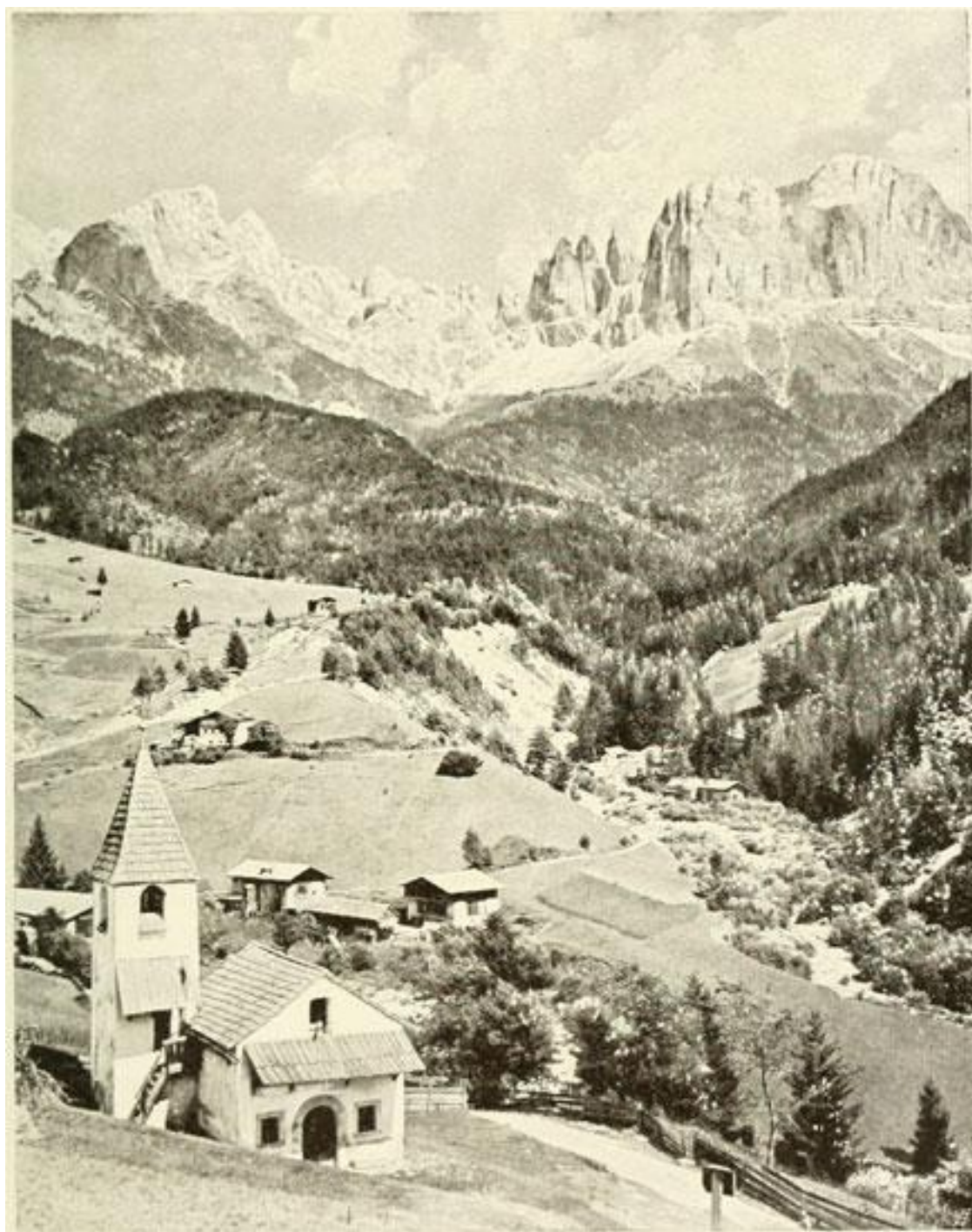
Действительно, до появления артиллерии такая крепость была бы практически неприступной.

Фрески, о которых мы говорили, особенно интересны тем фактом, что они, несомненно, представляют собой очень примитивное искусство. В то время, когда они, как предполагается, были написаны, то есть ближе к концу четырнадцатого века, искусство даже на своей родине, в Италии, находилось на сравнительно элементарной и даже гротескной стадии эволюции. Фигуры, черные на зеленом фоне, как сказала одна американская девушка, "похожи на Ноев ковчег и слишком смешны для слов", хотя мы вынуждены признать, что непочтительность этого замечания глубоко оскорбила поклонника средневекового искусства, который был участником вечеринки. Картины в первой комнате изображают немецкую версию истории о Тристане и Изольде, которая, по-видимому, существенно отличается от истории сэра Томаса Мэлори, изложенной в "Смерти Артура". Основную историю, однако, можно легко проследить.

Во втором зале фрески, которые были очень распространенной формой украшения в тот период, когда они были сделаны, и которые не следует рассматривать в свете особой значимости, изображают полную версию легендарной истории о Гареле, следуя версии штирийского^[17] поэта XIII века по имени Плейер. Обычно считается, что этот Гарел был основан на персонаже Гарета или Бомена из "Смерти Артура" или был идентичен им, хотя доказательства не являются абсолютно убедительными. Для англичан прекрасная фреска, изображающая знаменитых рыцарей Круглого стола, сидящих в компании короля Артура и королевы Гвиневры, вызовет наибольший интерес, хотя каждый из

причудливых рисунков, иллюстрирующих средневековую легенду, неизменно привлекает всех, для кого прошлое имеет значение.

Не остались без украшений и внешние стены этого причудливого павильона. На них изображены одиночные фигуры и другие, составленные группами по два и три человека, изображающие известных средневековых персонажей, имеющих историческое и легендарное значение: Тристана и Изольду; Вильгельма Орлеанского и Амели; Вильгельма, герцога Австрийского, и Аглю; пары влюбленных, слава которых пережила века; трех королей-героев древнего христианского мира, Артура Английского, императора Карла Великого и Готфрида Бульонского. Среди большого количества фигур, изображенных здесь, также можно увидеть другие группы из трех человек, состоящие из знаменитых рыцарей, гномов, великанов и других реальных, мифических или легендарных персонажей; галерея портретов, которой, вероятно, нет равных ни в одном другом замке мира. История подвигов увековеченных таким образом персонажей заняла бы много томов и стала бы одним из самых романтических и интересных чтений, какие только можно себе представить.

СВЯТОЙ КИПРИАН И ВЕРШИНЫ РОЗЕНГАРТЕНА

Покидаешь историческое место с чувством величия прошлого, а также с затаенным сожалением о том, что ничто в конце концов не может адекватно вызвать в воображении волнующие сцены напряженной и ярко "раскрашенной" жизни, романтику и рыцарство, свидетелями которых, должно быть, были стены и комнаты Рункельштейна.

В восточном направлении от Бозена находится Эгенталь и его знаменитый водопад. Дорога через первый отличается большой живописностью и величием — вдоль склонов холмов, по высоким мостам и через скальные выемки, похожие на ущелья, по которым для того, чтобы полностью оценить их, нужно пройти не более одного фута. В том же направлении раскинулось прекрасное Каррерзее, окруженное поясом мрачных сосен, над перистыми

вершинами которых сияют скалистые пики и покрытые снегом вершины доломитовых гигантов.

РОЗЕНГАРТЕН

Из Бозена также следует посетить знаменитый Розенгартен, который находится к востоку от города. Но, в конце концов, это не сад роз, а совокупность огромных скалистых вершин, которые на закате окрашиваются в красный цвет. Те, кто ожидает увидеть другие цветы, кроме альпийской розы, горечавки и им подобных, будут разочарованы, как и молодая леди, которая предприняла экскурсию в надежде увидеть в изобилии розы, которые можно найти в районах "аттар" Балканских провинций и особенно в Болгарии.

Но если из Бозена отправиться просто полюбоваться розовым оттенком уходящих ввысь скальных вершин, поэтически названных "Розенгартен", или прогуляться по живописным долинам и крошечным ущельям у их подножий, вы не будете разочарованы. А "розы", как и другие подобные явления, в некотором смысле являются флюгером; чем насыщеннее они светятся красным, тем прекраснее будет следующий день. Сначала кажется, что с неба опускаются сливовые сумерки, какие бывают в долине Малоя, а затем горные вершины начинают получать свое малиновое крещение. Затем, наконец, когда солнце опускается за выступающий Гунтшна-Берг, только самые высокие пики еще некоторое время продолжают светиться нарастающей, а затем угасающей глубиной цвета, пока, наконец, тени сливового цвета не побеждают "розы" и не наступают прохладные сумерки.

Происхождение описательного словосочетания "Розенгартен" (насколько нам удалось выяснить) теряется в туманах древности. Но существует довольно симпатичная легенда, касающаяся самого Сада. Давным-давно (как гласит история), когда люди были, возможно, счастливее и уж точно менее искушенными и циничными, чем сейчас, и верили в фей, гномов и магию, жил карлик по имени Лауринь или Лауренц, правивший другими карликами, которые населяли страну в центре Шлерна. Каким-то образом этому карлику удалось увидеть и влюбиться в прекрасную золотоволосую сестру вассала Дитриха Бернского в Швейцарии. Схватив ее, он отнес ее в свой хрустальный дворец в глубине гор и там держал ее пленницей. Вскоре, однако, храбрый и галантный рыцарь Дитрих и его оруженосец по имени Дитлиб решили спасти похищенную девушку, и с этой целью они прибыли из Италии, где находились в то время, и, найдя лазейку, проникли в Шлерн, и после ожесточенной схватки им удалось победить карлика, несмотря на то, что последнему, конечно, помогал волшебник. Однако Лауринь не был убит, а пощадил Дитрих по просьбе Дитлиба. Однако это было прискорбное милосердие, поскольку Лауринь, выражая свою благодарность и предлагая им освежиться после трудов и битв, дал им вина с наркотиком, так что когда они проснулись, то обнаружили, что были связаны и брошены в темницу замка гномов. Из этого затруднительного положения их, к счастью, освободила сестра Дитлиб, Симилд, и после очередной жестокой схватки с гномами они победили их и растоптали ногами знаменитые розы Розенгартена, а их место заняли те, что цветут на закате на вершинах гор над мифическим дворцом Лауринь.

Во всяком случае, такова история, которую нам рассказали, и хотя Розенгартен и его миниатюрные долины достаточно красивы для того, чтобы там поселились настоящие розы, сейчас там не растут ничего, кроме фигуральных роз, созданных закатным светом.

Розенгартен - прекрасный центр для горных восхождений, а знаменитые башни Вайолетт и другие скалистые вершины представляют неизменную привлекательность для искателей приключений-скалолазов, хотя в настоящее время существует очень мало "девственных" вершин, на которые можно взобраться.

Из самого Розенгартена, а также из Бозена можно наблюдать цветение роз и поистине чудесную и чарующую игру цвета, света и тени над колоссальными вершинами, которая создает незабываемые впечатления, если смотреть на нее ближе к вечеру летнего дня и далее, пока не наступят сумерки, которые постепенно набрасывают свою голубую и мистическую мантию на долины и горные вершины.

KLAUSEN

К северу от Бозена, живописно расположенного на берегах Адидже и примерно в тысяче семистах футах над уровнем моря, стоит небольшой, хотя и довольно важный городок Клаузен, с его длинной узкой улицей, повторяющей форму ущелья, в котором расположено большинство домов, над которым возвышается большой бенедиктинский монастырь Сабен, расположенный на крутом, поросшем виноградом мысу, возвышающемся над городом и рекой, и на высоте шестисот футов над ним. Бывший замком до конца семнадцатого века, монастырь подвергся нападению французов в 1809 году, и, судя по всему, монахинь не уважали, поскольку на стенах одной из башен на холме есть расписное распятие, которое, по словам жителей Клаузена, было установлено там в память об одной из монахинь, которая, преследуемая солдатами, прыгнула насмерть с зубчатой стены. Первое впечатление от Клаузена - это чистота, потому что высокие дома в яркий солнечный летний день кажутся очень белыми, хотя большинство из них подчеркивают пятна яркой зелени, там, где ставни висят на стенах или не пропускают солнечный свет в окна. Жители Клаузена тоже любят цветы, многие из них свисают с балконов: розовая и красная герань, разнообразные клематисы, пучки валерианы рубинового цвета и пучки желтых и оранжевых настурций. На улицах, как правило, тоже много монахов; мрачного вида фигуры в грубых фризских одеяниях, которые смотрят на незнакомца с легким любопытством, а затем молча поднимаются по склону холма или проходят по единственной длинной, узкой улице, которая проходит между склоном горы и стремительной рекой. Женщины Клаузена сыграли отважную роль в борьбе Хофера против французов и баварцев и, переодевшись в одежду своих мужей и братьев, оказали материальную помощь в оттеснении французов через перевал в 1797 году.

В самом Клаузене смотреть особо нечего, но как типичная южно-тирольская деревня он интересен. Живописен он, безусловно, и сам, расположенный среди утесов и скал из пурпурного порфира, основания и нижние склоны которых украшены зеленью множества виноградников, и наполовину окруженный стремительным Айсаком. Неподалеку находится знаменитый замок Тростбург, романтически красивый, с серыми стенами и красной черепичной крышей, возвышающийся высоко над сосновым лесом, покрывающим крутые склоны скалистого отрога, на котором он стоит, и с участком виноградника, прилепившимся к стене его верхней квадратной и солидной на вид крепости. Подъем к нему довольно крутой, но открывающийся вид на Греденер-Таль и окружающие высоты вполне оправдывает себя.

OSWALD v. WOLKENSTEIN

Этот замок - один из сравнительно немногих, все еще остающихся во владении семьи, с историей которой он связан на протяжении многих веков. Графы Волькенштейн датируют свое занятие двенадцатым веком, и одним из самых известных представителей рода был Освальд, родившийся в замке Тростбург в 1367 году или около того, чьи романтические приключения могли бы лечь в основу полудюжины исторических романов. Как миннезингер, он рано отправился в свои путешествия в эпоху галантности и приключений; надо полагать, он был предан служению прекрасному полу и обожанию им, как и полагалось миннезингерам в целом. Как и многие другие юноши, любящие приключения, он сбежал из

дома своих предков с легким сердцем и в равной степени с легким кошельком, чтобы скитаться по миру, распевая о своем пути к славе и богатству или к неудаче и бедности, в зависимости от обстоятельств.

В первом случае представляется, что он присоединился к свите одного из тирольских дворян при австрийском герцоге Альбрехте III, которые намеревались совершить флибустьерскую экспедицию в Литву, область, лежавшую тогда между Польшей и Курляндией. Впоследствии он много путешествовал по миру, посещая по очереди Россию, Англию, Испанию, Францию, а затем отправлялся на Восток и путешествовал по Малой Азии и Персии. Судя по рассказам современников и другим источникам, он делал "все по очереди и ничего долго", за исключением того, что он, вероятно, всегда продолжал свое "миннесопевание". Он, несомненно, был пажом, солдатом, матросом и морским коком; и, насколько можно судить, это было лишь главным занятием многих из тех, кому он следовал во время своей странствующей и полной приключений жизни. Во всяком случае, временами он, по-видимому, выступал в роли репетитора, применяя половину изученных им языков на практике. Среди его более рыцарских приключений были кампании против англичан на службе у графа Дугласа — вероятно, он присутствовал 10 августа 1388 года в знаменитой битве при Оттерберне (Чевин-Чейз) — ранее против шведов в Дании на службе у королевы Маргариты, которая в 1397 году объединила королевства Дания, Норвегия и Швеция вместе.

Среди его более мирных побед и деяний была благосклонность, которую он обрел в глазах королевы Арагона, которая, по-видимому, не только восхищалась его поэтическими способностями, но и осыпала его личными милостями, лаской и подарками драгоценностей.

В течение нескольких лет после своего визита в Испанию он скитался по стране, а затем, наконец, (подобно блудному сыну) обратил свое внимание на Тироль. Никто не узнал его, и он, похоже, попал под чары дочери соседнего рыцаря, которая, однако, не согласилась бы выйти за него замуж, если бы он сначала не получил рыцарское звание, став крестоносцем.

Глубоко влюбленный в прекрасную Сабину и не сомневающийся в ее искренности, фон Волькенштейн отплыл на корабле в Палестину и со временем добился желанного отличия доблестным поведением в бою, вследствие чего привлек внимание и приобрел личную дружбу Сигизмунда Венгерского.

Увы! за его надежды. Вернувшись в Тироль овеянным славой и "истинным рыцарем", он сделал это только для того, чтобы обнаружить непостоянную и лживую Сабину замужем за другим. Вдобавок к этому он успел как раз вовремя, чтобы увидеть смерть своего отца. Будучи младшим сыном, он унаследовал замки Кастельрут и Хауэнштайн, Тростбург и прилегающие к нему земли, перешедшие к его старшему брату.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РЫЦАРЯ

Теперь, когда он потерял и свою предполагаемую жену, и отца, его скитальческий нрав вряд ли можно было остановить, поэтому он снова отправился в путешествие, на этот раз в свите своего друга Сигизмунда, в компании которого посетил несколько стран. В течение нескольких лет он странствовал по Западной Европе и дошел до Египта на юго-востоке, где, по-видимому, был принят с большим почетом. Вновь вернувшись в Тироль в 1405 году, он оказался вовлечен в политические потрясения, вызванные радикальными мерами по реформированию, предпринятыми герцогом Фридрихом с Пустым Кошельком, против которых яростно восстала тирольская знать. Бывший миннезингер встал на сторону последнего и, следовательно, навлек на себя месть Фридриха. Последний сжег два своих замка и вынудил фон Волькенштейна бежать, спасая свою жизнь, под защиту родственника,

который был владельцем замка Грайфенштайн, расположенного на неприступной вершине скалы между Бозеном и Мераном. Герцог Фредерик и его войска горячо осадили замок, но не смогли взять его; и хотя Освальд был тяжело ранен и потерял зрение на один глаз, он сбежал и немного позже присоединился к экспедиции против мавров в свите Иоанна I., короля Португалии. Во время жестоких боев, которые имели место, и при взятии Сеуты в 1415 году он, по-видимому, настолько сильно отличился, что, как нам говорят, "его слава была такова, что трубадуры прославляли его деяния в своих песнях".

В конечном счете, он добился своего в Тироле благодаря акту Констанцкого собора в Бадене, который не только осудил Яна Гуса — среди многих церковных постановлений — к сожжению, но и приказал герцогу Фридриху, ныне объявленному вне закона, который сжег замки Освальда фон Волькенштейна, восстановить их и вернуть рыцарю все имущество, захваченное им и его последователями. Нелегко, однако, понять, как преступник, который бежал из одного места в другое в страхе за свою жизнь, мог совершить все это, как и то, как имущество, отнятое солдатами много лет назад и, вероятно, давным-давно обращенное в наличные деньги или на другие цели, могло быть отдано и возвращено.

Однако нам говорят, что после посещения Франции в свите Сигизмунда Освальд вернулся в свой любимый замок Хауэнштайн, руины которого в наши дни настолько затеряны в окружающем их обширном сосновом лесу, что их почти невозможно обнаружить.

Затем Сабина, его старая любовь, снова появляется на сцене, на этот раз в качестве претендента на замок из-за, как она утверждала, невыплаченной ссуды, предоставленной ее дедом Волькенштейнам. Она пригласила своего старого поклонника Освальда присоединиться к ней в паломничестве к какому-нибудь святилищу ради старого знакомства; и когда он пришел к ней, ничего не подозревающий и безоружный, она тут же приказала схватить его, бросить в темницу и там держала пленником в цепях. Он лежал в замке вероломной Сабины, пока случайно Сигизмунд, услышав о его тяжелом состоянии, не вмешался в защиту своего друга, и Освальд фон Волькенштейн не был освобожден. Однако он был так искалечен ревматизмом и сковывавшими его оковами, что впоследствии навсегда остался хромым.

Он снова был брошен в тюрьму, на этот раз из-за махинаций герцога Фридриха, и лежал в ужасной подземной камере, похожей на туннель, в Велленберге, недалеко от Инсбрука. В 1417 году он женился на Маргарите, дочери дома Швангау, после долгого периода помолвки, и был к ней глубоко привязан. После своего второго освобождения, после трехлетнего тюремного заключения, он вернулся в Хауэнштайн и обнаружил, что его жена мертва, а его дом пришел в упадок из-за небрежения.

Несколько лет спустя мы находим его, непобедимого духом, но сломленного телом, в Риме, где он присутствовал на коронации своего друга Сигизмунда, который всего год или два спустя был свергнут с трона. В 1435 году Освальд снова, в возрасте пятидесяти восьми лет, вернулся в окруженный лесами Хауэнштайн, где и умер девять лет спустя, так и не покинув его больше.

Конечно, в замке обитает дух этого несчастного и предприимчивого рыцаря и миннезингера, и среди крестьян Сейса и окрестностей до сих пор существует такое поверье. И те немногие, кто когда-либо отваживался приблизиться к развалинам после захода солнца, утверждают, что те, кто это сделает, обязательно услышат, как древний миннезингер распевает мелодию, похожую на панихиду, аккомпанируя себе на своей лютне. Но если это так, то дух Освальда далеко отлетел от его тела, ибо его останки покоятся в Нойштифте близ Бриксена.

Он был не только одной из самых колоритных и романтических фигур группы миннезингеров, которых было так много в Средние века, но и в какой-то мере исторической фигурой. Некоторые авторитетные источники считают его последним из этих странных странствующих менестрелей-искателей приключений. Вероятно, правильнее было бы говорить о нем как о последнем действительно великом тирольском "миннезингере"; но, какая бы оценка ни была верной, его место в списке славы, относящемся к деяниям и песням этих авторов, обеспечено его доблестью, неудачами, авантюрами и рыцарскими поступками.

ST. ULRICH

По дороге в Клаузен разумно свернуть с узкой, но живописной Греденер-Таль в Санкт-Ульрих, очаровательную деревушку, расположенную в котловине и почти окруженную поросшими густым лесом склонами, а за ними - огромными скалистыми пиками с зубчатыми вершинами Лангкофеля на заднем плане, которая является центром производства игрушек в Тироле и набирающим популярность туристическим курортом. Дорога ведет круто вверх, и первый проблеск деревни, которая стоит на полпути вниз по долине между Вайдбрюком и Волькенштейном, появляется совершенно неожиданно. Первое впечатление складывается о типичной тирольской деревне значительных размеров, ее белые — очень белые — дома четко выделяются на фоне темно-зеленых сосен и более светлой зелени полей долины, на которых они расположены, многие из них. В последние годы опрятные коттеджи сельских жителей, балконы которых зачастую не увешаны восхитительными цветами, были дополнены хорошими и большими отелями, виллами и другими современными объектами размещения для туристов. Но, тем не менее, Санкт-Ульрих еще не испорчен, и здесь все еще сохранилось много амбаров и складских помещений цвета почти красного дерева с их живописными балконами, идущими прямо вокруг них, на которых сушатся зерно и зелень, дрова для приправы и хранятся другие припасы, образующие столь резкий контраст с отелями и белыми домами.

Хотя мы предполагаем, что главной достопримечательностью Санкт-Ульриха является его причудливая и интересная индустрия изготовления игрушек, есть много других, включая красивейшие пейзажи и бесчисленные экскурсии, которые можно совершить по ним. Зимой, цитируя причудливую фразеологию и орфографию местного путеводителя, долина обладает "очень странным очарованием для любителей катания на санях и лыжах - этот вид спорта придает долине всегда мягкую и снежную зиму". Что касается предлагаемого жилья, то тот же авторитетный источник продолжает утверждать, что здесь есть "очень комфортабельные отели с конюшнями и земельные участки, которые идеально подходят как для летнего отдыха, так и для начала многочисленных светских вечеринок в Доломитовых Альпах".

Но давайте вкратце опишем индустрию игрушек, которая в основном отличает деревню от всех остальных в Южном Тироле.

В конечном итоге изделия Святого Ульриха рассылаются по всему миру, и будь то в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, Вене или Риме, среди игрушек, резных фигурок святых, распятий, "мирских фигурок" художников, шале и других изделий почти наверняка можно найти образцы работ этой знаменитой долины резчиков по дереву. Тот факт, что почти 3000, или примерно трое из каждых пяти, жителей более или менее непосредственно вовлечены в эту работу, даст некоторое представление о ее масштабах.

Предполагается, что резьба по дереву в Санкт-Ульрихе ведется примерно с начала семнадцатого века, и в церквях округа до сих пор сохранились некоторые фигуры Богородицы и Святых, датируемые тем периодом, и другие изображения, по-видимому,

гораздо более ранней даты, которые показывают, что даже в те отдаленные времена резчики по дереву Св. Ульриха Ульрих и Греденер Таль обладали значительным мастерством и репутацией. Однако именно некто Иоганн фон Мец в начале восемнадцатого века, по-видимому, не только поднял уровень резьбы по дереву до еще большего совершенства, но и организовал и расширил сферу самого ремесла.

В последующие годы у крестьян вошло в привычку самим отправляться в другие страны с запасами своих изделий для продажи; и, по крайней мере, некоторые, согласно традиции, добрались до Англии и даже через Атлантику, где они бросили активную работу резьбы по дереву ради создания торговых складов в Санкт-Ульрихе, и таким образом они распространили работу, выполненную в далеком и почти тогда неизвестном Греденер-Талле, по всему торговому миру.

В наши дни выходить на прогулку со своим товаром на спине или в тележке больше не входит в привычку рабочих. Большее число из них работают в фирмах, которые действуют для них как агентства по оптовому распределению, которым они передают свой еженедельный объем работы. Большинство деревень долины заняты в резьбе по дереву; Святая Кристина, например, специализируется на изготовлении "непрофессиональных фигурок" и лошадок для хобби.

Таким образом работают не только большинство мужчин в деревнях Греденер-Тала, но и многие женщины и дети. И нет ничего необычного в том, чтобы увидеть, как настоящие клещи срезают куски более мягких пород дерева на обочине дороги или на порогах коттеджей; а иногда можно встретить женщин, которые спускаются из леса или с верхних пастбищ со своими бочкообразными сосудами за спиной, грубо придавая форму какому-нибудь изделию, которое будет готово, когда они вернутся домой.

"СТРАНА ИГРУШЕК"

Некоторые элементы резьбы действительно хороши, но их нельзя назвать дешевыми. Выгодных предложений не найти ни в Санкт-Ульрихе, ни, если уж на то пошло, ни в одной из деревень "Страны игрушек". Спрос слишком велик, а средства распределения слишком хорошо организованы, чтобы крестьян ни в малейшей степени не волновало, покупают ли они "немного" или нет. Практически нет магазинов, где резьбу по дереву продавали бы сами работники, поскольку почти все они работают по контракту или иным образом у оптовых дилеров. Но турист, как правило, может посетить одно из крупных *ателье*, где, в частности, под руководством художников вырезаются изображения и более сложные изделия. Это опыт и зрелище, на которое стоит потратить час или два. За это время, наблюдая за несколькими фигурами на разных стадиях, приближающихся к завершению, можно получить очень хорошее и ясное представление о различных преобразованиях, которым подвергается грубо отесанный блок, прежде чем он примет свою окончательную форму Девы Марии, святого Иосифа, святого Антония или святого Христофора. Многие из этих статуэток и фигурок поменьше отправляются в другую мастерскую для покраски и позолоты; и игрушки и изделия поменьше изготавливаются в основном в белых шале на склоне горы.

Товары хранятся в основном в больших домах деревень. Один из главных складов носит имя человека, развившего промышленность, в то время как другими известными торговцами являются Инсам, Пургер и Принот. На этих складах можно увидеть полки, заставленные игрушками, фигурками, куклами и другими резными изделиями; миниатюрные тележки, обезьянок на палках, лошадок для хобби, раскрашенных в веселые и, давайте добавим, совершенно "неестественные" цвета, с огненно-красными, угольно-черными или пегими гривами. Игрушки доступны по любой цене, так же как они различны по размеру и качеству

отделки; лошадки для хобби стоят от половины кроны до нескольких флоринов каждая; куклы стоят от полпенни и даже меньше до пяти-шести крон. Фигурки, предназначенные для оформления содержимого Ноевых ковчегов, выставлены на всеобщее обозрение; следует признать, что более дешевые виды имеют, но слабое и частичное сходство с животными, которых они призваны изображать; лучшие виды представляют собой превосходные миниатюры львов, слонов, тигров, жирафов, медведей (особенно хороши эти) и сотни одного зверька поменьше и насекомых из большой семейной компании патриарха; и сопровождают все это восхитительный запах свежесрубленной сосны и других пород дерева на складах, отведенных под некрашеные вещи, и несколько подавляющий запах свежей краски на других.

Некоторые куклы, особенно те, на которых тирольские костюмы выполнены из дерева, требуют большой тщательности при вырезании; другие изготавливаются быстро, некоторые с помощью элементарных механизмов. Лучшая используемая древесина - *pinus cembra*, или швейцарская сосна, которая первоначально густо росла по склонам гор, но теперь в основном импортируется из-за того, что, хотя деревья были вырублены тысячами, похоже, что за счет посадки других было сделано мало запасов на будущее. Однако в непосредственной близости еще осталось много леса.

В настоящее время в Санкт-Ульрихе есть превосходная Императорская школа рисования и лепки, и, по-видимому, в последние годы наблюдается заметный прогресс в вырезании (особенно животных и фигурок) в результате данного обучения, хотя по своим основным характеристикам животные и маленькие фигурки не сильно отличаются от древних типов.

Церковь св. Здание Ulrich, хотя и сравнительно современное, датируемое только концом восемнадцатого века, имеет прекрасно оформленный интерьер; возможно, довольно вычурный и ярко раскрашенный, но интересный и типичный. В нем также есть "Мать Долороза" работы Мародера, а в ризнице - прекрасная мраморная мадонна работы ученика Кановы Андреа Колли. Стоит также осмотреть отреставрированную часовню святого Антония, поскольку в ней находится удивительно красивый алтарь работы Дешвандена.

ОТНОСИТЕЛЬНО ДИАЛЕКТА

В деревнях Греденер-Тал существует особый диалект, известный местным жителям как ладинский, который, по мнению филологов, происходит непосредственно от латинского языка и восходит ко временам римской оккупации. Этот язык, безусловно, настолько отличается от диалектов современной Италии, что для незнакомца, даже если он хорошо в них разбирается, почти невозможно понять его. Можно сказать, что в некоторых моментах он напоминает романский гризон и романцев из Энгадина; но параллель совсем не близкая и требует нескольких четких уточнений. Несмотря на глубокий интерес для филологов, здесь вообще невозможно полностью рассмотреть этот вопрос. Конечно, можно было бы предположить, что этот своеобразный диалект имеет этрусское происхождение, поскольку хорошо известно, что значительные останки этого народа время от времени находили в Греденер-Тале и, действительно, в непосредственной близости от св. Сам Ульрих.

Санкт-Ульрих очарователен зимой, когда деревня наполовину занесена снегом, а нижние склоны окружающих гор обеспечивают отличные трассы для катания на санях и лыжные площадки. Насколько отличается это маленькое местечко в этих условиях от солнечного уголка, расположенного среди зеленых полей и приятных пастбищ, каким оно бывает летом, могут легко понять только те, кто видел его в обоих условиях. И действительно (как говорит местный гид, которого мы уже цитировали), "зимой здесь много приятных экскурсий для

веселых вечеринок и быстрого катания на лыжах". Под "вечеринками высокого полета", несомненно, следует понимать тех, кто желает подняться на более высокие склоны.

Костюмы все еще сохранились в Санкт-Ульрихе и в Греденер-Тале, где (хотя их носят меньше, чем даже десять лет назад) все еще можно встретить женщин, одетых в платья старого стиля, огромные широкополые фетровые шляпы, отделанные широкими лентами, с короткими "лентами" сзади, или еще более причудливые высокие шляпы "сахарная голова", по форме почти как у танцующих дервишей, надвинутые на уши и оставляющие видимым лишь малейшее подобие лба. Широкие льняные воротники, достаточно большие, чтобы их можно было назвать накидками, с гладкими краями или зубчатыми, и красивые фартуки из шелка, парчи или других материалов; широкие юбки и обилие лент составляют костюм, который всегда живописен и часто действительно красив.

Из Клаузена, куда возвращаешься по пути на север, едешь в Бриксен, очаровательно расположенный в долине реки Айзак, среди зеленых полей, пастбищ и покрытых лесом склонов. Башни-близнецы кафедрального собора в центре картины сразу бросаются в глаза, с какой бы точки ни приближались к городу.

ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ НЕДАЛЕКО ОТ САНКТ-УЛЬРИХА, ГРЕДЕНЕР-ТАЛЬ

Бриксен, хотя и немногим больше по размеру и населению, чем крупная деревня, все же является одним из самых интересных мест Южного Тироля. Это не только исторически и архитектурно важное место, но и приятное место, откуда можно исследовать красоты соседних Пустер-Тал, Валсер-Тал и Лусен-Тал, если только позволяет время. В древности это был один из самых известных городов Южного Тироля, поскольку в течение почти тысячи лет, фактически до 1703 года, он был столицей церковного княжества с длинной чередой выдающихся епископов, некоторые из которых были почти так же известны своими воинственными, как и духовными качествами. Это все еще резиденция епископства, и в городе сохранилось много свидетельств его бывшего церковного значения и великолепия.

Художники находят в Бриксене многое привлекательное для себя, как и студенты, изучающие архитектуру, и хотя долина шире, чем на некоторых подобных курортах, из-за чего подъем в горы занимает больше времени, прежде чем можно достичь более высоких вершин, здесь можно совершить множество экскурсий и посетить интересные деревни. То, что это привлекательный город, наглядно демонстрируют его многочисленные посетители, а в приятных садах, которые кажутся всегда прохладными даже в самый жаркий летний день, расположенных между Айзак и меньшим Риенцем, можно встретить не только интересных бриксенов (иногда крестьян в костюмах), но и большинство иностранных гостей, которые могут остановиться в этом месте.

БРИКСЕНСКИЙ СОБОР

Собор, построенный в пятнадцатом веке, представляет собой красивое и даже поразительное здание с его высокими башнями-близнецами и их красиво "выветренными" медными куполами. Это самые старые части, большая часть самого здания была отреставрирована и перестроена совсем недавно, в середине половины восемнадцатого века. Здесь есть несколько чрезвычайно красивых и интересных галерей с многочисленными фресками на рифленой крыше, а также несколько причудливых настенных табличек и надгробий. Вид с галерей в солнечный день через внутренний двор обладает огромным очарованием в игре света и тени, соблазняя задержаться в их седой прохладе и уединении. Здесь также находится древняя часовня святого Иоанна, датируемая одиннадцатым веком, с несколькими хорошими фресками тринадцатого-пятнадцатого веков. Надгробие знаменитого Освальда фон Волькенштейна находится во внутреннем дворе, который находится между кафедральным собором и церковью Сен-Мишель, на нем изображен рыцарь-миннезингер в доспехах, с копьем, вымпелом и лирой. Рядом с ним также находится интересный медный рельеф, изображающий сцену Воскресения, установленный там в память о знаменитом местном меднике по имени Ганс Кесслер, жившем в первой половине семнадцатого века.

К Епископскому дворцу можно добраться по нескольким интересным улицам, на которых расположены некоторые из самых древних домов. Здесь есть очаровательный внутренний дворик с колоннадами и восхитительный сад, тихий, полный цветов и настроений прошлых дней. И здесь, к счастью, путешественник может получить допуск для получасового спокойного созерцания его красоты и, возможно, изучения некоторых исторических событий, свидетелем которых был город.

От Бриксена до Стерцинга пересекаешь расширяющуюся, сужающуюся и снова расширяющуюся долину Айзака. Прошлое захватывает своими воспоминаниями о жестоком сражении 1797 года, когда генерал Жубер маршировал через Пустынный Тал, чтобы соединиться с Наполеоном. Его продвижение, однако, не было разрешено бесконтрольно. Жителей Спингеса, возможно, было немного, но они были тирольцами. Случилось также, что несколько рот ландштурма оказались по соседству, и поэтому они вместе с бойцами Спингса выступили навстречу значительно превосходящим силам Жубера. Французские войска были вооружены не только ружьями, но и штыками, и возведенный ими барьер был признан храбрыми, но плохо вооруженными патриотами непреодолимым. Но возможность или нужда породили этого человека, как это произошло более четырех столетий назад в Швейцарии, когда Арнольд фон Винкельрид собрал австрийские копья у себя за пазухой в Земпахе. В данном случае это был некто Антон Райниш из Вольдерса, который "разыгрывал мужчину" и героически прыгал с косой в руке среди французских штыков, множество которых пронзило его тело, и таким образом, рубя направо и налево, прежде чем он упал, проложил путь своим товарищам и позволил им прорвать французские линии.

ДЕВА СПИН

Но Спингс будет еще больше прославлен в романах, как это было в истории, поступком той безымянной девушки, "Девы Спингса", которая во время боя у деревенской церкви взобралась вместе с мужчинами на стену церковного двора и, вооружившись вилами для сена, помогла своими сильными руками, а также своим примером успешно отразить три яростные атаки французских солдат. Неизвестная^[18] по имени, однако слава о ее мужественном поступке, типичном для многих представителей ее пола во время долгой и ожесточенной борьбы, которую вели тирольцы против захватчиков их любимой земли, передается из поколения в поколение.

На другой стороне долины от Шпингеса находится Франценфесте, у устья ущелья, известного как Бриксенер Клауз. Мы предполагаем, что во Франценфесте мало кто останавливается. Бродить по склонам холмов было бы безрассудством, поскольку они испещрены фортами. Это отличная стратегическая позиция, господствующая над Бреннером и входом в Пустынный Тал; и нет необходимости говорить, что исследование склонов холмов и окрестностей не поощряется австрийским правительством. Вполне возможно, что в будущем место, где в 1797 и 1809 годах велись ожесточенные бои, снова станет ареной военных действий, причем борьбы не менее ожесточенной и гораздо более кровопролитной. Кто знает?

ШТЕРЦИНГ И МАТРЕЙ

Стерцинг, с его солнечной главной улицей, с которой открывается самый очаровательный вид, когда въезжаешь в город через древние ворота на Бреннер-роуд, и тенистыми аркадами, напоминающими "унтер-ден-Лаубен" в Меране, стоит на месте римского поселения Випитенум. Он расположен на стыке трех красивых долин: Риднаун-Тал, Пфлерш-Тал, Пфитшер-Тал, в широкой котловине, окруженной горными склонами, и на правом берегу реки Айзак. Хотя в настоящее время население Стерцинга составляет менее 3000 человек, сразу бросается в глаза, что создает впечатление важности и процветания, что вряд ли соответствует его небольшим размерам. Однако раньше город был важным центром добычи полезных ископаемых, и более крупные из его причудливых и живописных домов с балконами и эркерными окнами обязаны своим происхождением более богатым жителям прошлого. Добыча и полировка мрамора по-прежнему ведется довольно интенсивно и, несомненно, помогает сохранить атмосферу коммерческой жизни и промышленности в этом причудливом старом месте.

Стерцинг удивительно декоративен и компактен в общем плане; на его узких старинных улочках можно увидеть удивительное количество прекрасных и интересных зданий. Ратуша с ее поразительными эркерными окнами построена в стиле поздней готики, в ней находится прекрасный алтарь пятнадцатого века и несколько интересных и хорошо выполненных резных изделий из дерева. Это здание, которым сейчас пользуются городские власти и магистраты, раньше, несомненно, было особняком богатого купца. В нем находится один из наиболее хорошо сохранившихся образцов готического потолка, датируемый примерно серединой пятнадцатого века, который мы видели в Тироле в любом частном доме подобного размера.

Церковь подверглась обширной, но в целом хорошо отреставрированной реставрации. Он датируется шестнадцатым веком и имеет примечательный готический хор, а неф и проходы восстановлены в стиле рококо, потолочные росписи которого выполнены Адамом Мельком. Общий эффект от интерьера хороший, и в церкви есть несколько интересных архитектурных деталей.

Упадок Стерцинга объясняется той же причиной, что и упадок многих других городков и деревень на старых почтовых дорогах, а дороги через перевалы, которые постепенно становятся все менее и менее используемыми, поскольку количество железных дорог увеличилось. Но в случае со Стерцингом его постепенный спад с того важного положения, которое он когда-то занимал, следы которого можно найти в сохранившихся многочисленных прекрасных домах, несомненно, был вызван скорее истощением или заброшенностью горнодобывающей промышленности, чем появлением железной дороги, которая так серьезно повлияла на дорожное движение на перевале Бреннер.

Следует помнить, что недалеко от Стерцинга Хофер и его крестьянские войска участвовали в первом крупном сражении в 1809 году, которое закончилось поражением баварцев, которые были отброшены за Бреннер, поскольку Хофер пересек Яуфен из своего дома в Сен-Мартене в долине Пассье.

Матрей, или, как его еще называют, Дойч-Матрей, - единственное место любого размера и важности, которое мы еще не описали, на линии между Стерцингом и Инсбруком или вдоль Бреннер-роуд. Этот маленький городок очаровательно расположен и, как и другие подобные ему по характеру и высоте (он находится почти на высоте 3300 футов над уровнем моря), становится все более популярным среди туристов и путешественников по маршруту Бреннер. Замок Траутсон, принадлежащий принцу Ауэрспергу, стоит на склоне холма над ним. Стерцинг является прекрасным центром для восхождений и экскурсий, а на северо-восточном склоне Вальдраст-Шпитце находится интереснейшая паломническая церковь, посвященная Пресвятой Деве и известная по названию горы; она датируется серединой пятнадцатого века. Его основанием послужил сон крестьянина, в котором ему было велено пойти в лес, лечь и отдохнуть, и там ему должны были сказать, что делать. Когда он сделал это, ему явилась Пресвятая Дева и повелела построить на этом месте часовню над ее изображением, которое чудесным образом появилось неизвестно каким образом несколько лет назад. Этой часовне было присвоено имя Марии Вальдраст (Wood's rest), и хотя монастырь, который был построен на этом месте более полутора столетий спустя, в 1624 году, сейчас представляет собой всего лишь руины, верующие даже в наши дни совершают паломничество к церкви, которая так красиво расположена на высоте более 5300 футов над уровнем моря.

ГЛАВА IX

НЕКОТОРЫЕ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ВАЛЬШ-ТИРОЛЯ: ТРЕНТ, ЕГО ИСТОРИЯ, МУНИЦИПАЛИТЕТ И ЗДАНИЯ—РОВЕРЕДО И ДАНТЕ—АРКО—РИВА

Трент, до которого легко добраться из Бозена через Эчланд по линии Бозен-Верона, которая петляет по восхитительным пейзажам и проходит мимо множества разрушенных замков, расположенных высоко на неприступных высотах, является не только крупным городом с населением свыше 25 000 человек, но и в древности был одним из самых богатых в Тироле. Принято считать, что он был основан этрусками, и Плиний, и Птолемей упоминают об этом; но тот, кто проектировал Trent, воспользовался прекрасным расположением, и строители оставили после себя в этом причудливом городе широкие улицы, красивые дворцы умершей знати и лес башен и шпилей, восхитительные пережитки средневековья. Окруженный известняковыми скалами, сам город, несмотря на свой итальянский характер и прекрасную атмосферу, с первого взгляда производит впечатление бесцветности, чего обычно не бывает в итальянских городах.

Что касается основания города и происхождения его названия, то существует, по крайней мере, местная традиция, согласно которой он был основан во времена Тарквиния Приска, около 616 года до н.э. группой этрусков во главе с Рецием; и эти основатели, хотя и были так далеко от моря, установили поклонение Нептуну, от чего и произошло древнее название Тридент. Как бы то ни было, это обстоятельство интересно, поскольку в этих этрусках под предводительством Реция, возможно, можно обнаружить происхождение реций, которые в конечном итоге доставили столько хлопот Римской империи. Во всяком случае, Реций дал свое имя району в непосредственной близости от Трента. Интересный замок Дель Буон Консильо, который является доминирующей чертой города и обладает круглым и высоким донжоном типа башни Гая в Уорике, с прекрасной лоджией в стиле ренессанса во внутреннем дворе с фонтаном и несколькими этажными аркадами в старом, когда-то был резиденцией принцев-епископов, но теперь используется как казарма. В нем сохранилась древняя надпись, касающаяся управления городом, которая доказывает, что правила и статуты были в значительной степени созданы по образцу правил самого Рима.

Тем, кто может это сделать, непременно следует постараться посетить Трент во второй половине июня, не только из-за того факта, что этот месяц очарователен красотой природы, обилием нежной молодой листвы и восхитительным климатом, но и потому, что 26 числа месяца приходится праздник святого Вигилия, покровителя Трента, и мученика миссионера, который в древности много сделал для христианизации страны. На этом *празднике* древний город, закоулки и узкие улочки которого полны интереса, живописности и очарования, предстает в самом веселом и лучшем виде. Все многочисленные церкви переполнены верующими, тысячи из которых стекаются с окружающих гор и приезжают сюда из различных деревень Этшланда, чтобы сначала соблюсти религиозные обряды в честь своего святого покровителя, а затем принять участие в характерных играх и увеселениях, которые на данный момент придают городу такой праздничный вид. В прежние времена более жестокие развлечения часто дополнялись представлением религиозных драм, отчасти напоминающих более известные и тщательно продуманные пьесы Обер-Аммергау и Бриксенталя, а также освещением окружающих холмов огромными кострами, которые, как говорят, берут свое начало в религиозных обрядах еще более отдаленных времен, чем этрусская оккупация.

Святой Вигилий, родившийся в Риме, в конце концов стал епископом Трента и в конечном итоге принял мученическую смерть во время одного из многочисленных гонений, которые имели место и были схожи по характеру с гонениями четвертого века.

Город во время своих первых войн был несколько раз разграблен и не раз сожжен баварскими ордами, которые наводняли страну и даже, наконец, достигли ворот самого Рима. Таким образом, Трент в разные периоды возводился на прежнем фундаменте, и недавние исследования показали, что, как и в случае с самим Римом, сравнительно современный Трент построен на почве на несколько футов выше уровня его первого места. Один итальянский авторитет, действительно, утверждает, что улицы первоначального города лежали примерно на четырнадцать футов ниже уровня нынешних. Были раскопаны следы по крайней мере трех отчетливых линий стен, отмечающих рост города в разное время, что также привело к открытию многих интересных реликвий времен римской империи, включая мозаичные тротуары, части амфитеатра значительных размеров, украшения, домашнюю утварь и т.д.

Епископы по-прежнему сохраняют свой княжеский титул, но они потеряли свою власть как территориальные правители во время секуляризации, которая произошла по всему Тиролю, а также в княжестве Зальцбург.

ТРИДЕНТСКИЙ СОБОР

Хотя этот древний город, который в наши дни характеризуется чистотой и порядком, столь часто встречающимися в итальянских городах, претерпел множество превратностей и был ареной важных исторических событий, для жителей Трента сегодняшнего дня и для многих приезжающих в него гостей главными событиями, связанными с его историей, несомненно, останутся заседания знаменитого Собора, который начался в 1545 году. Многие могут задаться вопросом, как получилось, что такой сравнительно небольшой городок был выбран в качестве места проведения Конференции, призванной попытаться согласовать верования и доктрины и урегулировать церковные дела всего тогдашнего христианского мира. Вероятно, единственной причиной такого выбора было географическое положение города, который тогда, как и сегодня, был, так сказать, пограничным городом между итальянским и немецким влияниями и, хотя и находился на австрийской земле, все же содержал италияязычное население.

Совет открылся 13 декабря 1545 года и продолжал свои заседания (с перерывами) до 4 декабря 1563 года, последнее из которых было двадцать пятым по счету. Заседания Собора проходили в разное время во время правления трех пап, Павла III., Юлия III. и Пия IV., и среди постановлений Собора был подтвержден канон Священного Писания, включая Апокрифы, и Церковь была названа его единственным толкователем; что традиции следует считать равными Священному Писанию, а также были подтверждены семь таинств Крещения, Конфирмации, Вечери Господней, Покаяния, Елеосвящения, Орденов и Супружества; пресуществление, индульгенции в Чистилище и другие. рассматривались вопросы безбрачия духовенства, исповеди в ушах и другие вопросы.

Первое заседание состоялось под руководством кардинала Дель Монте, папского легата, который встал среди собравшихся прелатов и представителей и спросил их, желают ли они, "Во славу Божью, для искоренения ереси, для реформирования духовенства и народа и для низвержения врага христианского имени, принять решение и объявить, что Священный Всеобщий Тридентский собор должен начаться и был начат?" Как нам сказали, вся компания ответила "Placet", было спето "Te Deum", и было решено, что первое заседание Совета состоится 7 января. Заседания продолжались в разное время без каких-либо неблагоприятных событий до 1552 года, когда Морис Саксонский вторгся в Тироль, и хотя Совет заседал, большинство его членов покинули страну после того, как были повторно введены в действие различные декреты и постановления, которые были приняты ранее.

Десять лет спустя в Тренте собрался, по сути дела, еще один Собор, и снова была проведена торжественная служба, на которой кардинал Гонзага был избран президентом. По-видимому, между некоторыми архиепископами и епископами и одним из французских посланников возникла ссора. Первый не согласился с некоторыми условиями предложения архиепископа Реджо, в то время как второй высказал возражение против того, чтобы Собор считался продолжением первого Собора.

В разное время утверждалось, что зданием, в котором заседал Совет, был кафедральный собор на Пьяцца дель Дуомо, но теперь, кажется, почти нет сомнений в том, что местом собрания было не там, а в церкви Санта Мария Маджоре, расположенной на одноименной площади. В нем на северной стене Хора висит большая картина, изображающая около трехсот различных высших сановников, сидящих в Зале Совета. Всего членов совета насчитывалось около тысячи, и в дополнение к кардиналам, архиепископам, епископам, аббатам, главам религиозных орденов и представителям Университета присутствовали

также послы от императора Германии и от королей Франции, Испании и Португалии, от Венецианской и Генуэзской республики, от Швейцарии и от немецких курфюрстов.

Сначала возникли серьезные споры относительно порядка ведения работы Совета: какие темы должны быть вынесены на обсуждение и какие из вынесенных таким образом вопросов должны иметь приоритет. Немецкие прелаты и представители, по-видимому, благосклонно относились к обсуждению вопросов более практического характера, понимая при этом, что одной из главных причин разлада и отсутствия единодушия в Церкви было наличие практических и легко обнаруживаемых злоупотреблений. Поэтому они настоятельно призвали к тому, чтобы первая работа Совета носила характер реформ, направленных на устранение этих злоупотреблений. С другой стороны, итальянские прелаты и посланники были наиболее благосклонны к обсуждению вопросов доктрины и церковных обрядов. Однако эти разногласия были в конечном счете преодолены соглашением о том, что на каждую сессию Совета, посвященную догматике, должна проводиться сессия для рассмотрения вопроса о практических реформах.

Первый президент, кардинал Дель Монте, откровенно признал, что в Церковь проникло много злоупотреблений, и, чтобы доказать искренность своих предложений по реформированию, добровольно отказался от множества своих должностей; и этому примеру последовал принц-епископ Трента, который предложил сложить с себя Бриксенскую кафедру.

В 1547 году из-за эпидемии, бушевавшей тогда в Тренте, первая сессия была закрыта, и следующее заседание состоялось в Болонье. Карл V, который был очень активным сторонником проведения Собора, возражал против изменения места проведения и настоял на том, чтобы заседание было отложено. Он снова заседал в 1551 году в Тренте, и интересной особенностью заседания было присутствие протестантских делегатов и посланников от Мориса, курфюрста Саксонии, и от курфюрста Бранденбурга. Королева Елизавета отказалась прислать какого-либо представителя, предпочитая принимать решения английского созыва. После рассмотрения значительного объема дел Совет был закрыт и больше не собирался в течение одиннадцати лет. По этому случаю многие вопросы были вынесены на обсуждение, и было согласовано значительное количество мер практической реформы. Одним из наиболее важных было подавление собирателей милостыни, людей, которые были посланы с этой целью из Рима в разные страны с полномочиями продавать индульгенции. Именно таким образом была получена большая сумма денег, на которые был построен собор Святого Петра в Риме.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА

Среди других важных постановлений Совета было то, что запрещалось продавать, печатать или хранить какие-либо книги по священным вопросам под страхом анафемы и штрафа, наложенных каноном последнего Латеранского собора, если это не было предварительно одобрено ординарием. Он также предусматривал, что нарушители должны сжигать свои книги; должны платить штраф в размере ста дукатов; должны быть отстранены на год от занятий своим ремеслом; и далее добавляется, что они должны быть наказаны отлучением от церкви; и, наконец, если их упрямство усугубится, они должны быть так наказаны своим епископом всеми средствами, разрешенными законом, чтобы другие могли принять от них предупреждение и не поддаваться искушению последовать их примеру. Было также постановлено, что даже те, кто давал взаймы запрещенные книги, в том числе труды архиеретиков, таких как Лютер, Кальвин и другие, даже если они написаны в рукописи MS., должны подвергаться такому же наказанию; и все те, кто должен иметь в своем

распоряжении какие-либо такие книги, если только не называет имя автора, должны сами считаться авторами.

Кардиналу Лотарингскому, который присутствовал с четырнадцатью епископами, тремя аббатами и восьмьюдесятью учеными докторами богословия от имени короля Франции Карла IX, было поручено получить инструкции от этого монарха умолять Совет одобрить следующие реформы и льготы: чтобы во Франции совершались таинства, пели псалмы, возносились молитвы и преподавался катехизис на языке народа; и чтобы причастие полностью совершалось мирянами. Также, что должны быть приняты какие-то решительные меры для сдерживания распущенной жизни духовенства; и что Совет должен пойти на любые уступки, направленные на достижение мира и уменьшение раскола, которые не противоречат слову Божьему и не мешают Ему. Французские послы также попросили четких инструкций относительно доктрин, регулирующих использование изображений, реликвий и индульгенций; а также им было поручено привести аргументы против взимания платы за причастие, безвозмездных пособий и многих других вещей, которые наиболее либерально настроенные и прогрессивные из прелатов рассматривали как серьезные злоупотребления в Церкви. Одно удивительное возражение, которое Рено Ферье, тогдашний президент парламента в Париже, вместе с Ланзаком выдвинул перед Советом, касалось догмы о том, что власть Папы является высшей, поскольку они утверждали, что Совет выше Папы!

Как мы уже говорили, этот важный Совет по религии завершился в декабре 1563 года, когда президент внес предложение о его роспуске. Перед заключительной сценой акты Совета были окончательно согласованы и подписаны, "послы также добавили свои имена". Затем Президент отпустил прихожан со следующими словами: "После того, как вы вручили это Богу, преподобнейшие отцы, идите с миром". На что все присутствующие ответили: "Аминь". Затем кардинал Лотарингский поднялся и призвал благословение собрания на правящего в то время папу римского Пия IV., а также на его предшественников Павла III. и Юлия III. "По чьей власти, - сказал кардинал, - был начат этот священный Собор; им мир от Господа и вечная слава и счастье в свете Святых Угодников". На что присутствующие ответили: "Клянусь их памятью, вечно хранящейся в священном благословении".

Затем были произнесены молитвы за правящих монархов, чьи послы присутствовали, за святой вселенский синод Трента, веру и декреты которого, как заявили все присутствующие, они будут хранить вечно. Затем последовала финальная сцена, когда кардинал, стоя посреди огромного собрания, громким голосом провозгласил: "Анафема! анафема! всем еретикам!" На что последовал ответ: "Анафема!" И так закончился не только Тридентский собор, но и последний великий генеральный собор Римско-католической церкви.

ЦЕРКВИ ТРЕНТА

Церковь Санта-Мария-Маджоре, в которой проходили заседания Совета — довольно простое здание из красного мрамора, которое, однако, украшено прекрасной ломбардской колокольной, — всегда будет одной из самых интересных церквей среди многих в Тренте. Строгий снаружи, интерьер исключительно богато украшен. Чердак с органом, построенный в 1534 году, через двадцать лет после открытия церкви, отличается исключительной красотой. Спроектированный Винченцо Висентином, он имеет балюстраду из белого мрамора, опоры которой густо инкрустированы декоративными элементами и статуэтками изысканной работы. В церкви также есть несколько интересных и хороших картин, среди которых первая, приписываемая, хотя, возможно, и ошибочно, Тинторетто.

Есть одна или две интересные традиционные истории, связанные с этой церковью. Первое относится к прекрасному органу и гласит: "Настолько прекрасным тоном и настолько

уважаемой была работа ныне — насколько мы смогли установить — неизвестного изготовителя органа, что городской совет, как говорят, решил ослепить или искалечить его, чтобы для него было невозможно сконструировать другой подобный инструмент для любого другого города. Несчастный, не сумевший заставить советников отказаться от своего дьявольского намерения, попросил в качестве последнего одолжения разрешить ему поиграть на инструменте, который он смастерил, прежде чем варварский приговор будет приведен в исполнение. Но как только он оказался на чердаке органа, он принялся за работу и непоправимо повредил звукозаписывающую систему vox humana, которую он изобрел и которая была самой привлекательной чертой прекрасного инструмента; и таким образом он наказал Совет, который решил вознаградить его гений таким ужасным образом".

Другая легенда касается распятия, которое до сих пор можно увидеть в одной из боковых часовен собора, и которое по случаю последнего Дня, когда Совет был распущен 4 декабря 1563 года, было замечено склоняющимся в знак одобрения только что подписанных конституций и постановлений.

Из пятнадцати или шестнадцати церквей Трента кафедральный собор, строительство которого было начато в одиннадцатом веке и закончено в пятнадцатом, в форме романской базилики с фонарем над местом соединения креста, является самым важным. Он построен из того же красновато-коричневого мрамора, что и церковь Санта-Мария-Маджоре, камня которой предостаточно в непосредственной близости. Здесь сохранились некоторые остатки резьбы седьмого или восьмого веков, в частности ломбардские орнаменты трех портиков, которые представляют большой интерес. Интерьер церкви, посвященной святому Вигилию, содержит множество фресок, несколько хороших картин и других предметов, в том числе Мадонну работы Перуджино, копию Мадонны Ди Сан Лука в Пантеоне, которая была подарена епископу Трента во время визита в Рим в середине пятнадцатого века и с тех пор является объектом большого почитания горожан и крестьян окрестностей.

Музей в Муниципальном дворце, который, во всяком случае, год или два назад, к сожалению, был закрыт в июле и августе, когда в Тренте бывает много туристов, содержит некоторые очень интересные римские древности, включая надписи, домашнюю утварь, украшения, монеты, керамику и подобные предметы, и его стоит осмотреть час или два.

ДАНТЕ И ВАЛЬ САРКА

Связь Данте с Трентом, по-видимому, даже в настоящее время не доказана со всей очевидностью, хотя, казалось бы, нет никаких сомнений в том, что поэт провел в Трентино, по крайней мере, несколько месяцев. Эта теория получает значительную поддержку из ссылок, которые встречаются в "Божественной комедии" на Трентино, которые (по утверждению различных авторитетных источников) настолько подробны, что возможны только из личного опыта. Можно, однако, указать, что, как и в случае с Шекспиром, который довольно точно описал многие места, в которых он никогда не мог побывать, возможно, знания Данте о Трентино были получены не из личного опыта, и выдвинутая теория о его пребывании по соседству, основанная на упоминаниях этого района в его произведениях, не является неопровержимой. Однако итальянскими, немецкими и английскими учеными и учениками Данте было написано значительное количество книг, брошюр и статей в поддержку различных теорий, касающихся его визита в эти края. Один из самых образованных и обстоятельных авторов на эту тему — Занибони — похоже, не сомневается в том, что Данте был в Трентино, но что "Ад" был написан не во время его предполагаемого визита в замок Лиццана, а вскоре после его возвращения в Италию. Другие авторитеты склоняются к мнению, что Валь-Сарка, недалеко от крошечной деревушки Пьетра-Мурата,

является подлинным местом действия "Ада" Данте; и те, кто знает это пустынное и даже ужасное место, где сама земля кажется опустошенной, между высокими и скалистыми утесами стоит невыносимая жара, а вся долина представляет собой картину ужасного запустения, с огромными валунами, разбросанными туда-сюда, где не видно ни травинки и едва ли даже клочка лишайника, также будут склонны поддержать эту точку зрения. Но какой бы ни была правда, Трент предъявил Данте претензии в виде великолепного памятника ему по проекту Дзокки, установленного в 1896 году в центре площади Данте, недалеко от вокзала. Фигуры вокруг основания колонны, на которой стоит статуя поэта, с поднятой и вытянутой правой рукой, а в левой он сжимает свиток рукописи. К его груди, выполнены на удивление хорошо, и весь эффект мемориала, на фоне скалистых гор и в окружении цветочных клумб, впечатляет.

Здесь, конечно, есть бесчисленное множество интересных зданий, а также несколько других церквей, достойных изучения и внимания; но, возможно, среди всех внутренних построек и дворцов Трента, включая Палаццо Волькенштейн и Сиццо, а также Табарелли, в котором находятся великолепные частные коллекции картин и других *предметов искусства*, ни один не превосходит по романтическому и легендарному интересу Тейфельспаласт, который в разное время был известен под несколькими другими названиями, а в последнее время - как Палаццо Замбелли. Этот красивый дом (ныне банк) был построен Джорджем Фуггером, родственником богатого банкира Энтони Фуггера из Аугсбурга. Легендарная история такова:—

Георг Фуггер, познакомившись с некой Клаудией Портичелли, красивой молодой женщиной из Трента, отчаянно влюбился в нее, и хотя прекрасная Клаудия, похоже, не стала препятствовать его ухаживаниям, она была слишком горда, чтобы слишком легко уступить его предложениям, и, кроме того, была очень патриотична и склонялась к мнению, что тирольская девушка должна выйти замуж за тирольца. Руководствуясь этой идеей, когда, наконец, ее возлюбленный настойчиво потребовал от нее ответа, она сказала ему, что никогда не выйдет замуж за человека, который живет так далеко от ее любимого дома, и что она удивляется, как человек, у которого нет крошечного *pied à terre* в Тренте, может хоть на мгновение подумать, что он может претендовать на ее привязанность. Такой ответ на его иск мог бы, казалось бы, обескуражить большинство людей, но Джордж Фуггер, обладавший огромным состоянием, не собирался без борьбы уступать свои права или предполагаемые права на прекрасную Клаудию; и, более того, Клаудия Портичелли, хотя и отговаривала его так явно, (как женщина) отложила злополучный день дачи окончательного ответа чуть более чем на двадцать четыре часа. В этой задержке Георг Фуггер увидел решение, которое сделало его доступным благодаря большому богатству и решительному характеру. Поэтому он решил за короткое время, оставшееся до того, как Клаудия даст ему окончательный ответ, построить дом, "достойный драгоценного камня, шкатулкой которого он должен был стать".

САТАНИНСКИЙ ДОГОВОР

Двадцать четыре часа или около того, за которые можно было построить дворец, были, однако, таким невероятно коротким сроком, что ни один человек не мог надеяться выполнить эту задачу с помощью одного человека. Поэтому (так гласит легенда) он обратился за помощью к источнику, к которому ни одному доброму христианину и в голову не пришло бы обратиться, а именно к источнику Дьявола. В легендарных преданиях есть много историй о дьяволе, помогающем мужчинам и женщинам в исполнении их желаний, но почти неизменно ценой их душ.

Джордж Фуггер, как бы ни стремился к помощи дьявола, был слишком деловым человеком, чтобы желать подвергать опасности свою душу; поэтому цель, которую он поставил перед собой, состояла в том, чтобы получить помощь Дьявола, не платя ему за это цену. Был вызван дьявол, и он достаточно охотно взялся за эту задачу при обычном условии сдачи в конце жизни души человека, которому он помогал. Джордж Фуггер, не колеблясь, подписал договор своей кровью, оговорив лишь небольшой пункт, который предусматривал, что его Сатанинское величество должен со своей стороны оказать Фуггеру одну небольшую услугу, прежде чем требовать плату за свою помощь. Дьявол, должно быть, был в хорошем настроении, потому что согласился на это вполне охотно, ничего не подозревая, и обе стороны пошли своей дорогой, каждый вполне удовлетворенный своей частью сделки.

Тойфельспаласт, естественно, отличался великолепным дизайном, и на момент постройки был обставлен самой роскошной фурнитурой и украшениями, какие только мог вообразить разум человека или дьявола. При его строительстве использовались в основном различные виды мрамора, а позолота, украшения и резьба были такими, что прославились даже на всю страну, известную своими большими и прекрасными дворцами. Когда строительство было завершено, Дьявол вызвал владельца и попросил его назвать небольшую услугу, которую он должен был ему оказать. Джордж Фуггер продумал свой маленький план, как перехитрить дьявола, и, взяв бушель кукурузы, рассыпал ее по разным этажам своего огромного особняка. Тогда он сказал Дьяволу: "Смотри! Если ты сможешь собрать всю кукурузу, разбросанную по дворцу, зернышко за зернышком, и доставить ее мне обратно, не потеряв ни единого зернышка до утра, тогда моя душа будет твоей. С другой стороны, если тебе это не удастся, моя душа останется моей, так же как и дворец, который ты построил".

Дьявола, как нам говорят, нисколько не смутила поставленная перед ним задача, и, ни на минуту не сомневаясь в том, что он успешно ее выполнит, он принялся за работу по сбору зерна. В конце концов, незадолго до восхода солнца он выполнил свою задачу, все, кроме пяти зернышек кукурузы. Он обыскал все вокруг в поисках недостающих зерен, но безрезультатно, и прежде чем он смог их найти, забрезжил рассвет, который должен был ознаменовать окончание времени, отведенного на его задание; но Дьявол, несмотря на отсутствие пяти зерен, утешал себя мыслью, что Фуггер никогда не обнаружит пропажу пяти зерен среди многих сотен тысяч других, которые он насыпал в меру. Когда Фуггер пришел посмотреть, выполнил ли Дьявол свою задачу или нет, он пересчитал количество зерен кукурузы и, конечно же, обнаружил отсутствие пяти, поэтому спросил Дьявола, где они.

"О, - сказал дьявол, - они здесь, мера набита под завязку, и ты не можешь быть таким разборчивым".

Фуггер ответил: "Все это очень хорошо, но не хватает пяти зерен, и я должен получить их, иначе ты не выполнишь свою задачу и потеряешь все права на мою душу в обмен на дворец, который ты так чудесно построил для меня".

Лукавый ответил: "Ты неправильно подсчитал число. Я построил ваш дом и собрал все зерна кукурузы, и я не собираюсь выполнять свою часть сделки; кроме того, вы не можете доказать, что не хватает пяти зерен".

"О да, я могу, - ответил Фуггер. - протяни правую руку". И Дьявол, не видя, что выполнение просьбы может принести какой-либо вред, немедленно протянул свою огромную руку. Фуггер схватил ее и сказал: "Вот эти пять зерен лежат под твоими собственными когтями. Зерно, которое я поручил тебе собрать, было освящено тем, что было принесено в жертву Святому Кресту, и по этой причине тебе помешали выполнить свое предназначение. Ты не

собрал зерна в свою меру к рассвету, как было условлено, и поэтому наша сделка аннулируется.

Дьявол был в ужасном состоянии. Он не видел, как избежать осуждения за неудачу, и поэтому он попытался запугать Фуггера демонстрацией своего сатанинского гнева. Он принялся за работу и начал пытаться снести здание, которое он так недавно достроил. Но у него больше не было никакой власти над дворцом, и ему удалось только пробить в стене достаточно большую дыру, чтобы он мог пролететь через нее и улететь.

В течение многих лет эту замурованную дыру показывали посетителям, и многие представители низшего класса Трента считали ее несомненным доказательством сверхчеловеческого происхождения дворца и правдивости легенды.

Конец истории именно такой, какого можно было ожидать. Прекрасная Клаудия, которая, вероятно, никогда не собиралась отказывать богатому банкиру, согласилась выйти за него замуж, теперь, когда у него появился дом в Тренте. И там они жили, как говорят, долго и счастливо и в свое время умерли.

ПОСЛЕДНЯЯ МАДОННА

В непосредственной близости от Трента находится несколько других зданий и мест, представляющих большой интерес и отличающихся большой живописностью. Одна из любимых экскурсий - в часовню Мадонны Алле Ласте, которая находится на склоне холма к востоку от города, примерно в получасе неспешной ходьбы от порта Аквила, недалеко от дороги на Бассано. С этого места открывается не только прекрасный вид на город, но и можно посетить расположенную на отроге горы знаменитую мраморную Марию Бильд, с которой связана интересная легенда. Эта "картина" на протяжении веков была объектом почитания жителей Трента и окрестностей.

Где-то в середине семнадцатого века эта прекрасная табличка была кощунственно повреждена и обезображена странствующим евреем, к большому гневу и возмущению жителей Трента. И хотя немецкий художник по имени Детшер сделал все возможное, чтобы восстановить резьбу, ему не удалось полностью стереть все следы полученных ею повреждений. Но, как гласит легендарная история, какой-то чудесной силой она была полностью восстановлена за одну ночь, и это чудо настолько усилило почитание Марии Бильд, что люди подумали, что нет такой отчаянной болезни, которую нельзя было бы вылечить молитвами у такой святой святыни. Этой замечательной резьбе приписывают несколько чудес, которые стали настолько почитаемыми, что в конечном итоге для нее была построена часовня, переданная на попечение отшельника; а позже благодаря щедрости фельдмаршала Галласа на этом месте была основана община кармелиток, и так продолжалось до секуляризации, которая произошла много лет назад.

Здания монастыря, однако, все еще стоят, и из них открывается прекрасный вид на далекую горную цепь и склоны переднего плана, покрытые персиковыми и другими фруктовыми деревьями.

Здесь нет места рассказывать о многих других интересных прогулках и легендах, связанных с разбросанными деревнями, которые находятся в непосредственной близости от причудливого и исторического Трента. Большинству путешественников приходится покидать Трент неохотно, потому что он красив по своему расположению и глубоко интересен со всех точек зрения.

К югу и юго-западу от него расположены два интересных города. Первый - Ровередо, второй - Арко; первый, хотя и менее посещаемый и менее исторический город, чем Трент, все же имеет определенное значение и замечательно удачно расположен. Он датируется римскими временами и получил свое название Роборетум из-за огромных дубовых лесов, которыми он был окружен. Главная дорога, ведущая к нему, из-за того, что это был один из древних путей в Тироле, усеяна руинами древних крепостей и замков, находящихся в более или менее запущенном состоянии. Большинство из них, включая Предахо, Каслбарко, Бесено, Лиззана (в последнем названии которого Данте жил в первые несколько лет четырнадцатого века, после своего изгнания из Флоренции) и другие принимали участие в различных битвах за обладание Тиролем, которые велись в разное время между императором Германии, Венецианской Республикой, князьями-епископами Трента и другими могущественными семьями округа, которые вели частную и иную вражду на протяжении всего средневековья.

ПОГРЕБЕННЫЙ ГОРОД

Во время изгнания Данте из Флоренции замок Лиззана был домом скалигеров, которые приютили поэта во время его изгнания. Недалеко от замка находится знаменитая Склавини (или оползень) Сан-Марко, которая на самом деле является обширным "*штайнмеером*" и, вероятно, скорее представляет собой большую и, возможно, доисторическую морену, чем оползень. Но как бы то ни было, местоположение этого огромного скопления огромных камней, брошенных туда—сюда, без сомнения, вдохновило поэта, по крайней мере, на создание "спуска в преисподнюю",^[19] который звучит следующим образом:-

"Место, где можно спуститься с обрыва

Мы пришли, было тяжело, как в Альпах, и на грани

Лежал такой предмет, от которого любой глаз отвернулся бы.

Как и те руины, которые ручей Адис

С этой стороны "Тренто" нанес удар, рассекая волну плечом,

Или ослаблены землетрясением или из-за отсутствия опоры;

Ибо с вершины горы, откуда она двинулась

На низкий уровень, так что стремительный камень

Дрожит, что это может дать какой-то отрывок

Тому, кто пройдет свыше; есть такие

В пропасть был спуск: и там

В точке разрозненного хребта...."

Перевод Кэри.

Существует легенда, что прекрасный город, когда-то известный как Сан-Марко, который был разрушен оползнем, произошедшим в начале девятого века, погребен под гигантскими скалами. Во всяком случае, в средние века эта вера преобладала, в результате чего крестьяне округа постоянно копались в *обломках* в надежде найти что-нибудь из огромных сокровищ, которые, по преданию, были захоронены вместе с городом. История, в которой присутствует почти боккаччианский оттенок юмора, гласит, что однажды крестьянин,

проводя такие раскопки, наткнулся на огромный валун, на котором огненными буквами было написано по-итальянски: "Счастливы будут те, кто перевернет меня". Вполне естественно, что крестьянин был в состоянии великого восторга; несомненно, это указывало на то, что богатство, которое он искал, будет найдено скрытым под камнем. Созвав соседей и, несомненно, пообещав им долю добычи, после почти нечеловеческих усилий огромный камень был перевернут; но вместо того, чтобы обнаружить в открывшейся полости ожидаемое сокровище, они обнаружили лишь другую надпись на нижней стороне камня шуточного и насмешливого характера, также на итальянском, которая в буквальном переводе гласила следующее: "Спасибо, что перевернули меня; у меня болели ребра". Поскольку итальянский крестьянин, как никто другой, мало заботится о неоплачиваемом труде и легко впадает в депрессию от такого сарказма, нам говорят: "С тех пор предполагаемый разрушенный город Сан-Марко и его зарытые сокровища были оставлены в покое".

Недалеко от этого места, на другом берегу реки, также находится обитель другой легенды о глубокой пещере, относительно которой существует предание, что много лет назад здесь обитал жестокий белобородый хобгоблин, питавшийся человеческим мясом - преимущественно детским, — и что тот, у кого хватит смелости исследовать пещеру до ее глубин, найдет в конце ее останки хобгоблина, и что его дух вознаградит искателя приключений, сообщив ему, где спрятано огромное сокровище.

Возможно, легенда возникла из-за того факта, что близлежащий район когда-то был наводнен свирепой бандой разбойников, которые грабили не только путешественников, но и жителей окрестностей. К концу XII века банда стала настолько грозной, что тогдашний епископ Трентский направил против них войска и разрушил логово разбойников, построив на том месте, где оно находилось и откуда они привыкли нападать на путешественников, странноприимный дом для защиты путников, часовня которого была посвящена святой Маргарите.

РОВЕРЕДО

Примерно в дюжине миль к югу от Трента, вниз по приятной долине, через которую извилисто течет река Адидже, лежит Ровередо, или Роверето, оживленный и процветающий город, известный своей культурой изготовления шелка, расположенный по обе стороны реки Лено, над которым возвышается старинный замок, построенный венецианцами и выдержавший множество ожесточенных осад. Торговля шелком, которая придает Ровередо его главное значение, появилась в городе еще в середине шестнадцатого века и внесла большой вклад в его постоянное процветание. Как ни странно, главная семья Ровередо в начале восемнадцатого века установила деловые отношения с Англией, и результатом этого стала процветающая торговля.

Город красиво расположен, и со склона холма над ним видны обычные красные крыши и белые стены, которые отличают большинство итальянских городов. Здесь множество очаровательных закоулков, вымощенных булыжником ступеней, ведущих через причудливые арки в зигзагообразные, узкие улочки необычайной живописности, на изучение которых хочется потратить много времени, особенно если у вас есть фотоаппарат. Однако его главные улицы широки и красивы, особенно Корсо Нуово, обсаженная тенистыми деревьями, ведущая от железнодорожного вокзала в город.

Хотя в Ровередо семь или восемь церквей, ни одна из них не представляет особой ценности, но в церкви Святого Рокка, здании, возведенном в середине семнадцатого века в соответствии с обетом, данным жителями, делать это во время посещения чумы, если

бедствие будет остановлено, есть хороший алтарь, предположительно работы Джованни да Удине. Несмотря на то, что Ровередо не является местом для длительного проживания, его, несомненно, стоит посетить тем, кто любит живописную архитектуру, а также из-за его приятного расположения.

Арко, который находится на пути в Риву, лежит почти точно к западу от Ровередо, но до него можно добраться по железной дороге круглым путем, через Мори, Наго и Виньоле, и живописно расположен среди лавров, пальм и олив, над которыми возвышается большой старинный замок, расположенный на поросшей соснами скале высоко над городом. Этот замок подвергся бомбардировке французами и был разрушен во время войны за испанское наследство в 1703 году. Церковь, выдающийся объект этого красивого городка, представляет значительный интерес, и среди других мест, достойных внимания, стоит отметить замок покойного эрцгерцога Альберта с удивительно красивым зимним садом. В последние годы Арко приобрел известность как санаторий для инвалидов со склонностью к чахотке и, как следствие, располагает целым рядом отличных отелей.

От Арко до Ривы всего несколько миль, и, по возможности, их следует проехать в экипаже, а не на поезде, поскольку дорога лежит через самые восхитительные плодородные луга, простирающиеся по обе стороны до высоких холмов, обрывающихся в долине. Рива, который является тирольским портом на очаровательном озере Гарда, является одним из самых восхитительных мест во всем Тироле. Когда стоишь на набережной, далеко на юг простирается прекрасное озеро, чьи темно-синие воды и изысканный горный пейзаж воспеты поэтами и описаны путешественниками на всех языках Европы. В верховьях озера очень оживленно прибывают и отбывают туристы - пароходы, парусные суда, груженные товарами, сеном и другими продуктами, что придает маленькой гавани вполне деловой вид, который в сочетании с необычной живописностью не может не очаровать каждого, кто сюда приезжает.

Сам город расположен в основном у подножия обрывистой Роккетты, по бокам которой растут оливковые деревья, инжир, пальмы, алоэ и другая растительность; а над каждым из них нависает темно-синее итальянское небо, летом озаряемое ярким солнцем северной Италии. Бродя по причудливым улочкам и переулкам, некоторые из которых с аркадами, вы наткнетесь на множество картин и очаровательных архитектурных деталей для холста и камеры, в то время как недалеко от Ривы, на берегу озера, находится маленькая деревушка Торболе, пристанище художников, которые находят в ее примитивном характере рыбацкой деревушки настоящую кладезь восхитительных сюжетов для картин.

Приходская церковь Ривы заслуживает внимания; это действительно красивое здание, и его интерьер представляет большой интерес. На окраине города находится церковь Непорочного Зачатия, которая была построена кардиналом фон Мадрузом с целью сохранения чудотворного образа Пресвятой Богородицы. В городе находятся две церкви, которые возникли во времена чумы, церкви Сан-Рох и Сан-Себастьян, возведенные в 1522 и 1633 годах. Окружающий район отличается тем, что снабжает весь Тироль оливковыми ветвями, которые используются в Вербное воскресенье; и Рива долгое время считалась самой северной границей, на которой могли бы процветать оливковые деревья. Однако в последние годы эта идея оказалась ошибочной, поскольку в настоящее время их выращивают так далеко на север, как Бозен.

ЧУДЕСНЫЙ ВИД

Восхождение на Альтиссимо-ди-Наго, хотя и является трудным восхождением для всех, кроме опытных пешеходов, того стоит, поскольку панорама озера, открывающаяся с

вершины, поражает красотой. Многие посетители Ривы также отправляются в Сан-Джакомо, чтобы увидеть восход солнца, как раз во время восхождения на Риги. Позади простираются горный хребет за горным хребтом и величественная вершина за вершиной скалистых и покрытых снегом Альп; в то время как к югу раскинулось прекрасное озеро Гарда, отливающее королевской синевой в лучах восходящего солнца, и обширные равнины Ломбардии по обе стороны от него, усеянные прекрасными городами, из которых Милан, если атмосфера будет ясной, покажется - хотя на самом деле он очень далеко — настолько близким, что хорошая прогулка перед обедом позволит добраться до него.

Этот любимый город не только доставит вас к южной границе Тироля, но и станет очаровательным местом отдыха, из которого можно совершить множество интересных экскурсий, прежде чем отправиться, пусть и неохотно, снова на север, через, возможно, более величественные, но менее мягкие и располагающие к отдыху пейзажи дикого Тироля.

ГЛАВА X.

СРЕДИ ДОЛОМИТОВЫХ АЛЬП, С ЗАМЕТКАМИ О НЕКОТОРЫХ ТУРАХ И ВОСХОЖДЕНИЯХ

Для многих, кто посещает Тироль, самым интересным районом этого восхитительного края является регион Доломитовых Альп, который составляет на сегодняшний день большую часть Южно-Тирольского нагорья и предлагает не только уникальные возможности для альпинистов, но и множество впечатляющих и красивых пейзажей.

Только сравнительно недавно Доломитовые Альпы юго-восточного Тироля стали популярным местом отдыха туристов и путешественниц. Но несколько десятилетий назад это была — за исключением геологов, нескольких художников, специалистов по горному делу и наиболее предприимчивых альпинистов — *терра инкогнита*, регион, едва ли более известный широкой путешествующей публике, чем центр Африки. Даже в наши дни западноевропейские отдыхающие посещают его гораздо реже, чем он того заслуживает.

Раньше существовало некоторое оправдание невежеству и пренебрежению, которые можно было бы оправдать отсутствием удобного транспорта, хороших дорог и железных дорог к близлежащим пунктам. Но в настоящее время так много сделано для того, чтобы открыть этот очаровательный горный край путешественникам, искателям отдыха и художникам, что оправдываться больше не приходится.

Что касается климата, пейзажей, людей и жилья, которые сейчас предлагаются путешественникам, многое можно похвалить. Действительно, относительно всего этого было бы трудно сказать все, что можно, не рискуя быть обвиненным в пристрастности или преувеличении.

В этой части Тироля (как, впрочем, можно сказать и о других) все еще встречаешь гостеприимство и учтивость в гостиницах и домах отдыха, которые в основном основаны не на ожидании личного возвышения или денежного вознаграждения, точно так же, как все еще находишь тишину, связанную с великолепными пейзажами и прекрасными перспективами, которые еще не используются.

В регионе Доломитовые Альпы, хотя его популярность с каждым годом растет, все же можно встретить комфортабельные отели, которые не переполнены туристами того типа, для которых хороший ужин - это больше, чем свежий воздух и пейзажи, а вечерние наряды являются *непременным условием*. Одним словом, мы обнаружили, что регион Доломитовых Альп свободен от многих недостатков Швейцарии — этой наиболее эксплуатируемой европейской страны, в которой в настоящее время, возможно, меньше всего тишины и

отдыха — и предоставляет игровую площадку для простого пешехода, а также наиболее привлекательный регион для проявления альпинистского инстинкта.

Однако следует признать, что на менее посещаемых перевалах и долинах иногда приходится преодолевать небольшие трудности, и что нужно быть хорошим и выносливым ходоком, чтобы "пройти" этот регион пешком. Но хотя некоторые постоянные дворы в менее известных долинах все же несколько примитивны, готовка там обычно хорошая, а кровати, хотя постельное белье может быть грубым, почти без исключения окажутся безупречно чистыми.

Можно добавить, что французский язык мало используется в Доломитовых Альпах, за исключением отелей на наиболее посещаемых туристами курортах, таких как Тоблах, Кортина, Карер—Зее, Бозен и т.д., При этом в основном говорят на итальянском и немецком - на первом почти повсюду в регионе; на втором в основном в Гадер-Тале, Греденер-Тале и районе к северу от Ампеццо-Тала; хотя в разбросанных деревушках к югу от последнего то тут, то там встречаются крестьяне, говорящие на обоих.

Регион Доломитовых альп наиболее доступен со стороны венецианской границы, Бозена или Брунека; а настоящий доломитовый район, в котором есть все самое великолепное с точки зрения пейзажей и привлекательности для альпинистов и студентов-геологов, находится на полпути между упомянутыми нами пунктами и занимает сравнительно небольшую территорию размером примерно пятьдесят на сорок миль.

Даже в наши дни в Доломитовых Альпах сохранилось множество вершин, по которым еще не ступала нога, по крайней мере, современного человека, а также бесчисленные восхитительные тропинки среди изысканных пейзажей, где цветы устилают землю, а крошечные ручейки исполняют свою водную музыку. По этим закоулкам, от восхода до заката, можно путешествовать среди великой тишины холмов, не встретив ни единого попутчика. Высота многих вершин превышает 10 000 футов, и те, кто впервые поднимется на их скалистые стены, изрезанные глубокими трещинами склоны и покрытые льдом и снегом вершины, выполняют задачи, не уступающие тем, которые выполняли бесстрашные альпинисты прошлого, покорявшие огромные высоты Альп или Гималаев.

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

С тех пор, как геологи начали строить предположения и спорить о происхождении и природе природных явлений, среди тирольских, немецких и французских геологов возник конфликт мнений, в частности, относительно Доломитовых Альп. Но хотя спекуляций было много и время от времени выдвигались различные правдоподобные теории, мы думаем, можно с уверенностью сказать, что ни одна из них не была абсолютно доказана или общепринята. Барон Рихтгофен, пожалуй, самый способный представитель того, что обычно известно как теория происхождения коралловых рифов, и в последние годы она была в значительной степени принята ведущими геологами разных национальностей.

АЛЬПЕНВИЗЕ, НА ГОРЕ СЕЙЗЕР АЛЬП

Барон Рихтгофен основывает свою теорию главным образом на следующих моментах: "А) изолированный характер самих гор и тот факт, что их склоны часто настолько круты и четко очерчены, что исключают любое предположение о том, что они образовались в результате обычных процессов истощения, и что в целом они напоминают атоллы. (В) что по своему составу часто обнаруживаются окаменелости и отложения исключительно морского характера, очень похожие на те, что встречаются в коралловых рифах; в дополнение к этому конфигурация многих вершин почти в точности аналогична конфигурации современных коралловых рифов, с обрывистыми и почти идеально вертикальными склонами, где они должны были бы (если теория коралловых рифов верна) постоянно омываться приливом, и с гораздо менее обрывистыми склонами с внутренней или подветренной стороны. С) тот факт, что здесь нет заметных следов какого-либо вулканического происхождения. (D) они также по своей общей форме и линиям ограждают пространства аналогично тому, что неизменно ограждают коралловые рифы". Есть много других моментов сходства, выдвинутых в исчерпывающем "Физическом описании Доломитового района" г-на Г. К. Черчилля, в которые, однако, нет необходимости здесь углубляться.

Говоря о Шлерне, великолепном пике, возвышающемся над таким диким и живописным лесистым ущельем на высоту 8402 фута, барон Рихтгофен с уверенностью утверждает, что это коралловый риф и что все его образование, подобно образованию "Атоллов" Тихого и Индийского океанов, обусловлено деятельностью животных и отложениями.

Доломитовые Альпы, которые, можно сказать, простираются между Айзаком, Эчем и Пустерталем на юго-восток и простираются через границу с Тиролем в венецианский округ, получили свое название в честь известного геолога Доломье, который жил в восемнадцатом веке, а во второй его части много путешествовал по Тиролю и был первым, кто привлек внимание ученых и других к своеобразному структурному формированию южных горных хребтов. Здесь можно кратко сказать, что их материал в основном состоит из известняка, но они отличаются от других меловых Альп особой примесью магнезии. Тот факт, что давным-давно море, должно быть, покрывало этот регион, и делало это в течение длительного периода, подтверждается тем обстоятельством, что при восхождении часто находят на самых вершинах самых высоких пиков окаменелые морские раковины. Многие авторитетные специалисты склоняются к убеждению, что по крайней мере некоторым Доломитам помогли вырасти, если не образовались на самом деле, вулканические факторы, и эта теория

подтверждается тем фактом, что кратеры на некоторых из них прослеживаются и по сей день. Но каким бы ни было истинное происхождение этих великолепных вершин, в их уникальности не может быть никаких сомнений.

Некоторые могут утверждать, что Доломитовые Альпы не обладают суровым и, казалось бы, неприступным величием покрытых снегом Средних Альп с их могучими ледниками и полями вечного снега; но в том, что касается красоты их красок, дикости их романтических пейзажей, тесно связанных с самыми прекрасными и панорамными пейзажами, им нет равных, так же как климат местности, в которой они расположены, восхитителен и бодрящ.

На этой сравнительно небольшой территории можно насладиться разнообразием пейзажей, непревзойденных, насколько нам известно, ни на одном Европейском континенте. В пределах региона Доломитовых Альп находится широкий спектр высоких гор и потрясающих утесов, местами напоминающих путешественнику каньоны Скалистых гор, с вершинами, зубчатыми стенами и башнями, возвышающимися со всех сторон подобно разрушенным титаническим крепостям, но их дикость в некоторой степени смягчается красотой цвета, когда они позолочены восходом солнца или купаются в розовых лучах заката. Между высокими пиками, которые вздымаются ввысь до самого небесного свода, как кажется путнику, стоящему у их подножия, простираются прекрасные, извилистые альпийские долины, часто густо поросшие лесом и покрытые восхитительной зеленью, усыпанной мириадами альпийских цветов. По долинам, благоухающим соснами и цветами, бегут стремительные потоки или более тихие ручьи, которые часто берут начало в крошечных темно-синих альпийских озерах, расположенных среди окружающих сосновых лесов, в спокойных водах которых отражаются возвышающиеся скалы и уединенные леса, окружающие их.

В эти живописно расположенные места, населенные счастливыми и дружелюбно настроенными крестьянами, с каждым годом приезжает все большее число путешественников из других стран Европы и Америки, стекающихся во все наиболее посещаемые места с намерением насладиться прекрасными пейзажами, над которыми в летние месяцы нависает свод темно-синего неба, выглядящий еще более голубым по контрасту с покрытыми снегом доломитовыми вершинами, величие и завораживающую красоту которых нелегко забыть тем, кто хоть раз на них посмотрел.

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Одним из больших преимуществ туров по Доломитовым Альпам для пешеходов, и в особенности для велосипедистов - хотя езда на велосипеде доставляет много хлопот — является прекрасная сеть дорог, пересекающих страну во всех направлениях. Поверхность этих дорог, как правило, превосходная, хотя некоторые из них достигают высоты от пяти до шести тысяч футов над уровнем моря. Уклоны хорошо продуманы, дорога поднимается извилистыми изгибами вверх по склонам холмов, в основном такими легкими этапами, которые позволяют преодолевать их пешком, в экипаже, автомобиле или даже на велосипеде без особых трудностей или усталости. Таким образом, вы достигаете открытых, солнечных плато и хребтов, которые служат для разделения отдельных групп гор друг от друга, где путешественник почти всегда может найти жилье в хороших современных отелях или в хорошо обустроенных и модернизированных гостиницах.

Именно благодаря этим многочисленным хорошо управляемым и превосходно оборудованным отелям и гостиницам выделяется регион Доломитовые Альпы; и они настолько разнообразны по размеру, типу и стоимости жилья, которые в них можно найти, что могут удовлетворить практически любой вкус и кошелек. Особенно это было актуально в

течение последнего десятилетия, когда были открыты новые маршруты и предоставлены дополнительные и адекватные гостиничные номера. Огромные здания, обеспечивающие всевозможный комфорт и современные удобства, обслуживаемые состоятельными посетителями, отели менее грандиозного масштаба, соответствующие требованиям зажиточного среднего класса, и все же более скромные, хотя и не менее хорошо управляемые и комфортабельные заведения, где за почти невероятно малую сумму пешеходы и туристы с более ограниченным достатком могут получить отличную еду, - все это можно найти в регионе Доломитовых Альп. В более крупных отелях на более известных курортах, конечно, можно найти почти ту же "жизнь", что царит в таких местах, как Ишль, Земмеринг, Понтрезина, Санкт-Мориц и Люцерн, где во время ужина играют оркестры, дамы носят изысканные парижские туалеты, мужчины одеваются к ужину, а скалолазание для большинства посетителей является второстепенным по сравнению с возможностью насладиться "шикарным" обществом. В небольших местах обнаруживается большая простота и, на наш взгляд, большее очарование, где больше видно жизни людей и меньше экзотики.

Но Доломитовые Альпы сами по себе представляют множество достопримечательностей для альпиниста, и в то же время обеспечивают многочисленные восхождения, которые могут быть предприняты сравнительно нетренированными и неопытными. Во многом это связано с тем фактом, что они состоят в основном из изолированных групп гор большой высоты, но к которым, из-за их изолированности, не нужно совершать длительных и утомительных переходов до того, как начнется само восхождение, как это часто бывает с большими вершинами Центральных Альп. На многие из более высоких вершин, достигающих более 9000 футов в высоту, можно подниматься без особой усталости по хорошо проложенным тропам, обеспечивая, таким образом, туристам, которые не являются опытными альпинистами, множество физических упражнений с элементами приключений и вдохновения, которые больше всего привлекают всех альпинистов, и награду в конце, которая ждет тех, кто проникает в более высокие регионы с более чистой атмосферой и более широким кругозором великолепных красот горных районов.

Конечно, есть много других Доломитовых вершин, подняться на которые могут и должны только опытные и выносливые альпинисты, для которых не страшны большие высоты и риски, связанные с их восхождением. Общеизвестно, что в этом районе как для неопытных, так и для самых опытных альпинистов совершаются одни из самых интересных горных восхождений в Европе. В регионе Доломитовых Альп, особенно в последнее время, скалолазание достигло необычайного прогресса. Вершины, восхождение на которые несколько лет назад считалось великим достижением даже для хороших альпинистов, теперь ежегодно покоряются большим количеством людей; и каждый год к покоренным вершинам прибавляются новые, некоторые из которых десять лет назад считались абсолютно неприступными и, вероятно, останутся таковыми.

Доломитовые Альпы, действительно, постепенно становятся такими же известными альпинистам и потенциальным альпинисткам даже из стран Западной Европы, как и швейцарские Альпы, и ежегодно все большее число любителей альпийских пейзажей проводят свой отпуск в этом регионе; а в последние годы этот район многие посещают даже зимой. Летом, хотя для туристов уже предоставлено много жилья, его на данный момент явно недостаточно для всех посетителей, которые стекаются в этот регион в июле, августе и сентябре. Поэтому всем, кто желает комфортно провести время в эти месяцы, рекомендуется заранее забронировать номера во всех местах, которые планируется посетить, особенно в тех центрах притяжения, к которым обычно стремится большее количество туристов.

ГРУППЫ ДОЛОМИТОВ

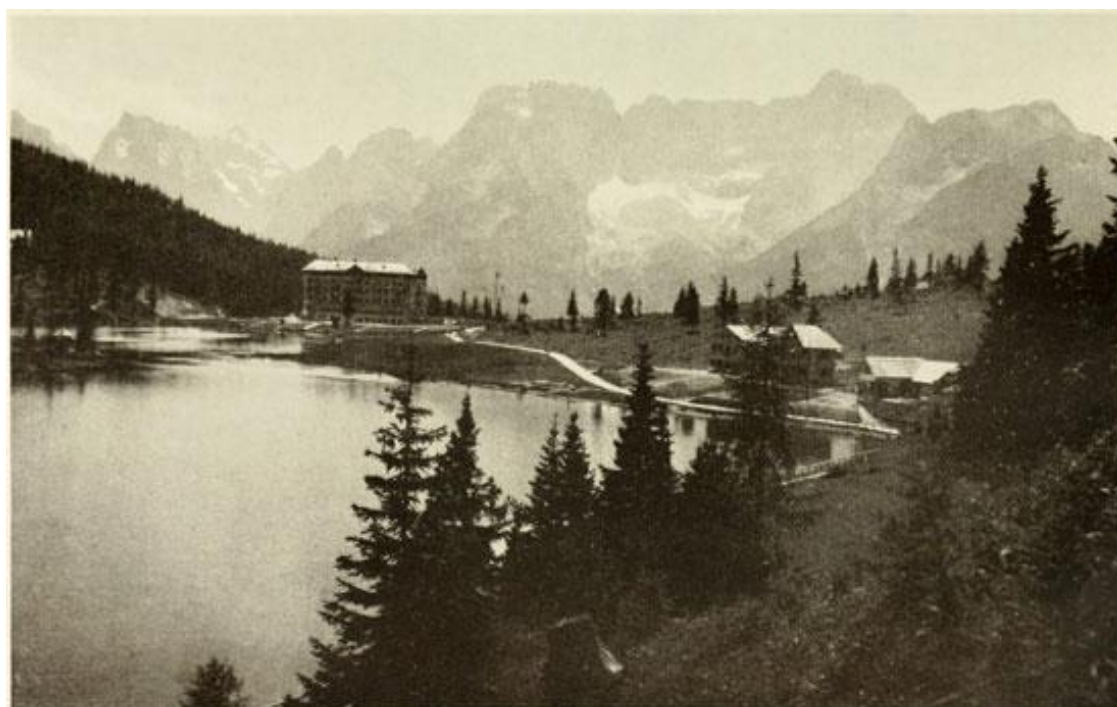
Доломитовые Альпы можно разделить на следующие группы, протянувшиеся с востока на запад.^[20] (1) Доломитовые альпы Секстнера, наиболее важными вершинами среди которых являются Дрей-Шустер-шпиц, 10 375 футов, на который обычно поднимаются с Фишелейн-Боден; Эльферкофель, 10 220 футов; Цвельферкофель, 10 150 футов; Обербахер-шпиц, 8 700 футов, и Дрей-Циннен, 7897 футов, две абсолютно голые вершины из сернистого известняка с бледно-оранжевыми прожилками, величественно и смело поднимающиеся из-за плато Монте-Пиана как два огромных покрытых ссадинами пальца титанической руки. (2)

Доломитовые Альпы Ампеццанера с Монте-Кристалло высотой 10 495 футов, с его многочисленными вершинами, покрытыми снегом, утопающими в агатово-зеленых водах прекрасного Дюррен-Зее, окруженного соснами. Монте-Антелао, 10 710 футов; три Тофаны, высота которых варьируется от 8565 футов до 10 635 футов; и Сорапис, 10 520 футов. (3)

Иорданские Доломитовые Альпы с Нуволау высотой 8685 футов; Монте-Пельмо высотой 10 395 футов; и Монте-Чиветта высотой 10 565 футов, западный склон которой от Каприле не поднимался до недавнего времени, в 1895 году, когда г-н Дж. Рейнор и Филлимор вместе с

двумя гидами из Ампеццо совершили восхождение. (4) Доломитовые Альпы Греденер, которые охватывают прекрасный Розенгартен, Шлерн (8415 футов); группа Селла, включая Селлайох (7275 футов); Роделла (8155 футов) и другие меньшие вершины; и Гейслершпитцен с его высочайшей вершиной Сас-Риге (9930 футов). (5) Доломитовые Альпы Фассанера, состоящие из групп Латемар, 9166 футов; Мармолада, самая высокая из всех Доломитовых Альп, огромная группа с несколькими вершинами, включая Пунтади Пеня, 11 020 футов; Мармолада ди Рокко, 10 820 футов и другие великолепные и возвышенные вершины; и группа Пала, включая Чимоне-делла-Пала, 10 450 футов, Пала-ди-Сан-Мартино, 9830 футов и Пала-делла-Мадонна, 8336 футов.

В этом очаровательном регионе Доломитовых Альп можно совершить бесчисленное количество интересных и живописных экскурсий, но пространство, имеющееся в нашем распоряжении, позволит упомянуть лишь несколько наиболее доступных, интересных и колоритных.

ОЗЕРО МИЗУРИНА

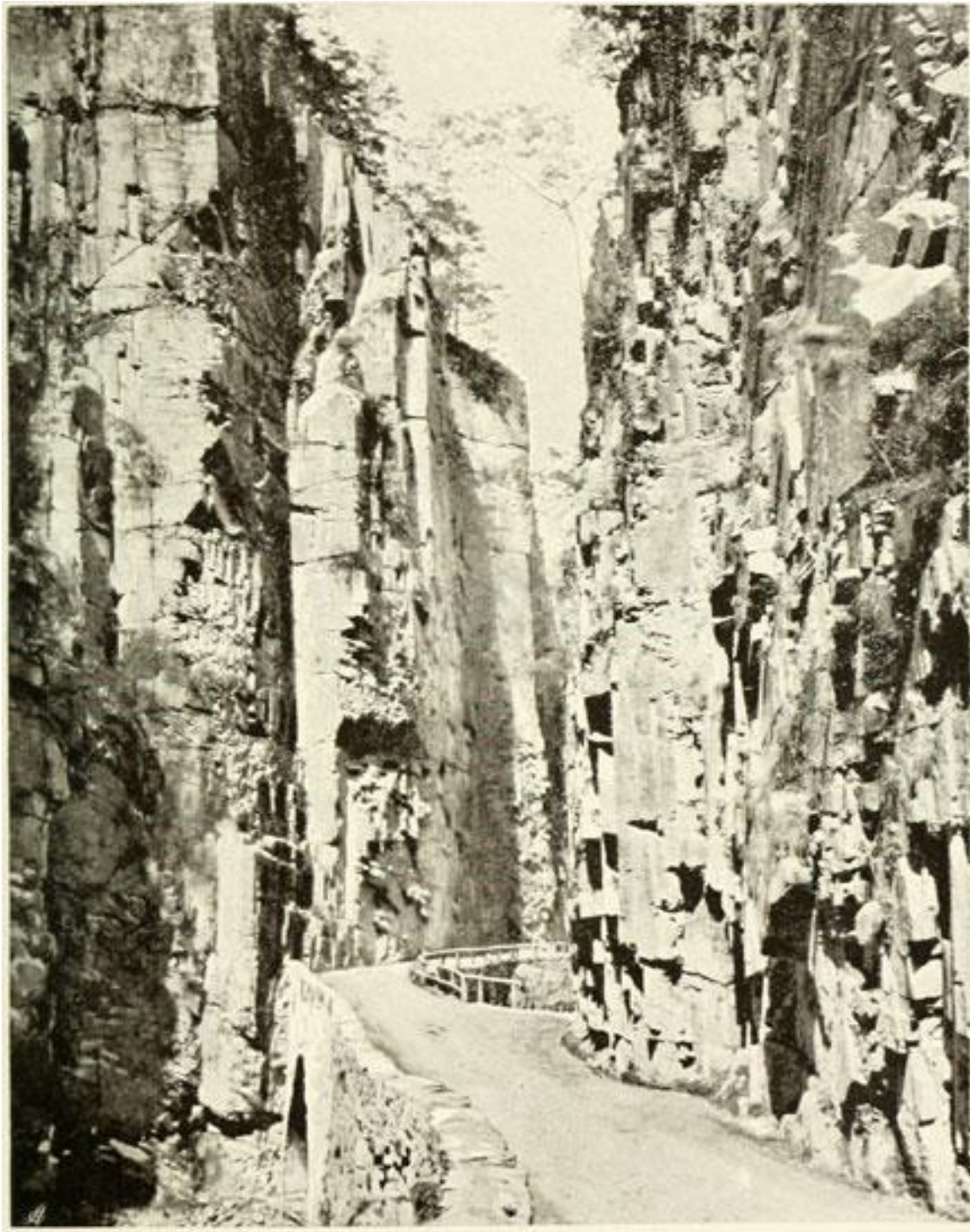
Инничен Через Секстен-Тал к озеру Мисурина.

Иннихен, до которого можно добраться из Тоблаха через красивый сосновый (лиственничный) лес, представляет собой красиво расположенный городок на дороге Пустер-Тал, с хорошим размещением для посетителей. Здесь находится прекрасная монастырская церковь, построенная в тринадцатом веке, которая является одним из самых интересных и уникальных зданий в Тироле. Здесь есть несколько очень необычных и гротескных фигур и выцветшие фрески, а также небольшая часовня, построенная в подражание Гробу Господню одним из жителей деревни, который однажды совершил паломничество в Святую Землю. Дорога ведет немного ниже, мимо деревни, в долину Секстен, главной деревушкой которой является Секстен, или Сент-Вейт, который в настоящее время является очаровательным и часто посещаемым летним курортом, где можно побродить среди почти бескрайних сосновых лесов и насладиться свежим горным воздухом и тишиной в окружении изысканных пейзажей. Из Секстена примерно за час можно добраться до Фишляйн-Бодена через Моос по красивой тропинке через сосновый лес, откуда открывается восхитительный вид на верхнюю часть долины с Дрей-Шустер-Шпитце, Обербрахер-Шпитце, Дрей-Циннен, Эльферкофель, Цвельферкофель и Ротванд, а также почти непревзойденная панорама снежных вершин. С этой точки, минуя хижину Жигмонди, высотой 7320 футов, попадаешь в Бахерйох. Из Хижины Зигмонди можно подняться на Эльферкофель и Цвельферкофель, оба из которых, однако, очень трудны. Над Бахерйохом тропинка ведет к хижине Дрей Циннен на Тоблингер Ридель, на высоте 7895 футов, мимо знаменитого Дрей Циннена к красивому озеру Мисурина, окаймленному деревьями и окруженному горами, одному из самых очаровательных и живописных мест в Доломитовых Альпах.

Тоблах через Ампеццо-Тал в Шлудербах и Кортину.

Из Тоблаха можно совершить отличную экскурсию по долине Ампеццо в Шлудербах и Кортину. Отправная точка расположена на водоразделе высокого Пустер-Тала и является прекрасным местом для лечения чахотки и различных форм лечения на свежем воздухе. Его посещают люди практически со всех уголков мира, и, как следствие, размещение в отелях здесь отличное и даже роскошное. Сама деревня Тоблах находится в начале дороги Ампеццо, которая здесь отходит от Пустер-Тала на высоте почти 4000 футов и ведет прямо на юг, проходя между Сарлкофелем (7740 футов) справа и Нойнеркофелем (8418 футов) слева. Железная дорога Пустерталь, которая проходит примерно в миле от деревни, позволяет легко добраться до Тоблаха, и именно по соседству со станцией построены огромные современные отели, действующие, так сказать, как ворота в прекрасную долину Ампеццо. Дорога через последнюю великолепна, она хорошо подходит для езды на автомобиле, если соблюдать осторожность при спуске с некоторых крутых поворотов, ведущих в Кортину; и особенно красива в такой июньский вечер, когда мы проезжали по ней, как раз когда закатные лучи освещали более высокие вершины тем розовым сиянием, которому слишком скоро суждено поблекнуть до пурпурного, а через него - до сланцевой синевы сумерек.

Из Тоблаха очень постепенный подъем к красивому и романтически расположенному озеру Тоблах; оттуда переходишь к Ландро в начале долины Шварце-Риенц, где возвышается высокий заснеженный Дрей-Циннен с водами Дюррен-Зее, нефритово-зелеными и красивого цвета, а на заднем плане возвышается Монте-Кристалло с его шапкой вечных снегов и ледниками Пиц-Попена и Монте-Кристаллино. От Дюррен-Зее до Шлудербаха расстояние составляет менее двух миль; и здесь тоже можно найти красиво расположенную деревню, окруженную прекрасными пейзажами и обеспеченную отличным жильем для туристов, будь то проездом в Италию или намеревающихся задержаться надолго.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ДОЛОМИТОВЫЕ АЛЬПЫ

Schluderbach—Cortina.

Из Шлудербаха дорога проходит через границу между Тиролем и Италией, через красивый лес, мимо глубокого оврага, вниз к Оспитале, 4835 футов, расположенному у подножия Крепа-ди-Зуи, 6745 футов, а затем огибает Пейтельштайн или Подестаньо, 4945 футов, по широкой, хотя и резко изгибающейся дороге, огибающей крутые склоны и пересекающей глубокое ущелье Фелизон у Понте-Альто, вниз к Кортина-д'Ампеццо, на высоте 4025 футов над уровнем моря. море, до которого можно добраться на карете из Тоблаха примерно за семь часов и удаленное от него чуть более чем на двадцать миль.

CORTINA

Кортина прекрасно расположена на левом берегу реки Ботта, с прекрасным перевалом Тре Крочи (который получил свое название от трех больших деревянных распятий), открывающимся далеко за городом на восток, и перевалом Тре Сасси, расширяющимся перед ним на запад. Город является главным в коммуне Ампеццо и окружен огромными высотами и величественными заснеженными горами, среди которых одни из самых великолепных Доломитовых Альп. В прошлые годы Кортина была настолько популярным курортом для туристов и искателей отдыха, что сегодня здесь можно найти великолепное жилье; и одно из первых впечатлений, производимых этим местом на путешественника, который приезжает сюда после знакомства с его живописностью, - это его процветание. Кроме того, здесь намного чище, чем в большинстве итальянских или полуитальянских городков подобного типа. Несмотря на благоприятный климат — даже в самые холодные зимы термометр редко опускается намного ниже точки замерзания — почва в округе очень бедная, а внешний вид большинства горных склонов и долин унылый. Как следствие, в непосредственной близости от Кортины практически нет сельского хозяйства и виноградарства. Действительно, на всей территории Ампеццо-Таль пастбища и вырубка леса, а не сельское хозяйство, являются основными отраслями промышленности, хотя резьба по дереву и изготовление золотой и серебряной филигрانی распространены в очень значительной степени.

Фестивали и ярмарки этого района являются одними из самых важных в юго-восточном Тироле, и на них до сих пор можно увидеть множество очаровательных крестьянских костюмов, которые здесь, как и везде, имели тенденцию к вымиранию. Огромные заколки с серебряными головками у девочек являются особенно заметной чертой их тщательно заплетенных причесок.

Главная улица Кортины солнечная и живописная, многие дома с причудливыми крышами неправильной формы, а церковь, маленькая пьяцца и гостиницы образуют очаровательную картину с прекрасным видом на пастбища и горные вершины в конце улицы.

Церковь с ее величественной отдельно стоящей колокольней, с галереи которой, расположенной почти в 250 футах над уровнем улицы, открывается прекрасный и обширный вид на город и долину, является одной из крупнейших на многие мили в округе и содержит, среди прочего, необычайно красивый алтарь и несколько прекрасных резных работ по дереву работы Брустолоне. Церковное кладбище (если только его недавно не переделали) представляет собой пустынное, хотя и живописное место, к сожалению, постоянно действующий мемориал безразличия к памяти ушедших и непочтительного пренебрежения.

Всем, кто прибывает в Кортину, независимо от того, останавливаются ли они там надолго или всего на несколько часов, следует зайти в гостиницу "Аквила Нера", хотя бы для того, чтобы увидеть интересные и разнообразные картины двух сыновей бывшего владельца по имени Гедина, которые украшают стены столовой, лестницу, внешнюю часть "Пристройки" и даже побеленные стены надворных построек и конюшен. Сюжеты очень разнообразны, демонстрируя во многих случаях большое техническое мастерство и творческие способности, и включают военных и религиозных деятелей, а также рисунки, гротески, а на стенах квадратного и солидно выглядящего пристройки изображены несколько больших групп, представляющих живопись, скульптуру, архитектуру и другие предметы домашнего обихода, особенно заметной является живописная и умная манера обращения с современными предметами, такими как телеграфные приборы, фотоаппараты, паровые машины и т.д.

С вершины колокольни, на которой подвешены огромные колокола, открывается вид на деревню и долину, раскинувшуюся у ваших ног, с Ампеццо-Тал, простирающимся на север и юг, и перевалами Тре Крочи и Тре Сасси, простирающимися на восток и запад.

ПРЕКРАСНЫЕ ЦВЕТЫ

В долинах, окружающих Кортину, растет много красивых полевых цветов и образцов альпийской флоры, среди которых наиболее заметны дикая дафна и горная горечавка поменьше; нам также кажется, что в другом очень красивом, хотя и маленьком розовом цветке с восковыми лепестками, который рос большими гроздьями, мы обнаружили *Андрозас гласиалис*, хотя два друга-ботаника разошлись во мнениях относительно правильного названия этого очаровательного экземпляра.

По дороге в Кортину через Шлудербах можно, свернув на юг вскоре после выезда из деревни, добраться либо пешком через лес, либо по хорошей дороге для карет через Валь-Попена к красивому и ныне часто посещаемому озеру Мизурина, в котором очаровательно отражаются вершины Дрей-Циннен и поросшие деревьями нижние склоны окружающих холмов. Озеро, хотя и сравнительно небольшого размера, по праву считается одним из красивейших в альпийских регионах, и на его берегах уже возведено несколько крупных отелей для размещения растущего числа посетителей, которые приезжают в это тихое и прекрасное место, расположенное почти на высоте 6000 футов над уровнем моря.

Одна из самых живописных экскурсий на этой крайней южной границе Тироля - по каретной дороге, которая, пройдя через деревню, пересекает лес и, постепенно поднимаясь, достигает Тре Крочи, расположенного на высоте 6000 футов над уровнем моря. На всем протяжении этой прекрасной дороги, которая пересекает склон Крепе-ди-Рудавой, справа открываются самые красивые виды на огромные скалы Кристалло, а на противоположной стороне - прекрасные виды на Мраморное море и Сорапис. В Тре Крочи прекрасная долина Ампеццо внезапно врывается в поле зрения с огромной массой Тофаны прямо через долину, в то время как вдалеке и на юго-западе виднеется зубчатый хребет Крода-да-Лаго, а еще дальше - покрытые снегом вершины Мармолады. От Тре Крочи красивая дорога ведет прямо в Кортину, спускаясь по довольно крутому склону. Хотя первый способ добраться до Кортины из Шлудербаха по большой дороге и через Ампеццо-Тал более прост, никто из тех, кто выбрал дорогу через Мизурину, не пожалеет о ее большей протяженности из-за ее большей привлекательности.

Schluderbach—Plätz Wiese—Pragser Wildsee—Niederdorf

Из Шлудербаха также есть еще одна дорога, ответвляющаяся на север от Имперской дороги на Нидердорф по линии Брунек-Иннихен-Тоблах, ведущая через Пляц-Визе на высоту 6500 футов над уровнем моря. На площади Визе, примерно в двух часах езды от Шлудербаха, есть прекрасный отель, и именно оттуда можно подняться на Дюрренштайн высотой 9320 футов. Эта легко преодолимая гора, хотя и не доставляет особого волнения опытному альпинисту, является одной из тех, которые щедро вознаграждают альпиниста за усталость и трудности восхождения. Когда стоишь на вершине, со всех сторон открывается потрясающая и великолепная панорама Доломитовых Альп, а также ледников и Средних Альп, лежащих к северу. Среди больших высот и групп, которые в хороший день хорошо видны с горы, - горы Тауэрн, Ортлер и Адамелло, а также прекрасный Прагсер-Тал, среди главных высот которого - Высокий Гайсл (10 330 футов); Кадини (9320 футов); Монте-Кристалло (10 495 футов) с его ледником и многие другие гиганты региона.

PRAGSER WILDSEE

Дорога из Пляц-Визе продолжается мимо небольшого водопоя Альт-Прагс в Нидердорф, дорога до которого занимает около трех с половиной часов. От этой дороги ответвляется другая, ведущая мимо водопоя Ной-Прагс с его красиво расположенными домами и отелями к прекрасному озеру Прагсер, расположенному почти на высоте 5000 футов над уровнем моря и удаленному от Нидердорфа на семь с половиной миль. Озеро Прагсер, или Прагсер-Вильдзее, одно из самых красивых, уединенных и романтических из всех альпийских озер, окруженное и защищенное могучими стенами Сикофеля высотой 9220 футов; Херрштайна высотой 8035 футов; Коль-де-Рисегон высотой 8770 футов; Хохальпенкопфа высотой 8420 футов и многими другими дикими и впечатляющими высотами. В оливково-зеленых водах самого озера два названных гиганта отражаются с удивительной отчетливостью и красотой; в то время как на склонах большинства окружающих гор серебристые, похожие на звезды цветы эдельвейса и королевской голубой горечавки растут с пышностью, едва ли равной какой-либо другой части региона Доломитовых Альп. Климат этого альпийского озера действительно бодрящий и целебный, ибо в самый жаркий летний день прохладный и освежающий воздух спускается с гор и пересекает поверхность озера, в то время как вечером температура существенно не понижается, как это часто бывает в местах, расположенных на такой значительной высоте среди огромных вершин, так что можно оставаться на открытом воздухе в полной безопасности, даже будучи слегка одетым, пока прекрасные альпийские сумерки не окутают озеро и его берега мантией таинственной красоты, и ночь, кажется, спустится с вершин окружающих великих пиков.

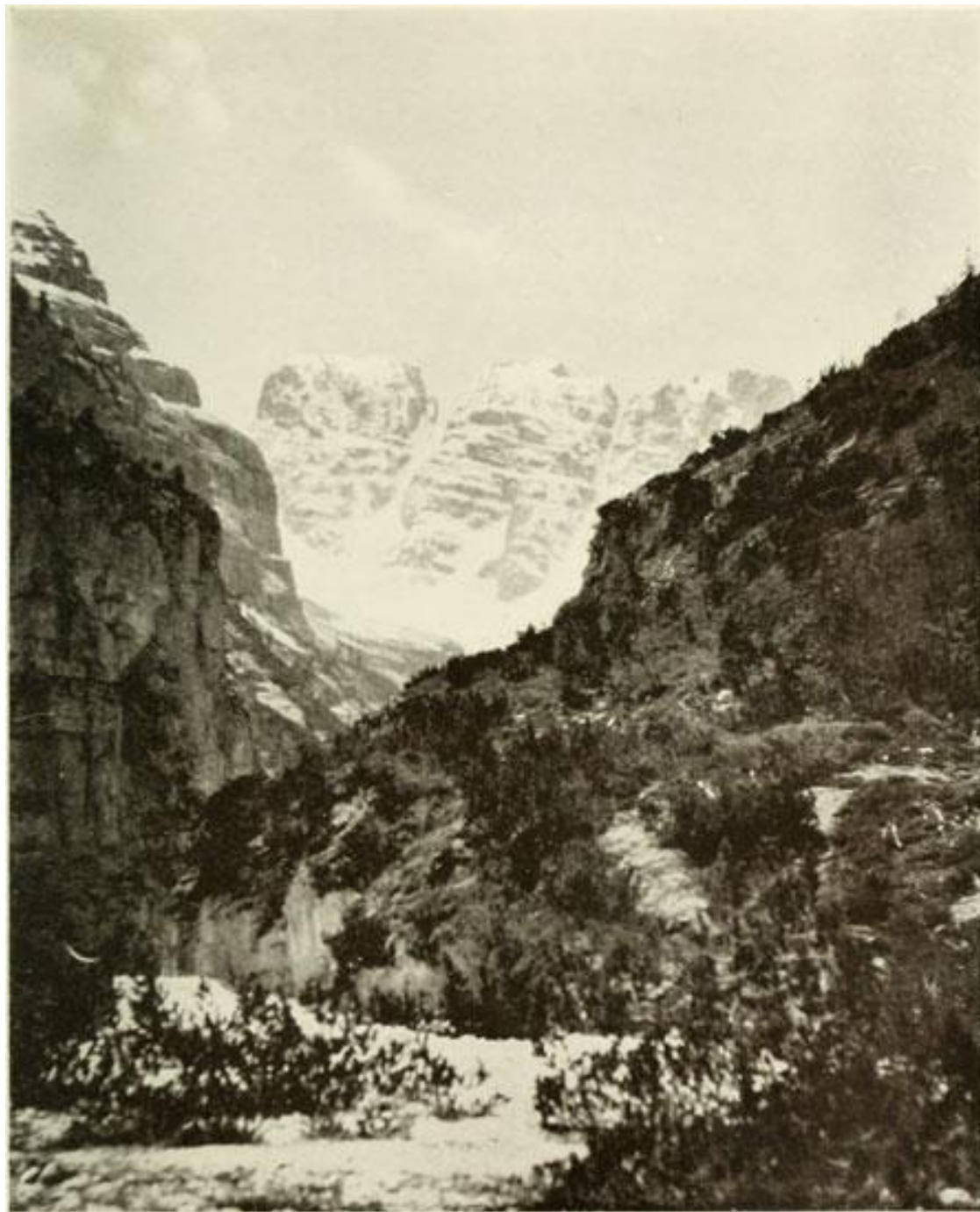
Однако никому не следует думать о посещении Прагсер-Вильдзее летом, не договорившись предварительно о размещении в прекрасном отеле, расположенном на берегу озера, иначе они могут оказаться вынуждены (как и многие другие до них) отвернуться от этого прекрасного места из-за отсутствия жилья, поскольку в июле, августе и начале сентября здесь всегда полно посетителей. До этого очаровательного курорта легче всего добраться из Нидердорфа, расположенного на железной дороге Пустерталь, на одну станцию восточнее Тоблаха.

Cortina—Falzarego—Buchenstein.

Из Кортины старая Имперская дорога, или хай-роуд, ведет из Доломитовых Альп на юго-восток, на территорию Венеции, к Беллуно, интересному и живописному старому городу, стоящему на холме между Пьяве и Ардо, которые в этом месте сливаются. Собор, построенный главным образом Туллио Ломбардо в первые годы шестнадцатого века, к сожалению, сильно пострадал во время землетрясения 1873 года; но он был в значительной степени отреставрирован и содержит, помимо множества интересных архитектурных деталей, несколько прекрасных алтарных росписей. С вершины колокольни, высота которой превышает 200 футов, открывается самый изысканный вид на старый город и окрестности. Префектура на Пьяцца дель Дуомо представляет собой прекрасное здание раннего Возрождения, построенное в конце пятнадцатого века и первоначально бывшее Палаццо деи Реттори.

Вскоре Беллуно будет соединен железной дорогой с Кортиной и обзаведется собственной станцией. Новая доломитовая дорога, однако, ведет из Кортины в юго-западном направлении к усыпанному камнями перевалу Фальзарего (6945 футов), лежащему в тени Хексенфельса (8126 футов), в то время как на юго-западе возвышается впечатляющая, покрытая снегом Мармолада с Кол-ди-Лана (8084 фута) на переднем плане картины. С этого перевала можно подняться на гору Нуволлау высотой 8460 футов, с вершины которой открывается панорамный вид на железную дорогу и окружающие вершины. На другом конце перевала новая Доломитовая дорога спускается более чем на тысячу футов в долину Андраз,

маленькую, живописно расположенную деревушку, из которой можно совершить несколько интересных экскурсий, рядом с которой находятся руины очень древнего замка, носящего то же название. Бухенштайн, главная деревня долины Бухенштайн, расположенная примерно в девяти милях от конца перевала, до нее можно добраться по дороге из Андраза. Здесь есть несколько отличных гостиниц, а деревня великолепно расположена и является хорошим центром для отдыхающих.

ВЗГЛЯД НА ДОЛОМИТОВЫЕ АЛЬПЫ

Buchenstein—Caprile—Alleghe See—Arába.

Рядом с ним небольшая дорога ответвляется на юго-восток, которая, проходя через территорию Италии и пересекая ручей, ведет к Каприле, сразу за итальянской границей, спускаясь по левой стороне Валь-Кордеволе, откуда открывается прекрасный вид на Валь-

ди-Ливиналлонго. Деревня Каприле, в дальнем конце которой находится короткая венецианская колонна, увенчанная львом Святого Марка, реликвия тех времен, когда венецианцы правили этим районом, несколько разрозненная, со многими домами, построенными на арках. Церковь обычная, хотя на чердаке с органом есть несколько причудливых украшений, на которые стоит посмотреть. Но, какой бы разочаровывающей ни была сама деревня, ее прекрасные окрестности с поистине великолепным видом на Монте-Чиветту и прекрасное озеро Аллеге, соблазняют продлить свое пребывание.

Из Каприле дорога ведет к озеру, которое раскинулось у подножия горы Монте-Чиветта. Однако большая дорога, которая довольно ровная, ведет прежде всего в деревню Араба у подножия Пордойох, на высоте 7355 футов.

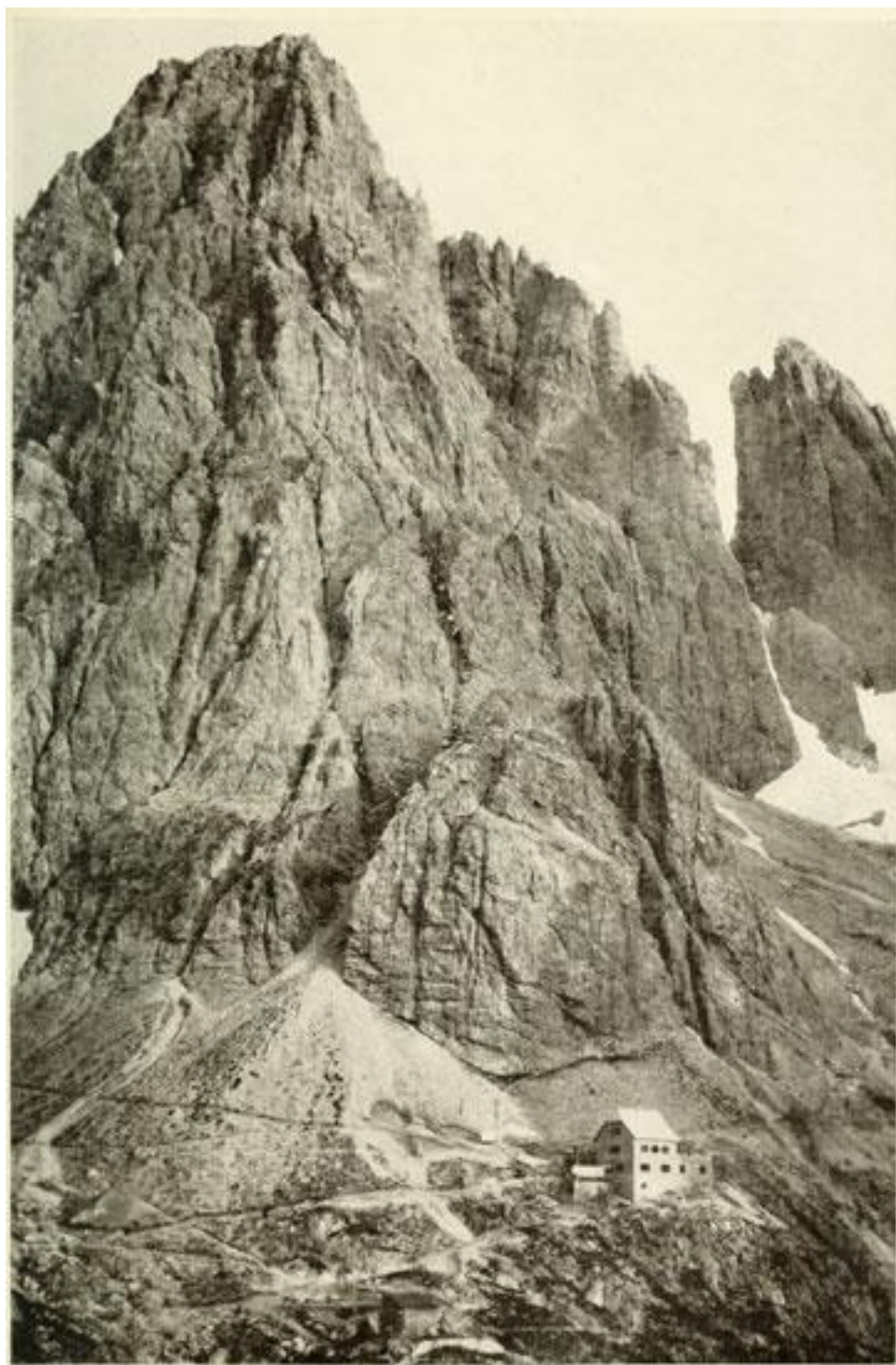
Bruneck—Enneberg—Arába.

По пути в Арабу можно также добраться прямо от станции Пустер-Таль до Санкт-Лоренцена через невероятно красивый и романтический Эннеберг-Таль, который образует кратчайший маршрут к среднему участку великой Доломитовой дороги. Одной из особенностей Гадер или Эннеберг Тал, а также других подобных долин района, является тот факт, что крестьяне говорят не на немецком и итальянском языках (хотя в некоторых долинах постепенно становится все более распространенным последний язык), а на диалекте, известном как ладинский, который чем-то напоминает романш округа Граубюнден, хотя в каждой долине есть определенные особенности диалекта. Без сомнения, эти последние со временем вымрут, и немецкий станет общим языком большей части немецких долин, а итальянский - большей части итальянцев.

Автомобильная дорога длиной 45 километров (28 миль) непригодна для движения на автомобилях; она ведет мимо Педразеса высотой 4350 футов и Корвары высотой 5110 футов к Арабе. Недалеко от Корвары лежит путь через Греденер-Йох, высотой 7010 футов, в прекрасный Греденер-Тал, часто воспетый поэтом Вальтером фон дер Фогельвейде.

Waidbruck—Grödener Thal—Arába.

Однако обычной отправной точкой для последнего является Вайдбрюк, расположенный к югу от дороги Бреннер между Франценфесте и Бозеном. От Вайдбрюка (1545 футов), который находится в верховьях Греденер-Таль, с возвышающимся над ним Тростбургом (2040 футов), дорога ведет к Санкт-Ульриху (4055 футов), удаленному на восемь миль, главной деревне в широкой долине, красиво расположенной и окруженной покрытыми деревьями склонами, за которыми возвышаются несколько великолепных скалистых доломитовых вершин. Церковь, построенная в конце восемнадцатого века, отличается прекрасным интерьером, содержащим несколько превосходных образцов резьбы по дереву, которыми Греденер Тал веками славился и до сих пор славится.

ЛАНГКОФЕЛЬ

НЕСКОЛЬКО ДОЛОМИТОВЫХ ВЕРШИН

От Санкт-Ульриха он поднимается вверх через долину, которая с каждым шагом становится все красивее и величественнее, к Сент-Кристине, 4685 футов, с ее горными пастбищами, на которых доминируют огромные горы Лангкофель-Йохе, 8800 футов, и многими другими впечатляющими высотами, такими как Секеда, 8270 футов, Гейслершпитцен, 9930 футов, на севере, и Платткофель, 9740 футов, на юге; группа Стелла на юго-востоке, с Кол далла Пирес, 9055 футов ; а также Питцберг (6020 футов), Пуфлатч (7140 футов) и более отдаленные Розенгартен и Шлерн на юго-западе.

От Святой Кристины дорога продолжается через холм к Святой Марии в Волькенштейне, до Плана, 5290 футов; откуда следы мулов ведут через великолепный Греденер-Йохе с его хижинной защиты, или странноприимным домом, 7010 футов, в долину Эннеберг до Арабы; а также через великий Селла-Йохе, 7275 футов, к Канацеи, в долине Фасса, которая лежит к югу от Пордои. Есть несколько отличных и интересных восхождений, которые можно совершить из долины Греденер. Прежде всего, это романтический Гейслершпитцен, который, однако, должен быть взят только опытным альпинистом, так как это кропотливое и трудное восхождение. К той же категории, хотя и более сложной и подходящей только для выносливых альпинистов, относятся Гросс-Фурчетта с наивысшей точкой 9930 футов; Кляйне-Фурчетта, на несколько футов меньше; Фермеда-Турм, 9440 футов; и Гросс Надель, 9250 футов. Начиная с Селла-Йоха, можно подняться на великолепную Селлу с Божьим шпиком высотой 10 340 футов, а также на сильно пересеченный Лангкофель. С Селла-Йоха также можно легко подняться на Кол Роделла высотой 8155 футов, который находится к юго-западу от первого, с вершины которого открывается очень прекрасный и обширный панорамный вид.

Араба—Пордой—Канацеи.

В Арабе, второй части новой Доломитовой дороги, которая проходит через Пордой-Джох в Канацеи, в Фасса-Тал, дорога поднимается широкими зигзагами через красивую и широкую альпийскую долину, в которой те, кто интересуется ботаникой, найдут богатство альпийской флоры, едва ли превосходящей флору любой части Тироля, до высот Пордой-Джох, где есть гостиница, где можно перекусить и откуда открывается великолепнейший круговой панорамный вид. От этого места хорошо проложенные туристические тропы простираются во многих направлениях к Бо-Шпицу, а также к перевалу Федая высотой 6710 футов и границе между Тиролем и Италией; самая привлекательная дорога, с огромными снежными вершинами и ледниками гигантской Мармолады совсем рядом.

Новая Доломитовая дорога идет от Пордой-Джох в юго-восточном направлении, пересекая великолепный лес с прекрасными и постоянно меняющимися видами на скалистые вершины Доломитовых Альп, и, таким образом, к Канацеи в изгибе Фасса-Тал.

Canazei—Fassa Thal—Neumarkt—Tramin.

Этот маленький городок высотой 4790 футов, удаленный от Арабы чуть более чем на двенадцать миль, очаровательно расположен, и туристы часто используют его как центр для совершения многочисленных интересных коротких экскурсий по Доломитовым Альпам. Гостиницы просты по характеру, хотя и комфортабельны, и по этой причине многие обнаружат, что они обладают привлекательностью, превосходящей ту, которую можно найти в отелях более претенциозного класса. Главная дорога ведет недалеко от Канацеи, мимо Гриса, Кампителло, Виго и Мозны, к Предаццо, главному городу Фасса-Тал, на высоте 3340 футов, примерно в девятнадцати милях от Канацеи.

Это место, как нам сказали барон Рихтгофен и другие авторитеты, включая де Соссюра и Черчилля, занимает место древнего вулканического кратера, хотя тем, кто не разбирается в геологии и сейсмических явлениях, действительно трудно осознать этот факт. Предаццо, расположенный в широкой долине на стыке рек Валь-Травиньола и Флеймс-Таль, является процветающим городом, главным образом благодаря минеральным богатствам в непосредственной близости, которые в последние годы разрабатывались, и плодородной природе долины. Жители - в основном металлурги, фермеры и торговцы сеном или древесиной, и сфера их торговли гораздо шире, чем может себе представить непосвященный, простираясь по всей Австрийской империи, в Германию, Швейцарию и

другие страны. Город, однако, нельзя назвать ни очень живописным, ни симпатичным; в нем слишком много лесопилок и чугунолитейных печей, и это в какой-то мере разрушает красоту красивой от природы долины. Но художник, занимающийся фигурными этюдами и крошечными домашними картинками, и пользователь фотоаппарата, любящий причудливые "детали", могут найти их в старой части города среди деревянных зданий; и живописные группы женщин и девушек наверняка вскоре вознаградят терпеливого художника или фотографа, занявшего позицию у каменного фонтана на главной улице, к которому многие ежедневно приходят за водой.

Здесь есть прекрасная новая церковь, которая, однако, не может заменить в художественном или сентиментальном отношении старую с ее тирольской колокольной и потрепанным непогодой видом. Знаменитый и любопытный старый дом, известный как Неф д'Оро, ныне отель, но когда-то служивший домом Джакомеллису на протяжении сотен лет, заслуживает осмотра, поскольку некоторые из гербов этого бывшего благородного семейства до сих пор висят над старинными резными дверными проемами и служат украшением потолков и каминов. Книга посетителей содержит, должно быть, одну из самых ценных (с точки зрения ученых и геологов) коллекций автографов, которые можно найти в любом тирольском отеле.

Предаццо - один из лучших геологических центров Восточной Европы, и в непосредственной близости от города найдено множество красивых и разнообразных минералов и кристаллов, среди которых турмалиновый гранит, уралитовый порфир и сиенитовый порфир с его чудесными кристаллами, которые, насколько нам удалось установить, уникальны для этого района.

Хотя Предаццо в основном - и фактически почти полностью — отдан горному делу, плавке и вырубке леса, все же здесь, среди шума лесопильных заводов, грохота и дыма печей, есть значительная школа женского кружевоплетения, где обучают этому тончайшему из видов деятельности. Здесь можно увидеть несколько изысканных образцов кружева, которые можно приобрести по умеренной цене.

Интересным фактом в связи с богатыми пастбищами на склонах Латемара является то, что они принадлежат по общему праву потомкам первоначальных семей, основавших деревню, и были предоставлены последним в виде гранта, датируемого средневековьем, но кем это было сделано, не представляется абсолютно точным.

Дорога ведет через Флеймзеталь, мимо Кавалезе, где находится старинный дворец епископов Трента с раскрашенным фасадом. Сейчас здание используется как тюрьма. Здесь находится прекрасная готическая приходская церковь, стоящая на холме, со старым мраморным крыльцом и несколькими интересными картинами местных художников. Затем дорога ведет к железнодорожной станции Ноймаркт-Трамин, которая находится в двадцати четырех милях от Предаццо и в девяноста восьми милях от Тоблаха.

ГОРА ЛАТЕМАР

Виго ди Фасса—Карер См.

В Виго-ди-Фасса, 4565 футов, главной деревне Фасса-Тал по дороге в Бозен и перевал Карер, дорога ответвляется, ведя в западном направлении через перевал, 5270 футов, и мимо Карер-Зее, 5030 футов, который лежит у подножия Латемара, в Бозен.

ВАЙОЛЕ И ШЛЕРН

Карер-Зее - одно из самых живописно расположенных мест между Розенгартеном и Латмаром, а также один из самых знаменитых и фешенебельных курортов в регионе Доломитовые Альпы. Благодаря своему расположению и многочисленным восхитительным прогулкам и экскурсиям, которые можно совершить отсюда, он особенно подходит для длительного пребывания и по этим причинам в некоторой степени напоминает природу известных швейцарских курортов, таких как Санкт-Мориц, Понтрезина, Энглеберг и других мест подобного характера. Многие отели наиболее живописно расположены на берегу озера, на живописном фоне сосновых лесов, за которыми возвышаются зубчатые и изрезанные глубокими трещинами вершины Доломитовых Альп, откуда открывается потрясающий вид на величественные вершины Латемарских, Ротвандских, Ортлерских, Эц-Тальских и Штубайских Альп. Из Карер-Зее легко посетить Латемар и Розенгартен, самая высокая точка которых составляет 9780 футов, и среди экскурсий, которые могут совершить те, кто не является опытными альпинистами, - от Карер-Зее, мимо Розенгартена, мимо хижины Остертаг и Чампеди, 6530 футов, до хижины Вайолет; или мимо хижины Кельнер, 7630 футов, через Чагер-Йох, до хижины Вайолет, 7430 футов. Начиная от хижины Вайолет, можно подняться на Вайолет-Тюрме через овраг, заполненный *обломками*, и крутой склон, обычно покрытый снегом; на Розенгартенский шпиг (9780 футов) и Кесселькогель (9845 футов); Чима-ди-Лаура (9440 футов) и несколько других. Все упомянутые восхождения являются сложными, и их следует предпринимать только опытным альпинистам и в сопровождении гидов.

От хижины Вайоле довольно хорошая пешеходная дорожка также ведет через перевал Граслейтен, 7100 футов, к хижине, которая занимает великолепное место с обширным видом на гигантские Доломитовые Альпы в непосредственной близости, а на западе открывается прекрасная перспектива группы Пресанелла и Ортлер. Отсюда тропинка ведет через Береншлюхт вверх по Шлерну.

Waidbruck—Seis-Schlern.

Шлерн, представляющий собой огромное нагромождение доломитовой породы, возвышающийся над зеленым волнистым плато, образующим его основание, средний пик, известный как Альт-Шлерн или Петц, высотой 8402 фута, является самым высоким из серии, хотя некоторые вершины приближаются к нему по высоте в пределах нескольких сотен футов. Шлерн образует одну из самых привлекательных групп Доломитовых вершин не только из-за великолепного вида, который вознаграждает альпиниста, но и потому, что на склоне Альт-Шлерн, прямо над плато, на высоте 8040 футов, предусмотрено отличное жилье для туристов и альпинистов. Здесь расположены Schlern house, принадлежащий альпийскому клубу Bozen, рассчитанный более чем на тридцать коек, и Schlern Inn, вмещающий немногим более половины этого числа.

Отправной точкой для восхождения на Шлерн обычно является уже упомянутый Вайдбрюк, а оттуда автомобильная дорога ведет через Кастельрут и очаровательно расположенный летний курорт Зайс (3285 футов) в Бад-Ратцес (3950 футов), расположенный в диком, но хорошо поросшем лесом ущелье Фретшбах. Между Зайсом и Бад-Ратцем, в лесу, находятся руины древнего дома миннезингера Освальда фон Волькенштейна. Из Бад-Ратценца до вершин Шлерна можно легко добраться по тропе для мулов, хотя серьезные альпинисты обычно останавливаются либо в Schlern House, либо в Schlern Inn во время восхождения на различные вершины, до которых легче всего добраться с этой точки.

Blumau—Tierser Thal—Rosengarten.

Из районов Шлерн и Розенгартен можно отправиться от железнодорожного вокзала в Блюмау, расположенный на расстоянии 1020 футов, недалеко от Бозена, в знаменитый и живописный Тирсер-Тал. Автомобильная дорога из Блюмау ведет через живописные пейзажи примерно за два с половиной часа к маленькой деревушке Тирс, а затем к Вайслан-Баду на высоте 3818 футов, откуда проложены туристические тропы, ведущие вверх по Шлерну к хижине Граслейтен и через Нигер к хижине Кельнер, откуда затем можно либо подняться на Розенгартен, либо пройти через красивые, украшенные цветами альпийские луга к очаровательному Карер-Зее.

Karer See—Bozen.

Из Карера Вы увидите дорогу, которая, хотя и хорошая, непригодна для моторов, петляет, постепенно спускаясь, через красивые леса к Вельшнофену, 3865 футов, любимому летнему курорту, расположенному в прекрасной открытой долине с великолепным видом на возвышающийся зубчатый хребет Латемар справа, а слева - на прекрасный Розенгартен. Из Вельшнофена есть хорошая дорога в Бирхабрук, 2895 футов, красивое место, где Вельшнофен—Тал разветвляется налево, а дико романтичный Эгген—Тал ведет в Бозен - главный город южного Тироля - направо.

Фасса Тал—Паневеджо—Сан—Мартино-Трент.

В Предаццо от главной дороги ответвляется другая хорошая дорога, которая ведет через перевал Ролле, высотой 6510 футов, в Доломитовые Альпы Пала, а затем через Примеро,

высотой 2350 футов, с одной стороны в сторону Венеции, а с другой - в сторону Трента. Эта прекрасная шоссейная дорога проходит через великолепный лес к Паневеджио (5055 футов—, приятно расположенной деревне, окруженной сосновыми лесами, из которой можно вернуться через перевал Лусия (6745 футов) в Мену и, в конечном итоге, в Карер-Зее, откуда открывается великолепный вид на Кольбрикон, Кимон-делла-Пала и Альпы Эц-Таль на заднем плане. Из Паневеджо дорога также поднимается на перевал Ролле, который образует водораздел между реками Адидже и Брента, а затем спускается к Сан-Мартино на высоте 4740 футов, который очаровательно расположен в красивой лесистой долине у подножия Доломитовых Альп. Дорога от начала перевала к Сан-Мартино, некогда бывшему монастырю, огромными зигзагами прорезана через великолепный лес. С каждым годом маленькая деревушка становится все более популярной благодаря своему прекрасному расположению, ровному климату и множеству очаровательных экскурсий, которые можно совершить в любое время, подходящее как для пешехода, так и для альпиниста.

Имперская дорога отсюда быстро спускается к Примьеро, а затем пересекает дико романтическое ущелье, полное валунов, и поросшие деревьями горные склоны к Примолано, на итальянской границе, а оттуда к Теззе (740 футов), который является нынешней конечной станцией железной дороги и является главным пунктом на дороге Валь-Сугана, соединяющей Теззе с Трентом (640 футов), главным городом итальянского Тироля с населением 25 000 человек.

Итак, это несколько кратких туров по региону Доломитовых Альп, которые, как мы сами знаем, хорошо отблагодарят тех, кто ищет великолепные пейзажи, чистый воздух и уединение или общество, в зависимости от обстоятельств.

Совсем недавно была опубликована превосходная и оригинальная карта рельефа Доломитовых Альп, которая благодаря своей четкости и всеобъемлющему характеру делает ее очень ценным, если не сказать незаменимым спутником для всех, кто желает путешествовать по этому интереснейшему, хотя и несколько сложному району. К счастью, карту, которая издается по удивительно умеренной цене, можно приобрести на всех основных железнодорожных станциях южноавстрийских железных дорог, и нет ничего лучше, чем получить копию, прежде чем отправиться в тур по Доломитовым Альпам, будь то длительный тур или нет.

Мы хотели бы обратить особое внимание на тот факт, что Доломитовые Альпы, многие из которых находятся на границе между Австрией и Италией, представляют собой многочисленные крепости, разбросанные по совершенно неожиданным уголкам, зарисовывать и фотографировать которые или даже их непосредственное окружение строго запрещено. Предупреждения на вывесках установлены во всех опасных местах, и ни в коем случае нельзя пренебрегать размещенными на них инструкциями. Последствия такого поступка, вероятно, будут крайне неприятными и, возможно, приведут к по крайней мере временному тюремному заключению преступника.

ГЛАВА XI

ЧЕРЕЗ УНТЕР-ИННТАЛЬ: КУФШТАЙН—КУНДЛЬ-РАТТЕНБЕРГ, ИСТОРИЮ ВИЛЬГЕЛЬМА БИНЕР-БРИКСЛЕГА И ЕГО КРЕСТЬЯНСКИЕ ДРАМЫ - ЗНАМЕНИТЫЙ ЗАМОК МАТЦЕН-СТРИТ. ГЕОРГЕНБЕРГ И ЕГО ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ—ЗАМОК ТРАЦБЕРГ—ШВАЦ

Первый вид на Куфштайн с железной дороги, или, скорее, на его древнюю крепость Герольдсек, возвышающуюся над красиво расположенным маленьким городком, почти неизбежно вызывает мысль, что это Зальцбург в миниатюре. Действительно, параллель не

является неподходящей, поскольку частично покрытое деревьями скалистое возвышение, на котором стоит последний оплот баварцев в конце вторжения 1809 года, имеет значительное сходство с большим Менхсбергом с раскинувшимся у его подножия городом.

Река Инн сузилась еще до того, как достигла Куфштайна, который можно назвать пограничным городом северо-восточного Тироля, и теперь быстро течет вперед, впадая в Дунай. Это место приятно расположено, но его растущую популярность как курорта следует в первую очередь приписывать скорее интересу и красоте его окрестностей, чем самому городу. И все же, когда над тобой возвышается этот древний и мрачный старый замок, с его огромной круглой башней, возвышающейся над скалой, на которой он стоит, и с обеих сторон раскинулась очаровательная долина и поросшие соснами склоны окружающих холмов, возникает соблазн задержаться в городе.

Замок, который, по всей вероятности, занимает место римского *Альбианума*, отмечает расположение одного из старейших поселений в Тироле. Даже во времена Карла Великого сохранилось по крайней мере одно упоминание о месте "Каофштайн", сопровождаемое некоторыми интересными деталями. Из-за своего расположения недалеко от границы с антагонистической расой история Куфштайна романтична, волнующа и пестра. Как метко подметил известный писатель о Тироле, "На протяжении веков он превращался в политический волан, который то брали силой оружия, то врасплох, то закладывали, то выкупали или обменивали на какое-то другое имущество его прежние владельцы".^[21] И его общая судьба и переменчивая судьба были схожи с судьбой других пограничных крепостей, таких как Китцбюэль в средние века.

Мрачная крепость на скале, так или иначе, при взгляде в угасающем вечернем свете, кажется, несет на себе историю жестокости, разбоя и безжалостности. В старые времена многие доблестные сердца, которые люди так склонны называть "добрыми", до смерти тосковали в его стенах; и, если только традиция не совсем виновата, многие благородные девушки и дамы также были заключены в тюрьму и трагически погибли в его толстых, мрачных стенах и в его темницах без солнца.

История крепости, насколько это нас касается, может начинаться с передачи ее Баварии примерно в 1363 году герцогиней Маргаритой, последней из преемниц графа Альберта на посту правителя Тироля, когда она обнаружила, что не в состоянии управлять страной. Она приобрела поместья Куфштайн, Раттенберг и Китцбюэль после своего брака с Людовиком Бранденбургским; и когда она уступила Тироль Австрии, было оговорено, что эти владения должны вернуться к Баварии.

SIEGE OF KUFSTEIN

Эти владения оставались баварскими до правления императора Максимилиана I., когда оба последних присягнули ему на верность. Куфштайн, однако, отказался сдаваться, и поэтому в 1504 году Максимилиан предстал перед ним и начал осаду. Это событие особенно интересно, поскольку некоторые авторитетные источники утверждают, что оно стало первым случаем, когда было предоставлено доказательство того, что введение артиллерии означало похоронный звон по средневековым крепостям, какими бы сильными и доселе считавшимися неприступными они ни были. Однако нам говорят, что орудия, которые император направил на Замок в первую очередь, оказались совершенно неэффективными, настолько, что губернатор по имени Пиензенау, чьи симпатии были сильно баварскими, вызвал гнев императора, заставив часть гарнизона подметать метлами пыль, которая была единственным ущербом, нанесенным орудиями осаждающих стенам Замка, которые были большой толщины, а также вытирать с них пыль теми же предметами на виду у осаждающих.

Орудия были либо слишком маленькими, либо стояли на слишком большом расстоянии от Замка, чтобы сделать что-то большее, чем задело его выстрелом.

Обнаружив, что его кулеврины и "змеи" бесполезны, император послал кого-то в Инсбрук за двумя чудовищными пушками, известными как *Веккауф* и *Пурлеп*, которые губернатор этого города Филипп фон Реценау недавно отлил в литейном цехе. Это оружие, рисунки которого сохранились, хотя хронисты того времени не упоминают их калибр или размеры, было значительно большего размера, чем "Карманный пистолет королевы Елизаветы" в Дувре, и, как говорят, метало пули весом около 300 фунтов на расстояние почти в две тысячи ярдов. Прибытие больших пушек придало осаде совершенно иной облик; и после того, как они были наведены на замок и были выпущены, [22] было обнаружено, что их выстрел не только с легкостью пробил стены толщиной четырнадцать футов, но даже саму скалу пробил, по мнению некоторых историков, на глубину восемнадцати дюймов. Теперь Пиензенау пожелал сдаться императору при условии, что ему сохранят жизнь. Но Максимилиан не забыл инцидент с метлами, который имеет некоторую аналогию с историческим инцидентом с "метлой", связанным с голландским адмиралом Ван Тромпом, который водрузил метлу на верхушку своей мачты в насмешку над англичанами, которых, как он утверждал, смел с лица земли. "Значит, ему не терпится выбросить свои метлы, не так ли?" - как говорят, заметил император. "Ему следовало пройти этот курс раньше. Своим упрямством он привел к тому, что стены этой прекрасной крепости были настолько разрушены, что он может сделать не что иное, как обречь свою собственную тушу на подобную участь".

И хотя были предприняты большие усилия, чтобы добиться помилования Пиензенау и некоторых его наиболее важных сторонников, они не увенчались успехом, император оставался совершенно непреклонным. Именно эта казнь храброго человека (чье мужество и верность своему народу не должны были вызывать ничего, кроме восхищения) является пятном на послужном списке императора. Не менее двадцати пяти основных защитников были приговорены к казни. Оставшиеся в живых из гарнизона попытались тайно сбежать до начала общего штурма, который был организован, но они были схвачены. Первым был обезглавлен Пиензенау; но когда семнадцать (некоторые авторитетные источники утверждают, что одиннадцать) его товарищей разделили ту же участь, Эрик, герцог Брауншвейгский, так искренне заступился за Максимилиана, что жизни остальных были спасены. Этот самый Эрик ранее спас императору жизнь в бою, и, возможно, этот факт повлиял на решение последнего о помиловании. Над могилой, в которой жители Куфштайна похоронили жертв Максимилиана, была возведена небольшая часовня в Айнлиффе на противоположном берегу реки.

Добыча и ценности, взятые из замка, были сложены вместе и разделены (включая, по тем временам, очень крупную сумму в 30 000 флоринов звонкой монетой) в соответствии с рангом победителей. Император проявил себя в этом случае более справедливым по отношению к своим войскам, чем он был снисходителен к защитникам, поскольку внес свою долю добычи в общий фонд. Небольшая добыча, которую он захватил, состояла в основном, если не полностью, из шкурок рыси и куницы и других охотничьих трофеев.

В Куфштайне, после взятия его императором Максимилианом, был размещен гарнизон, и в последующие века он подвергался многочисленным осадам, включая памятную во время кампании 1809 года, когда Спекбахер совершил храбрые поступки, которые были почти апокрифическими по своему характеру.

РОМАН о КУФШТЕЙНЕ

Возможно, вполне естественно, что с крепостью связано множество легенд и романтических историй, некоторые из них связаны с жизнеописаниями и достижениями многих выдающихся заключенных, которые время от времени в Средние и последующие века заключались в ее стенах. Среди наиболее романтических пленников был знаменитый венгерский разбойник Эндрю Рошлар, которого судили и приговорили к смертной казни в Сегедине почти сорок лет назад, на чей счет было приписано более сотни убийств.

Куфштайн, должно быть, был трудным местом для побега, но, по крайней мере, существует традиция о заключенном пятнадцатого века, совершившем удачный побег. Он был тирольским рыцарем, захваченным баварцами и заключенным, по-видимому, с некоторым комфортом и без особого надзора, в одной из верхних комнат большой круглой башни, откуда ему удалось сбежать благодаря преданности девушки (девушки, стоявшей намного ниже его по рангу), с которой он был тайно обручен. История гласит, что эта девушка, приехавшая откуда-то к западу от Инсбрука, после некоторых трудностей обнаружив местонахождение своего возлюбленного, преуспела в получении должности горничной в доме тогдашнего владельца. После нескольких томительных недель ожидания она получила доступ в камеру своего возлюбленного, получив задание ежедневно приносить ему наверх запасы еды и воды. Тогда они договорились, что она будет каждый день передавать ему небольшое количество пеньки, из которой он должен был сплести веревку. Она так и делала, пряча пеньку за пазуху своего платья. Со временем заключенный рыцарь сделал достаточно длинную веревку, чтобы дотянуться от своего окна до земли, причем прутья решетки он постепенно почти подпилит снаружи внутрь, так что любой, кто случайно осмотрит их, вряд ли обнаружит этот факт. Все было готово к побегу, и было условлено, что в ту же ночь девушка должна была выбраться из замка и присоединиться к нему до того, как закроются большие ворота.

В назначенный день она, как обычно, около полудня принесла заключенному положенную ему порцию еды, когда, выйдя из камеры и спускаясь вниз, к ней подошел один из сыновей управляющего, который добивался ее расположения. Она пришла в ужас, обнаружив, что он подозревает о заговоре и что ценой его молчания была ее честь. Она колебалась и жалобно умоляла его пощадить ее, но безуспешно. Затем, когда он сказал ей, что открытие, по всей вероятности, будет означать не только ее собственную смерть, но и смерть ее возлюбленного, она уступила. Перед заходом солнца она покинула замок и, обезумев от горя из-за стыда и оскорбления, которые ей пришлось вынести, бродила по нему, пока не стемнело. Она решила удостовериться, что ее возлюбленный спасся, а затем броситься с самой крутой точки скалы, на которой стоит Замок, вниз, в долину. Наконец в сумерках она смутно различила черную фигуру, спускающуюся по стене, а затем услышала осторожные шаги, приближающиеся к зарослям, в которых она пряталась.

Со сдавленным криком, который она не смогла полностью подавить, она бросилась сквозь подлесок и была уже в нескольких ярдах от края скалы, когда ее схватил возлюбленный и спас от гибели. Далее в истории говорится, что они оба спаслись, и что рыцарь в конце концов женился (и, будем надеяться, жил счастливо) на храброй девушке, которая способствовала его освобождению.

ВЗГЛЯД НА КИТЦБЮЭЛЬ

Сам город Куфштайн не нуждается в подробном описании. Но есть одна особенность, которая сразу располагает посетителя в его пользу, если он прибудет сюда, как это было в прошлый раз, жарким летним днем, - это множество тенистых прогулочных зон, особенно в восточной части города, по соседству с восхитительно живописным Киенграбенем. Никто не должен упустить возможность посетить Кальвариенберг, откуда открывается восхитительный и обширный вид на замок, город и долину.

KUFSTEIN TO KITZBÜHEL

Чтобы добраться до Китцбюэля из Куфштайна, необходимо сделать пересадку в Вергле, в восьми с половиной милях вниз по Унтер-Иннталю, и проехать вверх по Бриксен-Тал по Государственной дороге мимо Хопфгартена до Китцбюэля. Очаровательный городок, окруженный садами, где когда-то проходил ров, и с несколькими интересными домами на берегах реки Китцбюлер Ахе. Многие из них до сих пор имеют готические крыши и фронтоны, которые придают им средневековый вид и большое очарование. В последние годы город стал излюбленным летним курортом, и его прекрасное расположение в широкой долине на высоте почти 2500 футов над уровнем моря многое говорит о его привлекательности. Но его слава ни в коем случае не ограничивается местом летнего отдыха. К нему почти в равной степени прибегают для зимних видов спорта - катания на санях, лыжах и коньках, и на самом деле его можно назвать тирольским Гриндельвальдом или Адельбоденом. Тогда покрытая снегом долина действительно прекрасна, больше похожая на сказочную страну, чем на что-либо другое, и только шпили церквей Китцбюэля и сосны на склонах холмов нарушают широкое белое пространство.

Кицбюэльхорн - любимое восхождение, с которого открываются прекрасные виды, особенно на гиганты хребта Тауэрн, Кимзее и впечатляющую скалистую вершину Кайзер-Гебирге. Пастбища и альпийская флора в окрестностях Китцбюэля особенно богаты, и в окрестностях можно совершить множество прекрасных экскурсий. В Бриксен-Тале, действительно, художник и исследователь костюмов и древних обычаев, которые, увы! так быстро вымирают, найдут много интересного. Во многих деревнях до сих пор проводятся ежегодные

соревнования, состоящие из борьбы и других видов спорта, которые в древности часто были настолько напряженными, что приводили к серьезным травмам бойцов и соперниц и даже кровопролитию. В июне в Китцбюэле проходит атлетический слет, который проводится на плато недалеко от гостиницы на Кицбюэльхорне и повторяет характер грасмирских видов спорта в нашей стране и бремарских слетов в Шотландии.

Крестьяне, как правило, в Бриксен-Тале, как и в более знаменитом Циллер-Тале, музыкальны, и часто действительно являются весьма искусными музыкантами; и часто, когда кто-то идет по усыпанным цветами пастбищам или поднимается по склону горы, из какой-нибудь уединенной хижины или тенистого уголка под валуном доносится мелодичное позвякивание цитры пастуха или нежные звуки его свирели. Но, как правило, мы сталкивались с тем, что музыканты стесняются выступить перед незнакомцами, поэтому им было бы полезно послушать музыку незаметно и не пытаться обнаружить ее источник.

Бриксен-Тал также является крупным молочным районом, основными отраслями промышленности которого являются производство масла и сыра.

Что касается пейзажа долины, то можно сказать, что лишь в немногих других местах Тироля можно встретить большее разнообразие света и тени или более восхитительные эффекты облачности. Действительно, облака, которые в одно время кажутся несущимися вниз по склонам гор и скрывающими все вокруг, а в другое время величественно плывут, подобно огромным аргосинам из ваты, по голубому небесному своду, на высоте тысяч футов над высочайшей вершиной Гигантов Тауэрна и голыми и серыми известняковыми пиками Кайзергебирге, сами по себе образуют картины и явления величайшей красоты, представляющие постоянно меняющийся интерес.

МОНАШЕСКИЕ ЧУДЕСА

Кундль - небольшая деревня примерно в четырех милях к юго-западу от Вергля, и она не привлекла бы особого внимания путешественников, если бы не любопытная церковь Святого Леонарда ауф дер Визе (Святой Леонард на лугу) и связанная с ней причудливая легенда. История гласит, что в начале одиннадцатого века каменная статуя святого Леонарда приплыла по течению от Гостиницы к этому месту; и люди, понимая, что для каменной статуи плавать - не что иное, как чудо, после того, как заполучили ее, установили на обочине дороги, чтобы все, кто проходил мимо, видели ее и благоговели перед ней. Вероятно, современный скептицизм заставит нас предположить, что фигура на самом деле была сделана из дерева, а не из камня; и тогда чудо объяснится само собой! Этот регион подвержен наводнениям, и, несомненно, фигура святого Леонарда была привезена из какой-нибудь церкви выше по долине, которая была разрушена лавиной или наводнением.

Однако далее история сообщает нам, что статую незадолго до того установили вдоль большой дороги, когда Генрих II, герцог Баварии, сам проходил тем путем и, увидев ее, остановился, чтобы спросить, почему она здесь находится. Когда ему рассказали эту историю, он воспользовался возможностью (как и многие другие правители в те дни) заключить сделку с Небесами, которая, хотя и принесла пользу Матери-Церкви, была бы также небесприбыльной для него самого. Поэтому он поклялся, что, если экспедиция в Италию, которая привела его по этому пути, увенчается успехом и его войска одержат победу, он по возвращении построит красивую обетную церковь на том месте, где стояла фигура святого.

Увы! для человеческих клятв, даже для тех, кому суждено стать императором. Хотя его оружие процветало, он был коронован в Павии и стал королем Германии, он напрочь забыл о

святом Леонарде. Несколько лет спустя (в 1012 году) судьба и заботы его королевства вновь привели его в Тироль по пути на север, к тому месту, где фигура святого все еще стояла у обочины дороги. Затем произошло еще одно чудо, ибо его лошадь, "хотя ее подгоняли кнутом, шпорами и словами", отказалась проезжать то место, где его хозяин ранее дал столь торжественную клятву, и стояла, обливаясь пеной и грызя удила, к большому смущению своего всадника. Как и следовало ожидать, император тут же вспомнил о своей клятве и приступил к ее выполнению.

Строительство церкви, которое было начато незамедлительно, было закончено через пару лет, но катастрофа ознаменовала его завершение. Как раз в тот момент, когда молодой человек собирался установить лопасть на место, его охватило внезапное головокружение, и, упав на землю, он разбился вдребезги. "Его тело, - так гласит несколько причудливая местная версия этой истории, - было собрано вместе перепуганными зрителями", а его череп, который все еще можно увидеть, был положен к подножию распятия на высоком алтаре в качестве подношения. В церкви есть запись о том, что император возвел это здание и что папа Бенедикт VIII, который был его назначенцем, совершил очень долгое путешествие из Рима, чтобы освятить его. Однако, несмотря на это, появились бы серьезные основания сомневаться в том, что он это сделал.

Изображение, которое сейчас можно увидеть, датируется только 1491 годом, и нет никаких записей об исчезновении первоначального "чудесного" изображения, которое оно, должно быть, заменило. Внутреннее убранство этой церкви в разное время страдало как от запущенности, так и от побелки. Но здесь есть причудливая и превосходная резьба, в том числе на нескольких скамьях, а также тонкая работа из железа, и интересны фигуры, украшающие десять колонн, окружающих главный алтарь. Самый красивый вид на церковь открывается, когда въезжаешь в деревню.

Раттенберг, который находится примерно в пяти милях от Кундля по главной магистрали, посещается туристами нечасто и примечателен главным образом медными рудниками, которые все еще разрабатываются. Город, однако, определенно живописен и заслуживает посещения. Едва ли где-нибудь в Тироле в месте столь же небольшого размера можно увидеть такие контрасты в архитектуре. И, несомненно, по этой причине в летние месяцы редко удастся застать нескольких художников за работой на узких улочках. Один берег реки занят домами и постройками самого солидного, мрачного и совершенно невзрачного вида, в то время как на противоположном берегу можно найти полную противоположность - красивые, светлые жилища, причудливо выкрашенные в нежные оттенки желтовато-коричневого, розового и небесно-голубого. Рядом с ними и между ними расположены причудливые дворiki и узкие переулки, часто чрезвычайно живописного характера.

WILHELM BIENER

Многие люди, кажется, путают замок Раттенберг, возвышающийся над маленьким городком и рекой, с замком Роттенберг, полуразрушенные руины которого находятся на возвышенности, возвышающейся над дорогами, ведущими из Инн-Тала в Ахен-Тал и Циллер-Тал, некогда резиденцию одной из самых могущественных феодальных семей Тироля. Некоторые авторитетные источники утверждают, что замок Раттенберг восходит ко временам римской оккупации и даже к этруским временам, и его история была не менее волнующей и пестрой, чем у большинства других подобных крепостей Инн-Тала. Главным событием в связи с этим стало заключение Вильгельма Бинера, блестящего канцлера Клавдии Фелицитас Медичи, жены эрцгерцога Леопольда V. Бинер, к сожалению, впоследствии попал в немилость к проитальянцам при дворе сына Клавдии и преемника

эрцгерцога Фердинанда Карла, регента Тироля, и был казнен в Раттенберге в 1649 году и похоронен у стены церковного двора. Тем, кто хочет больше узнать о романтическом и волнующем периоде истории Тироля, в который жил и умер Бинер, не найти ничего лучше, чем прочитать прекрасный исторический роман Германа Шмида "Канцлер Тироля".

Можно вкратце рассказать историю падения Бинера. Клавдия Медичи после смерти своего мужа, при совете и помощи своего канцлера, преуспела не только в мудром управлении Тиролем во время совершеннолетия двух своих сыновей, но и, проявив великую мудрость, сумела избежать втягивания в ужасную и катастрофическую Тридцатилетнюю войну, в которую была вовлечена вся остальная Германская империя. Ее правление, однако, было не совсем лишено некоторой суровости, которая проявлялась главным образом в сборе налогов, и в этом вопросе канцлер Бьенер, естественно, был обеспокоен, в результате чего его рвение к интересам своей прекрасной любовницы навлекло на него ненависть определенной части двора и общества в целом. Однажды он оказался в серьезной оппозиции к тогдашнему епископу Бриксена по поводу уплаты определенных взносов, законность которых епископ поставил под сомнение. Бинер, похоже, на этот раз потерпел неудачу в своем обычном умелом и дипломатичном ведении дел. Он написал епископу очень несдержанное письмо, которое тот никогда не забыл и не простил. Спустя годы после смерти Клаудии негодование против Бинера приняло более определенные формы, и его обвинили в незаконном присвоении части денег, принадлежащих государству, которые прошли через его руки. Судимый двумя итальянскими судьями, он был признан виновным (хотя, по-видимому, на основании весьма неубедительных доказательств) и приговорен к смертной казни.

Павший канцлер обратился с последним призывом к эрцгерцогу Фердинанду Карлу, сыну своей покойной любовницы, и эрцгерцог, полностью веря в добросовестность и невиновность Бинера и, несомненно, помня о его многочисленных выдающихся заслугах перед своей семьей, помиловал его. К несчастью для приговоренного, его злейший враг, председатель Совета по имени Шмаус, смог так задержать гонца, что тот прибыл слишком поздно, чтобы спасти канцлера.

Бьенера вывели на казнь, и, взойдя на эшафот, он воскликнул: "Поскольку я действительно невиновен в этом, я вызываю своего обвинителя (Шмауса) к высшему Судилищу, прежде чем пройдет еще год".

Когда палач закончил свою работу и наклонился, чтобы поднять голову, чтобы показать ее толпе, он обнаружил, что также неосознанно отрубил три пальца на правой руке жертвы, что странным образом (так гласит история) напомнило замечание епископа Бриксенского, прочитавшего письмо Бьенера много лет назад: "Человек, который мог написать мне подобное письмо, заслуживает того, чтобы ему отрубили пальцы, державшие перо".

Нам сообщают, что не менее примечательным событием стало то, что председатель Совета, который был не только самым непримиримым врагом Бинера, но и его главным обвинителем, умер в указанный срок от ужасной болезни.

Предполагается, что жена канцлера бродит по горным тропам по соседству, и иногда по ночам ее можно застать за тем, что она стонущим голосом заявляет о невиновности своего мужа. История, несомненно, основана на том обстоятельстве, что несчастная женщина потеряла рассудок и убежала неизвестно куда, но в конце концов была найдена бесцельно блуждающей и совершенно лишившейся рассудка на склоне горы между Брикслеггом и Раттенбергом. В течение многих лет (и, возможно, все еще, насколько нам известно) существовала традиция, согласно которой, когда кто-либо был при смерти в маленькой

деревушке недалеко от Инсбрука, где жена Бьенера после замужества прожила счастливо много лет, она появлялась, чтобы предупредить их.

Недалеко от города, в одном из шахтерских зданий, находится весьма любопытная картина, выполненная на деревянной панели, сочетающая изображение горных работ около 1500 года с изображением Распятия, на котором шахтеры, положив кирки и лопаты рядом с собой, изображены коленопреклоненными в молитве.

BRIXLEGG

Брикслегг находится всего в миле или около того от Раттенберга. Район красивый, а с моста открывается очаровательный вид. Небольшой оживленный городок также является отличным центром, из которого можно совершить несколько коротких экскурсий в Циллер-Тал и Ахен-Тал. Но, хотя в Брикслегге есть значительные плавильные заводы и производство по волочению проволоки, для туриста главной достопримечательностью города, который, однако, причудлив и в какой-то мере живописен, является главным образом его репутация места, где разыгрываются крестьянские драмы.

Сельские пьесы Брикслега интересны не только из-за исторических сцен, многие из которых они представляют, но и как пережитки очень раннего (если не самого раннего) типа немецкой драматургии и искусства, который дошел до нас. Большинство пьес, типов костюмов, сюжетов и всех различных элементов, из которых состоят эти спектакли, служили поколениям; но иногда пишутся и ставятся новые пьесы, в основном посвященные историческим происшествиям и персонажам. В некоторых частях Тироля, где эти пьесы сохранились, по крайней мере, до самого недавнего времени, сохранились старые маски, которые, должно быть, были переданы из раннего средневековья и, возможно (так утверждают некоторые компетентные органы), относятся к римским и этрусским временам. Спектакли Brixlegg, безусловно, должны увидеть все, кто интересуется настоящей крестьянской драмой и эволюцией драматического искусства. Представления гораздо более интересны как местное и крестьянское искусство, чем представления Мерана, где в определенной степени внешняя критика и влияние способствовали внесению изменений, спектаклям Мерана не хватает некоторой наивности и спонтанности этих более простых крестьянских драматических пьес.

SCHLOSS MATZEN

Сразу после выезда из Брикслега, по левую сторону дороги, стоят три примечательных замка — Матцен, Лихтвер и Кропфсберг. Первый из названных является одним из самых интересных и хорошо сохранившихся образцов средневекового замка в Тироле. Описанию красоты его расположения, архитектуры, романтической истории и осад можно было бы посвятить целый том, и все же оставить многое недосказанным. Его огромная круглая башня доминирует над пейзажем, так же как его красивый нижний двор с четырьмя ярусами закрытых коридоров с двух сторон, с "пружинами" арок, опирающихся на короткие колонны из необработанного мрамора, его прекрасный главный зал, украшенный бесценной резьбой и панелями из дуба, а также охотничьими трофеями, делают его уникальным достоянием. Из окна гостиной открывается очаровательный вид на его соперников, Лихтвер и Кропфсберг, стоя у которого (согласно старым хронистам), один из Фрундбергов был застрелен арбалетной стрелой, выпущенной его братом из башни Лихтвер, владельцем замка которой последний был.

SCHLOSS MATZEN

Особый интерес для большинства посетителей, которым, возможно, посчастливится увидеть Мацен и его сокровища, несомненно, вызовет знаменитая фигура Христа на кресте в часовне; библиотека — одна из старейших комнат — с ее прекрасным сундуком эпохи Возрождения; прекрасная коллекция старинной олова; охотничья комната со множеством трофеев ее знаменитого "спортивного" и литературного владельца;[\[23\]](#) и, возможно, небезынтересным для большинства посетителей будет также каменный стол, когда-то стоявший на месте казни в другом конце замка, но теперь в другом конце замка. тень большой круглой римской башни, сразу за задним входом из сада. Говорят, в старину за этим столом восседал владелец Мацена, верша правосудие над своими вассалами или слугами. Расположенный в широкой долине, окруженный деревьями, Матцен является одним из самых живописных, поскольку это один из самых интересных исторических замков в Тироле.

В Йенбахе, маленьком городке у входа в Ахен-Тал на северном берегу и Циллер-Тал на южном, задерживаться особо нечему.

Незадолго до того, как добраться до Шваца, можно увидеть легендарный замок Трацберг, расположенный высоко на лесистом отроге Баварских Альп, с тремя расположенными в ряд башенками, которые, кажется, нависают над скалистым возвышением, на котором он стоит. Высоко над замком, едва видимая из долины, находится знаменитая паломническая церковь Георгенберг, которую должны посетить все, кто может.

Тропинка, хотя и трудная, петляет по благоухающему сосновому лесу. По мере приближения к цели своего паломничества путь отмечается крестными остановками. Проезжаешь по безмолвному краю, и по мере подъема красивые деревушки, разбросанные внизу, в долине Инн, постепенно и на время пропадают из виду. Почти никого не встречаешь, кроме заблудившегося паломника или какого-нибудь туриста, достаточно любопытного, чтобы

совершить восхождение, и не слышно ни звука, кроме шелеста летнего ветерка в соснах, журчания маленьких ручейков или водной музыки застывших потоков. Наконец, через просвет в окружающем лесу можно впервые увидеть белую церковь с ее романской башней и ржаво-красной крышей, стоящую на крутой и бесплодной скале высотой около трехсот футов, добраться до которой можно по крытому деревянному мосту, перекинутому через глубокое ущелье.

И что же это за святыня! Изолированная скиния, расположенная на скале в уединенном месте, в окружении величайшей красоты и впечатляющей; отгороженная от мира и замкнутая наедине с природой. Крест в начале моста повествует о чудесном спасении давным-давно девушки, которая, пытаясь сорвать самые красивые цветы для венка, чтобы возложить его на голову Мадонны или на алтарь, упала в овраг на расстоянии более ста пятидесяти футов и все же избежала серьезных травм, когда смерть казалась неизбежной.

Впечатление, которое возникает, когда, наконец, достигаешь вершины скалы, на которой стоит церковь, - это впечатление большой торжественности и даже величия. На какое-то время внешний мир исчез из сознания человека и перестал существовать. И когда кто-то входит в саму церковь, созданное впечатление не может не усиливаться от почти всегда встречающихся внутри безмолвных коленопреклоненных фигур с лицами, озаренными восторгом и верой или преображенными религиозным пылом.

ST. GEORGENBERG

На первом месте стоит маленькая часовня "Скорбящей Богоматери" (Schmerzhaften Mutter), окруженная крошечным кладбищем, на котором похоронены те немногие избранные, чье желание упокоиться после смерти в уединенном, но прекрасном месте, которое они любили и посещали при жизни. Более крупное здание, церковь Святого Георгия напротив часовни, содержит одну из тех самых любопытных легендарных реликвий, которых немало сохранилось с незапамятных времен в Тироле. История чуда, в результате которого появилась реликвия, вкратце такова: — Примерно в 1310 году, в те дни, когда Руперт I. был четырнадцатым настоятелем монастыря Георгенберг, руины которого окружают нынешнюю церковь, монах-бенедиктинец служил мессу в этой самой церкви. Как раз в тот момент, когда он собирался освятить чашу, ему пришло в голову сомнение относительно того, могло ли такое чудо, как превращение воды и вина в кровь, быть совершено в его недостойных руках. Раздираемый сомнениями, он, тем не менее, произнес слова освящения; и онемел от изумления и благоговения, обнаружив, что вместо белого вина и воды, которые он налил в чашу, появилась кровь, которая переполнила чашу и упала на облатки. Некоторая часть этой чудесной крови была сохранена во флаконе, который был установлен в реликварий и поставлен на алтарь. Нам говорят, что в прежние времена эта драгоценная реликвия творила много чудес, и сегодня ее почитают почти так же, как в средние века.

ЛЕСНОЕ СВАТИЛИЩЕ

Паломничество Святого Георгенберга - одно из самых известных и древних в Тироле. Действительно, настолько древний, что его происхождение, по-видимому, восходит к концу десятого века, когда Албуин, тогдашний епископ Бриксена, освятил здесь часовню. Однако еще до этого Шерер утверждает, что молодой баварский дворянин по имени Ратхольд из Айблингена, "познав пустоту радостей даже своего высокого положения, решил жить вдали от людских пристанищ в каком-нибудь диком и уединенном месте". И в погоне за этим решением он бродил по плодородным полям и долинам своей собственной земли и земель Гостиницы, пока, наконец, не достиг этого места в долине Сталлен и в конце концов не подошел к скале, на которой стоит церковь. Высоко на склоне горы он вырыл для себя

пещеру, где жил отшельником. Но через некоторое время им овладело желание посетить некоторые из святынь величайших святых. Он посетил многих, путешествуя даже так далеко, что посетил святилище Святого Яго де Компостелла; и, наконец, снова вернулся в свою пещеру отшельника, чтобы закончить свои дни в молитве и созерцании. Но он привез с собой изображение Мадонны, над которым собственноручно благоговейно воздвиг защитную святыню.

Вскоре люди со всей округи и даже из отдаленных уголков Тироля и Баварии стали приезжать поклониться святилищу, и вскоре "Наша Возлюбленная Леди под липами" стала популярным местом паломничества. Однажды, много лет спустя, как гласит история, в это место приехал другой молодой баварский дворянин, который далеко забрел в погоне за дичью и, услышав о святилище, решил сам посетить его, чтобы выяснить, в чем привлекательность и достоинства места, столь почитаемого окрестными крестьянами гор и долин. По прибытии в маленькую часовню он разыскал хранителя-отшельника, и каково же было его изумление, когда он обнаружил в белобородом отшельнике старшего брата, чье странное исчезновение из его дома в замке много лет назад вызвало много горя. Обрадованный встречей, младший брат поклялся, что построит на этом месте часовню, более подходящую для защиты святой и чудотворной картины, а также "дом-приют" для паломников.

Вскоре работа была начата, и издалека и поблизости приходили крестьяне и даже дворяне или присылали подношения, чтобы они могли принять какое-то участие в работе. Затем произошла странная вещь. Вся добродетель, которая сделала это место одним из чудес и одной из таких удач для остановленных, больных, слепых и немых, казалось, исчезла. Едва рабочие приступили к закладке фундамента предполагаемой часовни, как произошла авария за аварией, некоторые из которых закончились смертельным исходом. Камни не удерживались на месте, и все, что было связано со зданием, "пошло не так". Другим любопытным событием было присутствие изо дня в день двух белых голубей, которые прилетали, по-видимому, из леса выше по склону горы, и подбирали каждую щепку, на которую падала кровь рабочих, когда они порезались своими инструментами (что они часто делали), а затем сразу улетали с щепками в клювах.

ПРИДОРОЖНОЕ СВАТИЛИЩЕ В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Обнаружив, что эти действия голубей продолжаются и что прогресса добиться невозможно, отшельник решил искать объяснение этой тайны, и поэтому однажды он последовал за птицами вверх по склону горы, и, достигнув места, где он увидел, как они спускаются, он, к своему удивлению, обнаружил совершенную миниатюрную часовню или святилище, построенное из щепок, которые унесли голуби. "В этом чуде отшельник обнаружил направляющую руку Бога и, спустившись снова к своему брату, умолял его построить предполагаемую часовню на том месте, которое было так чудесным образом указано". Последний охотно согласился это сделать, и теперь работа продвигалась без происшествий или других перерывов. Возведенная таким образом часовня, которая находится дальше по

склону холма, чем более крупная церковь Святого Георгия, была перестроена в то время, когда последняя была возведена в восемнадцатом веке.

Время от времени других паломников, как знатных, так и простых, посещавших святилище, расположенное среди лесов и гор, переселяли, чтобы они остались, и таким образом постепенно собралась община, живущая в грубо построенных хижинах поблизости от кельи отшельника, которая со временем, примерно в двенадцатом веке, была приведена тогдашним епископом Бриксена в соответствие с правилами ордена Святого Бенедикта. Монахи не только построили монастырь, но и возделали прилегающие земли, и в конце концов в этом уединенном месте поселилась довольно большая община. Но жизни монахов было суждено быть очень пестрой и часто омраченной серьезными несчастьями. Огонь, лавины, голод и болезни - все это делало все возможное, чтобы уничтожить братство. И, наконец, в начале восемнадцатого века — после того, как они существовали в Санкт—Георгенберге более пятисот лет - было решено перенести монастырские учреждения во Фихт.

Требовались огромные средства, поскольку тогдашний настоятель по имени Целестин Беман, уроженец Вены и ранее служивший артиллерийским офицером, спроектировал новый монастырь и здания в роскошном и колоссальном масштабе. Однако недостатка в средствах не было. Святой Георгенберг занимал место в сердцах всех людей на обширной территории вокруг, и деньги также поступали в монастырскую казну из чужих стран, из которых паломники приезжали к знаменитой святыне. Затем произошла великая катастрофа. Аббат, соблазненный огромным богатством, оказавшимся в его руках, и, возможно, устав от своей уединенной жизни в мире, в котором он когда-то был заметной фигурой, бежал с деньгами, которые должны были пойти на строительство нового аббатства во Фихте. Строительные работы были на некоторое время приостановлены, поскольку не удалось обнаружить никаких следов неплатежеспособного настоятеля. Но через несколько лет была собрана достаточная сумма денег, чтобы продолжить работу под руководством аббата Ламберта. В результате появилось нынешнее красивое здание позднего ренессанса, которое, однако, представляет собой лишь небольшую часть первого великолепного проекта. Аббат-отступник Селестен Беман через несколько лет после своего бегства и преступления снова увлекся созерцательной жизнью и внезапно появился в монастыре, признавшись в своих проступках и отдавшись на милость своих бывших товарищей. Он не напрасно взывал к их милосердию, ибо, отказавшись предать его правосудию, они позволили ему закончить свои дни в благочестии и покаянии, в искренность которых можно только верить.

Во всяком случае, такова, по существу, история, рассказанная Бюллекхнером и другими авторами.

Странное очарование, кажется, окутывает это тихое и уединенное святилище Святого Георгенберга, и, безусловно, это одно из мест паломничества, которое больше всего вдохновляет на дух тех далеких эпох, когда, совершая подобные путешествия, многие находили утешение, душевный покой и освежение. Действительно, можно почти удивляться, что монахи покинули его ради нового дома в менее тихом месте на склоне холма недалеко от Шваца, который вот уже несколько лет используется как школа.

ЗАМОК ТРАЦБЕРГ

Не доходя до Шваца, проезжаешь мимо старинного и прекрасного замка Трацберг, который заслуживает посещения не только из-за его произведений искусства и других сокровищ, но и из-за восхитительных видов, открывающихся с него. Трацберг, который был продан

герцогом Фридрихом богатому шахтовладельцу по имени Кристиан Танзель в 1470 году с титулом рыцаря Трацберга, часто посещал император Максимилиан I. во время своих различных охотничьих экспедиций по окрестностям. Рыцарь Танзель не пожалел средств, чтобы превратить его в один из самых красивых и знаменитых замков Инн-Тала. Не менее интересными из множества прекрасно оформленных комнат, находящихся в нем, являются те, которые обычно занимал Максимилиан во время своих визитов, и прекрасные апартаменты, известные как комната королевы, с прекрасными прессами, интересными портретами и великолепным панельным потолком. Оружейная палата, также полная средневековых пушек, пик, пики и другого древнего оружия, никогда не перестанет интересовать студента-археолога, который, бродя по этим древним и удивительно хорошо сохранившимся залам, получает более яркое представление об условиях жизни в средние века, чем могло бы дать ему "изучение книг". В большом зале есть несколько замечательных фресок *темперой*, изображающих генеалогическое древо дома Габсбургов с причудливыми группами портретов. Говорят, что некоторые из оленьих рогов, которые прикреплены к стене таким образом, что служат частью рисунка, были охотничьими трофеями самого Максимилиана.

Две максимилиановы комнаты, которые выходят одна в другую, к счастью, находятся почти в том же состоянии, что и тогда, когда их занимал император. Отделка панелями, хотя и не сравнится по изысканности с отделкой в некоторых других комнатах, хороша, а старинная печь, датируемая пятнадцатым веком, представляет большой интерес. На стенах комнаты, в которой это стоит, есть надпись мелом, написанная, как говорят, самим Максимилианом, которая резюмирует причудливую философию и была переведена так:

"Я живу, сам не знаю, как долго,

Я умру, сам не знаю когда;

Я не знаю, куда должен идти;

Удивительно, что я такой радостный".

УЖАСНАЯ ИСТОРИЯ

В 1573 году замок и земли перешли во владение знаменитой семьи Фуггеров, а в конечном итоге и к Энценбергам, один из которых является нынешним владельцем. Существует по крайней мере одна ужасная история и предание, связанные с Трацбергом, который сам по себе вовсе не выглядит устрашающе, как тирольские замки.

Похоже, что древние владельцы замка в большинстве своем были более известны любовью к охоте, чем "постоянством в молитве", и один из них был настолько большим неплательщиком в этом отношении, что, хотя он всегда мог услышать звуки охотничьего рога, протрубленного ранним утром, и с готовностью встать, чтобы повиноваться его зову, как это ни печально признавать, когда колокол часовни звонил к мессе, это было совсем другое дело. Однажды утром его, как обычно, разбудил звонок, и, как обычно, он зевнул и повернулся в своей постели, чтобы еще раз вздремнуть, думая, без сомнения, с жалостью о людях, которые рано встали, чтобы присутствовать на службе. Не успел он это сделать, как ему приснился сон или видение о старом капеллане, совершающем службу в часовне, и о набожных прихожанах, собравшихся послушать его. Затем троекратный звон колокола возвестил ему о том, что совершается самый торжественный обряд службы. Затем раздался грохочущий звук, казалось, задрожал сам фундамент замка, и здание закачалось, как будто вот-вот рухнет, и сотни окон задребезжали и затряслись. Рыцарь, который был суеверен, если не религиозен,

пришел в неопиcуемый ужас, громко закричал, а затем в ужасе попытался спрятаться под одеялом. Его крик был услышан несколькими слугами и приближенными, которые поспешили в комнату; и, войдя, они были поражены ужасом, обнаружив своего хозяина мертвым, а на его горле виднелись отпечатки трех когтей, которые не только обожгли, но и разорвали кожу. Был сделан вывод, что рыцарю некий Небесный дух повелел подняться и отправиться на Мессу, но он воспротивился Божественному влиянию и был востребован своим хозяином, Дьяволом, который задушил его. Некоторые следы на стенах комнаты, где он умер, в течение многих лет после этого считались следами крови злого рыцаря.

Есть много других традиций и легенд, связанных с этим знаменитым замком, который является одним из немногих зданий в Европе, претендующих на то, что в нем ровно столько окон, сколько дней в году; но для этих историй, какими бы интересными они ни были, поскольку демонстрируют легкоеверие, варварство и фантазийность средневековья, у нас нет места.

Недалеко от Трацберга находится причудливый, интересный и процветающий город Швац, расположенный на правом берегу реки Инн, над которым возвышается замок Фрундсберг. Давным-давно, во времена римской оккупации Тироля, это была станция значительного значения и размеров; но после эвакуации населения страны она постепенно приходила в упадок до XIV века, когда это была немногим более чем разбросанная деревушка с бедными домами и гостиницей для размещения путешественников, которые были слишком утомлены, чтобы продолжать свой путь в Инсбрук, или которых с наступлением темноты настигли неподалеку от этого места.

ШАХТЕРЫ ШВАЦА

Затем, в начале пятнадцатого века, согласно Бюллекхнеру, жила серебряной руды была обнаружена благодаря необузданному поведению быка, который сошел с ума или стал необычайно энергичным и, вырывая траву на склоне холма своими рогами, открыл то, что впоследствии оказалось обширным месторождением серебряной руды. Весть о находке была поспешно принесена в бедную деревушку пастухом, который отвечал за животное, и жители сбегались, чтобы расследовать историю о найденном блестящем металле. За очень короткое время Швац восстановил свое древнее процветание и значение, и в свое время, когда серебряные рудники были в самом расцвете сил, население, которое сегодня составляет около 6500 человек, было примерно в пять раз больше. Открытие серебра заставило несколько знатных семей по соседству отказаться от воинского призвания и рыцарской службы ради владения рудниками и их разработки; и огромное состояние аугсбургских купцов и банкиров, особенно Хохштеттеров, Ильсунгов и Фуггеров, было в значительной степени использовано для разработки рудников, которые были быстро открыты. Среди благородных семей, ставших шахтерами или владельцами рудников, была семья Фигеров, одна из которых была близкой подругой Максимилиана I. Последний, когда Фигер умер в преклонных годах, оставив после себя удивительное потомство и огромное состояние, присутствовал на похоронах своего старого друга. Его сын, Ганс Фигер, женился на Маргарет фон Пиензенау, которую, когда она прибыла в дом своего мужа, сопровождала огромная кавалькада из четырех тысяч лошадей, из которых те, что тянули ее карету, были подкованы серебром.^[24]

Горнодобывающая промышленность быстро развивалась за счет огромных сумм, которые богатые торговцы Баварии и других стран были готовы вложить в спекуляции или использовать под залог самих рудников; и шахтеры Шваца стали настолько искусными и отважными, что позже их услуги были реквизированы для использования на рудниках других

округов и для военных операций по добыче полезных ископаемых против турок в Венгрии. Во время осады Вены турками в 1529 году, Солиман Великолепный, который окружил город армией в 300 000 человек, был вынужден восстановить его, потеряв почти четверть своих людей из-за контрудара шахтеров Шваца. Два столетия спустя швацеры подорвали и взорвали великолепные и почти неприступные укрепления Белграда, прежде чем он был передан Турции; и в разное время к их услугам прибегали герцоги Флоренции и Пьемонта.

Швац также отличается тем, что здесь был установлен один из самых ранних печатных станков в городе; а вопросы, касающиеся добычи полезных ископаемых и методов их добычи, часто передавались опытным и умелым шахтерам и инженерам Шваца.

Точно так же, как это было в случае с шахтерами недалеко княжества Зальцбург, шахтеры Шваца приняли доктрины Лютера и предприняли серьезные попытки покончить с римско-католическим клерикализмом и угнетением. По крайней мере, в двух случаях они в значительном количестве шли маршем на Инсбрук, но были встречены в холле епископом Бриксенским, который убедил их вернуться по домам, пообещав уладить их жалобы. Но хотя они согласились сделать это и не пошли дальше по трактиру Таль, в самом Шваце новая вера и ее сторонники стали настолько могущественны, что в свое время последним удалось завладеть половиной приходской церкви, в части которой совершалась лютеранская служба. В конце концов их изгнали, и им пришлось встретиться в лесу недалеко от города, где проповедовали двое последователей Реформатора, лишенных статуса католических священников.

Появление некоторое время спустя францисканца, приехавшего в Швац с целью "укрепить" спины католиков и искоренить новую веру, привело к столкновениям жестокого характера между двумя партиями.

Одна история, которая была широко принята католическим населением как чудо, касающаяся этих споров, которые иногда не ограничивались одними словами и аргументами, заключается в следующем. Утверждается, что лидер реформаторов воскликнул во время жаркой дискуссии: "Если пастор Зелль (один из священников, принявших доктрины Лютера) не проповедует истинную доктрину, пусть дьявол унесет меня в Стейнйох". Как нам говорят, едва эти слова слетели с его губ, как говоривший исчез.

Нет необходимости добавлять, что этот инцидент нанес тяжелый удар лютеранской вере, и эффект чуда, утвердившего, как утверждали католики, истинную веру, еще больше усилился, когда несчастный человек, которого таким образом так внезапно похитили, вернулся некоторое время спустя, признавшись в том, что его перевезли в Стейнйох с избитым телом и пошатнувшейся верой в пастора Зелля.

Позже горнодобывающая промышленность была практически остановлена из-за религиозных споров и нашествия анабаптистов. И хотя последние были изгнаны, и многие тысячи тех, кто поддерживал реформатскую веру, были возвращены в лоно истинной церкви с помощью отцов-иезуитов из Холла, с этого времени богатство рудников начало уменьшаться, и они так и не восстановили свою былую продуктивность. В течение значительного периода медь и железо превосходного качества добывались в больших количествах после того, как закончилось серебро, но с годами это место как центр добычи полезных ископаемых приходило в упадок все больше и больше.

Швац, в дополнение к своим религиозным разногласиям, в прошлом страдал от эпидемии чумы, "когда жители вымирали как мухи"; и он также ужасно пострадал во время кампании 1809 года. В прошлом году баварцы под командованием герцога Данцика и их французские

союзники под командованием Де Руа решили вселить ужас в сердца жителей Инн-Тала, сожгв город. Они напали на это место и, не довольствуясь преданием жителей мечу, применили к ним самые ужасные жестокости; особенно к женщинам и молодым девушкам; некоторые из них были настолько отвратительными, что их невозможно описать в печати. Никто не был пощажен; "и старые, и молодые были возмущены, а затем либо убиты, либо брошены в реку или в пылающие руины, которые когда-то были их домами".

ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ ШВАЦА

К счастью, хотя от самого города мало что уцелело, чтобы показать грядущим поколениям, каким был древний Швац, из-за последовательных оккупаций враждебными войсками во второй половине восемнадцатого и начале девятнадцатого веков прекрасная приходская церковь, строительство которой было начато примерно в 1470 году и освящено в 1502 году, пострадала меньше, чем можно было ожидать. План здания примечателен, оно содержит двойной неф, каждый со своими проходами, хорами и главным алтарем, причиной этой особенности является тот факт, что шахтеры были достаточно богаты и важны на момент его строительства, чтобы настаивать на том, чтобы иметь отдельную церковь для себя, отдельно от горожан. Действительно, даже в наши дни один из высоких алтарей известен как "Алтарь Кнаппен Хох", или Главный алтарь шахтеров. В крыше, сложенной из медных черепиц, которых, как говорят, насчитывается не менее пятнадцати тысяч, предоставленных в качестве пожертвования владельцами шахт и старателями, и в устройстве скрещенных кирков, появляющихся тут и там в украшениях здания, можно ясно проследить его связь с горнодобывающей промышленностью и интерес, который сами шахтеры проявили к его возведению.

Церковь в разное время неумело реставрировалась, но в ней все еще сохранилось несколько очень интересных и прекрасных памятников, которые особенно заслуживают внимания Ганса Дрейлинга, мастера по металлу и основателя. На ней изображен не только мастер по металлу, но и три его жены и дети, которые облачены в рыцарские доспехи и все находятся под покровительством святого Иоанна Крестителя. Эта замечательная работа принадлежит знаменитым основателям компании Malines Александру Колину и еще более знаменитому Хансу Леффлеру. Здесь также представлены девять алтарных произведений тирольских художников, на которые следует обратить особое внимание.

В Шваце, как и во многих других деревнях и городках района Инн-Таль, можно найти несколько интересных расписных домов, а некоторые фрески, большинство из которых изображают религиозные сюжеты, представляют значительную ценность.

Город, однако, не из тех, куда приезжает много путешественников или где задерживаются туристы, хотя он находится на главной железнодорожной ветке и представляет значительный интерес для тех, кого привлекает церковная архитектура, легендарные предания и своего рода живописность.

GEORG VON FRUNDSBERG

Заброшенный и разрушенный замок знаменитого Фрундсберга (чье название, кстати, превосходит Шекспировское по множеству форм, в которых оно встречается и может быть написано), крепость, которая существовала еще до начала христианской эры, и никто, кажется, точно не знает, сколько времени прошло даже до этого, находится довольно близко к Швацу. Его история остается неясной на протяжении многих веков после названного нами периода, и до нас дошли лишь самые незначительные фрагменты событий и жизни в замке Фрундсберг с XI по конец четырнадцатого века. Именно во времена "знаменитого бойца

боевой расы" Георга фон Фрундсберга, сына Ульриха, рыцаря Фрундсберга, родившегося в Миндельхайме в 1473 году, и основателя *ландскнехтов*, замок и семья, по-видимому, достигли зенита процветания, богатства и славы, причем первые две характеристики были в основном обусловлены женитьбой Георга на богатой швабской наследнице. Он был "одним из многих сыновей, большинство из которых стали выдающимися, и трое из них (одним из которых был сам Георг) пользовались большим уважением императора Максимилиана". Георг в очень раннем возрасте был произведен в генералы, а после битвы при Регенсбурге в 1504 году Максимилиан посвятил его в рыцари на поле боя, который был свидетелем его удивительной храбрости и ратных подвигов. Когда ему было всего двадцать четыре года, его считали искусным и непревзойденным предводителем, и в своих кампаниях против швейцарцев и венецианцев он добился поразительного успеха. Описаны некоторые его самые удивительные подвиги личной силы; как он мог опрокинуть обычного человека одним из своих пальцев; мог поймать убегающую лошадь и посадить ее на корточки одной рукой; и много раз разрубал своих противников надвое ударом своего двуручного меча. Не исключено, что его огромная природная сила во многом способствовала тому, что он превратился в популярного героя и стал центральной фигурой многих легендарных рассказов и удивительных романов. О нем они пели —

"Georg von Frundsberg,

Von grosser Sterk,

Ein theurer Held;

Behielt das Feld

In Streit und Krieg.

Den Feind niederslieg

In aller Schlacht.

Er legt Got zu die Er und Macht."

Что, возможно, приблизительно переводится так: "Георгий Фрундсбергский, обладающий удивительной силой; прославленный герой; непобедимый на поле боя и на войне; побеждающий в каждом сражении. Честь этого успеха он отдал Богу".

Он связал свою судьбу с лютеранами, командовал войсками Карла V. Был одним из рыцарей, участвовавших в нападении на Рим.

Хотя в свое время он был невероятно богат, когда его, наконец, хватил апоплексический удар во время осады последнего города и отвезли домой умирать в Миндельхайм, он был разоренным человеком. Он не жалел ничего из своего состояния на проведение экспедиций, в которых участвовал, когда короли и императоры, от имени которых они предпринимались, как правило, не платили войскам. К его чести, Георг фон Фрундсберг, похоже, неизменно сам платил своим людям; и нам говорят, что он редко забирал добычу, которая выпадала на его долю, выбирая только некоторые сравнительно бесценные, хотя в целом исторически интересные предметы, такие как флаги и вымпелы, меч (правда, иногда украшенный драгоценными камнями, но все же сравнительно неважный в денежном отношении по сравнению с огромными сокровищами, которые он мог бы взять в качестве своей доли), или шлем побежденного противника, предпочитая, чтобы его людям хорошо заплатили большей частью добычи за их храбрость и выносливость. . В те дни деньги,

ссужаемые знатью и другими лицами воюющим князьям для участия в экспедициях, как правило, не взыскивались с фактических заемщиков, а возвращались путем грабежа побежденных, из захваченной добычи или посредством выкупов, выплачиваемых выдающимися пленниками. Так случилось, что Георг фон Фрундсберг, пренебрегавший этими средствами, постепенно разорился, поскольку ни Карл V, ни Максимилиан не позаботились о том, чтобы огромные суммы, которые он время от времени тратил на них во время их кампаний, были ему возвращены.

Его девиз, который гласил: "Чем больше противников, тем больше чести", был характерен для него самого и для его расы. Но с его смертью и финансовыми затруднениями, которые постигли его наследников из-за крупных закладных на поместья, которые он оставил после себя, не имея средств погасить их, власть Фрундсбергов быстро пришла в упадок, и род прекратился по мужской линии после смерти его сына Джорджа (одного из девяти детей) в 1586 году,^[25] хотя по женской линии у Фрундсбергов есть потомки, живущие в настоящее время.

Впоследствии замок превратился в руины, и можно сказать, что его история прекратилась с концом шестнадцатого века. Баварцы, однако, использовали разрушенные стены для "прикрытия" во время кампании 1809 года, когда они были атакованы силами, собранными Хофером и его товарищами.

ГЛАВА XII

ЧЕРЕЗ ОБЕР-ИННТАЛЬ: ЦИРЛ, ЕГО ЦЕРКОВЬ, ЛЕГЕНДЫ И РАСПИСНЫЕ ДОМА — МАРТИНСВАНД И МАКСИМИЛИАН—ШАРНИЦ—ЛАНДЕК—БЛУДЕНЦ—БРЕГЕНЦ И ЕГО ЛЕГЕНДА О ДЕВЕ

От Шваца до Цирля,^[26] за Инсбруком, находится между двадцатью девятью и тридцатью милями, как на поезде, так и по дороге. Последний вполне подходит для езды на велосипеде, и те, кто не является велосипедистом или пешеходом, сочтут путешествие в экипаже восхитительным способом добраться до живописной маленькой деревушки, из которой можно совершить восхождение на Гросс-Зольштайн, а также до более романтического и знаменитого Мартинсванда.

Деревня, в отличие от многих других, расположенных в Унтер-Иннтале, к востоку от Инсбрука, сельскохозяйственная, с большинством домов, построенных ровными рядами, и причудливыми и живописными, но не очень чистыми и оздоровленными внутренними дворами в задней части. Одни из самых очаровательных групп крестьян, повозок, запряженных волами, и "фермерских сцен" можно увидеть в Цирле, который часто посещают художники и привлекает внимание фотографов-любителей.

В большинстве случаев жилые комнаты и спальни расположены на втором этаже, куда ведут лестничные пролеты, а внешний вид жилищ делают живописным и причудливым выступающие фронтоны из резного дерева и выступающие под ними галереи, где либо разложены, либо развешаны для просушки кукуруза, зелень и другие продукты. Как и в других деревнях Инн-Тала, любовь к цвету проявляется в нежных розовых, голубых (почти лавандовых) и зеленых оттенках лепнины на фасадах домов и стенах. Зирл - это тоже живописная деревня, и на домах, когда едешь или прогуливаешься по узким улочкам, мельком можно увидеть изображения Девственниц, святых, ведущих энергичные и смертельные бои со зловещими чудовищами из племени драконов, а кое-где в нише в стене

- крошечную фигурку мадонны, святого или распятия, защищенную стеклом и часто окруженную венком или букетами увядших цветов.

Над арочным дверным проемом одной из гостиниц, названной "Регенбоген", нарисовано самое яркое и даже поразительное изображение радуги (отсюда и название).

Церковь в Цирле интересна главным образом содержащимися в ней фресками, которые являются работой Шепфа. Церковный двор - это место, где стоит задержаться. Это инстинкт с пафосом, который в какой-то мере проистекает из частичного пренебрежения и живописности окружающей среды.

Одной из главных достопримечательностей маленького городка для любителя старины и любопытных вещей, несомненно, станет Кальвариенберг, расположенный немного севернее; зеленый и красивый, увенчанный живописной паломнической церковью. Подъем сравнительно легкий и хорошо окупается не только из-за интереса к "Голгофе", для формирования которой были приспособлены естественные скалы, но и из-за восхитительных видов, открывающихся с плато.

Тропинка тут и там усеяна крошечными часовенками цвета буйволовой кожи, выкрашенными внутри в небесно-голубой цвет, отмечающими места расположения креста; и почти из каждой, когда оборачиваешься и смотришь туда, откуда пришел, или на долину внизу, открывается какой-нибудь очаровательный вид или крошечная перспектива в обрамлении деревьев, которые вызывают интерес и радуют глаз. Церковь, не будь она такой изолированной, расположенной среди зелени и окруженной усыпанной цветами травой, показалась бы вам кричащей, настолько яркими по тону являются цвета, которыми она украшена. Но так или иначе, здесь, среди тишины, почти никогда не нарушаемой деревенскими звуками и лишь изредка нарушаемой музыкальным позвякиванием коровьих колокольчиков, на солнечном свете и в воздухе, таком ярком, свежем и прозрачном, художественное чувство человека, кажется, остается незатронутым яркостью красок и грубостью декораций.

МАРТИНСВАНД

Деревня, конечно, очень тесно связана с несколькими инцидентами при обороне Тироля от различных баварских вторжений; а в непосредственной близости находится Мартинсванд, который отвесно поднимается из долины ниже Цирля и, согласно преданию, был ареной опасного охотничьего приключения императора Максимилиана. История такова: Это было в пасхальный понедельник 1493 года, [\[27\]](#) когда "кайзер Макс", как его фамильярно и ласково называли его тирольские подданные, остановился в Вайербурге, он решил отправиться в одну из своих любимых охотничьих экспедиций в Цирлергебирге. Существует много рассказов о том, что произошло, но один из наиболее достоверных гласит, что серна, которую выслеживал император, внезапно увлекла его вниз по крутому склону Мартинсванда.

ПОДВИГ МАКСИМИЛИАНА

Однако, каким бы бесстрашным охотником он ни был, крутизна ужасного спуска, внезапно разверзшегося у него под ногами, не утолила его пыла к охоте и не отпугнула его. Но, к несчастью, в спешке, когда он спускался по скалам, железные гвозди в его охотничьих сапогах были вырваны один за другим, пока, наконец, он не добрался до скалистого выступа шириной едва ли в фут, в каждом из них не осталось всего по одному шипу. Спускаться дальше было невозможно, и, взглянув вверх по тропинке, по которой он пришел, император

сразу увидел, что отступать тем же путем было не менее опасно. И так, он висел буквально между землей и небом, видимый как простое пятнышко из долины, которая зияла под ним. Менее бесстрашный спортсмен вполне мог бы быть выбит из колеи положением, в котором он оказался, или измотан возложенным на него напряжением. Но Император был сделан из прочного материала, и нервы у него были железные. Ему не только удалось удержаться на этой головокружительной высоте, но и заставить себя осмотреться, и после того, как он некоторое время занимался этим, он обнаружил неподалеку небольшую расщелину или углубление в скале, которое могло обеспечить ему, по крайней мере, лучшую точку опоры, если не реальную защиту.

Члены его охотничьего отряда, которые последовали за ним к краю обрывистого Мартинсванда, теперь посмотрели вниз, но не смогли определить, что стало с Максимилианом. И никто из обитателей долины не мог, конечно, увидеть его, даже если бы он не был частично скрыт сначала выступом скалы, а затем пещерой, из-за того факта, что он находился более чем в тысяче футов над ними. Наконец, однако, когда его вероятное положение стало известно его последователям и жителям Цирла, в церкви были вознесены молитвы о его безопасности и окончательном спасении; священники также вынесли Святое Причастие на вершину Мартинсванда и там снова вознесли молитвы об освобождении императора.

Его слуги, охотники и товарищи по охоте беспомощно и безнадежно смотрели на него сверху или сверху вниз, в зависимости от обстоятельств, и им казалось, что никакая человеческая помощь невозможна. Как раз в тот момент, когда все уже были готовы оставить надежду (как гласит одна из версий этого происшествия), появился отважный охотник по имени Освальд Зипс, который сам спустился с обрыва в погоне за своей добычей.

Удивленный, обнаружив императора, он крикнул: "Привет! Что привело тебя сюда?"

ОСЕНЬ В Южном ТИРОЛЕ

И первый, без сомнения, почувствовав облегчение и не склонный церемониться или возмущаться столь нетрадиционным приветствием, ответил: "Я начеку".

На что новоприбывший ответил: "И я тоже". Не рискнуть ли нам спуститься вместе?"

И после того, как император согласился предпринять попытку — после того, как, по разным данным, провел в своем опасном положении от двадцати четырех до семидесяти двух часов, — они отправились спускаться по оставшейся части скалы, и в конечном итоге им это удалось в целостности и сохранности. Отважный охотник (который, по разным данным, был разбойником, а по другим - вне закона), которому была известна тайная тропа, был, естественно, щедро вознагражден благодарным монархом и в конечном итоге был облагорожен титулом Холланера фон Хоэнфельсена; последнее слово, "Хай Рок", посвящено этому инциденту. Возможно, это естественно, но некоторые источники придают сверхъестественный аспект освобождению императора и утверждают, что это был ангел, который привел его в безопасное место, посланный Небесами в ответ на молитвы священников и народа и доверие императора к Провидению.

Среди сокровищ замка Амбрас находится чудовище, в котором жрецы Цирла несли Воинство, когда они служили мессу в утешение императора на Мартинсванде и возносили молитвы о его освобождении.

Впоследствии Максимилиан, обнаружив, что многие жители Цирла и всего округа были полны решимости совершить опасный спуск в маленькую пещеру, которая дала ему убежище и точку опоры, нанял нескольких шахтеров Шваца, чтобы прорубить к ней путь и расширить пещеру, которая стала известна как Макс-Хеле. В пещере было помещено распятие с фигурами Богородицы и Святого Иоанна по обе стороны, достаточно большого размера, чтобы его было видно из долины внизу. До пещеры можно добраться по этой тропинке (или по другой, проложенной с тех пор) примерно за полтора часа; но восхождение явно из тех, которые должны предприниматься только с ясной головой и уверенными ногами. Прекрасный вид на "нору" раньше открывался из руин маленького охотничьего домика и часовни Святого Мартина, которые Максимилиан впоследствии возвел на зеленом холме напротив него, известном как Мартинс-бюхель, но ныне являющемся частной собственностью.

Тем, кто остановится в Зирле и посетит Мартинсванд, не помешает проехать еще несколько миль на север, в симпатичную маленькую деревушку Зеефельд. По пути по шести милям извилистой и живописной дороги проезжаешь Фрагенштайн, некогда мощную крепость, впоследствии превращенную "кайзером Максом" в одно из его многочисленных охотничьих угодий, которые разбросаны по Инн-Талю и окрестностям.

Существует довольно романтическая история зарытых сокровищ в связи с разрушенным Фрагенштейном, в которой замешан охотник, одетый в зеленое, который периодически появляется и жестами приглашает крестьян прийти и помочь ему выкопать сокровище. В прошлом было предпринято несколько попыток обнаружить последнее, но все они были безуспешны, когда успех казался несомненным. Крестьяне долины рассказывают, что в одном случае у тех, кто копал и много дней усердно работал, переворачивая почву во всех направлениях, действительно был металлический сундук, в котором, как считается, были зарыты сокровища, на виду, когда над долиной разразилась ужасная буря, а когда она утихла, все следы их работы были смыты или иным образом уничтожены, и ключ к разгадке больше никогда не был обнаружен. Дорога в Зеефельд, хотя и привлекательна для

пешеходов, крутая, особенно до Ляйтена и Райта; но те, кто идет пешком, могут срезать несколько поворотов и будут вознаграждены красивыми пейзажами и свежим, бодрящим воздухом.

Ни в Лейтене, ни в Райте путешественника особо не задержат — несколько живописных домиков, ничего больше. И так далее до Зеефельда. С деревней и ее Хайлиге Блутскапелле связана одна из тех многочисленных легендарных историй, которых так много известно тирольскому фольклору.

Много веков назад, по-видимому, в Зеефельде жил человек по имени Освальд Мильзер, который был богат, могущественен и щедр как по отношению к Церкви, так и к своим более бедным соседям. Однако единственным его непреодолимым грехом была гордыня, и поэтому однажды, придя принять Пасхальную Евхаристию, он настоял, чтобы священник, чтобы отличить его от других причастников и подчеркнуть его важность, дал ему одну из самых больших облаток, предназначенных только для священников. Боясь обидеть Милсера, который был щедрым сторонником Церкви и раздавал большую милостыню, священник выполнил его просьбу. Однако не успел он положить хлеб на язык, как его тяжесть повалила Милсера на землю. И хотя в своем ужасе и затруднительном положении он цеплялся за алтарь, а затем за ступени алтаря по мере того, как опускался все ниже, последние подались, и он продолжал опускаться все ниже и ниже, пока в ужасе не воззвал к священнику, чтобы тот забрал у него причастие. Священник так и сделал, и когда Освальд Милзер оправился от испуга, он понял, что это обстоятельство послужило уроком для его гордости, и в конце концов он раздал свое имущество бедным и Церкви и ушел в монастырь, чтобы вести жизнь покаяния и созерцания.

ЧУДЕСНЫЙ РОЗОВЫЙ КУСТ

Когда его жене рассказали о чуде, она отказалась поверить в это, сказав, что скорее поверит в то, что мертвая роза может цвести. Далее в рассказе рассказывается, как сразу же "розовое дерево, которое росло поблизости и давно умерло, распустило самые красивые цветы и так смутило злую женщину, что она сошла с ума, выбежала из своего дома, и ее никогда больше не видели во плоти". Но ее дух часто слышали по ночам, он выл и стонал на склоне горы.

Именно для того, чтобы вместить это чудесное воинство, посрамившее гордость Освальда Мильзера, эрцгерцог Фердинанд в 1575 году построил специальную маленькую часовню с левой стороны прекрасной готической церкви четырнадцатого века в Зеефельде. Это и в наши дни объект почитания, к которому приходит значительное количество паломников. Этот алтарь прекрасен и был хорошо отреставрирован около тридцати пяти лет назад. Статуи, украшающие его, принадлежат любимым легендарным героям Тироля, святому Освальду и святому Сигизмунду, а сюжеты барельефов - эпизоды библейской истории, известные как "Тайны Розария". Среди "сокровищ" церкви - удивительно изящный и интересный хрустальный реликварий и корона, подаренные эрцгерцогиней Элеонорой.

Из Зеефельда можно совершить множество интересных экскурсий в живописный район Миттенвальд, расположенный к северу, на границе с Баварией.

Шарниц находится в том месте, где соединяются долины Хиндеран и Карвендель. Здесь сохранились воспоминания о многих сражениях против баварских захватчиков, и в частности об обороне крепости Порта Клаудиа, построенной во время Тридцатилетней войны Клаудией Медичи англичанином по имени Суинберн, предком покойного поэта Алджернона Чарльза Суинберна. Он был офицером австрийской службы, и у него было всего

600 человек против маршала Нея, у которого было почти 20 000, и он так храбро и упорно защищался, что, когда гарнизон, наконец, сдался перед таким значительно превосходящим числом, они выдвинули свои собственные условия и им разрешили выйти в качестве военнопленных, сохранив при этом свое табельное оружие. Их отправили в качестве пленников в Экс-ла-Шапель, но "знамена" были спасены одним из гарнизонщиков, тирольцем, который сбежал с ними, намотанными на тело. Его искали в горах в течение многих недель, но так и не поймали, и он выжил, чтобы позже добраться до Вены и вручить драгоценные знамена своему доблестному начальнику, который так хорошо защищал крепость.

Мы добрались до Тельфса из Зеефельда по дороге. Деревня, которая может похвастаться большой хлопчатобумажной фабрикой, красиво расположена и приятна, но в самом месте нет ничего, что могло бы задержать путешественника. То же самое замечание относится и к Imst, когда-то занимавшемуся разведением канареек, которые были настолько известны своими певческими качествами, что их экспортировали во все части Европы. Однако старую гостиницу стоит осмотреть, если вы остановитесь в маленьком городке, и в окрестностях можно совершить множество очаровательных экскурсий.

LANDECK

Ландек - красиво расположенный и важный маленький городок в широкой излучине реки Инн-Тал, с прекрасным видом на окружающие горные вершины, занимающие оба берега реки, над которыми возвышается замок Ландек, чья мрачная квадратная башня с зубцами является яркой деталью пейзажа. Еще одним выдающимся зданием, которое сразу бросается в глаза при приближении к этому месту по дороге или железной дороге, является прекрасная приходская церковь пятнадцатого века, стоящая на склоне холма, который венчает замок.

Церковь была основана двумя местными жителями, от которых, по-видимому, сохранились только христианские имена, которые, потеряв двух своих детей в лесу неподалеку, поклялись, что, если последние будут найдены, они выразят свою благодарность возведением церкви Святой Деве. Легенда гласит, что едва была произнесена клятва, как растерянные родители увидели приближающихся к ним медведя и волка, каждый из которых нес в зубах невредимого ребенка!

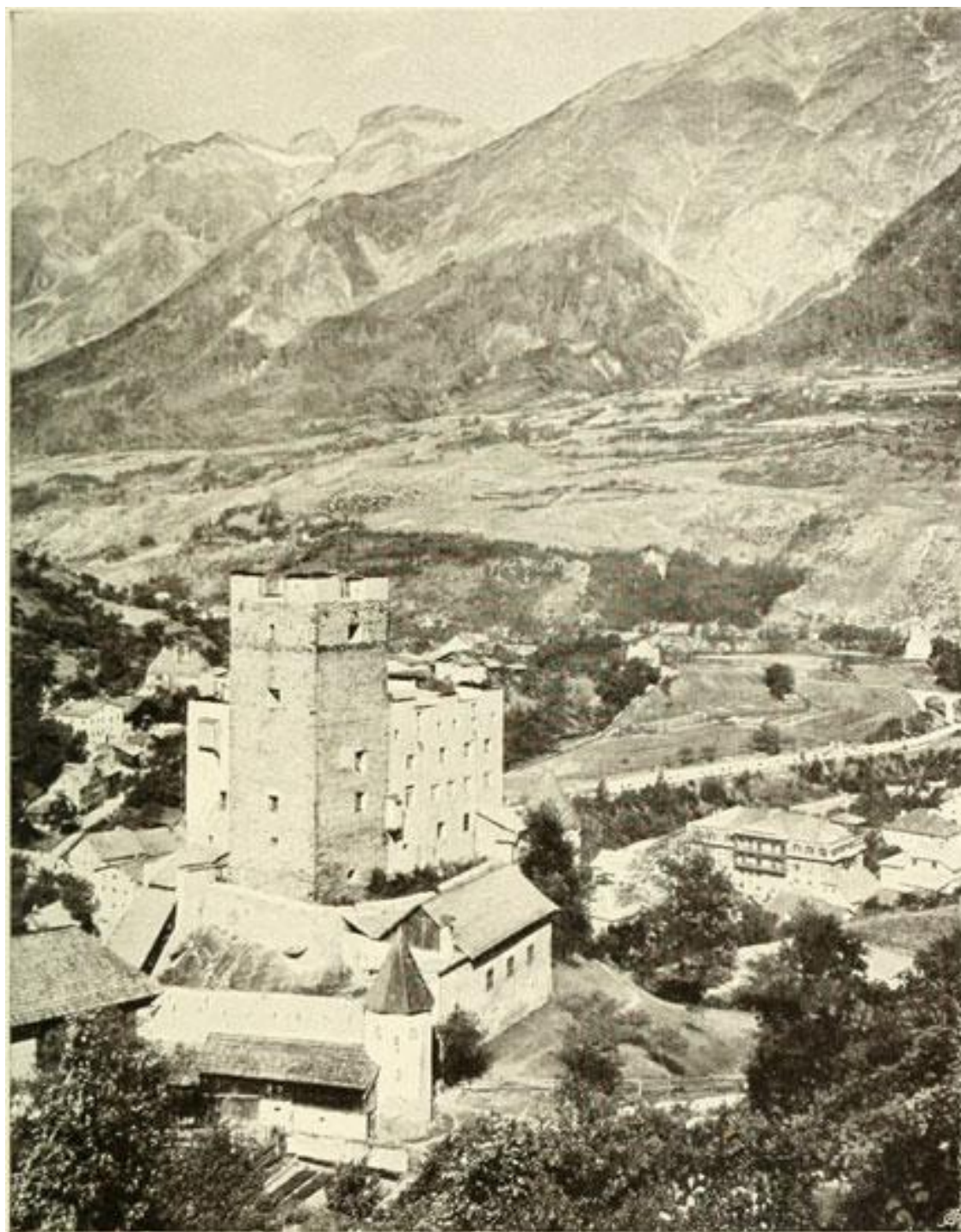
Шпиль церкви, венчающий любопытную двойную луковичу, датируется значительно более поздним временем, чем само здание, которое, хотя и было тщательно отреставрировано около сорока лет назад, было выполнено очень тщательно и с сочувствием и сохранило многие из своих наиболее интересных архитектурных особенностей, включая некоторые очень ранние скульптуры. На церковном дворе, с которого открывается такой восхитительный вид на долину Инн, есть два памятника, которые не должен пропустить ни один человек, интересующийся древностями и историей. Одно посвящено Освальду фон Шрофенштейну и датируется началом пятнадцатого века; другое имеет форму небольшой готической часовни 1870 года постройки, которая была возведена в память о ландекерах, павших при защите итальянской границы в Тироле во время австро-итальянской кампании 1866 года.

ПОБЕДА ТИРОЛЬЦЕВ

Ландек отважно участвовал в войне за испанское наследство в 1703 году, когда Максимилиан, курфюрст Баварский, объединил силы с французами и итальянцами против Австрии и вторгся в Тироль. Тирольцы, всегда готовые быстро собраться для защиты своей

любимой страны, вскоре сделали главную дорогу через Бреннер недоступной для противника, и Максимилиан решил ускользнуть от снайперов, которые кишели на склонах холмов, господствующих в этом направлении, направив свои силы в обход через Финстермунц и Обер-Иннталь. Они достигли окрестностей Ландека без особого сопротивления, но тирольцы собрались, чтобы при первой же благоприятной возможности оспорить их дальнейшее продвижение.

Окружной судья, некто Мартин Стерцингер, быстро собрал все доступные силы ландштурма по соседству и разработал план кампании. Последние должны были позволить врагу продвигаться до тех пор, пока он не войдет глубоко в ущелье, а затем атаковать его так яростно и с такой господствующей позиции, чтобы иметь некоторую надежду — несмотря на их большую численность — нанести им серьезное и окончательное поражение. В результате им разрешили продвинуться в узкое ущелье, дорогу через которое пересекал Понтлатцербруке. Но перед тем, как они вошли в ущелье, мост был разрушен тирольцами. Баварцы, вынужденные преодолевать крутую и узкую горную тропу, когда увидели разрушенный мост, сразу поняли, что попали в ловушку. Крутые склоны холмов над ними были практически неприступны, и теперь, когда мост был разрушен, не было никакой возможности перебраться через ревущую, несущуюся Гостиницу в безопасное место на другой стороне. В последовавшей панике многие пали или были столкнуты с дороги в реку, чтобы их быстро унесло прочь.

ЛАНДЕК И ЕГО ДРЕВНЯЯ КРЕПОСТЬ

Затем внезапно высоты над нами буквально кишели тирольцами, которые оставались в укрытии до подходящего момента для атаки, которые обрушили на сбившуюся в кучу и охваченную паникой массу противника град пуль, дополненный камнями и обломками скал, сброшенными вниз теми, у кого не было оружия. Лишь незначительная горстка солдат смогла повернуть назад и бежать по тропе, по которой они пришли, и они были быстро настигнуты активными горцами и взяты в плен. Как нам сообщили, ни одному из них не удалось сбежать, чтобы сообщить о катастрофе в штаб, и, таким образом, французское и баварское командование в течение некоторого времени пребывало в сомнениях относительно того, что произошло. В конце концов, они узнали, как их значительно превосходящие силы были буквально разрезаны на куски и стерты с лица земли, и,

возможно, также научились относиться к "грубым курткам" Ландека и Инн Тала с большим уважением, чем они это делали раньше. Победа 1 июля, известная среди многих других успехов крестьянской кампании против захватчиков их земли, ежегодно отмечается шествием и *праздником*.

Помимо того, что Ландек является самым интересным маленьким городком, он с каждым годом становится все более популярным среди отдыхающих как прекрасный центр, из которого можно совершить одни из самых восхитительных экскурсий и коротких туров во всем Инн-Тале. Главные из них находятся либо в непосредственной близости от Лотцер-Тала и Медриол-Тала, либо вдоль великолепной главной дороги Финстермунц, ведущей к Сульдону, Трафуа и другим более мелким населенным пунктам. Конечно, здесь также есть знаменитый Стилфсерйох, самая высокая транспортная магистраль в Европе, и красивые деревни и долины Каунсер-Тала, которые приглашают к длительному пребыванию в окружении, которое вряд ли можно сравнить ни с одним другим районом Северного Тироля.

Но можно приятно провести не только дни и недели, но даже месяцы, выбрав Ландек в качестве базы для изучения бесчисленных красивых и почти неизвестных небольших долин и ущелий, которые отходят от долины Инн на север и юг и в первом случае ведут в страну чудес баварского нагорья с его многочисленными старинными королевскими замками, прекрасными маленькими озерами и плодородными, усыпанными цветами пастбищами.

Вскоре после выезда из Ландека по железной или автомобильной дороге пересекаешь границу, отделяющую Обер-Иннталь от Форарльберга. Если следовать последнему, то при приближении к вершине Арльберга, которая находится на высоте 5910 футов над уровнем моря, бросается в глаза огромное распятие, осеняющее дорогу, рядом с которым находятся два столба, отмечающие линию границы. Старая дорога была открыта для движения почти столетие с четвертью назад, но значительная часть той, которая сейчас обычно используется, которая более защищена, была проложена только в 1825 году. По великолепному маршруту через перевал Арльберг можно добраться до Брегенца, и совершить это путешествие в экипаже или пешком - самое приятное, хотя железная дорога после прохождения длинного туннеля очень интересна и живописна.

Однако в настоящее время сравнительно мало туристов и путешественниц тратят время, необходимое для того, чтобы проехать по дороге из Арльберга в Брегенц, и поэтому Блуденц должен быть включен в маршрут, который мы описываем. В маленьком городке, где царит атмосфера суеты и процветания, хотя летом здесь явно жарко, все еще сохранилось значительное количество старых зданий и жилплощадей. Старинный замок Гайенхофен в настоящее время используется в правительственных целях; он является живописной достопримечательностью города.

Блуденц навсегда займет место в романтической истории Тироля благодаря тому факту, что именно сюда прибыл всеми любимый "Фридрих с пустым кошельком", будучи вне закона и опасаясь за свою жизнь. Он сообщил о себе хозяину гостиницы, где искал убежища, который, хотя и был смущен, был рад приютить популярного героя. Его точку зрения разделяли остальные жители города, которые, когда император Сигизмунд призвал их выдать принца, отказались это сделать, сказав: "они поклялись в верности герцогу Фридриху и австрийскому дому и не предадут его".

Фридрих, хотя, несомненно, был тронут лояльностью жителей Блуденца, знал, что если он останется среди них, результатом, вероятно, будет отправка императором войск для его поимки и возможное разрушение города в качестве возмездия. Поэтому он тихонько улизнул, и Блуденц был спасен.

В старом городе стоит побыть несколько часов, и в старых домах и боковых переулках можно найти множество живописных "местечек" для альбома для набросков и фотоаппарата, даже если время не позволит достаточно долгого пребывания, чтобы посетить симпатичный Монфакон-Таль с его легендой о прекрасной девушке, которая жила в горах и охраняла спрятанное сокровище, которое она обречена охранять до тех пор, пока кто-нибудь не наберется смелости трижды поцеловать огромную жабу, живущую неподалеку, а также охраняет богатство, которое должно вознаградить смелого спасителя города. дева.

FELDKIRCH

Фельдкирх - последний важный город на пути в Брегенц. Приятно расположенный недалеко от мрачных ущелий, через которые река Илль несется со все возрастающей скоростью и напором, чтобы впасть в Рейн, он представляет большой интерес благодаря причудливым улочкам и аркадам, которые проходят перед многими домами.

Сам город окружен горами, над ним возвышается старая крепость Шаттенбург, которая сейчас используется как убежище для бедных; и, возможно, по этой причине к ней прибегают реже, чем могло бы быть в противном случае. Однако по соседству можно совершить множество интереснейших экскурсий, а церковь пятнадцатого века - прекрасная, с хорошей картиной "Сошествие с креста" местного художника Вольфганга Хубера и замечательной и красивой кафедрой, обе датируются первыми годами шестнадцатого века. Костюмы тоже иногда можно увидеть в Фельдкирхе, и в одно воскресенье, по случаю праздника, там было довольно много женщин в старинных бобровых шляпах без полей, увенчанных шпилем, по форме напоминающих русский *мужичок* или шляпу гренадера - широкие белые воротники, расшитые корсажи и красивые парчовые фартуки.

Последним местом в Тироле при выезде из него по маршруту Арльберг является самый восхитительный и древний город Брегенц, расположенный на северо-восточном берегу Боденского озера. Это столица Форарльберга, и в этом восхитительном уголке Тироля нет города, представляющего больший шарм или исторический интерес. Над ним возвышается живописный Геххардсберг, с вершины которого открывается один из самых знаменитых панорамных видов в Тироле, охватывающий прекрасное озеро, горы Аппенцель и быстро текущий Рейн.

В Брегенце действительно два города. Старый город в форме четырехугольника, стоящий на холме, который много веков назад был местом римского поселения и замка, с двумя древними воротами, одни из которых снесены; и новый город с его тенистыми аллеями, набережной, современными зданиями и атмосферой суеты во время туристического сезона.

ЛЕГЕНДА О БРЕГЕНЦЕ

Несмотря на его необычайно красивое расположение, в Брегенце есть многое, что может заинтересовать и задержать внимание. Это действительно древнее место, с которым связано много истории, в том числе романтической. Действительно, в средние века правители города и округа были настолько могущественны, что их дом снабдил императора Карла Великого невестой, о которой существует легендарная и в высшей степени романтическая история.

ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ, ТИРОЛЬ

Из этой истории следует, что Карл Великий обладал более чем обычной подозрительностью и ни в коем случае не был одним из тех покладистых мужей, с которыми мы знакомы по средневековым сказаниям. Старый любовник Хильдегарды, увидев ее замужем за императором с большим душевным смятением, в своем гневе на нее за то, что она предпочла даже императора себе, добился внимания Карла Великого и настолько преуспел в том, чтобы настроить последнего против своей невесты, что он либо развелся, либо отрекся от нее и женился на ломбардской принцессе по имени Дезидерата.

Безропотно приняв свою судьбу, Хильдегард в конце концов нашла дорогу в Рим, где посвятила себя уходу за больными, и особенно за больными паломниками, которые

приходили в "Вечный город". Согласно легенде, со временем ее мстительный возлюбленный, чье имя Таланд почти так же распространено в Тироле, как имя Смит в Англии, потеряв зрение, отправился в паломничество, и, находясь в Риме, за ним ухаживала Хильдегарда, "чьи нежные и святые руки, - говорят нам, - не только восстановили его физическое зрение, но и моральное восприятие добра и неправды".

Его так охватили угрызения совести, когда он узнал, кому по воле Провидения он обязан восстановлением зрения, что он признался в своей вине Хильдегарде и настоял на том, чтобы сопроводить ее к Карлу Великому, которому он также признался и доказал, что Хильдегарда была невиновна. Император немедленно вернул ей благосклонность и почести.

В другой истории, связанной с Брегенцем, которая стала темой стихотворения покойной Аделаиды Энн Проктор, сохранился эпизод, связанный с героическим поведением женщины из Брегенца, спасшей город от неожиданности и разрушения швейцарцами. Существует несколько версий этой истории, которая датируется 1408 годом, но, вероятно, поскольку она носит легендарный характер, та, что приведена в балладе, столь же верна, как и любая другая.

К сожалению, сегодняшние жители Брегенца, похоже, мало знают об этой героине; и однажды, когда мы посетили город и искали изображение Девушки и ее коня на воротах старого замка или стенах верхнего города, мы не смогли его найти. Казалось, никто не знал историю о "Деве из Брегенца", а пожилая дама, у которой был временный прилавок за воротами для продажи пирожных и других прохладительных напитков, стала весьма раздражительной, когда мы настаивали на том, что там должна была быть "Дева" и что она (пожилая дама) должна была знать легенду.

- Никакой "Девы из Брегенца" не существует, - наконец сердито сказала она. Добавив после паузы, в течение которой она оглядывала нас с ног до головы, как будто решая, кто мы по национальности: "Но сумасшедшие англичане сотни раз спрашивали меня о ней. Я ничего не знаю. Больше нечего сказать.

И с этими словами она вернулась к чтению газеты, которую читала, когда мы к ней обратились, и нам пришлось довольствоваться этим.

Мы спускались по несколько неровной и крутой дороге в нижний город немного удрученные, хотя вид на озеро в лучах послеполуденного солнца июльского дня был неописуемо восхитительным, вода была темно-синей и зеленой в пятнах, а прибывающие и отбывающие лодки и пароходы оставляли за собой пенисто-белые или покрытые рябью следы почти до тех пор, пока они сами оставались в поле зрения. Мы пришли к одному решению. В будущем следовало не слишком углубляться в такие красивые и поэтичные истории, как "Дева из Брегенца", и не позволять нашему стремлению к легендарным или антикварным знаниям подвергать себя риску дальнейшего разочарования.[\[28\]](#)

Мы не нашли изображения "служанки и ее молочного-белого коня", на котором она пересекала швейцарскую границу и переплыла Рейн, чтобы предупредить обитателей своего старого дома о готовящемся нападении швейцарцев, среди которых она поселилась в услужении. Мы выяснили, что добродушный владелец отеля Oesterreichischer Hof слышал о "Горничной". Увы! не от его односельчан (которые должны были бы бережно хранить память о ней), а, как и пожилая леди в верхнем городе, от английских туристов, которые, несомненно, поднимались по крутому склону с такой же целью, что и мы.

"Горничная" или не горничная, однако Брегенц восхитителен и вполне заслуживает титула "жемчужина Форарльберга", которым его наградили. В его причудливых старых улочках, в монастыре капуцинок, который является столь заметной достопримечательностью, стоящей на поросшем лесом холме Гебхардсберг, и в его прекрасной церкви к югу, на другом возвышении, с древней, потрепанной непогодой башней, есть много интересного. Место, безусловно, живописное, и эффект значительно усиливается близостью озера, которое простирается перед городом до прекрасной Констанцы вдалеке.

ПРОЩАЙ, ТИРОЛЬ

Покидая Тироль через прекрасный Брегенц, омываемый водами одного из самых восхитительных швейцарских озер, человек уносит с собой последнее впечатление, благоухающее воспоминаниями о гостеприимной расе, очаровательных пейзажах и бесчисленных вещах, представляющих исторический, художественный и антикварный интерес. Действительно, нет других ворот, через которые человек предпочел бы покинуть эту "Страну в горах", которая, пока еще не испорченная толпами туристов, общей утонченностью и проистекающим отсюда упадком, манит возвращаться в нее снова и снова.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ WILLIAM CLOWES AND SONS, LIMITED, ЛОНДОН И БЕККЛЗ
СНОСКИ

[1] Несколько известных авторитетов до сих пор отказываются принять эту теорию.

[2] Также называется Айсаком.

[3] Моммзен в своем "Латинском корпусе надписей".

[4] W. Von Rodlow.

[5] Мы бы добавили, что эта точка зрения на происхождение названия страны оспаривается некоторыми властями.—С. Н.

[6] Некоторые авторитетные источники оспаривают это, но, похоже, так оно и было.—С. Н.

[7] In "Etrusker," Einl. 3, 10 et seq.

[8] "Über die Urbewohner Rätians und ihren Zusammenhang mit den Etruskern."

[9] Или украшение.

[10] See Zoller's "Geschichte der Stadt Innsbruck."

[11] Некоторыми авторитетными источниками утверждается, что работа была выполнена Андреа Кривелли из Трента.

[12] See Klöppel's "Maximilian."

[13] Это так, как указано у Бедекера, и является точкой зрения нескольких авторитетов, хотя ни в коем случае не определенной.—С. Н.

[14] Некоторыми авторитетными источниками утверждается, что император никогда не был поставлен в известность о женитьбе Фердинанда.—С. Н.

[15] Босния и Герцеговина были недавно аннексированы.

[16] Для получения более подробной информации об истории замка см. Интересный отчет Прокопа.—С. Н.

[17] Некоторые авторитетные источники утверждают, что Плейер был из Зальцбурга или Зальцкаммергута.

[18] А Некоторые авторитетные источники утверждают, что ее звали Катерина Ланц, и что примерно с 1820 года до своей смерти в 1854 году она жила экономкой у священника в Сент—Вирглиусе близ Роста, высоко в долине Эннеберг.-С. Н.

[19] "Ад" Данте, Песнь XII, строки 1-12.

[20] Указанные высоты указаны в последнем издании книги Бедекера "Восточные Альпы" и публикациях Венского и австрийского альпийских клубов.

[21] У. А. Бейли Громан, "Тироль: земля в горах".

[22] Утверждается, что император сам тренировался и сделал первый выстрел.

[23] Мистер У. А. Бейли-Громан.

[24] В одном сообщении говорится, что саму карету тянули четыре тысячи лошадей!

[25] Некоторые авторитетные источники указывают 1580 год.—С. Н.

[26] По странному совпадению, в то время как на самом деле писалось следующее описание этой интересной и очаровательной деревни, известие о ее почти полном уничтожении пожаром дошло до автора, что потребовало опустить некоторые детали. Многие дома, однако, были перестроены во многом в том же стиле, что и раньше. —К. Х.

[27] Некоторые авторитетные источники указывают дату на несколько лет раньше.—С. Н.

[28] Возможно, что стихотворение мисс Проктор ("Легенда о Брегенце") основано на легендарной истории об Эре Гуте, который, как считается, спас крестьян района Брегенц от нападения аппенцеллеров где-то в начале пятнадцатого века.—С. Н.